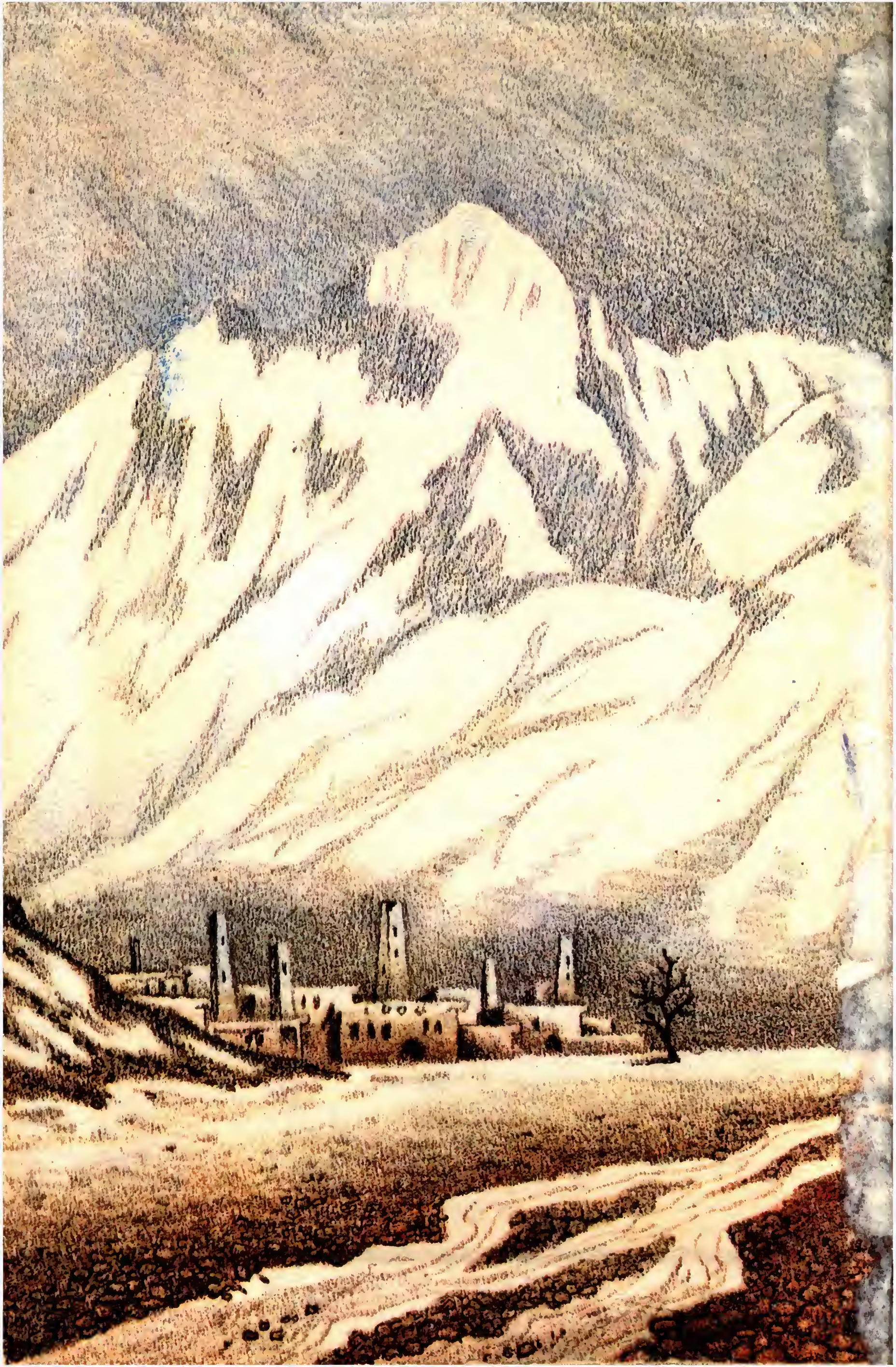
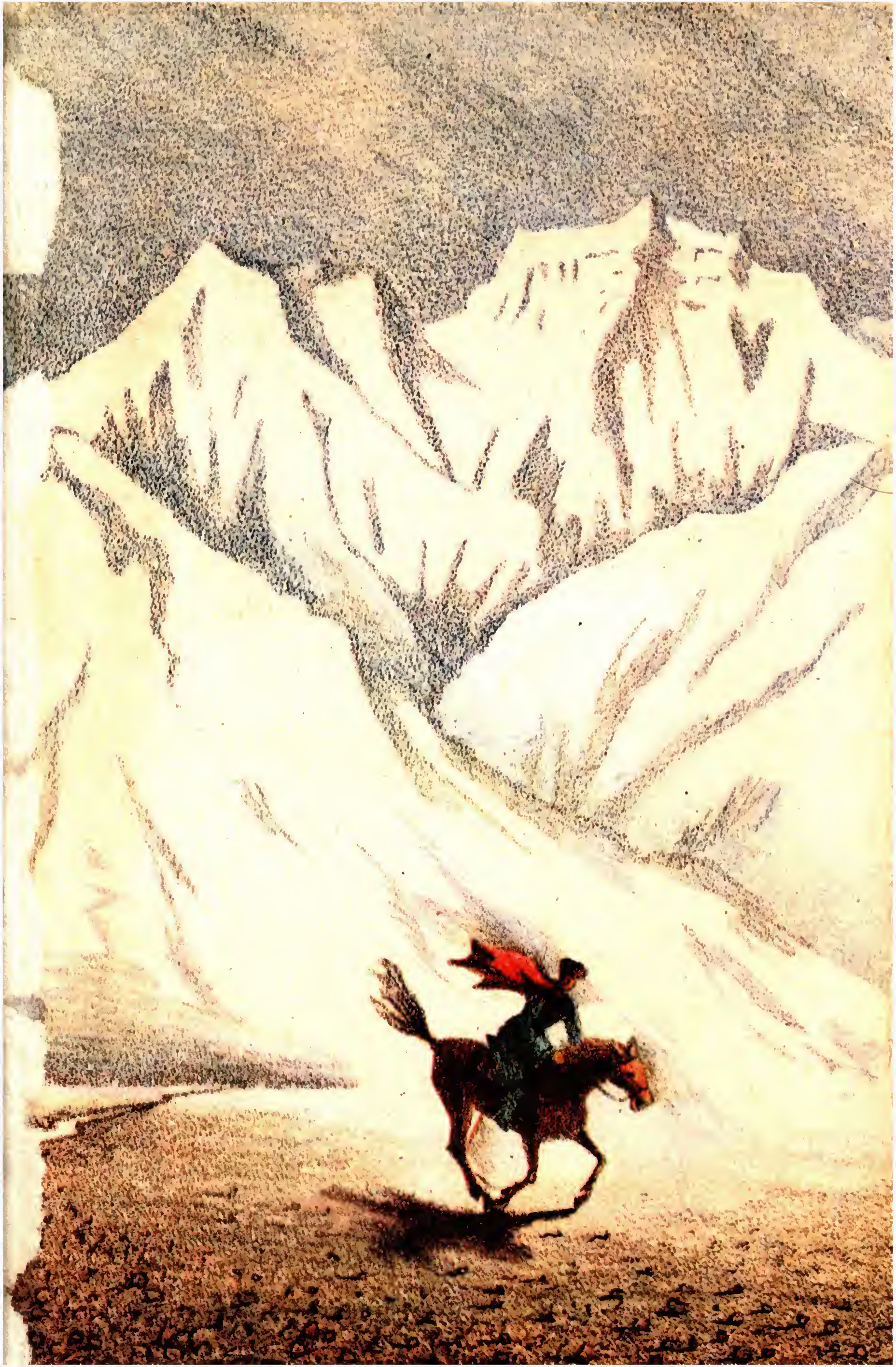
АЛИМ КЕШОКОВ

САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

АЛИМ КЕШОКОВ

САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

АЛИМ КЕШОКОВ

САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

РОМАН

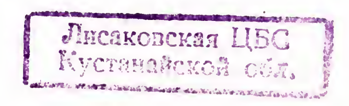
МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982

Алим Кешоков — известный советский поэт и прозаик, автор историко-революционного романа-дилогии «Вершины не спят», отмеченного Государственной премией СССР, романов о Великой Отечественной войне — «Сломанная подкова» и «Грушевый цвет», книги о жизни молодежи современного арабского Востока — «Восход луны».

«Сабля для эмира» — новое произведение А. Кешокова, во многом явившееся углублением его дилогии «Вершины не спят», связанное с ней единой темой, общей сюжетной линией, но имеющее самостоятельное художественное значение, дополняющее исторический диапазон дилогии. В романе отражены: период борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе и окончательная победа над контрреволюцией.

Художник

ГЕРМАН ПАШТОВ

К $\frac{4702220000-167}{083(02)-82}$ 267—81.

КНИГА ПЕРВАЯ

КАВКАЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ЦАРЬ СЕДЛА

«Коль повезет — не останешься внакладе: получишь если не коня, так седло» — было любимой присказкой Жираслана. На сей раз счастье изменило князю. В кровавой стычке с абреками Залим-Джери Аральпова Жираслан метким выстрелом наповал уложил главаря, но разрывная пуля угодила и ему в грудь. Восстание против большевиков было подавлено. А князь Жираслан лежал теперь в повозке на подстилке из свежей травы, не подавая признаков жизни. Красноармеец-балкарец Хабиж и старик Казмай нахлестывали волов и натерпелись страху, пока арба не вырвалась из ущелья на простор, не вкатилась в аул Шхальмивоко.

В ауле царили мир и спокойствие. Только мальчишки носились стаей, играя в бойцов-командиров. Сын учителя Баташева, десятилетний Лю, запомнил слова русских команд, когда красные командиры обучали новобранцев на поляне между двумя жаматами, и теперь радостно выкрикивал их, не зная, что на арбе везут тяжелораненого, показывал себя, визжал: «Правое плечо вперед, шагом марш... кругом...» Глядя на их баловство, Хабиж облегченно вздохнул: значит, вокруг все тихо. И арба проскрипела мимо ребятишек.

Суровая, убитая горем жена Жираслана Лейла встретила повозку у самых ворот. Маленькая Тина, приживалка бездетной княгини, тряслась от страха, прячась за длинную юбку хозяйки. Княгиня, кутаясь в большой черный платок, горестно прикрывала рукой дрожащие губы и прыгающий подбородок, чтобы не выказать отчаянья.

— Да не обойдет аллах милостью твоего благоверного! — Казмай, повернувшись лицом к волам, чтобы

арба ступицей не задела ворот, не причинила лишней боли раненому, тянул на себя поводья. — Бандиты, увидев его, разлетелись, как стая ворон. А вожака князь уложил, — приговаривал старик, не глядя на женщину.

Жираслан лежал в забытьи под обветшавшей от времени буркой, жадно ловил воздух запавшими ноздрями, его обычно зоркие узковатые глаза были теперь чуть приоткрыты, лицо сурово, словно на нем застыл гнев схватки, когда лицом к лицу встретился он с Аральповым, глянул в дуло бандитского маузера.

Безусый низкорослый Хабиж в латаной-перелатаной черкеске, потерявшей цвет, в суконных ноговицах, собравшихся у щиколотки гармошкой, в старомодной шапчонке «соннике», какие старики надевают на ночь, сохранял бодрость духа благодаря добротному кинжалу на поясе и патронной сумке с тремя обоймами.

— Жив? — дрожащим голосом спросила Лейла.

— Стонал в дороге, — Хабиж опередил старика. — Слава аллаху, стонал. Не был бы живой, не стонал...

— Всевышнему будет угодно — встанет на ноги. Аллах не уберег его от бандитской пули. — Казмай вплотную подвел арбу к дому, остановился. — Но даст отомстить за себя. Пролитая кровь пламенем вспыхнет, опалит усы кое-кому. Так опалит, что и голова недруга пеплом станет.

— Один аллах ему защита. Ни брата у него, ни детей... — голос женщины осекся.

— Прикажи, аллахом убитая, куда его?

Женщина не сразу опомнилась.

— Сейчас приготовлю постель. — Она заторопилась в дом, приподнимая волочившуюся по земле черную юбку, решая на ходу, положить ли раненого в комнате или на веранде, на кушетке, крытой узорчатой кошмой.

— Аллай Жираслан родился в сорочке, — в который раз повторил Хабиж Казмаю. — Аральпов стрелять умел. Ох, умел!

— Талисман, — вполголоса толковал парню старик, — у него талисман из Стамбула. Сабельные удары отводит. Князь, когда шел на дело, завсегда талисман

брал с собой. Вот и жив остался, не то предстал бы перед соро́, загробным судьей.

В подтверждение своих слов старик вспомнил Зольское восстание в канун германской войны, когда Жираслана понесло в самое пекло. На отгонных пастбищах схлестнулись горские скотоводы и коннозаводчики. Военный министр Сухомлинов, предвидя войну с Германией, отдал распоряжение готовить лошадей для царской армии; правитель Кабарды — коннозаводчик полковник Клишбиев — вдохновился, почуял за своей спиной силу военного министра и вместе с единомышленниками решил захватить лучшие пастбищные угодья в горах. Скотоводы заупрямились: нет, испокон веку высокогорные пастбища общественные — и стали сгонять со своих земель косяки коннозаводских лошадей, не боясь табунщиков, вооруженных винтовками. Тут-то и пошла пальба. Эхом отдававшаяся в горах, она уподобилась громовым раскатам. Жители аулов бросились на помощь своим джигитам, табунщикам, пастухам и чабанам. Началось Зольское восстание. Перепуганные хозяева конных заводов обратились к царю за помощью, которая не заставила себя долго ждать. Кавалерийские части, расквартированные в близлежащих городах, были брошены на подавление восставших.

Жираслан, которого не интересовали пастбищные угодья, старался в ту пору высмотреть, кто успел поставить тавро на лошадей, а кто ждет благоприятной погоды. В последние годы ему становилось все трудней сбывать лошадей с выжженным фамильным клеймом: наученные горьким опытом покупатели требовали доказательств, что лошадь принадлежит именно продающему, а если брали на свой страх и риск, без документа, так за полцены. Истинные хозяева прибегали к разным хитростям, клеймили коням и правую и левую ляжки, бывало — и с внутренней стороны, клеймили даже лопатки. Этой мучительной процедуре скот подвергался перед отгоном на горные пастбища, а в тот год весна выдалась ранняя и многие жители долин, боясь, что кровавый ожог могут заразить мухи, рана загниет и ослабевшее на зиму животное погибнет или не дойдет до пастбища, клеймили скот уже в горах, где воздух чист и прохладен.

Жираслан ездил от коша к кошу, приглядывался к табунам, пользовался гостеприимством скотоводов, охотно принимавших князя. Табунщики, наоборот, настораживались, завидев неуловимого конокрада вблизи своих косяков, но, тая страх, зазывали его к себе: дескать, только меня не трогай, а Жираслан, примериваясь к коннозаводским лошадям, заодно замечал, что у табунщиков за спиной болтаются винтовки. От скакуна удерешь, а от пули?.. Осложнялось исконное ремесло, приходилось тщательно все разведывать, прежде чем решаться на риск.

После двухдневной перестрелки горские скотоводы решили послать депутацию к командованию карательных войск для переговоров. Владельцы табунов обратились к Жираслану с просьбой возглавить депутацию, зная его красноречие. Князь упирался недолго, поездка давала ему возможность закинуть удочку интендантам: не хотят ли они по сходной цене приобрести элитных скакунов для господ офицеров? Узнав, что депутацию возглавляет горский князь, командование согласилось на переговоры, не подозревая, что Жираслан ничего не унаследовал от своих предков, кроме сословного титула, обернувшегося для него бедствием. Ибо он не мог работать и жить, как остальные, он обязан был по традициям рода угонять коней. В этом Жираслан не находил ничего зазорного, но это сделало его рабом удачи. Чем дальше, тем хуже ему везло, голодных дней становилось больше, сытых — меньше.

На переговорах Жираслан добивался отвода войск с пастбищ, добивался порядка, пока границы пастбищных угодий как для горцев, так и коннозаводчиков не будут определены. Князь взял сторону горцев, а не коннозаводчиков, и тем снискал неприязнь «власть предержащих». Пока шли переговоры, перестрелка вспыхивала то в одном ущелье, то в другом, и Жираслану приходилось, рискуя жизнью, успокаивать противников. Не одна пуля просвистела над его головой, папаха из золотистого каракуля оказалась продырявленной, но князь был человеком слова. И вот теперь месть настигла его...

— Несите в дом, — сказала жена, еле сдерживая рыдания. — На кушетку положите, на кушетку...

Казмай и Хабиж осторожно подняли раненого.

— На кровать бы его, мягче будет,— сказал Казмай, с трудом поддерживая князя под спину. Он подумал, что женщина жалеет постель, — как бы Жираслан не залил ее кровью.

— Мой муж всегда презирал мягкое, спал на бурке, он привык не к пуховой подушке — клал под голову седло. — Лейла, не называя мужа по имени, как и полагалось по горским обычаям, причитала: — Он всегда был на виду у бога, тот прикрывал его от пуль, от сабельных ударов, конь его мчался быстрей, чем кони недругов, его рука выхватывала саблю из ножен скорей, чем гром высекал молнию из облаков... Аллах благоволил к нему.

Испуганная Тина, сиротка, делившая с княгиней одиночество, тихо скулила у очага, закрывшись худенькими ладонями, будто своим плачем могла разбудить князя или причинить ему боль.

Казмай и Хабиж, уставшие и оголодавшие за долгую дорогу, поспешили уехать, не в силах чем-нибудь еще помочь княгине. Тина закрыла за ними ворота и накрепко заперла, будто к ним грозила ворваться новая беда. Она не решилась снова пробраться к очагу, стояла за дверью; княгиня села на край кушетки, впилась в мужа взглядом.

— Открой, сокол мой, глаза. Да укоротится жизнь того, кто укоротил тебе стремена. О, убитый аллахом царь седла! Не прячь своего гнева. Да померкнет свет в доме того, кто погасил радость мою...

Раненый лежал неподвижно, в его груди слышался глухой клекот, похожий на далекие раскаты грома, — видно, кровь скапливалась в ране и мешала дыханию.

Следуя обычаю — не показывать своего горя на людях, женщина до сих пор подавляла распиравший ее плач, теперь она дала волю слезам, рыдала в голос, приложив ладони к щекам, плач ее переходил в стенание, в глухой речитатив, который называется «языком горя» — гыбзой; так с давних пор горянки изливали свою печаль в песнях, ставших потом народными. Может быть, в этот день у княгини и родилась бы песня, если бы она знала, что случилось. Жираслан мог увести бдительно охраняемого знаменитого скаку-

на и исчезнуть с ним, провалиться как сквозь землю, мог оказаться в ловушке, умело расставленной хитрым владельцем коня, мог исчезнуть из виду на много дней, успеть за это время умыкнуть красавицу, окруженную высокой стеной непомерного калыма, осчастливить родовитого, хотя и обедневшего жениха, примирить родичей молодой супружеской пары, затем неделю пировать на свадьбе и быть тамадой, угнать косяки коней, взятых у жителей для воинской части или конского ремонта, и вернуть их за небольшую мзду или подарить горцам, укрывшим его от преследователей. За Жирасланом ходили легенды. О нем давно пелись песни, слагались народные рапсодии. В одной из них он удостоился прозвища «паши джигитов». «Кто самый достойный в ауле? Тот, к кому ездят самые дальние гости»... — так начиналась эта песня. Однажды к Жираслану заехали джигиты, рассказывалось в ней, едущие с дальних морских берегов. Молодых гостей князь принял с почетом, усадил за маленькие круглые столики о трех ножках, по рукам пошла пенистая чаша. Зашумело в головах у молодых джигитов, полилась через край похвальба — об удали, о конях, что угнали они у безоружных табунщиков, дремавших в седле, о погоне, что им удалось обмануть, заметая ловко следы.

Не понравилась похвальба Жираслану, но хозяин не прервал застольного разговора. Едва гости ускакали со двора, князь окольным путем поспешил вслед на несравненном скакуне Арабкане: молодые конокрады, что гостили у него, в полночь погнали косяк лошадей к низовьям Терека. Жираслан нагнал их, гикнул, дал очередь из ручного пулемета. Те с перепугу помчались прочь во весь дух, князь черным коршуном налетел на отставшего, схватил его за правое стремя, приподнял и выкинул из седла, второго рванул за левое стремя — и тот кувыркнулся под копыта, третий мчался, не зная, что делается сзади, но вскоре и он оказался носом в пыли, а косяк вместе с тремя оседланными скакунами несся дальше.

Недолго гнал лошадей Жираслан, вернулся назад, спрятал свою добычу в узком ущелье, а через некоторое время вернул косяк молодым джигитам. Посрамленные юнцы поклялись никогда не хвастаться при

Жираслане, славном паше конокрадов. Не было свадьбы или праздника, где бы не распевали эту песню, аульские рапсоды для назидания вставляли в нее имена незадачливых парней для публичного осмеяния их хвастливости, и нередко пение кончалось потасовкой, а то и кровопролитием. Песня жила рядом с жизнью.

А сегодня Лейла не знала, кто и почему ранил ее мужа, ей не было понятно, по какой причине Жираслан взял сторону предводителя большевиков Инала Маремканова, ушел от себе подобных, которым большевистская власть не сулит ничего доброго. Такого не прощают конокрады. Они еще вернутся, если узнают, что он остался жив. Да будет аллах ему защитой. Но почему старый Казмай и Хабиж повезли раненого не в больницу, а домой? Может быть, нет надежды на его спасение? Тревога пробудила в Лейле решимость, она должна была показать, на что способна женщина, преданная мужу. Сейчас не до песен!

— Тина! — Лейла собралась с духом, поправила свой черный платок. — Тина! Ты что за дверью прячешься? Скорей к Чаче! Зови знахарку сюда. Пусть прихватит целебные травы.

— У нас есть травы. В кубышке. Помнишь, мы с Чачей собирали? — Тина робко переступила порог. Ее худенькие ножки, которые княгиня окрестила «палками нищего», подкашивались, дрожали и тоненькие ручки, и слова прыгали, словно она выталкивала их изо рта.

— Те засохли, потеряли силу. Нужны свежие. Скажи: князь на распутье между жизнью и смертью, собственную душу окликает, не дозовется...

Тине не пришлось далеко бежать.

Прослышав о случившейся беде, Чача со всей своей «аптекой» сама неслась в дом Жираслана. Она отыскала самые редкие кровоостанавливающие травы, приготовила сильный отвар дубовой коры, разные настои, мази у нее были всегда наготове, только дай бог, чтобы не приехал русский врач. Чача сама поставит князя на ноги.

Дойдя до крыльца, знахарка запричитала во всеуслышанье:

— О, печальная моя княгиня! Да обернутся капли крови, что пролил царь седла, годами его долголетия... — Увидев Лейлу на пороге, Чача заголосила сильней: — О, горестная Лейла, не с шелками вернулся домой твой благоверный, не с алмазами в золотой оправе. Владыка твоего сердца вернулся с пробитой грудью. Пусть молния сразит того, кто вышиб светлоликого из седла, перебил крылья горному орлу...

Лейла молча впустила Чачу в дом.

Прочитав молитву, та с величайшей осторожностью размотала немудреную повязку, наложенную впопыхах и кое-как, и ужаснулась: в боку открылась зияющая рана. Видавшая виды Чача не представляла, как опасна эта рана, но старалась не показать испуга, хотя ее костлявые руки с длинными темными пальцами дрогнули. Она быстро овладела собой, сосредоточилась, чтобы не допустить ошибки. Большая веранда наполнилась тошнотворным запахом крови. Сквозь цветные стекла пробивалось заходящее солнце. На бледном, заросшем черной бородой лице Жираслана заиграл зеленый луч. Жираслан не приходил в сознание, и знахарка поспешила наложить на рану приготовленные целебные листья, чтобы скрыть от княгини торчащие ребра и скрученные жгутом лоскутки кожи.

— Целились-то куда? В самое сердце! — бормотала Чача. — Слава аллаху, цело сердце. Целехонько, шевелится, гонит кровь по жилам. — Чача колдовала над раной, прикладывала тряпочку, смоченную в настое трав, и к запаху крови прибавились пряные запахи зелий, самогона. Хозяйка повесила над очагом казанок с водой. Тина оказалась хорошей помощницей, безошибочно подавала травы, мазь или настой. Увлеченная врачеванием, Чача не заметила, как погасли разноцветные лучи солнца на веранде.

— Остальное в руках всевышнего. — Чача повернулась к медному тазику и стала мыть костлявые, длинные руки со склеротическими венами, казалось лежащими поверх кожи. Хозяйка сливала ей, поглядывая на Тину.

— Собери ребят на шопшако, — распорядилась она.

Тина слышала о шопшако, когда в доме раненого молодые устраивают шумную вечеринку, чтобы не дать раненому уснуть. Ведь злой дух уводит душу во сне,

он по ночам бродит вокруг дома, садится на крышу в обличье совы и кричит истошно, накликая смерть. Говоря о шопшако, княгиня, может быть, имела в виду не злой дух, которому не появиться там, где царит веселье, а недругов Жираслана. Незыблем закон: око за око, зуб за зуб, или, как говорят кабардинцы, лишившего тебя зрения лиши жизни.

— Сходи к Темботу, сыну Астемира. Он слывет кузнецом, пусть лемех от плуга подвесит над нашим очагом, железного хлама у него хватает, или еще лучше пригласи сюда обоих братьев, и Тембота и Лю, и попроси их зазвать к нам парней да девушек самых развеселых, смешливых, затейных. Поняла?

— Поняла. — У Тины разгорелись глазки. Еще бы! Пойдут частушки, разные шуточки, на таких вечеринках молодежь расходится вовсю, а Тина будет хозяйкой.

— А ты не оставляй меня, — попросила княгиня Чачу. — Вдруг твоя помощь понадобится, чует мое сердце недоброе, посиди со мной, вдвоем легче коротать ночь, — чуть не со слезами умоляла она, боясь оставаться с раненым еще и потому, что ночью могли заявиться недруги Жираслана. Правда, против них Чача никакая не защита, но все-таки живое существо, способное неусыпно дежурить до утра. У знахарки собачий слух, да и сами бандиты нередко прибегают к ее помощи, берут у нее лекарства, а то и приглашают ее в горы, в пещеры, где она тайно лечит раненых, больных. Знахарку они не обидят.

— Боже, из остатка моей жизни возьми три дня, прибавь их Жираслану, — возгласила Чача и, поймав взгляд княгини, продолжила: — Три дня и три ночи проживет — с божьей помощью встанет на ноги.

— О, если бы так! За три дня я б отдала три года моей жизни.

Хрипы в груди были единственным признаком жизни Жираслана. Он был как хлебное зерно на острие меча, когда от малейшего дуновения ветра оно может упасть в ту или иную сторону. Женщины перебрасывались словами, просто чтобы удостовериться, что никто из них не спит, кроме Тины, давно уронившей головку на коленки.

2. ШОПШАКО — ОТВЛЕЧЕНИЕ ОТ БОЛИ

На шопшако к Жираслану слетелись шумной ватагой парни, ребята, девушки с гармонисткой, детишки — все, кого хлебом не корми, дай пошуметь, скоморошничать, гримасничать и потешаться; сыновья Астемира — Тембот и Лю — притащили кусок рельса, служивший в кузнице наковальней, подвесили его у очага. Каждый входящий мог оповестить о своем появлении ударом по рельсу, озорники состязались, кто сильнее ударит, зная, что хозяйка вознаградит того, чей удар приведет раненого в сознание. Народу собралось много, не все могли протиснуться в комнату, где теперь лежал пышущий жаром Жираслан, многие остались на веранде. Тина с удовольствием распоряжалась, давала поручения Лю; Тембот надел маску козла с рогами, как на свадьбе, получив право ущипнуть девчонок, заставить их визжать, он садился верхом на парней, бодал рогами иного молчуна, чтобы встряхнуть его, шутки-прибаутки сменялись пением и танцами. Парень-балагур, обладавший хорошим голосом, пел частушки, четверостишья, кебжек, остро высмеивая недостаток, подмеченный у кого-нибудь из присутствующих, и тем вызывал общий хохот, крики, визг; воспевая достоинства девушек, импровизатор явно преувеличивал, поэтому его остроты вызывали нешуточный спор, который находил окончательное разрешение где-нибудь в зарослях сада. На шопшако разрешалось петь даже непристойные песни, лишь бы они смешили собравшихся.

Хозяйка была рада, что в доме полно юношей с кинжалами и пистолетами и веселье льется через край: пожалуй, те, кто стрелял в Жираслана, не рискнут появиться. Правда, Чача острым глазом заметила двух мужчин, мрачных и грубых, не похоже, чтобы они пришли повеселиться, но знахарка промолчала: молодцы, оба при кинжалах и наганах, расталкивая ребят, пробрались чуть не к изголовью раненого, убедились, что

Жираслан еще не пришел в сознание, и молча исчезли в сутолоке.

Шопшако было в полном разгаре, когда во дворе появилась молодая женщина, одетая по-городскому, хотя обликом и походила на горянку. Гости приняли ее за дальнюю родственницу, приехавшую проведать больного, и, конечно, поддали жару для большего веселья. Княгиня, выглянув в окно, испугалась: до нее и раньше доходили сплетни, будто у Жираслана где-то есть вторая жена, которую он тайно навещает, — об этом она не допытывалась у мужа, ведь шариат разрешает мужчине иметь четырех жен. Если приехала вторая жена, первая остается хозяйкой дома, хотя гостья выбрала не лучшее время для посещения. Лейла старалась укротить свой гнев, помня, что она значительно старше мужа и к тому же бесплодна, и заставила себя выйти навстречу молодой женщине.

Оказалось, из больницы приехала доктор Мариам, чтобы помочь больному, а если надо, прооперировать его. Шумному веселью Мариам нисколько не удивилась, зная обычаи горцев. Со снисходительной грустной улыбкой она смотрела на ребят, заполнивших двор, покорно идя за Лейлой, в которой сразу угадала жену раненого.

Тембот, полагавший, что во всей Кабарде есть один только доктор — Василий Петрович (не зная, что он-то и прислал Мариам), не снимая козлиной маски, взял у гостьи дорожный несессер и пошел впереди, приплясывая для смеху, кланялся гостье, делая вид, будто жует траву, поводя рогами, похожими на горские сабли. Ребята визжали от восторга. Они ожидали похвал от гостьи, надевшей белый платок с красным крестом и белый халат. Но вместо того, чтобы восхититься весельем, приезжая сказала:

— Я знаю, что это за обряд, но вы мешаете мне, на время прекратите свое веселье. Вы не понимаете, сколько страданий причиняете больному, ему минута покоя дороже всяких лекарств, поэтому, милые ребята, девушки, отдохните немного. — Гостья подвинула стол к кушетке, на которой пластом лежал Жираслан, вынула блестящие хирургические инструменты, склянки, белоснежные салфетки, приготовилась к перевязке.

Тембот вопросительно глянул на княгиню.

— Ты оставайся, поможешь нам. Остальные пусть выйдут на улицу. — Слова хозяйки означали, что она согласна с гостьей. — Пусть веселятся во дворе, бить в рельсу пока не надо.

Парни и девушки не хотели идти во двор, сопротивлялись, им бы посмотреть, как красивая женщина будет резать мужчину — делать операцию. Они завидовали Темботу и Лю, которым предстояло увидеть все это своими глазами, но пришлось подчиниться.

Княгиня следила за докторшей, от ее ревнивого взгляда не ускользало ничего — ни камышового цвета кожа девушки, ни гибкий стан, ни стройные ножки, ни груди — два яблока, тугие, молодые! Откуда Лейла могла знать, что докторша случайно оказалась в больнице? Возвращалась из Петербурга домой, а терские казаки блокировали в это время Грозный (потом весь Кавказ узнает, что это была стодневная война революционных рабочих и терских белоказаков). Просидев с отцом на станции Прохладной больше недели, она предпочла устроиться в больницу в Нальчике, чтобы переждать, когда дорога в ее родной поселок Ведено откроется. Полтора месяца уже она работала в больнице, а грозненские рабочие все не сдавались, отбивали атаки терских казаков.

Глядя на ловкие движения докторши, Лейла воспряла духом, поверила в исцеление мужа. О, сколько раз она предупреждала его: не говори «Моя жена глупа, моя собака бешеная», хула мужа не красит жену, а бешеную собаку убивают... И вот произошло то, от чего она его предостерегала. Получив задание от Инала Маремканова, Жираслан спустился в ущелье, нашел дом, где бражничали бандиты; чтобы обмануть их бдительность, принял приглашение сесть за пиршественный стол, за которым уже кипели страсти. Жираслану не пришлось долго искать повода для ссоры с Залим-Джери Аральповым, ставшим телохранителем главного бандита Сараби Ахметова. «Какой ты князь! Свой титул превратил в калым, отдал за холопку», — имея в виду низкое происхождение Лейлы, бросил в лицо князю обнаглевший, напившийся до икоты Аральпов, предсказывавший, что не сегодня завтра здесь будут деникинцы, которые заставят кое-кого пить воду носом.

Жираслан не был бы Жирасланом, если бы стерпел оскорбление. Он схватился за оружие в тот миг, когда в руках своего противника увидел пистолет; два выстрела прогремели почти одновременно; сидевшие за столом бросились кто куда, во дворе вспыхнул ночной бой, кончившийся внезапно. Подоспевший вовремя Казгирей Матханов сделал Жираслану перевязку впотьмах, на ощупь и поспешил вывезти раненого из ущелья...

Последний слой запекшихся от крови бинтов пришлось смочить, чтобы не причинить боли раненому. Жираслан лежал, словно не живой, не издавая ни единого звука, видел он докторшу со сказочно мягкими руками или нет, трудно было сказать. Наконец Мариам, придерживая края повязки длинными белыми пальцами, отделила ее от раны. Увидев рану мужа, княгиня, крепившаяся до сих пор, покачнулась, закрыла глаза и чуть не уронила лампу, хорошо, что Тембот был рядом. Чача не посмела касаться раны, только соединила рваные мышцы, края кожи и перевязала, полагаясь на бога. Теперь предстояло проделать ювелирную работу — заштопать, буквально по кусочкам соединить лоскутки кожи, закрепляя их шелковой ниточкой, чтобы скорей закрыть зияющую дыру, затянуть, словно паутиной.

Такой операции Мариам делать еще не приходилось. Но ни княгине, ни Темботу, следящему за точными движениями ее рук, она не показала, что в затруднении. Неторопливо она делала свое дело, будто всю жизнь ее обучали затягивать огнестрельные раны, никто не знал, как ей в эту минуту не хватало опыта, совета Василия Петровича.

— Аллах великий, прости: не по своей воле я заглянула внутрь человека. Помоги царю седла встать на ноги. Я во славу тебе заколю бычка, не пожалею денег, что берегла себе на саван, — шептала княгиня так тихо, что даже Тембот не все мог разобрать.

— Бьется сердце — значит, будет жить, если аллаху будет угодно, — на секунду присела уставшая докторша, последние слова она добавила, чтобы угодить княгине.

— Все в его власти. — Княгиня помолчала и несколько повысила голос: — Благодарение аллаху, пос-

ле аллаха тебе благодарение, дорогая... — Лейла хотела сказать «дочь» вместо «дорогая», но в последнюю секунду передумала, чтобы не подчеркивать свой возраст. — Аллах воздаст тебе за доброе дело. Сказали бы мне: есть женщины-волшебницы, как ты, не поверила бы. Ты русская?

— Чеченка я. Училась в Петербурге, — Мариам осталось наложить повязку. Потом она еще раз проверила, все ли правильно сделала, и, убедившись, что «огрехов» нет, попросила княгиню и Тембота, чтобы они приподняли раненого и положили под спину ему большую подушку.

Жираслан по-прежнему не приходил в сознание, а шопшако продолжалось. «Надо сердцу помочь, сделать инъекцию», — подумала Мариам и поставила кипятить ванночку со шприцем; пока ванночка закипала, Мариам думала о Чаче, знавшей приемы народного врачевания. Она с уважением относилась к народной медицине. Мариам была потрясена, узнав, что горцам с незапамятных времен известны профилактические средства от оспы; ребенок, заболевший в раннем возрасте оспой, несет в себе средства излечения этого тяжкого недуга; такого ребенка горцы клали в одну постель со здоровым, которого заражали оспой слегка, а когда он вылечивался, в нем вырабатывался иммунитет и он был гарантирован от серьезного заболевания. И сейчас она увидела, что усилия знахарки оказались полезны для больного, по крайней мере травами и настоем она сумела остановить кровь. Дальше организм сам должен бороться со смертью, для которой открыты двери настежь; Мариам удивлялась сопротивляемости, жизнеспособности раненого.

— На чем держится жизнь? На волоске. На одном волоске, — произнесла докторша и сделала инъекцию. Она так была погружена в свою работу, что давно перестала слышать шум, доносившийся с улицы, даже не заметила Тембота, который пробрался в комнату и унес кусок рельса, чтобы подвесить его во дворе.

— Они что, до утра будут колобродить? — спросила докторша.

— Уже светает, — сказал Тембот, — скоро разойдутся по домам. У чеченцев разве не бывает шопшако?

— Бывает, — впервые улыбнулась Мариам, махнув

рукой; дескать, что у вас, что у нас — одно и то же. — С языческих времен, старинный обряд. — Мариам понимала, что ни княгиня, ни Тембот не слыхивали о язычестве, но не стала объяснять, чтобы не задеть их религиозные чувства.

Она украдкой поглядывала на княгиню, совсем старуху по сравнению даже с больным мужем. Интересно, как она вышла за него замуж? Но не будешь ведь спрашивать в такую минуту... Мариам не знала, что эта история известна немногим, к тому же она вызвала ссору между Жирасланом и Аральповым, по милости которого князь распростерт на этом ложе.

Женитьба Жираслана состоялась в те времена, когда Казгирей Матханов, закончив свое образование в Стамбуле, стал преподавателем арабского языка в реальном училище в Кабарде, купил на деньги отца типографию, печатал учебники и книги вместе с любимым своим учителем Нури Цаговым, составителем алфавита. Казгирей слыл блестящим оратором, умным человеком, знатоком языков — он стал любимцем учащейся молодежи. Обаятельный, располагающий к себе, элегантный, с открытым, одухотворенным лицом, большими ясными глазами, поблескивавшими за стеклами пенсне — диковинки по тем временам, особенно среди горцев. Свадьба считалась не свадьбой, если Казгирей не блеснул красноречием за пиршественным столом. Первым делом спрашивали: «Матханов там был?» Его присутствие считалось высшим знаком торжественности, его популярность нередко затмевала самого правителя Кабарды, чего терпеть не мог полковник Клишбиев.

На одной из свадеб они познакомились и подружились с Жирасланом. Казгирей любил отчаянных людей. Он и сам умел ставить свою жизнь на карту, умел быть преданнейшим другом.

И обращаясь за помощью к Жираслану, он знал, что отказа не будет, ведь его друг почитал заповедь своего народа: если ночью к тебе постучались, не спрашивай «Что надо?», седлай скорей коня, в дороге все узнаешь. Казгирей разбудил его в полночь. Жираслан оделся и с седлом в руке вбежал на конюшню, а через минуту уже скакал со своим другом стремя в стремя, держась левой стороны, хотя по возрасту

ему полагалось скакать с правой. Он спросил только: «За ней?» — и Казгирей, улыбнувшись, ответил: «За кем же еще?»

Через час они очутились в ауле Кардан-Хабля. Отец девушки давно подозревал, что Казгирей неравнодушен к его младшей, и рад был бы отдать ее замуж, если бы не старшая, засидевшаяся в девках. В ауле когда-то не было равной ей по красоте, о ней слагали лучшие стихи, когда сочиняли кебжек на девушек и парней аула, но отец просил такой большой калым, что сватов становилось меньше и меньше, а потом и вовсе не стало; родитель красавицы все ждал богатого и знатного жениха, а девушка тем временем тускнела. Красота обернулась против нее, девушка боялась остаться старой девой, потому что подросла младшая, повторившая красоту и прелесть старшей сестры. Ее-то и приметил Казгирей.

Потеряв надежду обрести свой очаг, старшая сестра задумала бежать к родственникам в другой аул, рассчитывая как-нибудь с их помощью устроить жизнь; она украдкой собрала в узел свои пожитки, мысленно попрощалась со всеми, даже с собакой, с коровами в хлеву, вечером была грустна и молчалива, мать даже встревожилась: «Не заболела ли?» Та только махнула рукой. И надо же было случиться такому совпадению: на ту же ночь, когда задумала бежать старшая, младшая условилась с Казгиреем, что он умыкнет ее и она станет его женой, снимет позор с родителей, которые не должны выдавать замуж младшую, покуда не нашла своей судьбы старшая.

Вечером сестры долго не могли заснуть. Мать, чуя недоброе, вертелась с боку на бок, старшая, спавшая на отдельной постели, притворялась, что уже видит сны, а младшая прижалась к матери и замерла, как мышонок, заметивший кота; сестры ждали, когда в доме все заснут, младшая обещала Казгирею выйти из дому, когда луна скроется за горную гряду. Старшая ждала только похрапывания матери.

Казгирей и Жираслан уговорились, что жених будет ждать невесту во дворе под навесом, где стоит копна сена. Увидев девушку, он подхватит ее и поскачет прочь. Так как по обычаю девушка должна визжать, то отец наверняка выскочит с винтовкой или

обнаженным кинжалом. На этот случай Жираслан спрячется за домом в саду, и, когда отец, оседлав коня, бросится в погоню, Жираслан настигнет его сзади, схватит за стремя, приподнимет ногу всадника, и тот вылетит из седла — прием испытанный. Пока преследователь ловит свою лошадь в ночной темноте, похитителей уже не догнать.

Все было продумано, но карты оказались спутанными. Сестры молча состязались в долготерпении — кто кого перехитрит, младшая ждала, ждала, когда старшая заснет, и, не дождавшись, заснула сама. Старшей только этого и надо было, она бесшумно встала, отыскала свой узел, припрятанный среди подушек, и полезла в окно, выходящее в сторону сада. Жираслан решил: это она! Вихрем налетел, схватил, зажал ей рот рукой и выехал из-за дома. «Сам аллах нам помогает», — вполголоса сказал он Казгирею, завернул девушку в бурку и помчался что было сил. Казгирей, поменявшись с другом ролями, скакал чуть сзади, чтобы отразить в случае чего погоню, если ее снарядят.

Разочарование наступило утром, когда всадники увидели, какую оплошность они допустили, — вместо младшей умыкнули старшую. Как быть? Честолюбивый Казгирей предпочитал умереть, но не признаться в своей оплошности, ведь иначе его звезда, взошедшая так высоко и ставшая звездой первой величины, сразу померкнет, сам он попадет в кебжек, станет героем частушек, предметом насмешек. И Жираслан казнился не меньше друга.

«Как же я опростоволосился, — думал паша конокрадов и царь седла, — узел на плече девушки сбил меня с толку». «Добычу» два джигита завезли к сестре Казгирея, жившей в горном ауле в тридцати верстах от дома брата.

Обдумывались разные варианты, и ни один из них не годился: то ущемлялся престиж одного из джигитов, то девушка подвергалась осмеянию и мечтать о замужестве ей уже не приходилось. Ни Жираслан, ни Казгирей не могли нанести Лейле такую обиду. Выход предложила сестра Казгирея, сказав: «Пусть ее возьмет в жены тот, кто хватал». От неожиданности Жираслан, вольный сын гор, человек княжеского происхождения, но не имеющий никакого достатка,

кроме редкостно хорошего коня, оторопел. Мало того, что он берет женщину не княжеского рода, но старше его самого на пять-шесть лет. «За нее отец большой калым просит», — пытался возразить Жираслан. «Княжеский титул выше любого калыма. Что корова или быки? Сегодня есть, завтра нет», — наступала сестра Казгирея на самолюбие гостя. «Да не согласится она войти в пустой дом», — отказывался Жираслан. «Это уж моя забота. Что она, не захочет стать княгиней? К ее родителям поеду я сама, все улажу».

Вот так, против воли, и женился Жираслан, заплатив за жену не деньгами, не скотом, как полагалось, а княжеским титулом, и в конце концов это устроило всех...

Жираслан зашевелил губами, силясь что-то сказать, мысли путались, слова разлетались как стаи птиц, он видел девушку, сидевшую у его постели и глядевшую ему в лицо, но не мог понять, кто она — привидение или спустившаяся с неба гурия?

Встрепенулась и докторша.

— Вам легче, Жираслан? — спросила Мариам, счастливая, что ей удалось спасти этого человека, и оглянулась, — ни Тембота, ни хозяйки в комнате в эту минуту не оказалось.

В голове Жираслана стоял шум, как от водопада, сквозь грохот он слышал незнакомый, но милый голос исцелительницы, ее лицо расплывалось, словно белое облако. На лице раненого выступила испарина, капельки пота повисли на концах густых черных бровей. Жираслан, словно тяжелое бревно, поднял руку, положил ее, горячую, потную, на руку Мариам.

— Имя... — как во сне, прошептал он. На большее у него не хватило сил.

— Мариам. Меня зовут Мариам. Доктор я. Василий Петрович меня прислал. Ему передали... — Мариам заволновалась, позвала хозяйку, спешила скорей обрадовать ее — муж пришел в сознание, но и оставить больного не смела.

Жираслан мог повторить лишь:

— Мари... — и то еле слышно. И снова впал в забытье.

Но надежда на его спасение уже появилась.

3. ТХАЛО

Зима уже завладела горами и низиной, когда Жираслан поднялся на ноги. Чача приписывала себе всю заслугу в его выздоровлении, так как докторша ни разу не появлялась после того, как больной оклемался. В памяти Жираслана сначала был провал, потом он вспомнил все происшедшее и первое, о чем подумал, — о коне: кто увел Арабкана? Оставаться дома было нельзя, могли отомстить за помощь Иналу Маремканову и партизанам. Произошли серьезные перемены, пока князь был прикован к постели: большевиков загнали в горы Дагестана и Чечено-Ингушетии, в Кабарде с лета воцарилась власть белых. Ставленником Деникина оказался Бекович-Черкасский, именовавшийся генерал-губернатором округа, его заместителем по гражданским делам — Султанбек Клишбиев, дальний родственник Жираслана. След Казгирея Матханова простыл, а где Инал Маремканов — глава горских большевиков, знал лишь аллах.

«Как птица с перебитыми крыльями, я отстал от стаи, лежу в кустах и жду, когда стану добычей хищников», — думал с грустью Жираслан. Те, кто в него стреляли, теперь на коне; узнав, что Жираслан оклемался, они заставят его ответить за смерть Аральпова, ярого врага большевиков, которого он уложил метким выстрелом в глаз. Надо скрыться, но он еще слишком слаб, придется лежать, набираться сил, да и соваться в воду, не зная броду, опасно. Кто ему расскажет, что вокруг делается? В ауле нет даже Астемира. Школа, что он открыл в доме богатея овцевода, закрылась. Дети не успели и азбуку выучить. Княгиня ничего не знала и знать не хотела, помня только о своем зароке: встанет муж на ноги — куплю бычка, принесу в жертву во славу аллаха, голову жертвенного животного укреплю на священном грушевом дереве, как это делали в стародавние времена. Она со слезами счастья на смуглых щеках смотрела, как Жираслан первый раз

без посторонней помощи вышел из дому, побрел в конюшню, где когда-то встречал хозяина ржанием несравненный гнедой Арабкан. Увидев Жираслана, он оживлялся, вскидывал высоко голову, перебирал ногами, тихо ржал, дрожа всем телом, рвался к нему. Но стойло опустело, Арабкан стал добычей врагов. Князь вспомнил, как бережно прикасался к любимой лошади, мягко похлопывал по холке, а конь перебирал ногами, словно плясал от радости. Глядя на опустевшую конюшню, Жираслан загрустил, снова заныла его рана, хотя он утешал себя: голова цела — шапка найдется, отыщется и лошадь ему под стать.

Он вдыхал знакомый с детских лет запах. На стене висел недоуздок Арабкана, князь прислонился к столбу, перед его глазами мелькал красавец конь, смутно виделся ему и образ его исцелительницы. Так и не удалось разглядеть ее, полюбоваться ее красотой. Спросил жену — «докторша», и все! Правда, она торопилась: отправлялась с Чачей покупать бычка...

И вправду, пока Жираслан бродил по опустевшей конюшне, женщины купили бычка и на обратном пути упросили соседа, небезызвестного Нургали, поставить на лбу жертвенного животного тавро Жираслана, фамильный знак его рода, чтобы бог знал, от кого столь щедрая жертва.

— Аллах и так знает, кто приносит ему жертвы! — отвечал сосед. — Не перепутает. — Но согласился не только выжечь на лбу бычка клеймо, но и забить скотину по обычаю. По всем правилам заколол бычка Нургали, по прозвищу «требуха в желудке», специалист по убою скота. Он разделывал тушу — не придерешься, за работу раньше брал шкурой, порой прихватывая и переднюю ножку, остальное разрезал на кусочки, чтобы раздать пришедшим на тхало взрослым и детям. На этот раз Нургали разделывал бычка без вознаграждения: по предписанию правителя Кабарды податные инспектора взимали с населения долги за все последние годы, чтобы внести деньги в казну Добрармии. Нургали числился в недоимщиках и рассчитывал, что княгиня заплатит ему за услуги деньгами.

Тхало, торжество в честь аллаха, пославшего исцеление болящему, достигло апогея, ребят во дворе скопилось видимо-невидимо, соседи — Муса и Нургали —

раздавали каждому мальчишке и девчонке по два лакума — свежие пышки из пшеничной муки, по куску вареного мяса, а мужчинам, кроме того, по миске крепкого навара. Детишки, получив свою долю, убегали домой, чтобы не мерзнуть на ветру. Взрослые расселись кто где.

Во двор въехал всадник. Его бы приняли за путника, пожелавшего отведать жертвенного мяса, если бы он не заговорил по-русски с явно грузинским акцентом. Гостя пригласили в круг почетных и уважаемых жителей аула, вроде восьмидесятилетнего полковника в отставке Куденетова или муллы Сеида, собиравшегося в Мекку вместе с Казгиреем Матхановым, если бы внезапное наступление деникинских войск не расстроило их планы. Гость не обратил бы особого внимания на Куденетова, ибо старик приехал не в мундире, а в обычной горской одежде, если бы не хороший русский выговор полковника.

Приезжий из Грузии, живой, энергичный, говорливый, был одет как черкес. Лю отвел его лошадь к коновязи и держал под уздцы, готовый по первому знаку подвести к всаднику, словно был его стремянным, — этим он оказывая честь гостю. Стремянный должен чутьем угадать, когда подавать коня хозяину, иначе грош цена ротозею, и мальчик нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Его чувяки прохудились, пришлось обуть башмаки на толстой подошве из сырой ольхи, к тому же он не успел получить своей доли еды...

— Я бы хотел побеседовать с князем Жирасланом, — не говорил, а стрелял словами грузин. Бог не обидел его ростом — слегка сутуловатый, длиннорукий, с крупной головой, с широким, от уха до уха, ртом, он с достоинством держался за свой длинный, даже слишком длинный кинжал, видно сделанный по заказу. Под распахнутой дохой, отороченной серым каракулем, виднелся бешмет неопределенного цвета со стоячим воротником, охватывающим длинную шею: воротник был застегнут на все застежки, сделанные из черных шнурочков-петель, надеваемых на черный же узелок в виде смородинки; добротные сапоги поскрипывали, на голове высилась каракулевая шапка, и только опытный глаз мог заметить, что сшита она из двух одинаковых шкурок — на ингушский манер.

— Князь еще не оправился от тяжких ран. Тхало в честь бога, вернувшего ему жизнь, — с трудом подбирал слова мулла Сеид, — ты приехал в самый раз. Богу угодно, чтобы мы отведали жертвенного мяса...

Гость не прочь был приобщиться к торжеству, в дороге он сильно проголодался. Принесли лучшие куски мяса, лакумы, ляпс — навар, сдобренный перцем и луком, гость вознес молитву во славу бога и во исцеление славного джигита Жираслана, о котором по Кавказу ходят легенды, вылил немного бульона на землю — дань аллаху — и принялся утолять голод.

— Иншаллах, — дружно сказали Нургали, Муса и Сеид.

В такой промозглый день гостя следовало зазвать в дом, но тут был особый случай, и он устроился с другими под навесом, где хранили сено; пришедшие на тхало расселись на бревнах, и гость вместе с ними воздал должное угощению, расспросил о делах, о событиях в Кабарде — о возвращении земель их прежним владельцам. В эти дни всюду толковали о земле.

После трапезы гость захотел поговорить с Жирасланом с глазу на глаз. Присутствующие многозначительно переглянулись, когда путник приосанился и заявил: дескать, хочу говорить с Жирасланом по поручению правительства Грузинской республики. Кто правит Грузией, собравшиеся не знали.

— По поручению Ноя Жордания! Слыхали? — гость оглядел присутствующих. — Не слыхали, так услышите.

— Слыхали. Как же. Преуспевающий правитель, — за всех ответил полковник, единственный человек, кто разбирался в политике. Старик долго служил в царской армии, до генеральского чина не дотянул, ушел в отставку и только собрался повести хозяйство в двух своих аулах на европейский манер, ввести новшества, идущие «от науки», на́ тебе — русская революция! И полковник потерял не только пахотные угодья, но и леса.

— Преуспевает. Это верно, — согласился гость.

— Слуга меньшевиков, — обронил Куденетов. — Ныне правительства рождаются, как младенцы-недоноски, пеленок не напасешься, слава богу, умирают

раньше, чем окрепнут их ноги. Услышишь, что где-то родилось правительство, не знаешь, с чем ехать: с головкой красного копченого сыра для праздника в честь родившегося мальчика или с черной буркой, какой укрывают покойника.

— Воля аллаха, — неопределенно пробормотал Сеид, боясь попасть впросак.

Любители слухов на кончиках своих языков разнесли по аулу: к Жираслану прибыл посланник от правителя Грузии! И сразу пошли слухи и вымыслы: Жираслану быть во главе правительства Северо-Кавказской республики, которую прихлопнул своей папахой генерал Деникин. Не сам ли Узун-Хаджи заявил: трон готов уступить только достойнейшему из достойнейших князей — Жираслану? Того и гляди, генерал Бекович-Черкасский явится к нему на поклон...

Пока обсуждались все эти слухи, Гиви Берулава вошел в комнату Жираслана. Его приезд оказался более чем кстати, потому что Гиви великолепно знал о событиях по обе стороны Кавказского хребта. Кроме того, Гиви с Жирасланом были знакомы не один год. В канун войны, когда от Котляровки стали тянуть железную дорогу к Нальчику и образовалось акционерное общество по разработке лесных массивов, они первыми купили акции. Война помешала им заниматься лесоразработками, поэтому они занялись поставкой фуража, мяса и лошадей для царской армии; предприимчивый Гиви решил теперь воскресить это акционерное общество, а для начала открыл контору по заготовке зерна и мяса не для Добровольческой армии Деникина, а для меньшевистской Грузии. Гиви преувеличил свои полномочия, но был честен в одном — он предлагал Жираслану пропуск с правом проезда по всему Северному Кавказу за подписью Ноя Жордания. Оставалось только вписать имя и фамилию человека, которому Гиви выдаст документ. Жираслан понятия не имел о Ное Жордания, но это его нисколько не смутило. Что ему правители и цари? С него взятки гладки. Князь не читал газет. Единственное, что имело для него значение, его тавро, фамильный знак, которым он клеймил лошадей.

— Не вовремя тебя ранили, кругом такое творится — все смешалось, как после землетрясения. — Гиви

Шалвович подсел к Жираслану, положил шапку на колени, вытирая не очень свежим платком пот, выступивший на волосатой шее. Его коротко подстриженные усы воинственно топорщились, когда он сообщал: — В Грузии укрепилась республика, французов удалось выдворить. Это ты знаешь. В Азербайджане все борются за власть: то мусаватисты верх возьмут, то бакинские большевики. Турки кинулись туда — наводят порядок, когда у самих порядка нет. Англичане силятся вытеснить турок — форменная чехарда с одной разницей: в чехарде один прыгает через другого, а у них один подминает под себя другого, а то и нож в ход пускает.

— И у вас полетело голов — не дай бог. — Жираслан говорил наугад, пользуясь слухами, что приносила Чача его жене.

— Полетело. И еще летят. Восстания то тут, то там. Люди перестали думать о хлебе насущном, не работают. А есть все хотят! — Гость уже подошел к тому, зачем приехал, но так разговорился, что остановиться не мог: — А под боком у вас? Ад! Терские казаки окружили грозненских рабочих, блокировали город со всех сторон, ни пройти, ни проехать, керосин на вес золота, рабочие меняют керосин на патроны, снаряды, убей — за деньги не дадут! В Дагестане? Там два правительства, если не три, два вола в одной арбе и тянут арбу в разные стороны; третий вол тоже есть — пристяжной.

— У чеченцев, говорят, одно правительство в горах Кавказа, другое, если не ошибаюсь, в Тифлисе...

— Чеченское правительство в Тифлисе? — возмутился Гиви Шалвович. — Чуликов? Какое это правительство? Одна вывеска на двух языках.

Жираслан понял, как много изменилось с тех пор, как он прикован к постели. Можно сказать: слег при одном правлении, выздоравливает при другом.

— Правительства не волы. Правительства — погонщики. Зачем в одной арбе два погонщика?

— Справедливо, князь. Да еще какие? Один погонщик вожжи тянет к себе, другой — к себе. Так арба и в пропасть угодит, — развивал свою мысль Гиви. — А в Кабарде есть погонщик?

— Есть. Генерал Бекович-Черкасский, и правитель

и командующий войсками. Имеет кавалерийскую дивизию.

Гиви повысил голос и торжественно произнес:

— Грузинское правительство признало его, хочет установить добрососедские отношения. Почему? — спросишь меня. Мы хотим, чтобы каждый народ имел свое самоуправление. Кто как хочет, пусть так и живет. На небе все звезды равны и светят, как какая может. С терским правительством на лад дело пошло, иначе я не смог бы заниматься здесь делом. Ты будешь уполномочен от грузинского правительства заниматься на всем Северном Кавказе заготовкой мясного скота для Грузии. — Гиви извлек из кармана шелестящую бумажку, нагнулся к Жираслану, показал пальцем на ровный грузинский текст, отпечатанный на машинке. — Черным по белому написано: «Просьба ко всем властям...» Ко всем властям, соображаешь? «Оказывать нашему представителю всяческое содействие». Нашему представителю! Отныне ты — грузин, никто не смеет тебя задержать, помешать, ты действуешь именем грузинского правительства. Даже правитель Кабарды тебе не помеха.

Князь принял бумагу не без волнения, у него никогда не было никакого документа, удостоверяющего личность, и вдруг на́ тебе — фирман за подписью главы правительства, который защитит его от местных владык, если на него руку поднимет кровник Сараби Ахметов или еще кто-нибудь.

— Буду служить верой и правдой, дай только оправиться от раны. — Жираслан благоговейно держал бумагу вверх ногами, это заметил Гиви, и по его лицу пробежала усмешка.

— Тебя и так знают. А с этим документом все двери перед тобой открыты! А? — Гиви Шалвович еще раз вытер сильно потевшую плешь, спрятал за пазуху бумажник и громко, будто перед толпой, провозгласил: — Ты отныне на государственной службе у грузинского правителя. Чиновник!

— Хафа-тхиль[1], — глухо произнес Жираслан, в его правой руке дрожал листок бумаги, он старался угадать, какие слова написаны и где среди них его имя

---

[1] Хафа-тхиль — мандат (*кабард.*).

и фамилия. Если бы удостовериться, что подпись скреплена настоящей печатью, не поддельной! — С таким пропуском никто не задержит, говоришь?

— Никто! — подтвердил Гиви. — Становишься неприкосновенной личностью, за твою жизнь виновные несут ответственность перед грузинским государством.

Последние слова не убедили Жираслана. Если надо, бандиты схватят тебя, прикончат — не имеет значения, какое государство их призовет к ответу, если призовет.

В комнату вошел Тембот, встал у двери, ожидая, когда его заметят. Жираслан увидел парня, встрепенулся, чуть не уронил на пол от волнения пропуск; по невеселому виду Тембота он догадался, что паренек вернулся не с хорошими вестями.

— Ты уже? — спросил Жираслан, что означало: «Нашел ли ты человека, за которым я посылал тебя?»

— Зря ездил.

— Почему?

Тембот понимал, что не надо называть имени человека, к которому он ездил.

— Уехали, — ответил он.

— Куда?

— Никто не знает. Я спрашивал. Говорят, недели две прошло, дом пуст...

«Уехала Мариам», — подумал Жираслан. Как ему хотелось увидеть ее на тхало! Жирасланом был даже приготовлен для нее подарок: миниатюрная золотая тамга, изображение фамильного знака — реликвия, унаследованная от родителей. Он никогда не расставался с нею, носил на шее, на золотой цепочке, никогда даже и не помышляя подарить ее жене.

— Ладно. Иди. Спасибо тебе, — поблагодарил князь упавшим голосом. Тембот вышел понуря голову.

— Не за своим ли другом Казгиреем Матхановым посылал? — полюбопытствовал отставной полковник, входя следом с муллой Сеидом.

— Где теперь искать Казгирея? Его гнезда птицы не найдут.

— Я думаю, — не без удовольствия продолжал Куденетов, — твой шариатист потерпел жестокое поражение под Прохладной. Спасся бегством, говорят, обитает в горах Чечни или Ингушетии. Пусть туда летят птицы. Ты был его телохранителем. Не уберег.

— Я сам себя не уберег.

— Разве у вас своих гор мало? — спросил грузинский гость, не очень понимавший, о ком идет речь.

— Если бы Казгирей выбирал, где ему быть, он выбрал бы не горы, а Мекку,— вступил в разговор мулла Сеид. — У нас и деньги на дорогу были, и дорожные припасы — хотели в святые места податься. Не успели. Видно, не судьба.

— Какие деньги? Нынче что ни ущелье, то свои деньги, кто в них не запутается? Вместо денег картинки подсунут. — И Куденетов рассказал, как ему в уплату за вырубленный лес житель аула принес пачку шоколадных оберток, которые ему якобы на базаре дали за овец.

Жираслан наматывал это на ус. Как различить неграмотному человеку деньги разных правительств, зевнешь, могут подсунуть черт знает что, обмануть — раз плюнуть; без знания денежных знаков как заниматься скупкой скота? Пожалуй, надо раздобыть образцы всех денег, так не сразу запомнишь. Берулава носил с собой целый альбом с образцами дензнаков всех горских правительств.

Жираслан спрятал свой документ за подкладку папахи, вспомнив, как в глухую осеннюю ночь прискакал к нему на взмыленном коне Матханов, поднял Жираслана с постели, позвал в дорогу взмахом руки. Выпалил скороговоркой: «Нам ребра пересчитали, бока намяли так, что нутро вывернуло, уходим за Терек, едешь с нами?»— «Ты один?»— «Как один? Со мной отец, брат, вся родня. Решай быстрей, на пятки наступают деникинцы. Поймают, повесят за ноги». Жираслан ответил: «Я не могу. Езжай. Выздоровлю — найду не только за Тереком, а на дне его...»

Жираслан еле ковылял тогда по комнате, хотя жена уже собиралась устроить тхало в честь его выздоровления. Казгирей понимал, что Жираслан ему не попутчик, скорей — обуза; поэтому попрощался с ним, предупредил о грозящей опасности и умчался догонять вереницу подвод с домашним скарбом, мешками с мукой, головками сыра, вяленой бараниной. Остатки отряда прикрывали отступающих в горы. Матханов располагал значительными войсками, но ему пришлось по распоряжению командования послать большую часть

своих людей на Ставропольский фронт, где Деникин сосредоточил основные силы, а с отрядом конников и ротой пехоты занять оборону в районе железнодорожного узла, рассчитывая на поддержку бронепоезда, курсировавшего по всему участку на страх казачьим отрядам. Ночью казаки в подмогу деникинцам разобрали рельсы — и бронепоезд оказался запертым; попытка восстановить железную дорогу не удалась, деникинцы чуть не захватили бронепоезд. Лишившись огневого прикрытия, Казгирей Матханов понес большие потери и вынужден был отступить за Терек.

При переправе его ожидало новое испытание. Когда на расшатанный бурным течением ветхий деревянный мост въехала вереница груженных до отказа подвод с людьми, со скотом, рухнул целый пролет — и все полетело в грохочущий свинцовый поток, несущий льдины. Лед уперся в опоры моста, вспучился, образовался затор. Когда он тронулся, вода хлынула поверх льда, унося в пучину остатки моста. Люди, оказавшиеся в ледяной воде, взывали о помощи. Их несло вниз с невероятной быстротой. Не всех удалось спасти. Старик Кургоко, отец Казгирея, ударившись об угол льдины, не мог подняться на ноги; посиневших детей завернули в бурки, чтобы как-нибудь отогреть, а издалека доносился гул боя — казаки могли налететь в любую минуту, устроить «рубку лозы». Пришлось кое-как перетащить всех оставшихся на левый берег по льду, и нестройная колонна тронулась дальше к ближайшему аулу — кто шел пешком, кто ехал верхом, а многие остались в пучинах Терека. Тогда-то и вспомнил Казгирей Матханов слова Жираслана, что он найдет их и на дне Терека: его друг словно в воду глядел.

Поздно вечером беглецы добрались до жилья. Казгирей устроил простудившихся детей, заболевшего отца и мать у добрых людей, а сам отправился дальше, в горы Ингушетии. Ему казалось, что женщин, детей, старых людей, тем более его отца, отошедшего ото всех дел и решившего после паломничества в Мекку посвятить остаток жизни служению богу, никто не тронет. Но белогвардейцы вытащили из постели больного хаджи и расправились с ним в отместку за сына; расправу учинил Сараби Ахметов.

Когда по Кабарде разнеслась весть о назначении

генерала Бековича-Черкасского правителем, подчиняющимся якобы только императору, из пещер вылезли князья, коннозаводчики, купцы и поспешили к «кабардинскому царю» с дарами. Соблюдали обычай гуфако — поздравление с восшествием на престол: везли бараньи туши, бочки вина, яства, именные сабли, кинжалы, седла, бурки работы лучших мастеров. К дому правителя ежедневно прибывали подводы и верховые, каждый чем-то проявлял свою радость, поздравляя генерала с высокой честью, оказанной ему Деникиным. Сараби Ахметов прибыл верхом, за ним следовала арба с дарами. Поздравив генерала с назначением, он сказал: «Это подарок для возмездия», — и показал на виселицу с петлями из конского волоса. «Петли накидывать будешь ты», — ответил Бекович-Черкасский, и назначил Ахметова в отдел по борьбе с большевизмом. С тех пор Ахметов получил право «сдирать шкуру» с неугодных.

Гиви Шалвович, узнав от Жираслана о смерти отца Казгирея, сказал:

— Матханов отомстит. На него опираются и большевики и шариатисты, он войдет в правительство, когда оно сформируется... — Гиви выложил все, что знал об эмирате, и поднялся: — Договорились, Жираслан?

— Мое слово твердо, — ответил князь.

4. ПОСЛАНЦЫ СТАМБУЛА

Лейла никогда не спрашивала мужа, куда он едет, зачем, только упавшим голосом твердила:

— Опять оставляешь меня одну, да перейдет твоя боль ко мне, ты бы о себе подумал, рана твоя не зажила, откроется — кровью изойдешь; не дай бог, это случится в дороге, кто тебя перевяжет, кто обогреет? — Делала вид, будто не замечает ни тоски Жираслана по опасным дорогам, ни его сборов в путь, знала, никакими мольбами и предостережениями мужа возле себя не удержать. В последние дни Жираслан почувствовал, что окреп, и искал хорошего скакуна. Ему при-

вели неплохую лошадь, и, хотя она прихрамывала и для дальних дорог не годилась, выбора не было. Жираслан мечтал перевалить через Кавказский хребет к Гиви Берулаве, пока по его душу не явились деникинцы. Когда-то, отправляясь в дальнюю дорогу, Жираслан вместе с Арабканом брал и второго скакуна в поводу, удивительно умную лошадь по кличке Кудс (что по-арабски значит «аллахом ценимый»). Угоняя табун, Жираслан пускал Кудса вперед, и тот вел косяк туда, куда хотел хозяин, а он на другом коне подгонял лошадей сзади, и никакая погоня не поспевала за ними. Он сам пристрелил раненого Кудса, чтобы лошадь не мучилась, истекая кровью; это был первый случай, когда Жираслан заплакал; будь сто человек вокруг, он не сдержал бы рыданий. Пристало ли Жираслану ездить на хромом коне? Тем более что нужен и второй, а где его взять? Надо придумать. Князь не привык бросать слова на ветер, он обещал Гиви Берулаве послужить грузинскому правительству — значит, послужит, оправдает доверие; Гиви знал, что Жираслан не станет промышлять барантой или скотом, его дело — лошади, отборные кони, которых легко поменять на зерно, баранину, говядину. Этим займется сам Гиви, лишь бы Жираслан пригонял ему хороших скакунов. Время для заготовки мясного скота самое подходящее, крестьяне стараются избавиться от лишнего поголовья из-за бескормицы, к тому же частая смена властей разоряет горцев. То контрибуция, то просто грабеж — крестьяне оставляют себе поменьше скота, поэтому Берулава постарается устроить скупочные пункты по обеим сторонам Кавказского хребта.

У Жираслана основой всех его расчетов была одна валюта — скакун, и такой скакун есть у родственника, у Султанбека. Говорят, сам Антон Иванович Деникин, увидев великолепного коня под Клишбиевым, предложил за него свой легковой автомобиль «Патфиндер». Клишбиев заявил: «Понравился — бери, обычай не велит принимать плату за коня»; Деникин похвалил Клишбиева за щедрость, но коня не взял, да и куда пятидесятилетнему, грузному, похожему на чувал с картошкой генералу ездить верхом? Слух о скакуне растревожил Жираслана. Он не мог допустить, чтобы кто-то гарцевал на лучшем коне, чем он; не стало Араб-

кана, не знавшего себе соперника, так что ж из того: убытки ушли, прибытки пришли.

В ауле Клишбиева состоится большое торжество: прибыла делегация из Стамбула от тамошнего Комитета черкесского сотрудничества.

«Я должен быть на торжестве,— твердо решил Жираслан, — надо поглядеть на коня Султанбека». Может быть, удастся узнать что-нибудь о женщине, которой Жираслан обязан тем, что живет на родной земле, а не мыкает горе где-нибудь на чужбине. И князь потрогал золотой талисман на груди, с которым вернулся домой из Стамбула. Большинство же адыгов, ушедших тогда в Турцию, в страну единоверцев, не вернулись из обещанного им рая.

Он чувствовал себя уже сносно ко дню приема гостей и стал готовиться в путь, будто в многодневный поход. Кроме еды в переметные сумы запихал четыре бурдюка, прихватил белья и теплой одежды, патроны и даже пару бомб, давно раздобытых у солдат.

— Зачем все это? До Клишбиева-то аула рукой подать,— волновалась жена.

— На день едешь — на неделю припасов бери, такова народная пословица,— отшучивался Жираслан.

— Не оголодаешь небось, клишбиевцы всем аулом пир закатят, а там дворов, считай, тысяча.

— Лучше два раза поесть, чем ни разу,— Жираслан был настроен миролюбиво, что случалось довольно редко. Предстоящий выход на люди после долгого перерыва воодушевлял его, он был ласков и терпелив с женой, которую никогда не называл по имени, «дочь Дышековых» — и все, словно она была девушкой на выданье; Лейла принимала как божий дар капли ласки, которые ей выпадали. Жираслан взял все, что могло понадобиться в дороге, вплоть до кусочка козьей кожи на случай, если придется стачать порвавшуюся подпругу или поводья, а то и залатать чувяки — джигит все должен уметь делать в походе.

— Разве не вернешься от Клишбиевых? — Лейла пыталась выведать его замысел, но тщетно. Жираслан умел держать язык за зубами.

— Кто знает? Только аллах, а он наперед ничего не скажет, — уклонился он от ответа.

Чтобы не садиться на хромую лошадь, он попро-

сил двух верховых в долг, рассчитывая взять с собой Лю, смышленого мальчишку, чтобы тот привел назад обеих лошадей, а сам он махнет дальше, если позволят обстоятельства. Остановится в долине у мельника, оттуда отправит мальчика обратно, а сам пешим явится в дом Султанбека Клишбиева, чтобы его не заметили, затеряется среди гостей. При таком стечении народа Жираслана вряд ли узнают.

Верный своим правилам, Жираслан прибыл на торжество, когда и гости из Стамбула насытились, и хозяева после долгих споров уселись и развесив уши слушали рассказы заморских гостей. Появись Жираслан там, где сидел во главе стола Султанбек Клишбиев, а рядом с ним Сараби Ахметов, деникинский контрразведчик, который смотрит зорко и слушает внимательно, он бы выдал себя.

Поэтому князь присоединился к молодым людям, которые, несмотря на холод, пировали во дворе, сидя на бревнах, седлах, опрокинутых вверх дном сапетках, а то и просто на корточках. Виночерпии с кувшинами вина и бутылками араки подносили им с выпивкой куски мяса с шипсом и всевозможные яства, приготовленные самыми искусными сельскими поварами. Среди них Жираслан, закутанный башлыком, не выделялся. Никто его не узнал и не мог допустить мысли, чтобы князь явился пешком. Он свободно ходил меж оседланных лошадей, привязанных под навесом и вдоль плетня, хотел отыскать коня Султанбека, полюбоваться им, оценить.

Высокие гости сидели в кунацкой, оказавшейся для этого не слишком просторной, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Окна и двери дома тщательно охранялись. Об этом позаботился Сараби Ахметов. Глава делегации и Бекович-Черкасский — генералы: один турецкий, другой — русский.

Бекович-Черкасский — из рода князей, опора царя, верный сподвижник генерала Деникина — не очень считался с национальным обычаем нарекать самого старшего тамадой и послушно исполнять его волю. За столиками о трех ножках пойдет серьезный разговор, поэтому он без лишней скромности взял на себя роль тамады. Старики, их было немного, понимали это, сидели молча, предаваясь воспоминаниям о

переселении горцев Кавказа в турецкие пределы, о трагедиях, связанных с этим.

Сеид, удостоившийся приглашения в кунацкую, вспоминал царского генерала Кандаурова, вожака горцев — добровольного вожака в мухаджире[1] своего племени, который увел доверчивых безземельных крестьян в неведомые края. Загнанные в голые горы, они посылали депутацию за депутацией то к наместнику, то в Петербург, умоляя о клочке земли, где бы они могли существовать. Их мольбы доходили и до Государственной Думы, но без толку, правительство предпочло пропустить глас безземельных мимо ушей. Тогда предприимчивый Кандауров предложил наместнику Кавказа свое «решение» насущного вопроса, обещая за некоторое вознаграждение вывести безземельных горцев в турецкие пределы. План был одобрен, и под него генерал тайно получил солидную сумму, о которой умолчал, когда уговаривал горцев поселиться в Турции. Голод заставил многих покинуть земли отцов, в поисках пашни уйти за Кандауровым, обещавшим им рай. Тот уверял, будто они едут в места, где жил сам пророк Магомет до вознесения на небо, его следы запечатлены на камнях и ведут на тот свет, где смертные блаженствуют. Достигнув берегов Иордана, генерал тайком вернулся назад, чтобы обманутые соплеменники не учинили над ним расправы...

— Самые дальние гости ездят к самым достойным хозяевам, — Бекович-Черкасский заговорил первым по праву тамады. Его великолепный мундир с золотыми погонами, аксельбантами с золотым вензелем сверкал при тусклом свете, даже обширная плешь напоминала натертую кирпичом медь. Из-под пышных усов пробивалась улыбка, признак хорошего расположения духа. — Сегодня следует говорить наоборот: самые достойные гости приехали к самым дальним хозяевам. Не так ли, господа?

— Браво, генерал, браво!

Обычно немногословный Бекович-Черкасский откашлялся, заговорил громче, зная, что и в соседних комнатах, и во дворе ловят каждое его слово:

— Нам очень приятно. В высшей степени приятно

[1] Мухаджир — исход народа в другую страну *(араб.)*.

принимать гостей из Турции, особенно в новой обстановке, когда мы изгнали большевиков из своего края, а наш дорогой Антон Иванович Деникин радует нас своим могуществом, накапливая неисчислимые силы. Будет уместно напомнить, что наши единокровные братья в Турции переживают критический момент, не менее острый, чем мы пережили в недавнем прошлом; об этом, полагаю, скажет генерал Факри-паша, глава делегации. Прошу, господин генерал, наш гость и брат!

Факри-паша не носил генеральского мундира из осторожности: предстояла дорога через меньшевистскую Грузию, оккупированную войсками союзников, и хотя документы гарантировали дипломатическую неприкосновенность ему и членам делегации, как еще дело обернется, если попадешь в руки темных солдат, а то и вовсе диких горцев?!

Факри встал. Большой, костистый, он был на голову выше соседа; его огромный нос, вытянутые к ушам черные усы и темный от щетины подбородок издали напоминали черный крест, а его шевелюры и поросли на запястьях и даже на внешней стороне пальцев хватило бы не только на плешь Бековича-Черкасского, но и на сукно для башлыка.

— Бог не баловал нас радостями, когда заставил наших отцов покинуть родину. — Факри-паша медленно говорил по-шапсугски[1], чтобы переводчик успевал переводить на кабардинский. Он понимал, царский генерал вежлив с ним только потому, что он — гость.— Бог смилостивился над нами, когда на пост главы турецкого правительства вознесся Рауф-бей. Рад вам сказать, что мы с ним друзья и единомышленники.

В комнате раздались хлопки, возгласы:

— Слава аллаху!

— Многие лета Рауф-бею!

— Это сделало возможным наш приезд сюда. — Гость повысил голос, почувствовав одобрение. — Если раньше мы, черкесы, могли только исполнять чью-то волю, то теперь мы обрели право повелевать! Аллах оценил слезы, пролитые нашими женщинами, детьми...

Гость коротко упомянул о событиях середины прошлого века, мало известных новому поколению, сделал

---

[1] Шапсуги — одно из адыгейских племен.

паузу, как бы подчеркивая свою сановитость, поведал об участии адыгов в войне, в частности в кавказских дивизиях, штурмовавших крепость Александрополь, показал свою осведомленность, перечислив номера частей и соединений, пытавшихся прорваться через перевал на Северный Кавказ. По его словам, командование не могло оставить в своем тылу революционный Баку. Когда он говорил, что 9-я и 11-я кавказские дивизии огибали гору Алагез, нацеливаясь выйти в район Баш-Абарана, а по Араратской долине шла 36-я кавказская дивизия и были брошены большие силы для захвата Закавказья, чтобы превратить его в плацдарм для последующего выхода на земли адыгов, всем представлялись несметные силы, брошенные на помощь горским народам в их борьбе за свободу. Гости качали головами, никто не мог взять в толк, почему такие войска вынуждены были остановиться на полпути, — не искушенные в военном деле слушатели номера дивизий воспринимали как их количество.

— Мы вернули себе Эрзерум, Сарыкамыш! — закончил гость. Но не каждый из присутствующих ясно представлял себе, что это за города.

— Неотмщенная кровь не высыхает! — раньше других воспламенился Сеид, сердце которого растревожили слова гостя. — Мы ликовали! Ждали вас! Думали: вот еще день, еще ночь — исламская армия из Баку, Петровска, Шуры доберется до нас. Теперь видим, помощи следовало ждать не оттуда. Помощь — это вы. Да благословит аллах ваши дела и помыслы...

— Ты преувеличиваешь, Сеид, дорогой. Таких надежд мы не возлагали на Порту. — Бекович-Черкасский не хотел, чтобы даже старики, не говоря уж о должностных лицах, уповали на турок, пусть золотопогонники помнят о своих погонах, имеющих российское происхождение. — Мы внимательно следили за продвижением турецких войск, видели в них единомышленников в борьбе с большевиками, но не забывайте: генерал Деникин за единую и неделимую Россию, насколько я знаю, он против всякого отделения от России автономий...

— Совершенно верно, об этом заявил и полковник Роландсон, — в разговор ввязался Сараби Ахметов. Низкорослый, остролицый офицер, которому, казалось,

никакая пища не шла впрок, сидел с постным видом, пил и на мужицкий манер не закусывал, а лишь нюхал лакумы. — Представитель Англии прямо заявил: «Цель генерала Деникина — уничтожение большевизма, возрождение единой неделимой России...»

— ...И широкое самоуправление горских народов...— неожиданно добавил гость.

Бекович-Черкасский уточнил:

— В рамках неделимой России.

— Разве турецкий султан иначе думает? — с деланной наивностью спросил Клишбиев. Порывистый, неудержимый в достижении цели, привыкший играть роль радетеля за всеобщее благо и закон, Султанбек Клишбиев, несмотря на то что ему перевалило уже за пятьдесят, по-прежнему был легок на подъем, общителен, готов ехать к кому угодно в гости, чтобы доказать, что он человек из народа; пышные черные усы его, чуть тронутые сединой, были лихо закручены.

— Думаю, что иначе, ему подавай республику под турецким протекторатом, пусть на меня наши дорогие гости не обижаются, я говорю без околичностей что думаю, не дипломат я — военный, на поле боя нельзя думать одно, а делать другое, как это бывает в дипломатии; турки потеряли свои владения на Ближнем Востоке, на Балканах, а на Северном Кавказе ищут компенсации, потеряли, можно сказать, целую шубу, а ищут пуговицу, в лучшем случае воротник...

Раздался смех, но гости из Турции по-прежнему сидели неподвижно, слушали Бековича-Черкасского.

— Зачем воротник, если его некуда пришить?— спросил Сараби Ахметов и рассмеялся.

— Прошу прощения,— подал голос глава делегации, положив руку на руку рядом сидящего Бековича-Черкасского.

Генерал повиновался, соблюдая обычай:

— Гость просит слова — не смеем отказать.

— Внесу ясность.— Факри-паша повернулся в сторону тех, кто его слушал.— Наша делегация от нового турецкого правительства в Анкаре, учтите, не от стамбульского. Разница. Мы от черкесского комитета.

— Не от Адхема?— кому-то не терпелось показать свою осведомленность в делах Турции.

— Не от Адхема,— подтвердил гость, озираясь по

сторонам, будто бы спрашивая каждого: «Знаешь ли ты, кто такой Адхем?», и продолжал: — Адхем из адыгов, но не из знати, малограмотный, но военачальник. Увидел — Оттоманская империя рушится под ударами противника, прямо с тока, где он просо молотил, пошел на фронт, собрал разгромленные войска, повел их на греков, одержал блестящую победу, объявил Кутахию своей столицей, бросил клич по стране: «Кто хочет спасти страну от порабощения, под мое знамя»,— и люди потянулись к нему. Адхем сколотил немалое войско. Кемаль-паша в восточной Анатолии захватил власть, объявил о смещении султана, упразднении халифата, создании республики. Как дальше дело пойдет — время покажет. Им предстоит решить вопрос, кто кому должен подчиниться: герой войны Адхем Мустафе Кемалю или генерал Кемаль-паша малограмотному крестьянину? По всему видно, не избежать туркам междоусобной войны, как у вас тут говорят — гражданской. Англичане взялись водворить порядок в Турции. Порта сейчас растревоженный муравейник — не сдается лишь Адхем.

— Значит, кемалисты считают черкесов своими противниками?— сделал вывод Бекович-Черкасский.

— Возможно. Войска Адхема состоят в основном из черкесов. Кемалю-паше поблагодарить бы Адхема за победы над оккупантами.

— Кемаль-паша поступит, как велит поступать восточный мудрец Молла Насреддин,— генерал Бекович-Черкасский был на редкость словоохотлив.— Дом валится по воле аллаха — толкай его туда, куда он падает, под развалинами окажется соперник. Своего дома не пожалеет, чтобы расправиться с соперником, который говорит на чужом языке.

— Адхем для Кемаля-паши представляет серьезную опасность. Кемаль боится его больше, чем оккупантов,— воодушевился гость, который, кроме горячего чая, за пиршественным столом ничего не пил. В соседних комнатах люди навострили уши, толпились у дверей, ловя каждое слово гостя.

— Пусть извинит меня наш дорогой Факри-паша, может быть, я не о том спрошу...— Сараби Ахметов подтянул пояс на впалом животе, повернулся к гостю.

— Спросить каждый может, ответить — не каждый,

давай спрашивай,— Бекович-Черкасский блеснул демократическими традициями застолья.

Пособник правителя по военным делам заговорил:

— Допустим, на Северном Кавказе создали исламскую республику под протекторатом Турции. Но Турция сама ищет протектората. Выбор пал, как мне известно, на Англию. Так что же у нас, двухэтажный протекторат? Кроме того, между нами Грузия.

— Грузия, учтите, меньшевистская, нас не разъединяет, скорее объединяет,— с ходу ответил Факри-паша.— Это — раз. В Закавказье хозяева положения англичане, они за самоуправление кавказских народов. Вспомните шестидесятые годы прошлого столетия — «общество помощи Кавказу», во главе его стоял друг черкесов Дэвид Уркехард — англичанин. В трудную минуту он на собственные деньги нанял торговое судно, набил трюмы оружием и отправил черкесам. Если судно не достигло кавказского побережья, то виновато в этом русское консульство в Трапезунде. Настало время думать о своей судьбе — осуществить исконные чаяния народа, создать свое государство.

Бекович-Черкасский возразил:

— Не может оно существовать. Антон Иванович пальцем пошевельнет — и не стало черкесского государства. Деникин на этом не остановится и до Грузии доберется... Если он до сих пор этого не сделал, на это есть свои причины: надо сначала достигнуть главной цели — разгромить большевизм в центре России, придет время — займется и сепаратистами.

Далее правитель Кабарды сообщил приехавшим, что кабардинцам, да и всем горцам, не до автономии, приходится восстанавливать порядок, законность. В шестидесятых годах прошлого столетия англичане помогали черкесам, натравливая их на великую нацию, теперь англичане помогают великой нации против малых народов. Есть над чем призадуматься...

Бекович-Черкасский оглядел каждого из членов делегации, чтобы убедиться, что его слова произвели должное впечатление, снял пенсне и продолжил:

— Цели Деникина понятны и нам и большевикам — восстановить развалившееся здание русской империи, расставить все по своим местам, чтобы Россия выгля-

дела так же внушительно, могущественно, как раньше. Если кто, воспользовавшись моментом, не утащит на сторону оконную раму, дверной переплет или не польстится на доски, не говоря уж о кровле.

— Шамиль воевал против России,— Султанбек Клишбиев решил показать себя,— но воевал, не зная, с кем воюет. Его взяли в плен и повезли в Сибирь... Тут-то он и увидел бескрайнюю Россию и схватился за чалму, понял, оценил бессмысленность жертв. Четверть века козел[1] сражался против льва. Из нас шамилей не получится. Мы знаем, что значит Россия, знаем, что Деникин не Адхем, русская империя не Оттоманская.

— Антон Иванович Деникин сегодня всего лишь генерал, но скоро великие державы будут титуловать его «Ваше величество»,— Бекович-Черкасский обрушил на гостей эту новость, словно снежную лавину с гор, и присутствующие, придавленные обвалом, лишились дара речи.

5. РАЗГОВОР О ГЛАВНОМ

— Невольно возникает вопрос...— начал Султанбек, обращаясь к турецкому генералу,— Антон Деникин хочет восстановить здание русской империи, но это легко сказать — восстановить! Дом не по кирпичику растащили — взорвали, все полетело к черту. Хочешь не хочешь, придется изменить его облик...

— Все будет заменено новым. Только и всего.— Генерал Бекович-Черкасский прервал своего помощника, дав понять ему, что не собирается дискутировать.

— Я об этом и хочу сказать.— Султанбек сбился, но продолжал:— Туркам не удалось. Здание их империи рухнуло, его не соберешь, Болгария добилась самостоятельности, сербы самоуправляются, албанцы, греки тоже. Образовалось несколько государств: Ирак, Сирия, Иордания, Ливан, Палестина и другие. Адхему их не собрать. Я хочу понять: почему империя раз-

[1] По кабардинской мифологии козел — священное животное.

валилась, как сарай, сложенный из булыжных камней без раствора?

— Какая империя — русская или Оттоманская? — переспросил гость из Турции.

— Оттоманская, — поспешно уточнил Султанбек Клишбиев.

Факри-паша молча насупил густые черные брови.

Тишиной воспользовался Бекович-Черкасский.

— Деникин, да пошлет ему аллах преуспевания, — начал он традиционно, — фактически император, при нем посольства, представительства, военные миссии разных стран. Три миллиона русских генералов, офицеров, нижних чинов, выбракованных из армии революцией, — база для пополнения его войск. Мало того, выходцы из Северного Кавказа: Каледин, Краснов, Корнилов и сам Антон Иванович. Я не говорю об Улагае. Куда горским народам против этой махины? Это большевики обманывают горцев, обещая им самоопределение. Ветер подует — и следа их обещаний не найдешь.

Факри-паша, как завороженный, уставился на золотые погоны Бековича-Черкасского:

— И турки ищут контакта с Деникиным, видят в нем реальную силу. Но разве вы не знаете? Народы на западных границах русской империи самоопределились. В Закавказье то же самое. Дагестан и Чечня к этому стремятся. Почему их примеру не последовать вам? У Узуна-Хаджи кабардинское войско.

— Один полк. Шариатский. Командует им шариатист Казгирей Матханов, — уточнил Сараби Ахметов.

— Не только Матханов. Там и большевистское войско горских народов. Им помогает Инал Маремканов. Большевик, величали комиссаром Кабарды, член Совнаркома при правительстве Булле, а на деле — вожак чувячников, за Советы ратовал, а самому пришлось бежать от Деникина. Ингуши не очень ему обрадовались, пришлось Маремканову уйти в подполье, податься за хребет. Остается пока неясным, каким образом ему удается обманывать меньшевистское правительство Грузии? — добавил Бекович-Черкасский.

Гость гнул свое:

— «Двухэтажный протекторат» — господин Ахметов употребил это выражение. Турция сама просит,

чтобы какая-нибудь держава взяла ее под защиту. Почему кавказским народам не просить защиты? Насколько я знаю, Деникин сохранит автономию горцев. Деникин нарушит это условие, если...— Факри долго подбирал слово.

— Он уже нарушил это условие,— сказал Бекович-Черкасский.

— Как нарушил?

— Послал казачьи войска против чеченцев, и казаки разгромлены. Мне предлагали двинуть кабардинскую дивизию на чеченцев. Но горцы против горцев не пойдут. Я отказался, братоубийственная война была бы источником вечного раздора.— Бекович-Черкасский говорил открыто.— Генерал Улагай оказался податливей, посмотрим, что у него получится...

Жираслан благодарил судьбу за то, что ему удалось все это услышать. Главное, что он узнал,— Казгирей у Узуна-Хаджи. Может быть, податься к нему через блокированный Грозный и Владикавказ, пробиться окольным путем через Петровск, хотя там уже войска Деникина, или тайными горными тропами? Жираслан так углубился в размышления, что захватил лишь конец речи Факри-паши.

Факри-паша не скрывал цели своего прибытия, он внушал слушателям идею создания мусульманской монархии, вспомнил о существовании кабардинской дивизии, которую, по его мнению, уместно было бы передать в подчинение Узуну-Хаджи. Факри-паша воздел руки, словно обращая свои слова к аллаху, закатил большие глаза так, что виднелись только белки, и воскликнул:

— Аллах послал нам случай вновь обрести самостоятельность. Россия, как оттоманская Турция, пыталась держать не два арбуза в одной руке, а множество арбузов. Удержала? Нет! Объявила о своей самостоятельности Финляндия, и Россия согласилась с ней. Видно, не хватает сил. Ей не до жиру... Так воспользуйтесь моментом. Другого случая не дождетесь!

— Мы имеем самоуправление,— без разрешения тамады Сараби Ахметов прервал гостя.— Слава богу, правитель наш — генерал из нашей среды, кабардинцев, его помощники одной крови с нами, горцами. Не в похвальбу нам говорю, но слова из песни не вы-

кинешь: полсотни лет назад соплеменники наши ушли в другие страны, мы остались, сохранили землю отцов, очаги наших дедов, наконец, прах далеких предков уберегли мы. Почему? Потому что мы не ссорились с Россией. Не хочу называть никого — но кто ссорился с Россией, тот потерял больше, чем имел.

— Адыги за рубежом благодарны вам. Вы сберегли земли наших предков, — Факри-паша настаивал на своем,— мы поможем вам! Гири подкинем многопудовые для большего веса!— улыбнулся гость.

— Поможете? Когда? Как? Пока ваша помощь до нас дойдет, зернышко кто-нибудь придавит каблуком.— Ахметов, высказавшись, заспешил из комнаты, потому что у окна заметил подозрительного человека.

— Кто этот джигит?— спросил Факри-паша и тут же добавил: — Если бы он не говорил по-кабардински, я бы принял его за русского офицера, агента Деникина. Я на него не обижаюсь, у нас тоже порой встретится черкес, о котором скажешь: он больше турок, чем истинный турок. Нетрудно понять, кто говорит его устами.

— Кто может говорить устами Сараби Ахметова?— усмехнулся Клишбиев.— Его дело — заботиться о боеспособности национальных воинских формирований, предупреждать дезертирство, разгадывать козни наших врагов, карать по закону тех, кто пытается затуманить мозги населению. Контрразведка, одним словом.

— Контрразведчик...— Факри-паше не надо было так долго объяснять, кто такой Сараби.

— Совершенно верно,— не без удовольствия подтвердил Клишбиев.

— Ахметов погорячился,— примирительно сказал Бекович-Черкасский, собираясь с мыслями.— С горцами Северного Кавказа сговориться не так просто. Аллаху было угодно, чтобы кабардинцы сохранили этническую целостность, свою землю, не потревожили прах предков; не всем горцам это удалось, наши соседи лишились земли, а без земли крестьянскому народу худо; на короткое время установилась Советская власть — и немедленно всплыл земельный вопрос. Султанбек до сих пор не может разобраться в последствиях кратковременного большевистского правления. Не так ли, Султанбек?

Клишбиев, испугавшись, что генерал начнет рассказывать о виселицах, с помощью которых его помощник по гражданским делам «решает» земельный вопрос, не замедлил с ответом.

— Генерал прав,— Султанбек отвесил еле заметный поклон Бековичу-Черкасскому,— земля оказалась лакомой костью, ее бросили своре голодных псов, и собаки чуть не перегрызли горло друг другу. Одни горцы предлагали делиться поровну, другие — ни в какую, кто первым схватил кость, тот и гложет ее. Мухаджиры ушли, оставили свои земли, жилища и, конечно, скот, администрация раздала эти свободные земли не только казакам, но и кабардинцам, которые верно несли государеву службу, не щадя живота своего, за царя и отечество, появились землевладельцы, которые отдавали свои земли в аренду. Кому? Князьям соседних горских племен. Совершилась революция в Петрограде, по декрету Советов земля была отдана народу. Черная, необузданная масса захватила земли своих господ, но у некоторых господ земля была не своя, а арендованная. Одни батраки и говорят другим: «Нет, эти пастбища принадлежали не вашим господам, а нашим; наши господа сдавали вашим господам в аренду, значит, земля наша...» Те ни в какую. И пошла свалка. Кавказские племена и терские казаки схватились за сабли, началась резня. Антон Иванович Деникин, дай бог ему преуспеяния,— Клишбиев повысил голос до предела,— восстановил порядок, принес в горы Кавказа мир и согласие, вернул собственность тем, кто ее имел,— одним словом, отнял у своры псов кость, и собаки разошлись по дворам, зализывая раны. Еще не успокоились недовольные; у кого рыльце в пуху, тот ушел в горы, спит и видит во сне земли, на которых расселены казачьи станицы или которые арендованы у кабардинских владельцев.

— Шариатисты не одиноки, тут и красноармейские части, отряды партизан, бандитские формирования. Турки помогают вооружением,— сказал Сараби Ахметов, вернувшийся на свое место, так как подозрительного человека во дворе обнаружить не удалось.

— Знаю,— продолжал Султанбек.— Маремканов да Матханов получат не землю, а петлю на шею, мы доберемся и до них, увидите, все получат по заслугам.

— Вот так, дорогой посланник наших братьев,— подхватил Бекович-Черкасский,— мы высоко ценим желание наших соплеменников, их благородные побуждения, в трудную минуту вы подумали о нас, ваши ноги ходят по чужой земле, а сердца — здесь.

— Правильно. Очень правильно.

— Вам хочется перекинуть мост через Кавказский хребет, сделать возможным возвращение тех, кто хочет вернуться на землю отцов, обрести вновь родину; создание исламской республики — средство, а цель — воссоединение адыгов, я так понимаю, не ошибаюсь?

— Да, конечно, это так,— согласился Клишбиев.

Факри-паша молча кивал.

— Возвести мост над Кавказским хребтом под силу разве только аллаху.— Бекович-Черкасский был христианином, но апеллировал к аллаху, чтобы не выделяться из массы.— Ныне адыги разбросаны по многим странам, как их объединить?

— Ислам нас объединит.— Факри-паша понимал серьезность этого аргумента, но не учитывал одного — ислам, на который он уповал, не так прочно завоевал сознание горцев-мусульман, как адыгейских племен, живущих в Турции, да и не все кабардинцы были мусульмане, случались и православные, среди осетин мусульмане составляли меньшинство, а осетины среди горцев выделялись своим образованием. Как гласит народная мудрость: яблоко, обращенное к солнцу, зреет раньше; осетины, оказавшись ближе к культурным очагам России, раньше других приобщились к просвещению.

Воспользовавшись паузой, Клишбиев продолжал:

— Земля для горца — хлеб и мясо, даже воздух, без которого протянешь ноги. Ингуши вообще загнаны в горы, как и карачаевцы; земли, отнятые у них в прошлом столетии, они вернуть не могут, остается одно: поживиться за счет более состоятельного соседа — Кабарды, а это приведет к раздорам, кровопролитию, вражде, и монархия распадется.

— Вы разве забыли: черкесские племена полстолетия назад, то есть наши с вами отцы, ушли в чужие страны с именем аллаха в сердце? Перед ними стоял тяжелый выбор: или оставаться на своих землях нечестивыми, или покинуть обетованный край и сохра-

нить в сердце веру,— в пылу полемики гость не заметил, что выразился неточно, нанес обиду тем, кто считал себя истинным мусульманином.

— Мы не покидали земли наших отцов, не предавали забвению прах предков, но нечестивыми не стали,— Клишбиев выразил чувства, волновавшие почтенных стариков, и этим заслужил их одобрение, так как сами они не вмешивались в политический спор из уважения к гостям.

— Прошу прощения, я человек военный, могу ошибиться: вместо «правое плечо вперед» сказать «левое плечо вперед». На марше это легко исправить, а в политике не туда повернул — пропал. Прошу извинить.— Из-под пышных усов Факри-паши засветилась улыбка, заискрились и глаза, излучая мягкое сияние.— Наша несравненная писательница, душа Комитета черкесского сотрудничества, Халида Адиб всегда поправляла меня: «Исмаил, ты опять сказал, забыв сначала подумать. Пожалуйста, поступай наоборот».

За столом раздался хохот, и Факри как будто бы был прощен.

Пробило полночь. Насытившиеся гости и хозяева устали от серьезного разговора. Бекович-Черкасский предложил проверить, не разучились ли его соплеменники на чужбине плясать.

— Танцевать будем во дворе — холодновато, зато просторно!— распорядился Султанбек.

— Согреваться, так пляской!

Все шумно вылезали из-за стола, только старики остались сидеть, привыкшие к духоте, изредка перекидываясь словами...

Во дворе у входа в дом выстроился плотный круг, дружные хлопки в ладоши разорвали ночную темень, нашелся пхацич, деревянные пластинки-чечетки для ритмических ударов. Танец открыл Султанбек Клишбиев кафой — парным плавным танцем. Многие выхватили наганы, стреляя в небо или под ноги, как это бывает, когда пляшет уважаемый человек. Мальчишки визжали от восторга, девочки затыкали уши.

В круг вышел мужчина, закутанный белым башлыком, глухо, но повелительно сказал:

— Княжескую кафу, красавица.

— Играют клишбиевскую! Фамильный танец.—

Сараби Ахметов подскочил к незнакомцу, стараясь разглядеть его, с удовольствием он сорвал бы с головы его башлык, но не решился. Тот сделал вид, будто не замечает Ахметова. Жираслан хотел остаться неузнанным, на сей счет у него были свои соображения.

— Княжескую! — повторил он, зная, что гостю будет приятно ее услышать.

Жираслан выразительным жестом пригласил в круг Бековича-Черкасского. Тот упирался — видно, не умел танцевать и не хотел оконфузиться, но его упросили, и он вышел в круг, растерянно постоял с минуту, не зная, с чего начать, махнул рукой и взмолился:

— Я совершенно не умею. Пощадите, господа.

— Господа! Он забыл кабардинские танцы, ему бы кадриль, — выкрикнул из толпы подвыпивший офицер, и это подхлестнуло генерала, задело за живое, и он рискнул.

Едва генерал сделал первую фигуру танца, парни ударили в ладоши, а Жираслан выхватил маузер, выстрелил под ноги. За оружие схватились многие, открылась пальба, словно шла перестрелка в бою, лошади заволновались у плетней и могли порвать поводья, генерал вдохновился, не уходил из круга, доказывая, что не все корни, связывающие его с народом, обрублены.

Воспользовавшись танцами и суматохой, Жираслан исчез. Он прыгнул на скакуна Султанбека Клишбиева — гордость полковника, примчался к мельнику, подхватил свою поклажу — и был таков. Отменный жеребец, полукровка, в котором соединились кровь арабской и кабардинской пород, нес на себе нового седока. Сначала лошадь нервничала, шла боком, норовила укусить всадника, но Жираслан знал, как укрощать лошадей, и лошадь быстро подчинилась ему.

На рассвете, когда гости Султанбека Клишбиева, наплясавшись, снова сели за трапезу, Жираслан был уже далеко. Он решил добираться до Казгирея Матханова, переправившись через Терек, но вспомнил пословицу «В феврале подо льдом течет коварство» и направил коня вверх по течению, к снежным вершинам, держа путь в Грузию, куда он мог беспрепятственно проникнуть по пропуску, выданному Гиви Берулавой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. НОЧНОЙ ПЕРЕВАЛ

Под тяжестью инея с треском обламывались ветви деревьев в лесу, пугая лошадь. Жираслан безошибочно находил путь в горах, вспоминал тропы, по которым угонял скакунов во Владикавказ, петлял на случай, если погоня Сараби Ахметова устремится за ним: случись такая встреча — чья-то голова останется в кустах. Жираслан торопил коня, оказавшегося на редкость выносливым. Скоро начнет светать, а конь не сбавляет шага, идет уверенно, чувствует седока, недаром за него Деникин обещал Клишбиеву автомобиль. Легко себе представить, как потемнеет в глазах у Султанбека, когда он узнает об исчезновении любимца!

Ночью, греясь у костра в пещере, Жираслан вспоминал, о чем говорили в доме Клишбиева,— о революции, сдвинувшей все со старых мест. Запал в его душу и рассказ об Адхеме — малограмотном человеке, ставшем грозным соперником самого главы государства... От груды горячих углей и на расстоянии было жарко, и в сырой пещере повеяло теплом.

Жираслан предавался размышлениям. Никогда не пахал он, не сеял, не косил сена, не полол кукурузы, но не раз сиживал на холме посреди чужого кукурузного поля, отдыхая на лоне природы. Стреноженная лошадь паслась на чьих-нибудь сенокосных угодьях, а он задремывал, иногда пробуждаясь от сильного ветра, приподнимался на локте, видел почерневшее небо и спешил к коню, чтобы отвязать притороченную к седлу бурку. Шел и удивлялся: ветер, предвестник ливня, дул в одну сторону, а не все кукурузные стебли нагибались туда, куда дул ветер; порой они кло-

нятся совсем в другую сторону, а то и навстречу буре. «Почему? — спрашивал себя Жираслан.— Не состоит ли буря из маленьких бурь, не катится ли она на множестве невидимых колесиков, вращающихся по своим законам? Наверно, революция похожа на бурю,— думал Жираслан,— у народов свои колесики, которые тоже вращаются по своим законам; пока не утихнет большая буря, не будет покоя и этим колесикам...»

Отдохнув хорошенько, Жираслан тронулся в путь. Новый конь уже признает его, откликается на зов, смотрит большими умными глазами, гордо вскинув красивую голову,— это радует Жираслана. Жаль, что он не знает настоящей клички коня, называет его Арабкан, как своего несравненного красавца скакуна, не раз спасавшего его от верной пули.

Тройственный союз голода, холода и тифа пожинал обильную жатву у стен Владикавказа, окруженного войсками Добрармии, когда Жираслан окольным путем подъехал к Дарьяльскому ущелью; обескровленный город уже не сопротивлялся врагу. Жираслан оказался в сплошном людском потоке, заполнившем ущелье, в котором ощетинившийся Терек не давал себя сковать лютому февральскому морозу. Люди двигались слитной массой, это были беженцы из Грозного и только что павшего Владикавказа. Жираслан, чуя недоброе, объехал город стороной, будто знал, что положение ухудшалось с каждым часом; у защитников Владикавказа не осталось снарядов, патронов, а в госпиталях лежали тысячи тифозных и раненых красноармейцев 11-й армии, ставшей жертвой предательств. Все, кого еще ноги держали, спасались бегством. Но куда? Дорога одна — в Грузию, если хватит сил добраться до ее границы. Остаться — значит стать добычей деникинских солдат, не знающих пощады. Авось английские оккупационные войска, как-никак цивилизованная Европа, гуманней отнесутся к больным и раненым. Одетые во что попало, а то и просто завернутые в одеяла, обмотав ноги полотенцами, мешковиной, тряпьем, красноармейцы присоединялись к беженцам — без пропитания, лекарств и надежды на спасение.

Напрасно Жираслан подгонял коня, стараясь опередить горестное шествие, которому не было конца: Дарьяльское ущелье было сплошь забито беспомощными отчаявшимися людьми. Жираслан не сомневался, что, как только он доберется до границы с Грузией, его пропустят немедленно благодаря магическому документу Гиви Берулавы. Но как пробиться к контрольно-пропускному пункту, когда за версту от него толпа людей заполняет от края до края узкое ущелье? Слезть с коня, пробиваться пешим? Потом не найдешь лошадь. Объехать невозможно, слева отвесная скала, справа Терек, обжигающий холодом, ближние подступы к мосту отрезаны плотной стеной солдат в несколько рядов. Между ними пропускают ошалевших людей, каждого здорового ждет вопрос: согласен ли служить в Добровольческой армии? Согласных собирают в сторонке, затем препровождают в поселок Ларс, размещают в домах и сараях, приспособленных под жилье, кормят скудной похлебкой. Смахивающих на большевиков заталкивают в промозглую пещеру, с тифозными вообще разговор короткий. Жираслан издали увидел, как солдаты на мосту схватили красноармейца и перебросили через перила. Из бездны, над разинутой пастью грохочущего потока послышался отчаянный вопль. Жираслан, стоя ниже по течению, видел: красноармеец зацепился за железный штырь, торчавший из бревна. Унтер, оказавшийся поблизости, перегнулся вниз, держась за руку солдата, взмахнул саблей — и красноармеец канул в ледяной поток...

Светало. За ночь очередь продвинулась немного, сзади напирали без конца, люди прижимались друг к другу, стараясь согреться. Ветер немилосердно пронизывал несчастных. Жираслан пытался подозвать кого-нибудь из офицеров, показать ему свой мандат, но его никто и слушать не желал, наоборот, он раздражал окружающих тем, что здоров и на коне. С высокой скалы прозвучал чей-то простуженный голос, плохо слышный из-за гула Терека, голос в темноте монотонно повторял:

— Объявляю всем! Кто услышит, пусть передаст другим. Руководствуясь гуманными чувствами, командование английских оккупационных властей доводит до вашего сведения...

В толпе загудели: «Тихо ты!», «Дай послушать», «Гуманные чувства», «Пожалели, стало быть», «Да перестаньте, он дело говорит».

Голос из ночи продолжал:

— Командование пропускает через границу беженцев, но призывает соблюдать следующий порядок: первыми пройдут люди, изъявившие желание продолжать службу в рядах добровольческих воинских формирований, оккупационные власти не дают согласия на пропуск тифозных больных... Командование требует, чтобы коммунисты, партработники и краскомы собрались отдельно, их препроводят в Метехский замок. Остальным разрешено переходить через границу с непременной сдачей оружия, как холодного, так и огнестрельного... За военными сохраняются их личные вещи, боевые награды...

В толпе снова загудели, одни выражали восторг, благодарность, другие посылали проклятья, больные вопили в отчаянии, над головами стоящих стелилось сизое облачко от теплого дыхания.

— ...Командование не пощадит тех, кто будет игнорировать его распоряжения... мы под свою ответственность проведем ложный бой, чтобы иметь основания доложить вышестоящему начальству: «Отступающие большевистские войска первыми открыли огонь по погранзаставе, пытаясь с боем прорваться через границу, но доблестные оккупационные войска и погранотряды разгромили большевиков, захватили их в плен...» После ложного боя все вы будете официально считаться пленными. Пойдете туда, куда вас поведет конвой... Понятно?

— Понятно.

— Хоть на тот свет, да поскорей. Ног под собой не чуем!

Голос в темноте затих, умолкла и толпа в ожидании ложного боя, не утихал только Терек. Над горами показалось солнце, осветив чудовищную картину: под ногами стоящих — трупы, а впереди мост через Терек, напоминающий мост через ад, на нем — две шеренги солдат в полушубках цвета хаки и добротных альпийских башмаках... Толпа хлынула на мост. Среди первых верхом пробивался и Жираслан, не обращая внимания на грозные окрики и ругательст-

ва. Конь вздрагивал от пинков в бок, а седок повторял:

— Прошу. Порученец правителя Грузии.

Его поправляли:

— Дурак. Не правитель, премьер...

Жираслан дальше проталкивался:

— Прошу. С особым поручением от премьер-министра Грузии. Личное поручение. Простите. Посторонитесь!

— Куда тебя черт несет! Не видишь, на костылях люди! Затопчешь!— Всадника давно стащили бы с коня, но боялись, как бы под этой великолепной буркой и белым башлыком не оказалась важная персона. Жираслан кричал все громче:

— Сторонитесь! Сторонитесь! Как бы не зашибить кого. Еду с мандатом...

Чем дальше, тем плотней стояла толпа, многие присели, спасаясь от ветра. Лошадь перешагивала через окоченевших.

— Сигай в Терек,— орали прижатые к скале и задыхавшиеся в тесноте люди,— вынесет прямо к Деникину!

Жираслану наконец удалось предъявить свой спасительный мандат офицеру, тот долго рассматривал его, показывал стоящим рядом, ветер чуть не вырвал бумагу из его рук.

— Как он сюда попал?— удивился англичанин-полковник, которого конь обдавал клубами горячего дыхания.

— Еду в Тифлис, занимался заготовкой мяса...

Офицер вернул пропуск со словами:

— Уматывай отсюда быстрей!

Жираслан проскочил через мост, не успел отъехать и полверсты, как первый залп наполнил ущелье раскатистым гулом, заставил его оглянуться. «Ложный бой»,— подумал он, с высокого места отчетливо видя толпу беспомощных людей под горой, которую английские солдаты расстреливали в упор.

— Да обернется отравой то мясо, что я скормлю вам,— как молитву прошептал Жираслан, и сам не услышал конца своей фразы: вновь загрохотали залпы... Если до этой минуты Жираслан допускал, что будет заготовителем, то теперь он и думать не хотел

о договоренности с Берулавой. «Не мясом надо их кормить, а свинцом»,— в сердцах повторял Жираслан, торопя выбившегося из сил, не поенного и не кормленного вторые сутки коня, спеша в безопасное место. А в ущелье не утихали выстрелы...

Миновав Крестовый перевал, перевалив через хребет и оказавшись на южных склонах Кавказа, Жираслан свернул с дороги, в чахлых кустах отыскал звериную тропу, судя по отпечаткам на тонком слое снега — туров, горных баранов. Лежбище туров, видно, где-то неподалеку, к нему ведет тропа от хрустального ручья, рожденного множеством струек, текущих со скал. Ручеек звонко падал в незамерзшую лунку вблизи застывшего водопада. Всадник напоил коня и сам попил из пригоршни, думая, что вырвался из кромешного ада. Не значит ли это, что ему долго жить? Завернувшись в бурку, он прилег на жухлую траву; казалось, коснись его голова седла, которое он всегда клал в изголовье, оставляя потник на коне,— он тут же заснет, а сон долго не шел, все мерещилась расправа над беззащитной толпой.

Жираслан проспал до полудня, охраняемый белыми вершинами гор, над которыми освобождалось от рваных облаков синее небо. Всего в полутора часах езды отсюда — северные склоны, там пасмурно, ветрено, а здесь почти весеннее небо. Низкие снеговые облака, обремененные влагой, наверно, не могут перевалить через хребет, скапливаются на северном склоне гор, застят небо, лишают солнца и тепла все живое...

Жираслан не хотел оставаться в горах на ночь, да и дорожные припасы были на исходе. Отыскав селение, он предъявил свой документ, и только тогда напуганные оккупационными властями жители пустили в дом незнакомца. А по документу за высокой подписью — вот когда оценил его Жираслан! — пожалуйста, даже коню нашлось теплое стойло и охапка сена. Жираслан не злоупотреблял гостеприимством селян, спеша в Тифлис, чтобы наконец определиться на место, пока его не приняли за бандита. Он не без труда отыскал жилище Берулавы, но самого Гиви дома не оказалось. Жираслан направился на городской базар в надежде найти человека, который примет его на постой,

и можно будет расседлать коня, благо в подушке седла зашито еще немало денег, которые он собирался вернуть своему благодетелю Берулаве.

Базарный торг был в разгаре, хотя дело шло к вечеру. Жираслан спешился и, чтобы не обращать на себя внимания, повел коня под уздцы вдоль рядов, оглядываясь, чтобы, не дай бог, Арабкан не лягнул кого-нибудь или не опрокинул корзину с фруктами, не разбил бочонок с вином. Гиви Берулава жаловался, что «англичане все подобрали, Тифлис голодает», но базар был опровержением его слов, хотя и дорогим.

— Лошадь продаешь?— послышался вроде бы знакомый голос, но Жираслан не оглянулся.— Сколько просишь, скажи?— Покупатель бесцеремонно схватил коня за узду, пытаясь заглянуть в зубы, определить возраст.

— Не продаю,— зло ответил Жираслан, вырывая узду из чужих рук, и, узнав покупателя, воскликнул:— Гиви! Здравствуй, Гиви.

— Князь! Ты здесь? У меня есть дом...

— Я заезжал к тебе. Сказали «неизвестно где», я и забрел сюда.

— Как ты вовремя приехал! А лошадка знатная. У тебя не было ее. Купил?

— Добыл,— уточнил Жираслан.

Вокруг шумел базар. Какая только речь не звучала здесь! Жираслан невольно вспомнил легенду о башне, над которой звучат все языки мира, и лишь тому суждено делить бессмертие с пророками, кому удастся постигнуть все эти наречия. Он внимательно прислушивался к непонятным словам, стараясь различить торговцев, но товар верней определял тех, кто торговал на базаре: торгует вином — грузин; изюмом, сушеными фруктами, коврами и рисом — азербайджанец; одеждой, домашней утварью — армянин; папахой особого покроя, оружием — чеченец или ингуш; женскими нагрудными украшениями, кубачинскими поясами из серебра с позолотой — дагестанец, точнее — даргинец или лакец; восточными сластями — рахат-лукумом, орехами — перс... Только кабардинцы здесь, видно, бывают редко... Проходя мимо мясников, развесивших в лавках свой товар, Жираслан узнал, сколько стоит фунт мяса, услышанную цену помножил в

уме на пятьдесят, на убойный вес барана, получалась сумма, чуть ли не в десять раз превышающая закупочную, установленную Берулавой для Жираслана. Гиви наверняка разбогател, думал князь, если он скот получает чуть ли не даром, а мясо продает по такой цене. Жираслан лишний раз убедился в том, что коммерция — грабеж!

— Как ты ехал — через перевал?

— Через перевал.— Жираслан глянул на будки, выстроенные в ряд, над окнами которых висели изделия оружейных дел мастеров. Заметил красиво отделанный кинжал. По рисунку видно — аварец.

— Англичане пропустили?

— Твой документ помог. Без него бы пропал вместе с тифозными.

— Что ты говоришь?!

— Ад в Дарьяльском ущелье! Настоящий ад!

— Краем уха кое-что слышал,— Гиви оглянулся на златокузнеца, колдовавшего в будке, крикнул:— Привет, Якуб! Не забыл, сегодня?

Невысокого роста златокузнец, обративший на себя внимание князя, высунулся из будки, пожал руку Гиви.

— Не забыл.

— Познакомься, кабардинский князь — Жираслан.

Князь поздоровался с мастером.

— Слушай, кацо. Не хочешь продавать — не надо. Лошадь твоя, деньги мои,— заговорил Гиви с жаром,— давай поменяемся: я тебе дам верховую, не хуже, чем твой жеребец, можешь скакать хоть до Стамбула — выдержит, в придачу и денег дам, мне твой конь нужен до зарезу. Понимаешь? Он красивый, хоть царю под седло, искупаем его сегодня, расчешем гриву, хвост, обвяжем ноги белым шелком, найдем другое, тоже хорошее седло, если тебе жалко своего,— и подарок царский! Я на все иду. А на свадьбу, где эту лошадь будут дарить, отправимся вместе. По рукам!..

Жираслан не знал, что и ответить, пожалуй, вернуться домой ему лучше на другой лошади. Но какая купля-продажа без того, чтобы не поторговаться.

Видя, что князь заколебался, Гиви нажимал:

— Подарок от князя князю. Понимаешь? Как зовут красавца?

— Арабкан. Ты же обменяешь его на мясной скот!

— Ни в коем случае. Я покупаю твоего коня, есть особая причина. Редкий случай.

— Ладно. Так и быть...

— Я знал! Ты же дорогой гость, князь! Зачем я тебя утомляю, отдохни у меня с дороги, и лошадь отдохнет.— Гиви от радости говорил без умолку.— О тебе я должен позаботиться, иначе меня проклянут мои родители, друзья, товарищи, ко мне перестанут в гости ходить и меня к себе не позовут. Как ты вовремя приехал, обрадовал меня! Я думал, не прорвешься. Отдохнешь, потом пойдем вместе на свадьбу, великая свадьба, кацо. Якуб тоже будет там. Грузинская княжна сочетается браком с чеченцем, будете свидетелями исторического события — появления на свет первого князя-чеченца... До сих пор чеченцы обходились без этого титула.

— Значит, князь упал в цене,— горько пошутил Жираслан.

— Может быть, может быть. Не знаю. В России — это точно. В Грузии, слава богу, еще в цене... Якуб, не забудь!

— Не забуду. Я все приготовил.

— Молодец! Все одно к одному,— уходя от будки, где сосредоточенно орудовал миниатюрными инструментами аварец, радовался Гиви. Жираслан задержался, чтоб полюбоваться кинжалами, кавказскими поясами и женскими подвесками; мастер колдовал над украшениями необыкновенного рисунка, подле него на табурете, затянутом бархатом, лежали пояс, усыпанный драгоценными камнями, нагрудник, перстень с крупным алмазом, подготовленные для золочения. Внимание Жираслана привлек кинжал и пояс.

— Хочешь, князь, взамен не деньги, а такую роскошь?— Гиви показал как раз на то, на что с интересом смотрел Жираслан.

— Пойдем, договоримся.

— Молодец, князь. Молодец! — чуть не на весь базар крикнул Гиви в восторге и, оглянувшись на златокузнеца, бросившего на них недоуменный взгляд поверх очков, добавил: — Он тоже на свадьбу работает, сегодня увидишь все сам. Якуб, до свидания, дорогой.

— До свидания,— улыбнулся златокузнец уходящим с базара.

2. РОЖДЕНИЕ КНЯЗЯ

В большом зале с лепными украшениями, паркетным полом и тремя огромными люстрами, залившими светом мягкие диваны орехового дерева, стеклянные шкафы с хрустальной посудой, камин, отделанный зелеными узорчатыми изразцами, бронзу на подставках красного дерева, буквой «п» стояли столы, ломившиеся от яств и вин, и шум стоял такой, что никакой тамада не в силах был утихомирить основательно подгулявших гостей. Сам премьер-министр Ной Жордания, глава правительства, его ближайшее окружение, министры почтили свадьбу своим присутствием. Не будь Жираслан вместе с Гиви, родственником хозяина дома, выдающего дочь замуж, не попал бы он в этот дом. А узнай кто-нибудь, что Жираслан провел недавно ночь среди тифозных — ему бы несдобровать. По странному стечению обстоятельств он оказался за пиршественным столом вместе с английскими офицерами, устроившими в темном ущелье «ложный бой». Но никто не узнал Жираслана, сидящего рядом с ювелиром Якубом. Да и кому смотреть на князя, если среди гостей — член Государственной думы, генерал Гегечкори, меньшевистский лидер Чхенкели, присягавший в Москве от имени народов Кавказа в верности России; вернувшись домой, он ратовал за отделение Грузии от России, создал Закавказский сейм, открытие которого совпало с расстрелом рабочих, собравшихся на митинг в Тифлисе в Александровском саду в поддержку лозунгов партии большевиков.

Высокопоставленных особ было так много, что жениху и невесте едва хватило места за столом, отведенным для почетных гостей. Во всяком случае, они оставались на втором плане, хотя и являлись виновниками торжества. О них говорили, отдавая дань особому смыслу этого брака, о котором не подозревал Жираслан. Якуб, сносно владевший грузинским языком, с трудом переводил соседу на русский тосты тамады,

не жалевшего высокопарных слов и похвал оккупационным генералам и офицерам. Те громко переговаривались между собой, не считаясь с тамадой, живописным старцем, сидевшим возле премьер-министра в ослепительно белой черкеске с золочеными газырями.

Жираслан никого из присутствующих не знал, а Гиви то и дело бегал от стола к столу или во двор, откуда парни с засученными рукавами непрерывно несли еду и кувшины с вином. Жираслану становилось грустно, что он расстается сегодня со своим скакуном. Гиви пообещал взамен неплохую кобылицу, кинжал с поясом кубачинской работы и пропуск в Турцию, о которой Жираслан не помышлял. Но для начала Жираслану предстояло потрудиться на Гиви, проявить себя на заготовке мяса, необходимого для оккупационных войск. Размышления Жираслана прервались, когда слово предоставили Ною Жордания. Зал затих, даже англичане перестали ржать, наклонившись к переводчикам.

Сказав традиционные слова в адрес жениха и невесты, которые, по мнению главы правительства, образуют мост между двумя народами, Ной Жордания заговорил о политической обстановке.

— Вы думаете, мы сидим за великолепным пиршественным столом нашего друга, и только? — интригующе спросил он и сам же ответил: — Нет, мы сидим у кипящего котла, каким стал ныне Северный Кавказ. Огонь под ним разгорается сильней и сильней, не дай бог, я повторяю — не дай бог, чтоб искра от этого огня упала на нашу землю, в пламени окажемся и мы. Надо смотреть в глаза правде: не далее как позавчера,— тон Жордания, сначала доверительный, окрасился угрозой,— отступающие под ударами деникинской армии части Красной Армии с ходу атаковали наши погранпосты в Дарьяльском ущелье, пытались смять их и прорваться к нам через границу...

По рядам прошел шум негодования, оратор воспользовался этим, отпил глоток вина, чтобы голос зазвучал сильней:

— Это были озверевшие полки, скорей орды, они лезли напролом, зараженные тифом, зная, что им все равно умирать... К счастью, вовремя подоспели оккупационные войска, наши друзья англичане разгро-

мили вооруженных повстанцев, тех, кто уцелел, взяли в плен, а большевиков и краскомов — в тюрьму. В общем, распорядились как надо...

— Их обманом загнали в ущелье, расстреляли как собак! — громко сказал Жираслан.— Господа англичане распорядились...— слова его потонули в общем гвалте. На Жираслана отовсюду зашикали, Якуб дернул его за рукав: дескать, сиди и не рыпайся.

— Вы хотите сказать тост? — обратился тамада к Жираслану.— Алла верды к вам. Подождите.

Примчался Гиви, надавил обеими руками на плечи князя так, что Жираслан почувствовал боль в только что затянувшейся ране.

— Ты что — с ума сошел? Умоляю, молчи,— шипел Берулава в самое ухо.— Ну расстреляли, какое твое дело? Ты же там не был, не видел...

— Я...— Жираслан чуть не выпалил «видел», но твердо закончил: — Я знаю, я отлично знаю.

— Значит, так надо было. Молчи. Не губи себя и меня.

Жираслан затих, подчинился Гиви, но его острый глаз уловил колючий взгляд английского генерала с длинным лицом и плотно сжатыми бледными губами.

— Деникинская Добрармия у ворот Грузии! — у Ноя Жордания чуть не сорвался голос от напряжения.— Это произошло совсем недавно. Мы бесконечно признательны оккупационным войскам, они помогли захлопнуть ворота, запереть границу на замок. Для нашей безопасности этого мало, пока нам помогает и зима, она завалила перевал и Военно-грузинскую дорогу снегом. Но придет весна — растает снег, будет сорван белый замок. Потребуется надеждый барьер, который отгородит нас от деникинской России, об этом барьере мы думаем сейчас. С божьей помощью, при единодушии заинтересованных сторон мы создадим такой барьер! — Премьер-министр взял хрустальный бокал с белым вином, повернулся к жениху, жених мгновенно вскочил с места, протянул свою рюмку с коньяком, и они чокнулись, обменявшись улыбками. Раздались аплодисменты, послышались голоса:

— Браво доблестным оккупационным войскам!

— Браво союзникам!

— За здоровье оккупационных властей, надежного

щита молодой республики! — генерал Гегечкори звенел орденами, высоко поднимая свой бокал, устремляя острые черные глаза на командующего оккупационными войсками, который ничего не понимал, но делал вид, будто очень польщен.

Жираслан с интересом рассматривал жениха: чеченец среднего роста, голубоглазый, с высокими скулами, продолговатым лицом, перешагнувший за черту тридцатилетия, был одет в голубоватую черкеску, такого же цвета атласный бешмет с обметанными шелком крючками вместо пуговиц, при великолепном, довольно длинном кинжале, висевшем на тонком кавказском поясе. Точь-в-точь такой пояс, какой сегодня видел Жираслан у Якуба в его будке. А газыри? С золотой насечкой, соединены между собой цепочками! На кинжале крупные узоры, рукоять из цельной слоновой кости. На боку в кавказской сафьяновой кобуре, украшенной узорчатыми серебряными пластинками, офицерский наган, от рукояти которого тянется шелковый шнур, петлей охватывающий шею.

— Моя работа, — похвалился Якуб, заметив, с каким восхищением Жираслан рассматривает экипировку жениха.

— Как его зовут?

— Жениха? Иналук Арсанукаев. Из рода Дышнинских. А говорят, чудес не бывает: родился же князь.

Слово за слово Якуб сообщил Жираслану все, что знал о женихе, оказавшемся, кроме прочего, его должником. За вещи, которыми так восхищался Жираслан, жених еще не заплатил, сказав: «Ты еще будешь гордиться тем, что сам Арсанукаев носит изделия твоих рук, подожди, в долгу не останусь». Вот Якуб и ждет, когда заказчик разбогатеет, таких у него немало. Одно разорение: даже если возвращают долг, платят деньгами, которые падают в цене, пока покупаешь нужный материал.

В Тифлисе хорошо знали Иналука Арсанукаева, служившего раньше переводчиком в штабе командования. Когда в руки карателей попадали чеченцы, а это случалось нередко, Иналук был незаменим, он не только переводил, но и понуждал пленных признаваться в несуществующих грехах. За прилежание он снискал любовь начальства и стал приставом в дышно-

веденском обществе; здесь-то и возникла грамота (именно возникла, ибо никто не может объяснить, как она появилась), в которой подтверждалось, что Арсанукаев уздень. Приехав в Грузию, он всем показывал эту грамоту, переводя «уздень» как «князь». Вот и попал в великосветское общество, равный среди равных — князь Иналук Арсанукаев.

Слова премьер-министра вызвали не только аплодисменты, но и беспокойство. Снежный барьер, отделяющий Грузию, объявившую о своей самостоятельности, от Деникина, может быть надежным лишь до весны, если к этому времени Деникин не обойдет хребет через Петровск, Дербент, Баку.

Настроение у гостей постепенно падало, жених и невеста уже никого не интересовали, мысль о Добровольческой армии завладела всеми. Одни целиком и полностью полагались на оккупационные войска, иные со свойственным грузинам жаром приводили свои доводы — мол, за спиной генерала Деникина стоит Антанта, через Новороссийск снабжает Добрармию оружием и продовольствием, обращаться за помощью к Турции бесполезно, Оттоманскую империю скоро доконает междоусобная война.

Свадебное веселье увяло, никто не слушал призывов живописного тамады с пышными седыми усами и гривой вьющихся седых волос при черных густых бровях, резко выделявшихся на бледном лице, его отшлифованных веками, полных образности и остроумия тостов.

Гиви подошел к Якубу, что-то шепнул ему на ухо и увел из-за стола. Жираслан глядел на, казалось бы, счастливого жениха, на свадьбу которого собралось столько знатных гостей, и думал: с этого дня Иналук стал князем, это чем-то напоминает и женитьбу Жираслана, когда он свой титул подарил жене. Но на лице жениха он не замечал восторга. Высокая, непомерно высокая для кабардинца каракулевая шапка низко надвинута на его лоб (известно, горцы шапку снимают только когда ложатся в постель или в гроб), тень от шапки падает до самой переносицы, оттого лицо его кажется двухцветным; сидящая рядом невеста ни разу не подняла глаз на гостей.

— Господа! Дорогие гости от родственников со стороны жениха! — на пороге показался торжествующий

Гиви, который, придерживая дверь, ждал, когда войдут двое мужчин, затянутых в бешметы, при кинжалах. В одном из них Жираслан сразу узнал Якуба, подумал: «Нашли чеченца», другой, по всему видно, был грузин.

Гости повернулись в сторону вошедших. Якуб с достоинством держал перед собой поднос, покрытый черным бархатом, на котором ярко горели и переливались, излучая свет, женский пояс из серебра с позолотой, нагрудник на двадцати застежках, закрепленных тончайшим ремешком из козьей кожи на красной бархатной подкладке, окантованной золотыми галунами. Воротничок был искусно отделан такой же тесьмой, поясок украшен разноцветными драгоценными камнями, на массивных, похожих на полумесяц подвесках из чистого золота алмазы напоминали звезды, которые удивительному мастеру удалось сорвать с неба. Дорогой гарнитур венчался перстнем, не уступавшим по красоте подвескам, с выгравированными буквами И. А. — Иналук Арсанукаев, — пусть, мол, жена помнит имя своего благоверного.

Гиви подвел гостей к невесте. Якуб довольно неуклюже, как показалось Жираслану, сунул невесте подарок, когда она протянула ему руку, чтобы поздороваться, и чуть не уронил тяжелые драгоценности на хрустальную посуду, хорошо, рядом стоял Гиви, который успел на лету подхватить поднос. Якуб растерялся, хотел забрать из рук Гиви поднос с дарами, но было поздно.

Раздались аплодисменты.

Якуб, одаренный теплой улыбкой невесты, попятился вместе со своим попутчиком, которого Гиви подобрал ему на этот случай из числа дворовых. Дело было сделано. «Княжеский» подарок невесте вызвал восхищение, и если до сих пор кто-нибудь сомневался в его истинно благородном происхождении, то вряд ли теперь сомневался в богатстве. Якуб, смущенный и взволнованный, сел на свое место. Жираслан невольно потрогал свой золотой амулет — маленькую подкову у себя на шее, спросил:

— Твоя работа?

— Что? — Якуб не понял, что имеет в виду сосед: небольшой спектакль, разыгранный во славу жениха,

или женские украшения; затем догадавшись, кивнул крупной головой, на которой возвышалась чеченская папаха. Какой-то английский офицер похлопал златокузнецу в знак признания его мастерства.

— В долг? — спросил Жираслан.

Якуб долго молчал и выдавил со вздохом:

— В долг.

Больше поговорить не удалось, заиграл грузинский оркестр, зал наполнился непривычной для европейского уха резкой, искрометной музыкой, мелодичной и темпераментной, бросавшей всем клич: джигиты, а ну пускайтесь в пляс. Жираслан хотел было, не задумываясь, вскочить, показать, что в его жилах княжеская кровь не остыла, но вспомнил о словах жены, которую предупредила волшебная целительница Мариам, что ему необходим длительный покой, надо «избегать резких движений», и только поглядел по сторонам: кто первый?

На середину зала вылетел молодой джигит, одетый с иголочки, лихо встал на цыпочки и грациозным жестом пригласил в круг ослепительно красивую девушку; пара плавно пошла по кругу под дружные хлопки и возгласы. Жираслан, тонкий знаток кавказских танцев, увлекся, забыл о предостережениях Мариам, вышел из-за стола и, приняв гордую позу, хлопал в ладоши. Ему казалось, грузин не так танцует знаменитый исламей, кабардинку, бьет на эффект, старается удивить присутствующих, особенно английских офицеров, которым в новинку горские пляски. Не способен этот юнец показать заморским гостям, как танцуют этот танец на северных склонах Кавказского хребта...

3. ВЫСТРЕЛ НА СВАДЬБЕ

После первой пары образовалась пауза, но начало танцам было положено, и находчивый Гиви объявил:

— Танцует Кабарда — князь Жираслан!

Жених и не подозревал, что на его свадьбе присут-

ствует представитель Кабарды. Князь глянул на вышедшую навстречу девушку, которая, как и невеста, была вся в белом, с томным обворожительным взглядом и гордой статью, под пару Жираслану; прищурившись, он следил за ее лебедиными движениями, заломил в локте правую руку, касаясь пальцем ущербной половины усов, чтобы скрыть от любопытных глаз изъян; в такт музыке совершая мгновенные повороты, подскоки, он несся на кончиках пальцев, то обгоняя девушку, то как бы преграждая ей путь, то пристраивался сбоку — мол, глядите, какие мы, разве не достойны друг друга! Музыка достигла предельной громкости, Жираслан был в ударе, плясал как никогда и, заслужив бурное одобрение англичан, проводил девушку на ее место.

— Это не танец, а великолепный тост! Наш гость давно жаждал высказать его! — Гиви подпустил тумана, чтобы замять выходку князя, его неосторожную фразу об англичанах.

— Отличный тост! Отличный, — похвалил тамада.

Возбужденный и счастливый, князь довольно сверкал глазами. Садясь рядом с Якубом, он почувствовал легкое головокружение и тепло на груди, сунул руку под черкеску — липкая влага; он пожалел, что ослушался Мариам, с ужасом понял, открылась рана. Жираслан побледнел, притих, незаметно засунул под бешмет большой платок, чтобы кровь не выступила поверх черкески, не выдала его.

Танцы продолжались.

О Жираслане сразу забыли, когда вихрем вылетел в круг новый танцор, но князь уходить не решался. Постепенно кровь унималась, ему становилось лучше.

«Подожду еще немного и пойду, — думал он, — да и время позднее, английские офицеры встают без церемоний и, не прощаясь ни с кем, уходят, не понимая, что у кавказцев так не принято».

Нерешительность Жираслана прервал все тот же неугомонный Гиви — распорядитель торжества.

— Князь, умоляю, помоги ввести сюда коня. Не идет, черт побери, твой Арабкан, парня лягнул... — Гиви задыхался, словно плясал он, а не Жираслан, видно, намучился с конем. — Прошу, помоги...

На кабардинских свадьбах всадник может въехать

в дом верхом на коне, потребовать от девушек вознаграждения для своего скакуна в виде шелковых платочков, галунов, красивых лент, которые полагается вплетать в гриву. Только получив эти дары, счастливый джигит, чье самолюбие удовлетворено, развернет коня и покинет комнату. Жираслан полагал, что и у грузин существует такой обычай, поэтому не стал расспрашивать Гиви и вышел, осторожно ступая по натертому паркету.

Во дворе он увидел парня, сидевшего на корточках. «Арабкан лягнул его», — подумал он. Двое других держали возбужденного коня, из розовой пасти которого валил пар. Конь всем телом дрожал. Надо было прежде всего успокоить его, но Жираслан сам разволновался, увидев любимца в чужих руках. Мелькнула дерзкая мысль — вскочить на Арабкана и умчаться куда глаза глядят. Он подошел к лошади, перенял из рук парней уздечку, похлопал коня по холке, погладил вскинутую высоко морду. Арабкан, узнав хозяина, прижимался к нему, теребил за рукав: дескать, зачем ты меня покинул, кому друга отдаешь? Почувствовав знакомый запах и голос, лошадь быстро успокоилась, тянула хозяина прочь со двора, чуя неладное.

— Арабкан, вперед! — Жираслан, держа коня в поводу, пошел наверх по каменным ступенькам, лошадь поначалу упиралась, потом поддалась привычному зову. Ей не раз приходилось в дороге спускаться по крутым скалистым тропам и подниматься, но здесь она не доверяла людям и боялась шума, доносившегося из дома. Зато за хозяином она легко пошла по ступенькам.

Гиви успел проскочить мимо лошади, широко распахнуть дверь:

— Прошу внимания! Стоп, музыка! Прошу внимания! Братья нашей несравненной сестры не хотят оставаться в долгу перед чеченским узденем, который преподнес достойные дары невесте. — Гиви сделал выразительный жест в сторону распахнутой двери: — Прошу коня!

Жираслан ввел в зал дрожащего от волнения Арабкана. Коня накануне искупали и расчесали гриву, хвост словно струился черным тугим потоком, мягко переступали стройные ноги в белых чулках, шерсть

отливала, словно мокрый шелк... Знатоки определили: элитная лошадка. Шея аккуратная, точеная, крутые, как у оленя, икры, мощные ноздри, голова осанистая, сухая, широкие ребра просматриваются сквозь «рубашку» — волосяной покров, круп и холка на одинаковом уровне, умные, сверкающие глаза, — не конь — чудо! Арабкан испуганно прядал ушами, шел боком на хозяина, оглядывался — дескать, уведи меня отсюда.

Жираслан встретился глазами с женихом, для которого подарок, судя по всему, был неожиданностью. Иналук оживился, позабыл обо всем, увидев красавца коня, но, скрывая волнение, схватил под столом руку невесты, благодарно сжал ее.

В зале закричали и захлопали, оркестр заиграл туш, Жираслан поспешил увести Арабкана, боясь, что он, вырвавшись из рук, наделает беды. Скакун быстро сошел по ступенькам, зафыркал от удовольствия, оказавшись на воздухе.

— Отлично получилось, князь! Все потрясены. Никто не ожидал этого. Никто! Понимаешь?

— Разве у грузин есть такой обычай? — спросил Жираслан. В его голосе сквозили раздражение, озлобленность.

— Какое это имеет значение? Грузинам скажем: «Сделали по-чеченски». Англичанам скажем: «Поступили по-грузински». Главное — красиво получилось. Надо было удивить господ английских офицеров. Мы их удивили. Видел, как изумился генерал? Он у них главный! А обычаи люди придумывают.

Жираслану не хотелось возвращаться в зал, чтобы не видеть счастливчика, которому трижды повезло: женился на княжне, получил титул и к нему Арабкана, стоящего, по мнению Жираслана, первых двух даров судьбы.

Но Гиви настоял:

— Не разрешаю. Посиди еще немного. Очень прошу! Все спросят: «Почему ушел кабардинский князь?» Что я скажу? Ты коня не жалей, — утешал Гиви, догадавшийся о причине грусти Жираслана. — Я понимаю, ты пошел на обмен скрепя сердце. Учти, твоя жертва может обернуться для тебя удачей. Не сейчас, конечно, потом...

— Каким образом?

— Сегодня родился новый князь! Но родится и новое государство — эмират. Поверь мне!

Веселье, продолжавшееся до первой утренней зари, когда Триалетского хребта, на склонах которого рассыпался Тифлис, коснулись бледные лучи пробивающего толщу облаков солнца, кончилось внезапно. Дальний родственник невесты Николай Чхеидзе, председатель Учредительного собрания Грузии, член Государственной думы, весь вечер занимавший своими разговорами командующего оккупационными войсками и премьер-министра, исчерпал все темы, глянул на гостей, стукнул об пол палкой, с которой не расставался, и обратился к собравшимся:

— Умеет ли наш дорогой зять плясать?

— Под грузинскую музыку! — сострил кто-то.

Николай Семенович, умевший ловко балансировать на дискуссиях в Государственной думе, и здесь нашелся:

— Конечно, под грузинскую. Другой музыки на грузинской земле нет, — сказал он, пригладив ладонью черную бородку а-ля Николай Второй.

Жених и невеста под одобрительные возгласы гостей вышли из-за стола. Музыка грянула с новой силой.

Иналук Арсанукаев театральным жестом пропустил вперед очаровательную Ламару в длинном, шитом золотом подвенечном платье, давая всем возможность любоваться завидной красотой невесты. Прозрачная фата не скрывала восхитительного спокойного лица, матовой кожи, аккуратного подбородка, изящного, хотя чуть и длинноватого, носа и, конечно, изумительных глаз, скромно потупленных вниз. Иналук бросал на нее гордые, преисполненные достоинства взгляды, как бы говорившие: столь редкое сокровище, предмет общего восхищения, принадлежит мне.

Вдоль стен образовался тесный круг, гости принялись бить в ладоши, когда молодая чета стала танцевать, а английский генерал, командующий оккупационными войсками, и Ной Жордания воспользовались моментом и поднялись на второй этаж для конфиденциального разговора. Их ухода никто не заметил, все были захвачены искусством жениха, он привел всех в восторг виртуозной пляской. Жираслан не выдержал, выхватил маузер и выстрелил дважды в потолок, за-

быв, что он не в горской сакле, а в лучшем двухэтажном доме города, зал наполнился пороховым запахом и пылью, у гостей зазвенело в ушах, завизжали от восторга женщины. Выстрелы взбодрили Иналука, и Жираслан собирался снова салютовать, как к нему подскочил сутулый адъютант командующего.

— Зачем стрелял? Взять его!— завопил англичанин, гневно выкатывая серые глаза.

Жираслан не успел спрятать маузер в деревянную кобуру, как был схвачен солдатами; несколько человек бросились на помощь князю, среди них — Гиви Берулава.

— В чем дело? Почему взять?— негодовал Гиви.— Во время пляски у нас стреляют. Обычай! В честь танцующих.— Гиви пытался вырвать гостя из цепких рук англичан.

— Какой обычай?! Пуля попала в его превосходительство! Ранен генерал!— Слова адъютанта всполошили всех, музыка прервалась. Жених растерялся: с одной стороны, он не мог дать в обиду человека, воздавшего ему почести, с другой стороны — ранен командующий оккупационными войсками...

К счастью, рана оказалась неопасной. Пуля, пробив штукатурку и дощатое междуэтажное перекрытие, попала в правую руку генерала (в тот самый момент, когда генерал в беседе с премьером, изображая, как стягивается огненное кольцо Антанты вокруг большевистской России, сужал кольцо, образованное его длинными руками) и пробила ладонь навылет между большим и указательным пальцами. От неожиданности и от боли генерал взмахнул рукой, выпачкав кровью парадный мундир.

Ной Жордания лично руководил оказанием медицинской помощи генералу, среди гостей оказался врач-грузин, взявшийся тут же обработать несложную рану. Пока он священнодействовал, за дверью толпились гости, которым не разрешали переступить порога, женщины не жалели шелковых платочков, чтобы осторожно снять капельки крови с генеральского мундира. Англичанин, лежавший в кресле, страдальчески кривил бледное лицо, польщенный тем, что неожиданно оказался в центре внимания.

— Кто это безответственно палил в потолок? Он мне

ответит!— горячился Ной Жордания, сердито глядя на стоявшего рядом хозяина — родственничка Гиви.— Не кабардос?

— Так точно. Он.

— Ваше превосходительство, я приношу глубокие извинения за поступок дикого князя,— горячился Жордания.— Он не только гость, он — слуга. Я его накажу. Он ответит за каждую каплю вашей крови. Слава всевышнему!

— Как он угадал, где сидит его превосходительство? Он мог попасть не в руку!— английский офицер секретной службы намекал премьеру на возможный акт террора, оставляя без внимания заверения Гиви, что гость стрелял куда попало, без всякой цели.

— Это не случайный выстрел,— качал головой англичанин,— случайно он не попал бы...

— Не делайте преждевременных выводов, господин полковник. Разберемся. Подтвердится ваша версия — князю не сносить головы.

— Я готов поручиться за него!— Берулава пытался отвести от князя подозрение.

Премьер не дал ему договорить:

— Ныне никто ни за кого ручаться не может. Разберемся, разберемся, потом...

Ной Жордания опасался одного — в прессу просочится слух о якобы покушении на командующего английскими оккупационными войсками, да еще при каких обстоятельствах — в присутствии самого премьера! Он поручил офицерам секретной службы проследить за этим, не раздувать случай, не придавать ему характер преднамеренности, а родственничку Гиви велел отвести Жираслана к себе и не выпускать из дому до особого распоряжения.

4. ВАЛЮТА

Вскоре все позабыли о приключении на свадьбе. На Арабкане теперь гарцевал новоявленный князь Иналук Арсанукаев. Английский генерал, позабыв о

своей царапине, раскатывал в автомобиле, и, по слухам, собирался с достоинством покинуть республику. Жираслан, чтобы не мозолить глаза оккупационным властям, уехал в Абхазию скупать у крестьян скот. Первая поездка в горы оказалась удачной, и Гиви Берулава остался доволен. После Абхазии Жираслан ездил через Алазанскую долину за хребет, потом решил попытать сча́стья в Азербайджане, северные границы которого простирались теперь чуть ли не до самого Петровска, и можно было скупить скот в горном Дагестане у лезгин, аварцев. В Дагестане он встретился с трудностями: горцы не принимали бумажных денег, им подавай золотые, серебряные монеты или в крайнем случае патроны, а то наганы, пистолеты, винтовки и даже пулеметы. Напрасно Жираслан вытаскивал из переметной сумы — своего коврового хурджина — альбом с образцами денег всех правительств — от николаевских до грузинских, предлагал на выбор. Горцы, наученные горьким опытом, не соблазнялись бумажными деньгами. Правдами и неправдами время от времени Жираслан собирал небольшие стада скота и отправлял своему патрону; за лето ему удалось скупить не одну сотню голов, оправдались надежды ненасытного Берулавы, только к концу лета заготовитель позволил себе появиться в Тифлисе и доложить своему нанимателю: бумажные деньги не идут. И у князя возникла идея: раздобыть патроны и оружие для обмена в Турции. Жираслан не успел поделиться заманчивой мыслью с Берулавой, как они разругались. Причиной раздора оказалась услуга, оказанная Жирасланом хозяину ресторана (он же хозяин и гостиницы «Ариант»), которому он продал несколько голов скота. Жираслан понял, как бесцеремонно надувает его Берулава. Француз заплатил за каждую голову куда больше, чем он получал от патрона, которому верой и правдой служил вот уже сколько месяцев. После крупного разговора Жираслан заявил:

— Я больше не твой агент. Еду в Стамбул.— О своей идее Жираслан промолчал. Дело стало за турецкой валютой.

Гостиница «Ариант» на Головинском проспекте в центре Тифлиса, содержавшаяся расторопным французом, притягивала к себе посетителей не меньше, чем

собор, стоящий напротив, или респектабельный дом наместника. Тому были свои причины: на первом этаже большого трехэтажного здания, украшавшего проспект, разместилось американское акционерное общество, занимавшееся не столько коммерческими делами, сколько судьбами людей. Из Александровского сада сюда тянулась оживленная тропа, ибо ресторан при гостинице удовлетворял самые изысканные вкусы посетителей. В ресторане готовили и кавказские блюда, обслуживали проживающих в гостинице высокопоставленных особ самым наилучшим образом, отпускали обеды под гарантийное обязательство для правительств еще не существующих государств. Расчеты производились, как правило, золотом, долларами, фунтами стерлингов, франками, лирами — конвертируемой валютой.

Когда речь зашла о турецких лирах, Якуб, которому доверился Жираслан, вспомнил заказчиков из гостиницы «Ариант», нередко приходивших к нему за вещицами из золота и серебра для своих наложниц или невест.

— Тебе нужны турецкие деньги?— переспросил Якуб, когда Жираслан рассказал, зачем привел на базар уже заезженную кобылицу, доставшуюся ему взамен Арабкана.— Я тебе скажу, где их достать... У француза — хозяина гостиницы «Ариант».

— Не даст. За скот он платит грузинскими.

Якуб призадумался. Жираслан подсел к нему на табурет, с восхищением смотрел на его почерневшие, жилистые руки и думал, как нужен людям этот небольшого росточка человек, золотых дел мастер, сидящий от зари до зари в маленькой дощатой, продуваемой ветрами будке с единственным окошком, закрывавшимся на ночь изнутри мощным щитом и засовом.

— Грузинские там не ходят,— обронил Якуб.— Их и тут с руками не отрывают. Иному купцу в Тифлисе дашь николаевский червонец, а сдачи бери грузинскими, «мелочи нет»,— Якуб постукивал молоточком по шляпке зубила, не отрываясь от дела. Это ему не мешало говорить, словно руки сами знали, что им делать.— В Турции сейчас все равно что большой базар. Шах-сейн, вах-сейн.

— Шах-сейн, вах-сейн?— спросил Жираслан.

— Шах-сейна, вах-сейна не знаешь?! — удивился Якуб, на секунду оторвавшись от декоративного узора на кинжале, который делал по заказу. Улыбка озарила его узкое морщинистое лицо.— Забыл, кабардинцы — сунниты! Как аварцы. Азербайджанцы шииты. У них праздник шах-сейн, вах-сейн.

Жираслан не очень-то разбирался в мусульманских сектах, но слушал друга внимательно, веря Якубу.

— Может быть, и у нас бывает. Я не знаю,— признался он.

— В Турции бывает. Тебе следует знать,— предупредил Якуб.— Я почему знаю? В детстве родители мои жили в Дербенте. У суннитов своя мечеть, у шиитов своя, да не одна. Я там и насмотрелся...

Жираслану интересно было послушать о религиозном празднике в честь внука пророка Магомета Гуссейна, почитаемого шиитами. В Дербенте, воздвигнутом по преданиям легендарным строителем Рустамом, вопреки козням нечистых сил в виде шайтана — черного дьявола с хвостом, когтями и клыками, вооруженного палицей, с четырьмя стопудовыми жерновами, с громадным колоколом, висящим на рогах,— этот праздник проходил ежегодно с соблюдением жестоких и кровавых обрядов.

Начинается день разжиганием мангалов — печей из листового железа на ножках, вокруг которых пляшут мальчишки, выкрикивая имя пророка; мечети убираются зеркалами, тканями, золотом шитыми занавесками, а в соборной мечети выставляется картина «Рустам поражает кинжалом дьявола». К полудню мангалы разгораются, на плоских крышах рассаживаются зрительницы, на площади выстраиваются в круг мужчины, обнаженные по пояс, и, держась левой рукой за кушак впереди стоящего, под религиозный речитатив-пение учеников духовных школ правой рукой наносят себе удары сначала кулаком, потом цепью, а под конец кинжалом. Молодые парни, чтобы обратить на себя внимание девиц, не щадят себя, обливаются кровью. Из мечети выносят гробницу Гуссейна, тоже похожую на миниатюрную мечеть с двумя минаретами, башенками для муэдзина, навстречу несут миниатюрное подобие мечети, в которой венчался Мусселим с дочерью Гуссейна, обе процессии ведут лошадей, прон-

зенных стрелами и окровавленных, на лошадях — доспехи родственников Гуссейна, погибших в праведном бою. При встрече двух процессий люди доходят до экстаза, умопомрачения, вопят и истязают себя, начинается пальба, крики, возгласы мулл, поток людей направляется в главную мечеть, и кровавое зрелище дополняется багровым отблеском раскаленных мангалов, дымом, причитаниями стоящих на крышах женщин.

Празднество завершается представлением: пророк Гуссейн, удерживаемый женой и детьми, с именем аллаха на устах бросается на Омар-Сада, Изида замахивается на него саблей, но раздается выстрел (не беда, что в те времена не знали ничего о порохе) — и противник сражен, Гуссейн перекидывает тело убитого через седло и везет к его женам, ревущим, как быки...

— Почему быки?

— Почему? Ревущие жены-то — переодетые мужчины.

— Так это игра?

— Обряд такой. Омар-Сад думаешь настоящий? Кукла наряженная. Бывало, насмерть убивали. Редко, кто соглашался облачиться в одежду богом проклятого Омара. Если человек дошел до умопомрачения, кто его удержит? Хищник, зверь — и все. О, этот праздник запомнился мне на всю жизнь — как насечка на кинжале,— вздохнул Якуб.— Мой отец согласился однажды облачиться в одежду Омара — закололи насмерть.

— В Турции когда шах-сейн, вах-сейн?— помолчав, спросил Жираслан.

— По лунному календарю каждый год на двенадцать дней вперед переносится. В этом году был в июле... Да. Потом мать ушла из Дербента, нас было два брата и пять сестер, мать одна всех выходила, но не могла видеть адское творение Дербент. Улицы узкие. Бык идет, рогами на стенах полосы чертит.— Якуб помолчал, маленьким ручным мехом раздул пламя в горне, поставил тигель на огонь, чтобы расплавить металл, добавил:— Приедешь в Стамбул — может быть, увидишь.

— Я не за этим еду.

— Там вечная суета, неразбериха. Сам аллах поводыря возьмет, иначе назад дороги не отыщет.

— Вся надежда на соплеменников, черкесов там много.

— Пока их найдешь, пропадешь. Куда идти? Кого спросить?

— Ты прав. У меня никаких адресов.

— Турецкими деньгами я, пожалуй, помогу.

— Как?

— Есть у меня тут один. Имею от него заказ.

— Не чеченский ли князь?

— Нет. Повыше.

— Куда уж выше Иналука Арсанукаева? Говорят, он уже в Чечне. Ты разве не понял, почему его произвели в князья, не пожалели для него княжны?

— На него ставка большая.— Якуб помолчал и добавил: — И на того.

— На кого того?

— На моего. Правителя Терско-Дагестанской республики в будущем. Живет в гостинице, сам хозяин ресторана принимает у него заказы на обеды разные. За Иналуком стоит Грузия, за этим офицером тоже сила, только не знаю какая; богат, холера его забери,— нефтью промышлял, земельный надел имел, любые деньги есть, и турецкие наверняка. Как же — за него Турция заказы делает, друг чеченского генерала Эрисхана Алиева.

— Фамилия?

— Я фамилии у заказчиков не спрашиваю. Кажется, Чуликов. Знаю, сам генерал ездит к нему — шишка.— Якуб помолчал, посопел над серебряной чеканкой, усмехнулся: — Нынче у кого в руках оружие, тот и заказывает молитву, шах-сейн; не поймешь, какие рога бычьи, какие — воловьи. Главное, с рогами, того и гляди, чтоб не забодал. Я предложу правителю твою лошадь, он недавно заказывал саблю, говорил, ему лошади нужны. Возьмет твою кобылу — попрошу заплатить лирами.

— Ты, я вижу, не только большой мастер. Ты — человек дела,— довольный Жираслан хлопнул Якуба по плечу.— Чуликов — слыхал я такую фамилию. Хотя я тоже не спрашиваю, кому продаю коня.

На другой день, предварительно сговорившись, Жираслан и Якуб отправились в гостиницу «Ариант», где на третьем этаже занимал две угловые комнаты с от-

дельным входом «Союз горцев». Председатель располагался в одной, а в смежной была штаб-квартира «Союза» — зерно, из которого должно было произрасти правительство будущей Терско-Дагестанской республики. Якуб потянул на себя дверь, просунул голову:

— Можно ли нам переступить порог?

— Заходите, заходите. Милости прошу,— послышался простуженный, сиплый голос, в котором Жираслан не уловил чеченского акцента.

Якуб пропустил вперед Жираслана, прикрыл за собой дверь.

— Ассалам алейкум!— князь первым произнес традиционные слова, протянув руку офицеру средних лет с очень аккуратно подстриженными черными усами, казавшимися от этого приклеенными.

— Честь имею,— театрально протянул руку и хозяин, звякнул шпорами и щелкнул каблуками. Будь он в фуражке, он наверняка еще и козырнул бы.— Прошу садиться.— Председатель показал рукой на небольшой орехового дерева диван и два кресла в стиле шератон и, обращаясь к Якубу, добавил: — Я думал, давно готов кинжал, а ты до сих пор выбираешь орнамент. Дай-ка я посмотрю.

Жираслан испытующе глянул на будущего правителя: кто знает, может быть, судьба сведет еще раз с ним, отпрыском богатых родителей — землевладельцев и нефтепромышленников. Офицер не носил погон, чин ротмистра не отвечал масштабу его замыслов: вот обретет он власть — и военное звание придет само, придет и день, когда он сведет счеты с теми, кто освистал его на народном съезде в Урусмартане, на котором председатель «Союза горцев» выступил с докладом. Едва горцы почувствовали, что оратор защищает интересы казаков и местных богатеев, бросились к трибуне с обнаженными кинжалами, Чуликов спасся бегством и с тех пор затаил злобу на своих соплеменников, особенно на Асланбека Шарипова, вожака горской бедноты.

Якуб развернул башлык, извлек почти готовый большой кинжал, ножны которого были разделены рисунком на четыре части по горизонтали, отчего композиция массивного украшения стала дробной, а орнамент хоть и мелким, но замкнутым. Заказчик улыбнул-

ся, по достоинству оценив мастерство Якуба, выдвинул лезвие из светлой дамасской стали, взявшись за рукоять из белой слоновой кости, украшенной серебряной насечкой по вороненому железу.

— Подойдет? — осторожно спросил Якуб.

— Уже подошел.

— Выгравировано на лезвии: «Без нужды не вынимай и без славы не вкладывай»? — шутя спросил Жираслан.

— Это владелец кинжала должен помнить сам.— У Якуба на этот счет свои соображения, он придерживается строгих правил.— Я от золота отказался, оружие делает золотым не само золото, а мужество. Шамиль не любил украшать доспехи золотом, ему саблю делал мой дед. Сталь была отменной, на ножнах простые украшения: серебряная чеканка в сочетании с чернью, и все.

— Ты решил, что мой вкус должен совпадать со вкусом Шамиля? — не без рисовки и польщенный услышанным спросил офицер.

— Если я ошибаюсь, у меня есть и золото.

— Да будет рукоять кинжала к твоей руке.— Жираслан не стал расхваливать изделие мастера, чтобы его владелец не сказал по горскому обычаю «нравится — бери».

— Благодарю, Якуб. Что ж ты не знакомишь меня со своим другом?

— Князь Жираслан. Из Кабарды. На службе у грузинского правительства. Все, что я могу сказать о себе,— опередил князь Якуба.

— Служите в армии?

— Нет. Поручения правительства выполняю.— Жираслан не уточнял, какие поручения. Пусть офицер думает что хочет.

— В «Союзе горцев» не состоите? — вопрос был поставлен в упор.— Есть у меня кабардинцы. Но если пожелаете...

— Он едет в Стамбул.— Якубу не терпелось перейти к главному, ради чего они пришли.— Продает лошадь, хорошую кобылицу.

— Одну?

— Да.

Председатель рассмеялся:

— Я думал, пригнали косяк кабардинских лошадей, предлагаете выбирать лучших. Одна кобылица — воду возить на ней?

— Ты говорил: нужна лошадь.

— Говорил, но не одна, даже не десяток. Мне всю штаб-квартиру «Союза горцев» надо посадить на лошадей. С полсотни голов уже есть, на днях прибудет еще.

Якуб почувствовал вину перед Жирасланом. Получилось, будто он его обманул, привел сюда зря. Вид Жираслана убеждал Якуба в этом. Князь окинул скучающим взглядом голые стены комнаты с одной-единственной черно-белой картиной — голова дамы в шляпе с необыкновенно широкими полями. Электрическая лампочка без абажура свисала над овальной формы столиком на длинном шнуре, засиженном мухами.

— Да полакомишься ты моим сердцем, я пришел не столько показать орнамент, у меня просьба к тебе — заплати за кинжал турецкими лирами, я отдам деньги моему другу, князю Жираслану, он купит мне на них серебряные пластинки в Стамбуле.— Якубу нельзя было отказать в находчивости.

— Турецкими лирами?

— Да.

— Будь по-твоему. И лошадь я скажу, кому продать: в этой же гостинице, рядом с американским акционерным обществом, Комитет по делам Абхазии. Там купят.

— Заплатят грузинскими?

— Разумеется.

— Нам-то турецкая валюта нужна.

— А князь не промотает твои денежки?— обидно засмеялся председатель «Союза», не испытывая никаких угрызений совести по этому поводу.

— Промотает — сочтемся.— Якуб глянул на Жираслана взглядом, полным искренности, прямодушия.

Жираслан кивнул, восхищенный тем, как Якуб ловко повернул дело.

— За мой заказ я расплачусь лирами, а ты сделай мне еще пояс с подвесками и газыри для большого генерала. Понял?

— С удовольствием.

— Что слышно в Кабарде?— офицер неожиданно

переменил тему.— Советы искурились, как турецкий табак в трубке?

— Дым еще идет. Особенно в горах Ингушетии. Туда подалось чувячное воинство, беднота.

— Генерал Улагай обещал Деникину привести к нему последнего большевика на аркане. Не привел?

— В горах бои.

— Это я знаю. Улагаю укоротят поводья. На что были храбры другие генералы — и те не смогли проникнуть в горы; Улагаю с его бригадой и соваться туда нечего было — только позорить себя. И угораздило чеченцев родиться в лисьей шкуре!

— Почему в лисьей? — не понял Жираслан.

Офицер поиграл новеньким кинжалом, вынимая лезвие и с силой снова заталкивая в ножны:

— Враг лисы — ее шкура, как говорит народная мудрость; у чеченцев тоже есть шкура — нефть. Из этой шкуры Деникин хочет сшить Ллойд Джорджу шубу, английский премьер платит за это не турецкими лирами.— Офицер с улыбкой обернулся к Якубу, давая понять ему, что это пришлось к слову.— Он платит уничтожением большевизма на Кавказе, причем не своими руками — вкладывая оружие в руки горцев, и говорит: бейте это племя, спасайте Россию и себя. Улагай клюнул на это. И правильно сделал...

— А если бы у чеченцев не было «шкуры»? — спросил Жираслан.

Казалось, совсем простой вопрос поставил в тупик председателя «Союза горцев»; после короткого, напряженного раздумья он сказал:

— Жили бы на своей земле.— И чтобы не дать Жираслану задать новый вопрос, продолжил скороговоркой: — Откуда бы англичане узнали о чеченцах, если бы не нефть? Откуда? У них собачий нюх на нефть. Теперь без нефти никуда. Танки, аэропланы, машины, паровозы — все на нефти; Германия затевала войну, имела одних аэропланов пять тысяч, союзные державы тоже, Россия плелась в хвосте, имела всего триста аэропланов — и те разноперые, иностранных марок. А танки?.. Война без нефти шагу не сделает.— Офицер с удовольствием демонстрировал, что мыслит масштабно.

Жираслан как бы размышлял вслух:

— Вы говорите, у англичан собачий нюх на нефть. Собак на след кто-то наводит. Ты ведь тоже нефтью промышлял.

Офицер с жаром подхватил:

— Верно. Я — нефтепромышленник. Я на это имею право, земля моя, все, что произрастает на ней, находится в ее недрах, мое, чеченцы давно использовали нефть — сначала как красильное вещество, колесную мазь, даже как лекарство. Первое нефтеперегонное предприятие в мире где родилось? Здесь. О керосине люди впервые узнали на Тереке. Сто лет с тех пор прошло, почти век. Если я участвую в разработке нефти, как же может быть иначе? Зато Деникин не вправе отдавать нефть англичанам за уничтожение большевизма в России; большевизм, дорогой князь, не имеет национальности, но у каждой нации он есть. Что это значит? Большевизм свил себе гнездо в садах всех народов, значит, всем народам надо объединить усилия для борьбы против него, большевики создали партию, мы создадим «Союз горцев», направленный против большевистской партии. Вы могли бы быть активным членом этого «Союза».

— Я покидаю Кавказ.— Жираслан почувствовал себя не в своей тарелке.

— Надолго? Насовсем?

— Сам не могу сказать.

— В эмиграцию? Теперь это модно.

— Возможно.— Жираслан не знал слова «эмиграция», поэтому ответил неопределенно: — Там видно будет.— И, взглянув на Якуба, спросил: — Не пора нам?

— Ты — мой гость. Твоя воля для меня закон,— охотно отозвался Якуб.

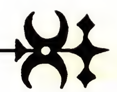
Председатель остался верен себе:

— «Союз горцев» с помощью великих держав сделает свое дело,— были его последние слова.

Жираслан предостерег его:

— Великие державы тоже умеют устраивать шахсейн, вах-сейн.— Он вспомнил расстрел тифозных в Дарьяльском ущелье.

Расставшись с Якубом, Жираслан отправился оформлять документы для отъезда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. ХАЛИДА АДИБ

Получив визу и махнув рукой на Гиви Берулаву, уехавшего на заготпункты, разбросанные по Закавказью, Жираслан отправился в далекий путь. Кроме валюты он взял с собой несколько драгоценностей, купленных у Якуба на грузинские деньги: Комитет по делам Абхазии заплатил за Жирасланову кобылу приличную сумму. Якуб, пожелавший во что бы то ни стало увидеть, как Жираслан «садится в корабль», подумал и о том, что может по случаю купить серебро у армян, осевших в портовом городе Батуме.

В Батуме яблоку было негде упасть и всюду шла бойкая торговля. Греческий пароход, доставивший к кавказскому берегу партию стеарина для православной церкви, поднял всех на ноги, набережная напоминала муравейник. Якуб не отходил ни на шаг от Жираслана, повторяя:

— Начнется какой-нибудь шах-сейн, вах-сейн — не вмешивайся, плюнь на все и возвращайся назад. Мой адрес не изменится: тифлисский базар при любом режиме.

— Да удержит тебя аллах и впредь на пути праведника,— растроганно говорил Жираслан.— Ты — настоящий друг. Без тебя мне бы валюты не видать. Слово князя — я в долгу не останусь. Дружба дороже денег. Я это оценил сполна.

Якуб тихо, словно украдкой, смеялся:

— Все-таки заставил я офицера раскошелиться. Удочку закинул наудачу... А?

— Надо было мою кобылицу не продавать, а тебе оставить. Поздно я об этом подумал.

— Чем бы я ее кормил? За ней и уход нужен.

Объявили посадку на пароход, Жираслан и Якуб обнялись. Началось столпотворение. Кто куда едет — не понять. Армяне-беженцы буквально осадили порт, после того как по Мудросскому мирному договору город, захваченный турками, отошел вновь к России. Повсюду взгляд натыкался на солдат в форме английских оккупационных войск, ибо вершил судьбами людей английский генерал-губернатор. Из Батума белогвардейские войска снабжались оружием, отсюда вывозилась нефть, поступавшая из Баку, даже проверка документов осуществлялась англичанами. Жираслану помог его титул — князь. Ему сразу верили, когда он говорил «спасаюсь от большевиков». Поэтому к трапу Жираслан подошел в числе первых, устроился на палубе утлого пароходика, отыскал глазами Якуба в толпе и помахал ему рукой. Пароход, задымив гуще некуда, медленно отчалил. Якуб растворился среди тысяч людских фигур, но Жираслан продолжал глядеть на удаляющийся кавказский берег. Похожий на Ноев ковчег пароход оставлял позади себя два следа: один на воде в виде еле заметной бурунной полосы, другой — черный дымный хвост в пасмурном небе, в котором солнце неохотно отвоевывало себе пространство...

Найдет ли он пристанище в незнакомой стране, не опрометчиво ли поступает, уезжая из Грузии, где он, как-никак, был при деле? Жираслан внимательно присматривался к пассажирам. Турецкие солдаты уезжали из русского плена, радовались, обнимались, о чем-то между собой толковали, видимо вспоминая несладкое житье-бытье в плену. «Как бы мне самому в плену не оказаться»,— думал Жираслан, вспомнив схватку с Аральповым, расправу с тифозными в Дарьяльском ущелье — «ложный бой», свадьбу князя Арсанукаева. Удаляющиеся горы только кажутся смиренными и безмятежными, а на самом деле они — кипящий котел людских судеб, не поймешь только, кто бросает людей в этот адский котел, кому дано такое право?

Через несколько дней утлый греческий пароход, с палубы которого бывшие пленные показывали, кто где родился, рассматривая в туманной дымке очертания турецких берегов, вошел в Босфорский пролив, показалась крепость Анадули-Кавак на скалистом берегу. Вскоре они были в Стамбульском порту, заполненном

людьми. Родственники издали узнавали друг друга, кричали, махали фесками, платками, женщины, дети визжали на берегу, жадно искали родные лица и, не находя их, бегали вдоль пирса, проталкиваясь сквозь сплошную человеческую стену поближе к пароходу. Жираслан глядел на город, разделенный Босфорским проливом на две неравные части. Первое, что бросилось в глаза, — и здесь хозяйничают англичане.

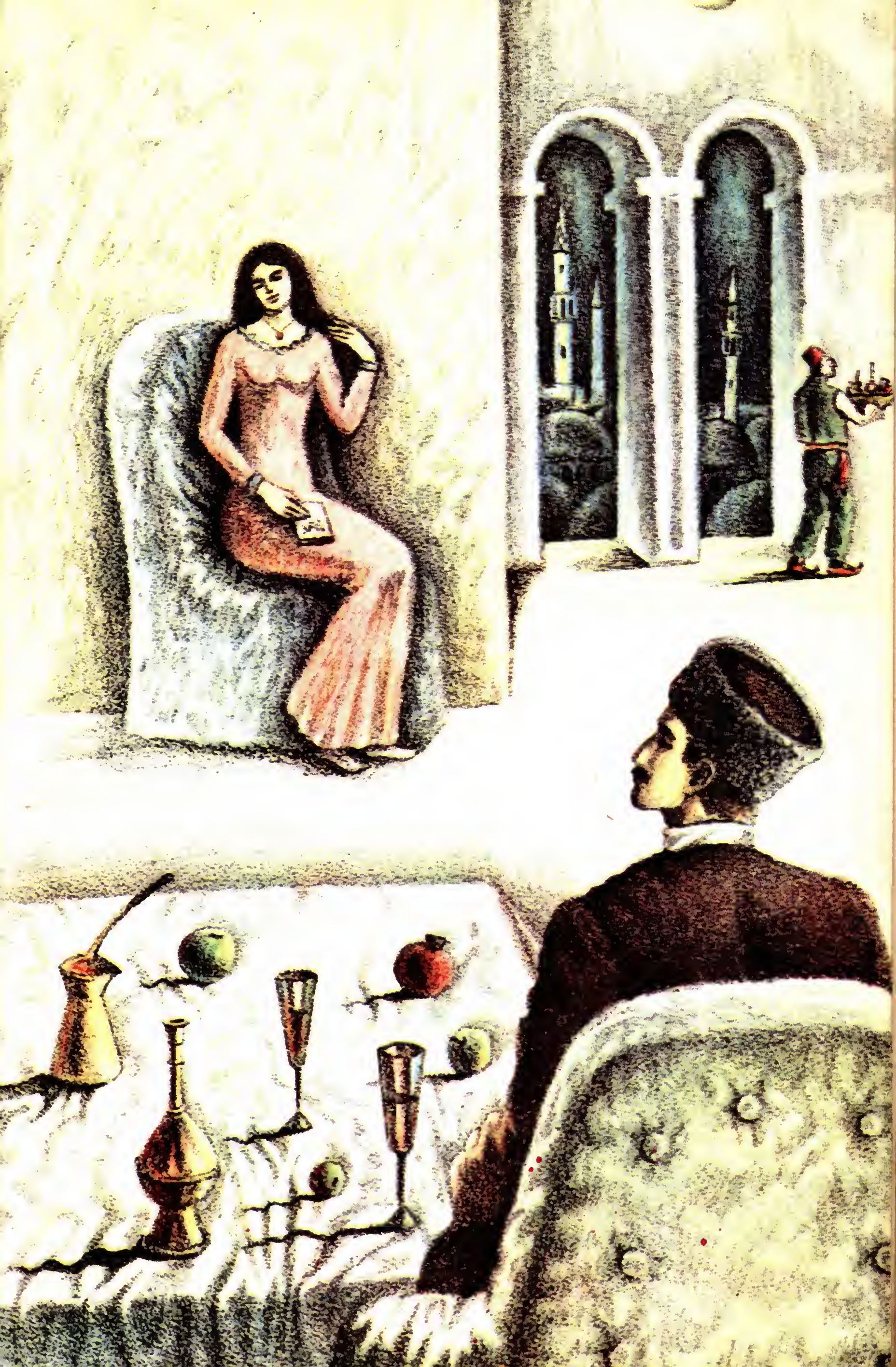
Пока неуклюжий пароход вставал к причалу, швартовался, Жираслан разглядывал муравейник хибарок, называемых по-турецки «геджиконду», то есть построенная за одну ночь. В них ютились беженцы, согнанные со своих мест. По турецким законам, если человек за ночь построил себе жилище — пусть из ящиков, досок, фанеры, листов железа — и поселился там со своей семьей, власти не имели права выселять его и тем более сносить его жилище. Турки для этого объединялись в артели, загодя заготавливали части дома и с наступлением темноты сколачивали хибару. Жираслан мысленно сравнивал воображаемый Стамбул, неповторимый город, созданный чудотворцами-архитекторами, с суетливым, хмурым, захламленным чудовищем, взывающим о помощи с высоких минаретов, упирающихся в небо. Путешественники, бывавшие здесь, взахлеб рассказывали о садах Сераля, дворце Константина, белой башне Леандра, горе Галате, о городе песен и легенд. Но чем больше Жираслан вглядывался в Стамбул, в его обитателей, исконных жителей и пришлых завоевателей, тем сильней охватывало его разочарование.

Полицейский с животом, обвисшим как мешок муки, проверял документы Жираслана. Он по слогам разбирал текст и ничего не мог понять. Зато в другом полицейском, одетом в черкеску, кавказскую смушковую папаху, Жираслан угадал адыга и спросил:

— Уи адыга уа? Не черкес ли?

— Клянусь, адыга, во славу аллаха,— обрадовался тот. И дальше все пошло как нельзя лучше.

Служащему таможни, которым оказался черкес, Жираслан презентовал сумму, равную его месячному жалованью, и попросил проводить в дом Халиды Адиб. Тот отказывался было от денег, но, почуяв в пассажи-

ре знатную персону, испросил разрешение у начальства, и они отправились к писательнице, перед которой преклонялись выходцы с Кавказа. Она жила в европейской части города, в собственном доме, утопающем в зелени.

Вечер Жираслан уже проводил в обществе Халиды Адиб, принявшей его с восторгом и с радостными слезами. Матери Халиды, которой князь был обязан своим спасением, уже не было в живых, но дочь довольно наслышалась о нем. Возбуждение, воспоминания, вызванные прибытием гостя, посланного небом,— она так и называла его — «небесный гость»,— зажгли глаза, оживили закатными отблесками красивое лицо женщины, перевалившей за тридцать, но выглядевшей моложе своих лет. Нрав ее, как говорят, был «с изюминкой», она могла бы еще расшевелить мужчину, если только в ней пробуждался интерес.

— Я знаю, ты устал с дороги, князь. Тебе следовало бы отдохнуть.— Халида распространяла вокруг себя аромат редких духов, к которому Жираслан не привык.— Но я не дам тебе отдыхать. Не дам, пока не расскажешь, что там у вас делается. Вы тоже сошли с ума, как и турки? Или это вы подали пример туркам? Надо иметь несколько голов, чтобы что-нибудь понять в происходящем.

— Я нисколько не устал, дорогая Халида-джаным. На пароходе только и делал, что спал. Я счастлив. Готов без конца беседовать с тобой.— Жираслан утопал в роскошном, мягком бархатном кресле. По стенам большой гостиной тянулись диваны, стояли кресла, пол был устлан коврами, хотелось разуться, но Жираслан этого не сделал: джигиты, входя в дом, не снимают шапки, а обуви тем более.

— Без конца я сама не выдержу,— смеялась Халида.— Была бы я такой усидчивой — гору книг написала бы, да куда мне! Вздохнуть не дают! То туда, то сюда, общество, университет...

— Ты преподаешь в университете?

— В университете по расписанию, пришла, прочитала лекцию, ушла.— Халида в отчаянии воскликнула:— Общественная работа! То двое черкесов сцепились — надо их помирить, то собрать Комитет черкесского сотрудничества, то обратиться к великим дер-

жавам с просьбой о помощи. С ума сойдешь! Тут был посланник из Кабарды. Добивался визы в Париж несколько месяцев. Не добился. Великим державам не до малых народов. У них у самих и нос и хвост увязли в войне, не знают, что вытаскивать сначала: нос или хвост.

Переступив порог роскошного дома, где стены были шлифованного, розового с прожилкой мрамора, а потолок — лепной, Жираслан почувствовал, какая пропасть, какое огромное расстояние отделяет его от мира, в котором он оказался.

Халида Адиб была одной из образованнейших женщин Турции. Благодаря отцу, который занимал пост министра при дворе султана Абдул-Хамида Второго, она поступила в колледж в Стамбуле, получила хорошее образование и теперь читала курс английской литературы в Стамбульском университете, ездила за границу, стала общественной деятельницей, душой Комитета черкесского сотрудничества. Халида энергично участвовала в пантюркистском движении, была активной сторонницей Мустафы Кемаля, чем противопоставила себя многим черкесам, противникам этого движения. В любом обществе она свободно и откровенно говорила и с друзьями и с противниками.

— Тяжелая ноша для слабых женских плеч, Халида-джаным.— Жираслан искренне выражал ей свое сочувствие.

Но собеседница прервала его:

— Тяжелая? Да плечи у меня просто обвисли от непомерного груза. Погляди,— и, поймав на себе взгляд гостя, Халида заговорила спокойней, голос ее окрасился в мягкие тона, и красивые, чуть суженные карие глаза потеплели.— Теперь часть хлопот я переложу на мужские плечи. Да, да. Ты у меня не будешь бить баклуши. Отдохнешь, освоишься — я тебя загружу. Моей ноши хватит на двоих.— Халида неожиданно спросила: — Ты не встречал в ваших краях Исмаила Факри-пашу?

Жираслан с удовольствием ответил:

— Как же! Видел я депутацию во главе с Факри-пашой, у моего родственника они гостили, полковника Султанбека Клишбиева. Он правая рука правителя Кабарды — генерала Бековича-Черкасского.

— Гяур[1] вами правит? — резко спросила Халида.

— Генерал — христианин, Султанбек — мусульманин. — Жираслан напрасно пытался найти смягчающие обстоятельства.

— Царский генерал! Гяур! Я не завидую Факри-паше. Это я его погнала туда. Не хотел, боялся попасть в плен к русским. Хорошо, хоть не взяли его в плен ваши.

— Почему, Халида-джаным?

— Я уверена: он не столковался бы с такими правителями. — Проницательности Халиды можно было позавидовать. — Мы хотим отторгнуть вас от гяуров, русский царь изгнал нас, оторвал от праха наших предков, это по его милости мы выброшены с родных мест, порвали корни, уходившие в землю. Слава аллаху, скинули его с трона, так ему и надо, убить бы его! Убить! Аллах не простит ему зла.

— Царя убили.

— Убили? Аллах послал ему смерть, он будет дровами ада. Свершилось правосудие за зло, содеянное полсотни лет назад. Теперь я призову адыгов вернуться на земли отцов, но, говорят, нельзя, большевики не позволят. Как же не позволят, если они царя вышибли из седла? Я послала Факри-пашу на Кавказ, пусть разузнает все. Дать ему войско — и он отвоюет земли наших предков от казаков. Казаки живут на наших землях. Бекович-Черкасский случаем не казак?

— Нет. Адыга, из-за Терека, из малой Кабарды, Халида-джаным. Но православный.

— Ну так что ж, что адыга? На шее носит крест?

— Да.

— Вскормил его русский царь?

— Да.

— Мундир на нем русский?

— Конечно.

— Поставил правителем Кабарды кто?

— Деникин. — Жираслану не хотелось говорить «русский».

— Деникин кто — кабардинец?

— Русский.

— То-то! У твоего правителя в голове одна русская

---

[1] Гяур — иноверец *(тур.)*.

начинка, ничего адыгского не осталось. Его дело — надеть на Кабарду недоуздок, вести ее туда, куда прикажет другой русский генерал. Скажет «на водопой» — на водопой, скажет «на току катать катки» — запряжет и в каток.

Жираслана пот прошиб. «Острая как бритва, а бреет — волосы дерет», — подумал он о Халиде. К счастью, вошел пожилой калга, слуга в широких красных шароварах, в остроносых чувяках, в кафтанчике и феске, принес на подносе еду, расставил ее на столике и пододвинул к Жираслану. Гость старался не показать, что голоден, но невольно глотнул, увидев аппетитные куски баранины в соусе, рис, лепешки, курятину, прохладительные напитки.

— Ладно. Ешь. Потом поговорим.— Халида вышла из гостиной, оставив гостя наедине с его все возрастающим аппетитом.

— Бисмиллах,— вполголоса сказал Жираслан, прежде чем взяться за еду. Кроме этого из молитв он ничего не знал и произнес, чтобы казаться истинным мусульманином, будучи уверен, что это будет по душе хозяйке дома. Как он был удивлен, когда Халида вернулась в гостиную с двумя бокалами вина на подносе, сияющая и веселая, и подошла к гостю:

— Болгарского белого не хочешь?

«Испытывает меня или всерьез?» — подумал князь.

— Из твоих рук яд выпью, Халида-джаным.

Слова Жираслана рассмешили Халиду:

— О, не пьешь, не надо. Не нарушай обет.

— Обет давать рано — до шестидесяти мне далеко.— Жираслан взял бокал и откинулся на спинку кресла, глядя в торжествующее лицо хозяйки. Она держала бокал обеими руками, на ее белых полных пальцах сияли дорогие перстни. Жираслан вспомнил о своих дарах, взятых для матери Халиды, порылся за пазухой, вынимая перстень, бриллиантовые подвески на золотой цепочке, серьги, бросил все это в бокал.

Ошеломленная Халида ждала, что будет дальше.

Жираслан встал:

— Да будет у тебя столько радостей, Халида-джаным, сколько капель я выпью, и столько горечи у меня, сколько капель останется.— Он приложил к губам край бокала, сделал один глоток, второй, кадык дви-

гался вверх-вниз, отсчитывая глотки, драгоценности подплыли к губам Жираслана, но тот не спешил отнять бокал от губ — пусть с золотых цепочек стечет вино; убедившись, что он себе не оставил ни «капли горечи», он протянул бокал изумленной Халиде.

— Ну, князь! Ну, князь! — задыхалась она от восторга, опрокинула бокал на свою ладонь, прижала мокрый от вина дорогой подарок к губам, из глаз ее брызнули слезы...

— Я хотел видеть не твои слезы...— сказал Жираслан растерянно.

— Это слезы восторга, слезы радости. Незабываемая минута.— Халида мокрыми глазами рассматривала искусную работу аварца Якуба. У нее было довольно любых украшений, но эти — эти были особенные, с Кавказа!— Скажи, это работа наших златокузнецов? Правда? У нас есть искусные мастера. Я знаю...

Жираслан не хотел разочаровывать ее.

— Да. Конечно. Наших златокузнецов, Халидаджаным.

Халида глубоко вздохнула и залпом выпила вино. Жираслан понял, что Халида из тех, кого называют эмансипированной женщиной, она не связывает себя отжившими свой век пережитками.

Если бы Жираслан мог прочитать ее романы, он понял бы круг интересов Халиды, людей, которые ее больше всего привлекают, общество, доступное ей, ее гражданскую и художническую позицию, непримиримое отношение к русскому царю, изгнавшему ее соплеменников из благословенного Кавказа. Для нее русский царь и Россия — синонимы, поэтому она и не понимает новых отношений, сложившихся между нациями и народностями новой России.

Халида надела украшения, подаренные ей гостем, и по выражению ее лица Жираслан понял — угодил женщине. Он мысленно сравнил Халиду с забитыми горянками своей родины, не находил ей равной даже в именитых семьях, разве только Мариам. С грустью вспомнил о безропотной Лейле, которой звание княгини ничего не прибавило,— как была темной горянкой, такой и осталась.

— Главное — перстень впору. У ювелира я выбираю полдня. Ты как угадал.

— Сердце подсказало, Халида-джаным.

— Хорошее сердце, умное.— Халида не скупилась на похвалы; в подвесках, на груди, на пальце вспыхивал волшебный свет, похожий на сияние утренней звезды.— С твоим сердцем, я уверена, ты не служишь Деникину.— Халида неожиданно переменила тему.

— Я служу аллаху,— неопределенно ответил Жираслан.

— Аллаху мы все служим. Какому?

Жираслан своим ответом поставил себя в тупик, не знал, что и сказать. На помощь ему пришла Халида:

— Одни аллахом называют молнию, другие — дерево, простому дереву поклоняются, у третьих аллах где-то там, на небе, за облаками, четвертые сами его создают и говорят: молись ему! Если бы бога не было, его надо было бы выдумать, сказал один ученый муж. Я не согласна, не надо выдумывать богов, от поклонения люди тупеют.

— Я — небольшой ревнитель веры, сказал «служу аллаху» скорей для красного словца, — признался Жираслан и сел поглубже в кресло, давая знать слуге, что он закончил трапезу. Вести умный разговор было выше его сил — ему бы о лошадях, джигитах, ночных налетах. Но все это не интересует Халиду.— Если правду сказать, я не служу никому, я один как перст...

Перед глазами Жираслана вдруг замелькали люди, объятые пламенем и бросающиеся за борт; в диком отчаянии они взывали о помощи, сбившись на палубе в кучу; дети карабкались на мачту, полагая, что огонь их не достанет, потом падали вместе с мачтой в самое пекло. До сих пор в его ушах звучат вопли людей, к которым подбирался пожар, а их не пускали в другой отсек, где еще не горело... До сих пор он помнит, как убивали, топили друг друга из-за места в лодке, отец золотой кинжал давал лодочнику, но зачем тонущему кинжал? Бросил он его в море и сам пошел ко дну... Женщины молили взять у них грудных детей...

— Помню, горел корабль, на котором мы плыли, покидая Кавказ последними. Я все помню, но не помню, как я спасся, оказался на берегу... Потом мне рассказывали: твоя мать, да отведет ей аллах лучшее место в раю, выкупила меня.

— Это я горькими слезами выплакала, умолила маму приютить тебя в нашем доме, — созналась Халида. — Ты у нас жил недолго, мой отец нашел соотечественника, который возвращался на родину. Он согласился взять тебя с собой... Я помню, ты уехал с золотой подковкой на шее, не потерял?

— Не потерял.

— Видишь, подкова счастье приносит.

Через минуту слуга вернулся с двумя чашечками и медным ковшичком, похожим на сосуд для омовения рук. Он подал Жираслану чашечку, плеснув туда глоток коричневой жидкости. Жираслан выпил, ему показалось мало, и он протянул чашечку слуге. Тот налил еще.

Халида озорными глазами следила за ним и, не удержавшись, рассмеялась, чем смутила неискушенного гостя, который чуть не уронил чашечку на столик.

— Я что-нибудь сделал не так? — виновато улыбнулся Жираслан.

— Этого кофе нельзя много пить. Глоток-два, не больше.

— Он наливает! — неловко оправдывался гость.

— Будет наливать, пока чашечку в руке не покрутишь. — Халида с удовольствием показала, как это делается, возвращая слуге свою чашечку.

— Не очень нравится, — признался Жираслан.

— Для пищеварения полезно. Все ложится на свое место. Бодрящий, — объясняла Халида назначение горького арабского кофе и, обращаясь к слуге, сказала: — По-турецки, да покрепче и послаще, и орешки в меду.

Калга не заставил себя ждать, гостиная скоро наполнилась ароматом кофе, сластей, гость для приличия отпил глоток.

— Горячий арбузный мед, — оценил Жираслан кофе по-турецки, сравнив его со сладким черно-коричневым сиропом, который варят кабардинцы и подают к чаю вместо сахара. — Напоминает детство.

Халида залилась смехом.

— Арбузный мед? Никогда не пробовала — должно быть, очень сладко! Как бы я хотела побывать на родине! Покойная мама все начинала со слов «на нашей родной земле...». О, сколько трагических судеб, исто-

рий она помнила, это она меня сделала писательницей, потрясала мое воображение рассказами о событиях, свидетельницей которых была, легендами, идущими из глубины веков, захватывающими сказками. Она прямо начиняла меня своими рассказами, и когда я подросла, меня от них распирало, я должна была дать выход этому, и я стала писать...

Жираслан опасался как раз такого разговора, но слушал, силясь вспомнить, как выглядела мать Халиды-джаным.

— Без нее я был бы не князем, а рабом.

— Сюжет для романа.

Жираслан не знал, что значит «сюжет».

— Да будет земля сухими листьями на ее могиле, — растерянно вздохнул он.

— Мать завещала: привезти горсть земли с Кавказа, высыпать на ее могилу, меня совесть мучает, до сих пор не исполнила я ее завещания, просила Факрипашу привезти...

Жираслан захватил бы с собой целую торбу земли, если бы знал...

2. ВКУС АРАБСКОГО КОФЕ

Сонный калга в красных шароварах и феске не раз приносил горячий кофе по-турецки, который Жираслан уже оценил: давно било полночь, а сна ни в одном глазу, думал Жираслан, внимательно слушая Халиду, которая, казалось, знает все на свете. Порой ему становилось стыдно за себя: ничего толком сказать не может. Самый эффектный его рассказ — это, конечно, о провозглашении Советской власти в Кабарде. Но об этом Халида не хотела слышать, потому что не признавала революции в России, сомневаясь в правильности и искренности ее лозунгов, толковала все по-своему, как бы заглядывала внутрь вещей, обнажала невидимые корни.

— Если о равенстве наций говорит маленький народ,— вещала она,— то есть слабая нация, то это моль-

ба о защите; если о равенстве говорит сильная нация, великий народ, то это призыв к покорности, безропотному подчинению силе.

Жираслан только качал головой, как лошадь в знойное лето, не успевая ничего ни сообразить, ни сказать, чтобы поддержать беседу. Он пробормотал:

— Бог не создал всех одинаково сильными или одинаково слабыми.

Халида пропустила мимо ушей, украшенных бриллиантовыми серьгами, ссылку на бога, и вела свою мысль дальше:

— Слабый ратует за равенство — находит поддержку среди себе подобных; сильный ратует за равенство — сплачивает вокруг себя слабых, чтобы выстоять в борьбе с другим сильным.

— Так ли это, Халида-джаным? — Жираслан нарушал обычай не перечить женщине. — Люди должны призывать к равенству, иначе уподобляются хищникам: более сильный сожрал менее сильного. В мире у каждого свое место, как и у звезд, птиц, растений, — чтобы была жизнь, нужно равенство, согласие...

Халида отпила глоток кофе, шелковым платочком вытерла губы, звездный свет заиграл в бриллианте на ее холеном пальце, и продолжала:

— Я и говорю: равенство — условие существования. Оттоманская империя рухнула от непризнания этого закона, то есть от феодального отношения к народам, населяющим захваченные территории, я бы сказала — от гаремного отношения. В гареме сколько бы жен ни было, каждая покорна своему властелину, зовет — иди. Турки захватывали обширные территории на Балканах, Ближнем Востоке, а относились к покоренным народам как к пополнению своего гарема, не считались, что сами в империи уже не составляют большинства, наоборот, превратились в меньшинство по отношению ко всему населению страны.

— Много здесь черкесов? — Жираслан обессилел от разговора на эту тему.

— Немало, должна сказать. Председателем Комитета черкесского сотрудничества был назначен маршал Фурад-паша, членами — грузинские князья Михаели, Тогридзе, черкесы профессор Азиз Мокер, доктор Исапаша, азербайджанец Салым Вехвудорф — всех не

помню. Комитет ставил перед собой нелегкую задачу: отторгнуть от России Кавказ, включая и северную его часть, с этим призывом мы обратились за помощью к великим державам...

— Когда увидели, что Россия терпит поражение в войне?

— Да. Нельзя упускать подходящий момент. Двое грузин из комитета ушли, когда немцы пообещали Грузии самостоятельность, азербайджанцы тоже ушли, заручившись таким же обещанием со стороны турок, остались одни северокавказцы. Три года назад мы провели свою конференцию в Лозанне, она вызвала восхищение у всей Европы, горцы подняли священное знамя Шамиля, преисполненные решимости довести до победы его историческую миссию. Вопрос о Кавказе встал во весь рост, стал одной из проблем в мировой войне.

— Поэтому Исмаил Факри-паша и прибыл к нам? — Жираслан никогда не думал, что дело зашло так далеко и в него вовлечены европейские государства.

— Да, ему поручено сформировать войско из мусульманских народов Кавказа. Исмаил Факри-паша не одинок. Есть силы, на которые генерал может опереться. Я слышала, кабардинцы создали шариатское войско, и не только кабардинцы, — под знамя шариата встали все мусульманские народы Кавказа.

Наконец и Жираслану представилась возможность внести свою лепту в беседу. Он поведал об Инале Маремканове, вожаке большевиков, ныне скрывающемся в Закавказье, организаторе борьбы против Деникина; потом перешел к Казгирею Матханову, пытавшемуся противостоять полчищам Деникина, но оказавшемуся разгромленным и тоже скрывавшемуся в горах с остатками своих войск. Последнее огорчило Халиду.

— Матханов за Советскую власть или за исламскую республику?

— За шариат. — Жираслан сам толком не знал. Советскую власть провозглашал Маремканов, Казгирей с первого дня отвоевывал в недрах советского строя место для шариата. Инал говорил о нем: «За советский пирог с шариатской начинкой». Жираслан не вдавался в подробности, ограничился одним определением: — Против Деникина.

— Против Деникина, — повторила Халида, задумавшись над этими словами. Она знала другую версию — Комитет черкесского сотрудничества добился от правительства Великобритании обещания, что командующий британскими войсками на Кавказе генерал Томсон не допустит ликвидации национальных автономий — наоборот, сделает так, чтобы Деникин заключил союз с горскими республиками для совместной борьбы против большевиков. Для этого горцы Кавказа без сопротивления должны были пропустить деникинские войска во все ущелья; они на это не пошли — Деникин так и не смог проникнуть в горы Ингушетии.

Жираслан вспомнил председателя «Союза горцев» в Тифлисе, но промолчал о нем.

— Бековичу-Черкасскому предлагали кавалерию для разгрома чеченцев, ингушей и кабардинцев, которые ушли в горы, он отказался. И так мира нет между горскими народами.

— Правильно поступил, это же братоубийственная война!

— Значит, англичане осуществили свою угрозу? — спросила Халида.

— Какую?

— Если кавказцы окажут Деникину сопротивление, то пушки, которые англичане дают Деникину, будут повернуты против кавказцев.

— Уже повернули.

— Кто же тогда кавказцам помогает?

— Большевики.

— Шариатским войскам?

— Большевики и шариатисты едины в борьбе против Деникина.

— Как все это сложно. Надо собрать наш комитет, подумать вместе, как помочь кавказцам в неравной борьбе. Я это сделаю незамедлительно.

— Если бы кавказцы действовали под единым знаменем... А то кто в горы, кто в степь, не поймешь, по какому ветру кто нос держит.

— Надо найти такое знамя, что объединит всех, — знамя Шамиля, например. Я знаю легенду: Шамиль не паломником ушел в Мекку, не затем, чтобы совершить хадж, ушел за советом и помощью к пророку, знамение тому — его сабля, вышедшая из ножен наполовину.

Нужна сильная праведная рука, она выхватит саблю из ножен до конца, вознесет, сабля сверкнет ослепительно ярким лучом, и враг, увидавший этот луч, падет замертво. Найти бы эту саблю, вручить ее продолжателю дела Шамиля.

Жираслан подумал как о возможном продолжателе дела Шамиля о Казгирее Матханове, человеке мужественном, верующем и с сильной волей. Если Казгирей действительно с красными партизанами в горах Ингушетии, то сабля Шамиля ему уже не по руке.

— Шамиль оставил саблю не у гроба Магомета? — Жираслан сделал вид, будто поверил в легенду, чтобы не обидеть собеседницу. — На Кавказе такой легенды я не слышал.

— Шамиль ушел в Мекку без оружия, вернее с единственным оружием — с верой в сердце, в паломничество с оружием не ходят. — Помолчав, Халида посмотрела на гостя с некоторым огорчением за его неосведомленность в делах Кавказа. — Не слышал, там объявились два имама: Гоцинский и Узун-Хаджи?

Жираслан, прирожденный лошадник, сказал наугад, зная характер горцев:

— Два имама — два жеребца в одном табуне, не уживутся, один другого загрызет, залягает насмерть.

— У нас их три: султан, Кемаль-паша и Адхем. — Халида затряслась от смеха, и алмазы на ее груди, в подвесках как бы только этого и ждали, выплеснув пучки света.

Халида поведала гостю, что, по ее мнению, виновники поражения империи — лидеры Союза единства и прогресса, подстрекатели армянской резни. Беды и несчастия, обрушившиеся в последние годы на Турцию, — их рук дело, поэтому они и бежали из страны, прихватив с собой все ценности; султан распорядился предать суду тех, кто не успел бежать, но нашлись «демократы», они сочли такой шаг противоречащим конституции; обнаглевшие члены Союза единства и прогресса решили отдать страну под протекторат одной из великих держав, и выбор пал на Соединенные Штаты Америки. Султан Вахитдин попытался сделать хорошую мину при плохой игре, послал в восточную Анатолию генерала Мустафу Кемаля-пашу, надеясь создать там новое, независимое турецкое государство.

Кемаль-паша охотно отправился на восток, создал там национальную партию, объявил о свержении султана, вообще об упразднении этого поста, статуса религиозного халифата и объявил Турцию республикой. На западе друг Кемаля-паши, герой войны моряк Рауф-бей от имени Оттоманской империи подписал на британском крейсере «Агамемнон» мирный договор с Антантой. Это был конец империи, признание поражения в войне.

— Рауф-бей, глава правительства в Анкаре, — черкес, член нашего общества. Если хочешь, мы можем отправиться к нему, познакомишься, я и сама хочу его повидать. У нас в комитете большие планы. Хотим организовать за свой счет помощь шариатским войскам, которые сражаются там, у вас, на Северном Кавказе. Мне поручено переговорить с Рауф-беем по этому поводу. Прежде чем отправлять караван с вооружением, надо разобраться, что там происходит. Ты ему и расскажешь обо всем.

— Я готов. — Жираслан понимал, что не очень сведущ для такой миссии, но отказаться не мог.

— Я все покажу тебе на карте. — Халида загорелась, увлеклась, побежала к себе в кабинет и через минуту вернулась с большой картой Турции, которую раскинула поверх кофейных чашечек, тарелочек с орешками и сластями. — Вот смотри! — Она нагнулась, обдав собеседника ароматом духов. Карта выглядела для Жираслана как большой лист бумаги с крючками, разноцветными линиями, пятнами и разными кружочками. — Вот тебе река Кизил Ирмак, она делит страну пополам. — Халида карандашиком провела по синей вьющейся линии, потом выпрямилась, как бы осознав, что карта не производит впечатления на гостя. — Земли, которые лежат к западу от этой реки, нас уже не так волнуют: север отдается Франции и Италии, юг — доля Англии, греки хотят поживиться за наш счет. Победители делят пирог, это их право, свой взор мы обращаем к востоку от Кизил Ирмака, земли на востоке от этой реки становятся армянскими. По договору, что подписал Рауф-бей, к ним присоединятся Грузия, Азербайджан, Дагестан, да смилостивится над нами бог, мусульманские народы Северного Кавказа.

— Вместо распавшейся Оттоманской империи возникнет новое государство — армянское и объединит нас в единое целое? — Жираслан все-таки уловил суть. — Это как бы в наказание туркам за армянскую резню? Торжество справедливости, возмездие? Но смогут ли армяне удержать?..

— Почему же нет?

— Обычаи разные. В одном Дагестане не один десяток народов. Вера, хозяйство, как на Россию смотрят — все разное...

На все вопросы Халида отвечала ясно, легко, просто, и он с нею невольно соглашался, а тут она призадумалась, тень легла вокруг глаз, на лбу появились морщинки.

— Свое дело сделает сабля имама — священная сабля Шамиля! — Халида бросила карандаш на карту, уставилась на Жираслана.

— Может, ее возьмет Адхем?

— Адхем?! — Халида чуть не выпалила: «Адхем дремучий, малограмотный политик, не видящий в мире разнообразия красок, для него все существует в черно-белом цвете, то есть «с султаном или без султана». Но вместо этого сказала: — Адхем один бьется с иноземными захватчиками. Борьба за власть — его это не касается. Греки отняли часть турецкой земли, Адхем взялся ее отвоевать, объявил Кутахию своей военной столицей, никому не подчиняется, никого не признает, сам оружие добывает, сам воюет, сам и армию содержит. Меч Шамиля на Северном Кавказе должен взять местный человек, тогда ему поверят, за ним пойдут народы. Чтобы повести за собой людей, надо уметь зажигать искорку в их душах.

В подтверждение своей мысли Халида рассказала о двух черкесских деревнях Уади-Эль и Сир-и-Наур. Кавалерийские части, разгромив турок, шли, не встречая сопротивления, к последнему оплоту турецких войск — Амману. Вдруг на кавалерию, идущую маршем, обрушивается шквальный ружейно-пулеметный огонь. Пока ошеломленные части развернулись, вступили в бой, полагая, что их остановили регулярные турецкие войска, они понесли большие потери. Бой длился несколько дней, пока не иссякли боеприпасы у обороняющихся. Офицеры-кавалеристы были посрам-

лены, узнав, что их многодневный натиск сдерживали жители двух черкесских деревень, расположенных в гористой местности. Войскам так и не удалось войти в эти деревни, они обошли их стороной.

— В души жителей этих деревень кто-то бросил искорку. Мол, пришли захватчики, защитим свои семьи, жилища. И они защитили. Кавказцы могут защищаться.

— Защищались-то бывшие кавказцы?..

— Правильно, те же черкесы, адыги наши, земля богата сыновьями, остались еще достойные.

— Без сомнения.

— Надо зажечь их искрой газавата, священной войны, — Халида била в одну точку, вызывая восхищение у своего гостя своей целеустремленностью. — Осенить освободительным знаменем Шамиля, сказать горцам: Шамиль не умер, он жив, вернулся для продолжения войны. Не поверят? Поверят!

— Его внук, Гоцинский, тоже мечтает об этом.

— Может быть, он сойдет за Шамиля?

— Аварец с французским акцентом? Он своего языка не знает, арабского тем более, уже снюхался с Деникиным, заигрывает с белым генералом, сабля не для него, — рассуждал Жираслан, вспоминая то, что говорили на вечере в честь Исмаила Факри-паши у Султанбека Клишбиева. Знал бы, что ему придется говорить на эти темы, постарался б услышать побольше.

— Нам надо съездить в Анкару, обсудить все это с Рауф-беем.

— Как же к нему пробраться?

— Это моя забота, и в окружении Вахитдина есть влиятельные черкесы, друзья моего отца, помогут. Сначала надо собрать комитет, одна голова хорошо, две — лучше.

Халида звякнула колокольчиком; спотыкаясь, вошел сонный калга, уставился красными бычьими глазами на хозяйку.

— Проводи гостя в его комнату. — Халида встала, ласково улыбнулась Жираслану: — Князь, ты заслужил отдых, желаю приятных сновидений, наш разговор только начинается.

— Продолжим. Я весь в твоем распоряжении, — кивнул он в сторону качающегося на ногах слуги.

— Ну-ну. Мы тебе подберем иную роль, более заметную, горек вкус арабского кофе, а пить надо, — засмеялась Халида.

— Да встретишь ты утро в лучшем расположении духа.

— Спокойной ночи.

3. ПРОГУЛКА ПО НАБЕРЕЖНОЙ

Первые дни в доме Халиды Адиб шли безмятежно. Гость, окруженный заботой и вниманием, наслаждался бездельем, зная, что оно недолговечно; по утрам виделся с Халидой, которая всегда куда-то спешила, выпивая свою чашку кофе и перекидываясь несколькими словами с «посланником неба». Потом садилась в фаэтон и уезжала на весь день.

Жираслан бродил по городу, вдоль Босфора, глядел на храмы, зайти в которые не решался, упражнял память, стараясь запомнить, как возвращаться назад. Едва он выходил на улицу, за ним увязывались нищие: «бакшиш!», «бакшиш!». Жираслан выгребал из кармана мелочь, чтобы быстрей отделаться от попрошаек, но не тут-то было, мелочи хватало на первые двадцать шагов, а раздавать бумажки — самому на бобах остаться. Он ускорял шаг, стараясь уйти от преследователей, а их становилось больше и больше. Нищие вповалку лежали вдоль тротуара, на некоторых глядеть было жутко, — кости да кожа; те, кто не в состоянии просить, позванивали колокольчиками, чтобы привлечь внимание. Жираслан шел, стараясь не замечать убогих, прислушивался к голосам прохожих в надежде услышать черкесскую речь — какое там! Встречались люди, обликом напоминавшие кавказцев, но говорили они по-турецки. Однажды возле большого дома князь увидел толпу за спинами бесконечной шеренги солдат, выстроившихся вдоль главной улицы. «Не шах-сейн, вах-сейн ли?» — подумал Жираслан, почти вплотную подойдя к солдатам. Но со стороны Босфора раздался артиллерийский салют, музыканты заиграли торжест-

венный марш, и показался английский генерал в золоченом мундире — вроде командующего оккупационными войсками в Грузии,— на белом арабском коне, ведомом под уздцы двумя офицерами в парадной форме. За великолепным всадником шествовала многочисленная свита. Замерли в ожидании торжественного эскорта английские, французские, итальянские и американские солдаты на перекрестках улиц, военные оркестры на площадях. «Опять англичане, — подумал Жираслан, — неужто они захватили весь мир?» В своей стране турки сделались чужестранцами, сетовал прохожий, ведя заплутавшего Жираслана к дому Халиды Адиб, ибо турецкие войска и полиция лишились права появляться в Стамбуле, и чужестранцы стали хозяевами города и страны.

Блестящий английский генерал под шумные возгласы проехал через центр города, и Жираслан снова увидел несчастных калек на тротуарах, мальчишек-оборванцев, что забрались на крыши домов и на деревья, чтобы увидеть цирковое представление у входа в большой ресторан. Между эвкалиптовым деревом и домом через улицу был протянут канат, к дереву приставлена лестница, в густой кроне виднелся канатоходец с длинным шестом в руке, под протянутым канатом стояла вереница повозок и экипажей. Люди, запрокинув головы, смотрели на канатоходца. Тот не торопился, стараясь подольше держать зрителей в напряжении, скользил по канату, балансируя шестом, похожим на длинное коромысло. Вот он качнулся в сторону, толпа внизу ахнула, мальчишки засвистели на возниц, остановившихся поглазеть, заорали те, кто ехал сзади. Когда циркач достиг середины улицы, Жираслан лучше рассмотрел человека в красных шароварах, мягких сафьяновых сапожках, телогрейке поверх черной атласной рубашки, с красной феской на голове.

Опоясанный широким черным поясом, вознаграждая зевак своим искусством, он ходил по канату взад-вперед, приседал на одной ноге, подскакивал, делая вид, будто падает то в одну, то в другую сторону, снова обретал равновесие,— не спешил пройти свой недлинный путь до конца. Жираслан приготовил деньги, полагая, что канатоходец пустит феску по кругу. Но этого не произошло — оказалось, богатый хозяин

устраивает цирковое представление возле своего благоухающего вкусными кушаньями ресторана бесплатно, чтобы собрать посетителей, привлечь внимание к яствам, приготовленным лучшими поварами. Не один, так другой из толпы заглянет к нему, тут уж он постарается, чтобы они хорошенько поели-попили, — вот расходы на цирк и оправданы...

Жираслан уже собирался уходить, как циркач, закончивший свое представление, его окликнул.

— Кавказ? — спросил он.

— Кавказ.

— Дагестан? Чечня?

— Из Кабарды я, — ответил Жираслан с некоторым разочарованием. Канатоходец, восхищавший его минуту назад, не понравился ему на близком расстоянии. «Ажигафа, — подумал он, — козлоподобный шут, каких встречаешь на свадьбах». — Ловко, однако, у вас получается, не грех и плату брать с зевак.

— Я получил свое, зайдем? — Канатоходец мотнул головой в сторону ресторана «Босфор»: — Пойдем посидим, земляк.

— Когда на Кавказ? — спросил Жираслан, в надежде найти в канатоходце единомышленника.

— На Кавказ? Мне и тут хорошо! На Кавказе одна жена, здесь — гарем...

Нескольких минут было достаточно, чтобы Жираслан услышал, что канатоходца зовут Рубинэ (так кумык изменил на восточный лад свою банальную фамилию Алиханов), он приехал с депутацией горцев, прозябающей в Стамбуле в ожидании визы в Париж, где они будут ратовать за самостоятельность кавказских народов.

Депутация горцев пребывала в Стамбуле на положении арестованных. Тщетно стучались они к оккупационным властям с просьбой или дать выездную визу, или разрешить вернуться на родину. Только двум представителям Кавказа, Чхеидзе и Церетели, с помощью парижских грузин удалось получить разрешение на въезд во Францию. Им дали на сборы двенадцать часов, усадили на пароход и отправили в Париж. А кто поможет северокавказцам? Даже Халида Адиб, пекущаяся о черкесах, не знала, куда делась депутация, она словно в воду канула. Видно, разбрелась

по Стамбулу. Один Рубинэ не терял даром времени, сочетая цирковое искусство, за которое ему платили гроши, с другим родом деятельности — шпионажем, в котором он преуспевал, балансировал ловко, как и на канате, служил и вашим и нашим, кто больше заплатит. Сейчас Рубинэ шпионил в пользу Англии и хотел выудить у Жираслана что-нибудь о Кавказе. Но князь отказался зайти с земляком в ресторан, сославшись на то, что его ждут.

— Видел, генерал проехал? Словно бог, — сказал канатоходец, чтобы хоть как-то задержать Жираслана.

— Видел.

— Важная птица, — канатоходец подтянул шаровары и оскалил большие зубы в улыбке. — Ты надолго тут? Харч здесь нежирный: с голодухи умирают — хоронить не успевают, девочки на все согласны за прокорм, — канатоходец заржал, подмигнул: мол, хочешь — устрою...

— Устрой англичанам.

— Им что? Пальцем шевельнут — на тарелочке им подадут, куда нам до них, у меня проделки для смеху, у них трюк — кровью улицы зальют.

Жираслан согласился:

— Это они умеют. У турок вроде армии нет, кто же у них воюет?

Рубинэ ответил:

— Армия у них есть, верней — была, из Стамбула вывели. Говорят, из Смирны тоже вот-вот выведут, не сегодня завтра.

— Куда?

Циркач усмехнулся любопытству незнакомца.

— Как куда? В тюрьму.

— Армия в тюрьму? — засмеялся и Жираслан и тут же оборвал смех, вспомнив, как комиссаров из Дарьяльского ущелья повели под конвоем. — Тюрем не напасешься...

— Найдут куда упрятать. Из Смирны, я знаю, армию перевезут на остров, а в освободившихся казармах расквартируют оккупационные войска. — Циркач помолчал, посмотрел по сторонам, добавил: — В турецкой армии земляков много. За что страдают?

Слова Рубинэ ошеломили Жираслана. Он знал, что черкесы с младых лет любят оружие и сражаться

умеют не на жизнь, а на смерть. Выходит, их привязанность к оружию оборачивается бедой? Это вызвало в нем желание поехать в портовый город, о котором говорил циркач, попытаться встретить соплеменников, пока их не угнали куда-то на остров.

— Далеко до этой Смирны?

— День поездом. Смирна — это по-гречески. Турки называют Измир, обижаются, если скажешь не поихнему. Большой город. Собираешься ехать?

Жираслан смутился:

— Да я так... Кавказцев не прочь повидать.

— Очень просто. Вечером садишься на пароход, на другой день ты уже в Измире. Рейсы регулярные. Хочешь — можно поездом. Только не теряй времени: долго будешь собираться — прошляпишь.

Он распрощался с циркачом и решительным шагом пошел домой. Халида наверняка еще не вернулась из университета, но ждать ее некогда. Дорогу в порт он знает. Жираслан взял самое необходимое, кое-как объяснил калге, что вернется через несколько дней, и ушел со двора, оставив слугу в полном недоумении. Ждать парохода пришлось недолго, и к полудню следующего дня он уже сошел на берег.

Измир был охвачен паникой. На горизонте появились военные корабли, приведшие жителей в смятение. Закрывались лавки, магазины, люди прятались в домах, боясь, что на них обрушится артиллерийский огонь. Жираслан, не зная, куда деться, остался в порту. Между тем высадившиеся морские пехотинцы несколькими колоннами, с винтовками наперевес, понеслись в сторону казарм разоружать военный гарнизон Смирны. Как и договорились, турецкие войска не оказывали сопротивления, но десантники делали вид, будто штурмом берут казармы, стреляли из винтовок; на кораблях, прикрывавших десант, кудахтали пулеметы. Жираслан спрятался на узкой улочке, ведшей к городскому базару, и видел, как гонят длинную колонну турецких солдат и офицеров в порт, где стоят десантные баржи, готовые принять пленных. Конвойные издевались над безоружными, срывали с них фески и погоны, били, а если кто-нибудь пытался защищаться, его тут же закалывали штыком. Путь от казарм до причалов был усеян трупами. В довершение распра-

вы, когда колонны турецких военнопленных заполнили пирс, с «Париса», пришвартовавшегося, чтобы принять их на борт, открыли пулеметный огонь, уложив на месте множество солдат и офицеров. Судьбу турок разделили и греки, носившие красные фески, жертвами стал кое-кто и из англичан, облачившихся для экзотики в одежду турок. Это были издержки обращения, как выражались купцы. Жираслану так и не удалось поговорить с земляками, а их было немало среди тех, кого конвоировали... Только глубокой ночью и с величайшим трудом князь достал билет на пароход. Переполненное суденышко еле-еле доползло до Стамбула. Халида не докучала ему расспросами, по мрачному его виду она догадалась обо всем, да и уже была наслышана о событиях в Измире.

— Нет худа без добра, — вздохнула она, — события эти всколыхнут страну, откроют глаза вершителям судеб и во дворце. Уже дошли вести о восстаниях вокруг Измира, о бунтах. Оккупанты посеяли ветер — пожнут бурю, вот увидишь. Точно так же они вошли в Стамбул. Без единого выстрела, представляешь? Торжественно. Коня командующего английским флотом адмирала Кальторна вели под уздцы, словно в священный город въезжал шейх. Оккупанты думают: если они упрятали армию на островах, то связали страну по рукам и ногам. Ошибаются. Есть еще силы...

Жираслан был удручен. Он задавался вопросом: почему он, не связанный ни по рукам, ни по ногам, бездействует, смотрит, как людей, словно скот на бойню, гонят в застенки, на голые острова? И разве за этим он приехал в Турцию? Один горец, смертельно раненный кровником, умолял друзей отнести его во двор кровника. «Тебе ли о мести думать?» — говорили ему, а он отвечал: «Хоть курицу убью, но в его дворе прольется кровь». Нет, Жираслану здесь делать нечего, надо вернуться на родину, помочь тем, кто проливает кровь за справедливость.

В этот вечер он был плохим собеседником.

— Отдохни, князь. — Халида Адиб угадала настроение гостя. — Утро вечера мудреней. Поговорим завтра. Мне есть что сказать. В комитете мы задумали большое дело. Я посвящу тебя в наши замыслы. Отдохни...

Но Жираслану всю ночь снились кошмары...

4. АДХЕМ

Шли дни. Жираслана больше не тянуло на прогулки. Однажды, когда он сидел в своей богато убранной комнате на втором этаже в ожидании завтрака и глядел из окна на минареты мечети Ахмедии, упиравшиеся в облака своими остриями, внизу послышались голоса Халиды и какого-то мужчины.

— Я не отберу у тебя гостя, Халида-джаным, клянусь богом, — уверял мужской голос.

«Кто это так рано пожаловал?» — подумал Жираслан и решил, что это канатоходец, циркач разыскал его, хотя князь и не говорил ему, где остановился.

В гостиной Жираслан увидел усача средних лет, небольшого роста, в черкеске добротного сукна и легких кавказских сапогах, в кубанке серого каракуля, обвешанного оружием: сабля, пистолет, кинжал, патронташ на поясе с двумя запасными обоймами. От гостя пахло табаком, дорожной пылью, конским потом; лицо его, крупное, широкое, мужественное, было неподвижно, большой рот плотно сжат, по-крестьянски медлительны в движениях крупные руки, ладони которых были похожи на деревянные лопаты, а пальцы — на початки кукурузы. Пронзительны и быстры были только его темные глаза.

— Вот мой дорогой гость! Князь Жираслан! — Халида с радостью, подчеркнуто торжественно представила незнакомцу князя. — А это, — Халида-джаным бросила быстрый взгляд на раннего гостя, — Адхем, гроза захватчиков, не один десяток тысяч золотых обещают оккупанты тому, кто его заманит в капкан! Не ведают волки, что он сам вблизи от логова рыщет, подчиняется только аллаху, а после аллаха — немножко мне. — И Халида залилась звонким смехом.

«Вот он какой, глыба от скалы, которую река не успела обкатать, отшлифовать», — подумал Жираслан, вскинув брови при слове «Адхем».

— Я слышал о тебе. Твое имя достигло наших гор, мне приятно видеть твое лицо. — Жираслан с любопыт-

ством рассматривал неожиданного гостя, а тот звонко хлестал плеткой по голенищам коротких сапог, будто подстегивая коня.

— Прошу, господа, располагайтесь поудобней. — Халида пригласила мужчин сесть за маленький столик. — Где двое мужчин, женщине делать нечего. Я займусь чем-нибудь полезным.

— Ты всегда права, Халида-джаным, — в тон ей ответил Адхем, — но не уходи надолго. Без тебя нам не вить веревку мужского разговора. — Он повысил голос: — Хотя женщине приятней, если она остается с одним мужчиной. — Адхем хохотом наполнил огромную гостиную, довольный своей грубоватой остротой.

— Смотря с каким мужчиной, — нашлась Халида.

— Таким, например, как князь Жираслан. Меня ты нисколько не любишь, напрасно я стараюсь: у врага укрепления отбить могу, а твое сердце за семью крепостными стенами — неприступно.

— Несносный Адхем, — сказала Халида и выпорхнула из комнаты, повеяв пряным ароматом духов. Жираслан с удовольствием заметил, что она не снимает подаренных им украшений. От его внимания не ускользнуло и то, что между Адхемом и Халидой — активными деятелями Комитета черкесского сотрудничества — нет согласия. Турция приютила выходцев с Кавказа, долг обязывает кавказцев защищать дом, в котором они нашли тепло, оберегать хозяина, принявшего их под свой кров, — так велят благородство и долг, считал Адхем, рассматривая Турцию как свою родину, а султана — как хозяина дома. Халида Адиб поддерживала Кемаля-пашу, видела в нем будущее Турции, связывала судьбу страны с его именем; Адхем не разделял взглядов Халиды, хотя ценил ее ум, красоту и обаяние, любил и готов был постоять за нее в случае необходимости. Он испытывал неприязнь к генералу Кемалю, считая его политическим удачником, играющим на взбудораженных националистических чувствах турок. Кемаль происходил из Испании. Переселившись в Салоники, его отец открыл лесоторговое дело, а семья перешла в мусульманскую веру. Отец Кемаля мечтал, что его сын продолжит торговое дело, приумножит богатство родителей, поэтому мальчика отдали в коммерческое училище, хотя его интересы бы-

ли совсем иными, да и мусульманскую веру он исповедовал не очень ревностно. (Только спустя много лет Мустафа Кемаль назовет себя Ататюрком — отцом турок, когда введет закон, согласно которому все должны иметь фамилию.) Его тянуло к политической деятельности еще в академии генштаба. Окончив ее, Кемаль возглавил пантюркистское движение. Османисты совершили на него покушение — к счастью, пуля попала в часы, которые он носил в левом нагрудном кармане. Это его спасло, мусульмане в этом увидели знамение аллаха.

В 1915 году разыгралась трагедия армянского народа. Адхем спас от гибели не одну семью. Он считал, что атмосферу для неслыханной резни определил национализм, подогреваемый младотурецким движением, лидеры которого на всех перекрестках доказывали, будто самый умный, самый красивый и жизнеспособный народ, нареченный аллахом «головным народом» среди всех племен и наций империи, — это турки. Тому доказательство, говорили они, Оттоманская империя, включившая в себя пол-Европы, половину арабских стран, и аллаху угодно, чтобы среди народов империи и впредь верховодили турки. В эту счастливую судьбу, в божье призвание поверили турки, жаждавшие перемен и задыхавшиеся в дебрях дремучего феодализма, и когда прошел слух, будто армяне хотят отторгнуть восточную половину страны и вместе с курдами создать самостоятельное государство, — гнев турок стал вулканом, поглотившим две трети армян, живших в Турции.

Слух об отторжении восточной части страны, по мнению Халиды Адиб, не был случайным; судя по всему, его пустили сионисты, пытавшиеся проникнуть в торговлю, в экономику страны, но встретившие неодолимое сопротивление со стороны армян, не желавших иметь удачливых конкурентов. (Турецкий суд приговорил к смертной казни тогдашнего министра внутренних дел Турции Талата-пашу, обвиненного в попустительстве и подстрекательстве армянской трагедии. Талату-паше удалось бежать. Беглец, приговоренный к смертной казни, будет скрываться в Париже, в квартире из двенадцати комнат на третьем этаже в тихом переулке; молодой армянин, свидетель страш-

ных злодеяний, уцелевший чудом во время резни, разыщет пристанище Талата-паши, снимет комнату в доме напротив своего врага и четыре года будет терпеливо ждать его появления в окне, чтобы выстрелить из заранее наведенной винтовки. Четыре года Талат-паша не покажется ни в одном из окон, выходящих на улицу. Но придет роковая минута. Однажды на улице его кто-то окликнет: «Талат-паша!» Он оглянется, и армянин, ждавший этой минуты много лет, выпустит в бывшего министра внутренних дел Турции три пули в упор. Мстителя оправдает парижский суд, ибо он привел в исполнение приговор... На самом же деле не один Талат-паша был повинен в армянской трагедии, во всяком случае повинен не больше, чем те, кто вынес ему смертный приговор.)

Позже станет известно и кое-что другое.

В канун первой мировой войны к султану Абдул-Хамиду Второму явился некто Рахим Уайзман, изобретатель удушливого газа, новейшего оружия, против которого не было тогда защиты (его сыну будет суждено стать военным министром государства Израиль). Уайзман предложил султану: «Уступи Иерусалим, я отдам тебе свое изобретение, и ты будешь непобедим. Сионисты всего мира отблагодарят тебя средствами, достаточными для создания мощного военно-морского флота, помогут сделать незыблемой Оттоманскую империю». Султан Абдул-Хамид отверг предложение, заявив: «Мусульмане не простят мне уступки Кудса» («Иерусалим» по-арабски «Кудс» — аллахом ценимый). «Тогда потеряешь империю», — был пророческий ответ.

Началась война, и Турция, не подготовленная к ней ни в военном, ни в экономическом и политическом отношениях, была подставлена под удар Антанты; из трехмиллионной армии к моменту заключения позорного перемирия осталась седьмая часть, только дезертиры составили триста тысяч. Такой исход войны предвидел английский посол в Турции Маллет в самом ее начале: «Не турецкий народ — оттоманское правительство извлекло меч, и оно же, я осмелюсь это предсказать, от меча погибнет». Он выражал настроение Ллойд Джорджа, утверждавшего, что «турок является чумой и проклятьем тех мест, где он раскинул свою

палатку» и что «в отличие от хищного зверя из легенды, турок не знает даже чувства благодарности к человеку, вылечившему его раненую лапу»; английский лидер не говорил о том, что союзники ранили Оттоманскую империю не в лапу, а в душу, и что они предвкушают предстоящий дележ шкуры завидной добычи.

Это знал Адхем, ошибочно видя в Кемале-паше виновника всех бед, обрушившихся на страну, но скрестить саблю с Мустафой Кемалем не спешил, зная: надо изгнать оккупантов с турецкой земли. Внутреннее переустройство — дело меджлиса и разных партий, а он о политической карьере не мечтает, закончит войну — вернется со своими братьями на ток домолачивать скирды хлеба, но вернется с чувством исполненного долга. Адхему явно не хватало гибкости, политического чутья. Там, где надо действовать расчетливо, тонко, он действовал силой, шел напролом, веря в свою мощь и правоту.

Адхем-джигит — рубаха-парень, бесстрашный военачальник, за ним идет масса, верит ему, в военных делах он удачлив, это вскружило ему голову, он надеялся, что Кемаль-паша подчинится его силе.

Кемаль-паша образован, завоевал умы и сердца многих, он политик, быстро ориентирующийся в сложной обстановке. (Придя к власти, он немедля заключит ряд договоров с Советской Россией, получит военную помощь, создаст сильную армию, заботясь о безопасности своей страны. А заодно нанесет удар своему сопернику Адхему, чтобы вынудить его сложить оружие, но Адхем предпочтет перейти на сторону греков.

Примерно в это же время станет известно, что три представителя от меджлиса пытались на моторной лодке добраться до Крыма, оттуда — до Москвы, чтобы встретиться с Советским правительством. В последнюю минуту, когда все было готово, моторную лодку угнали неизвестные «патриоты», считавшие немыслимым, чтобы турки обратились за помощью к Советам, о которых говорили: они хотят захватить морские проливы).

В этих-то вопросах Адхем и Халида Адиб и придерживались разных точек зрения, хотя каждый из них ошибался по-своему. Настоящей дружбы между ними не получалось, она распадалась, как и Оттоман-

ская империя, крах которой оба принимали близко к сердцу, старались не дать разгуляться грозной силе, подтачивавшей империю изнутри, а внешним врагам — растащить пирог по кускам...

Оправдываясь, будто его кто-то упрекал, Адхем заговорил, оставшись наедине с гостем:

— Клянусь, я случайно узнал о твоем приезде; смотрю, во дворце бегает Халида с бумагой в руке, спрашиваю: «Халида-джаным, куда так быстро, разве твоя собака поймала лису?» Отвечает: «Не собака, я сама поймала». — «Кого?» — «Не кого, а что. Для своего гостя с Кавказа выхлопотала пропуск за подписью самого султана». — «У тебя гость с Кавказа? Чего же не зовешь меня, не знакомишь с ним, разве тебе не надо хагарей, собеседников для гостя?» — «Некогда, едем в Анкару. Потом». Я говорю: «Потом поздно будет, и я еду в Кутахию, свою столицу; там, как уйдешь в дела с головой, даже если у тебя рога — никто не увидит». — «Ну, говорит, тогда сейчас или никогда. Поехали». Я и приехал.

— Я тоже хотел встречи с тобой, — сказал Жираслан не очень уверенно, боясь, что речь опять пойдет о политике, о событиях в России, о переменах на Кавказе и он будет чувствовать себя несмышленышем.

Так оно и произошло.

— Скажи мне: кто правит на Кавказе? В Турции образовалось три столицы: Стамбул, столица султаната, Анкара — там Кемаль-паша, в Кутахии я обосновался. А у вас?

— На Кавказе правителей еще больше. Насчет столиц не скажу, но правительств хоть отбавляй. В одном Дагестане не меньше трех. В Чечне Узун-Хаджи, Тапа Чермоев, Ибрагим Чуликов с Алиевым, в Кабарде пока один правитель, если не считать Советов. У Тапы Чермоева ничего нет. У генерала Бековича-Черкасского — кавалерийская дивизия.

— Царский генерал?

— Да. Генералы — он и чеченец Эрисхан Алиев. — Жираслан боялся, что Адхем копнет поглубже, но вопросы были нетрудные. Он успокоился: Адхем, как и сам князь, неграмотный человек, газет и прокламаций не читает — значит, они равные собеседники.

Адхем подумал, поморщил лоб, спросил:

— Кто такой Чичерин?

— Где он — в Тифлисе, Баку?

— В Москве, должно быть. А может, в Петербурге. Где царь был?

Жираслан заерзал в глубоком кресле. Хорошо, хоть нет Халиды, не видит она, как ее гостя загнали в угол, прямо в темную пещеру, откуда не видно ни зги.

— Не знаю. Не слышал, — выдавил он.

— Жаль, — сказал Адхем разочарованно. Ему хотелось узнать хоть что-нибудь о Чичерине, с именем которого Кемаль-паша связывает свои надежды и к которому собирались ехать члены меджлиса.

— Всех я не знаю, — признался Жираслан, — знаю, самый главный большевик — Ленин. На Кавказе его правая рука — Серго Орджоникидзе, еще — Сергей Киров, Николай Гикало. В Кабарде у нас — Инал Маремканов, — Жираслан старался докопаться до сути и спросил: — Зачем это тебе?

— У мухтаби голова повернута на Москву. — Жираслан не знал, что «мухтаби» — это вероотступник, вновь вернувшийся к прежней вере.

— Кто это?

— Кемаль. Ему перейти из веры в веру — как мне феску на кубанку сменить, — засмеялся Адхем, считающий, что с человеком, который легко меняет веру, опасно спать под одной крышей. Кроме того, он недолюбливал Кемаля-пашу и за принцип: «если живешь в Турции — ты турок»; черкесу скрывать свою национальность, притворяться турком, которым он никогда не станет, невыносимо. Адхем продолжал: — Ладно, пока он доберется до Москвы, я расправлюсь с шакалами-захватчиками, потом поверну воинство на Анкару, и он у меня попляшет. Сейчас Кемаль пляшет не угадаешь под чью дудку. — Адхем удивил Жираслана своими рассуждениями. — Англии склонить бы Шерифа Мекки-Гусейна на свою сторону, она закинула удочку — обещает ему единое арабское государство под властью династии Хашимитов. Для чего? Превратить Палестину в английский протекторат? Сказал же Ллойд Джордж, что они явятся в Палестину как завоеватели и останутся там. А арабы думают: рухнет Оттоманская империя — они обретут самостоятельность. Как бы не так! Будто свет клином на Палестине

сошелся. Нефть и Палестина — два яблока раздора, из-за них державы столкнулись лбами...

Когда разговор о политике продолжили в присутствии Халиды, она задумчиво повторила:

— Что потеряли великие державы на нашей земле? Ничего. Но они ищут. Ищут ключ к мировому господству. Босфор — ворота трех морей: Черного, Мраморного и Средиземного. Встанут они у ворот, начнут перебирать, какие корабли пропускать, какие нет.

— Аллах дал Босфор не англичанам, не американцам, а туркам. Разве турки не могут сами стоять у своих ворот?

Халида не сразу ответила.

— Если бы каждый стоял у своих ворот, берег то, что аллах ему дал, не было бы войн. Но все зарятся на чужое добро.

— Значит, волчий закон: у своего логова овец не дерут, идут за тридевять земель, чтобы грабить, и грабят кого? Слабых! Значит, кто с кого шкуру сдерет! Не тронут только голых или у кого шкура не годится...

— Ну, Адхем, сдается мне, у тебя на все эти вопросы есть ответы.

— Не на все, Халида-даха, — Адхем заменил «джаным» — госпожа — на более интимное и ласковое «даха» — милая, дорогая, красивая. — На вопрос, ради которого я пришел, ответа нет.

Халида тут же воспользовалась оплошностью Адхема.

— Ты пришел увидеть дорогого гостя с Кавказа, по твоим словам, а не вопросы ему задавать. Не так ли, Адхем? Если нет, ты не уважаешь гостя. — Халида притворилась оскорбленной.

— Ты не так поняла меня, Халида-даха. Я рад увидеть князя Жираслана. Ты же знаешь, мой язык как плохой плуг: то зароется в землю, то пашет мелко, а то и огрехи делает. Извини, Жираслан, я многословен, душа болит, — Адхем подкупал чистосердечностью. — Я честно признаюсь, болею за всю страну.

— У кого теперь душа не болит? — Халида вздохнула, на ее красивое лицо легла тень, глаза погасли. — У слабых и малых народов болит от бессилия, не могут они защитить ни себя, ни своих богатств. У сильных — от зависти, хотят захватить все, что ра-

дует глаз, покорить слабых, завладеть их богатствами... Флаги на кораблях в Босфоре сам видишь...

Беседа могла длиться долго, но Адхем заспешил. Он наотрез отказался от угощения, накинул на себя длинную абаю[1], повязал чалму, чтобы его не узнали, и уехал в свою столицу. Пригласить с собой Жираслана не посмел.

5. В АНКАРЕ

Ехать в Анкару к Рауф-бею решили поездом, хотя поезд тащился всю ночь, на станциях подолгу стоял, люди в военной форме непрерывно проверяли документы при тусклом свете фонарей. С особым пристрастием и тщательностью проверяли пропуск у Жираслана. Иногда патрульный, не доверяя своему чутью, что-то бормоча, впивался в подозрительного пассажира глазищами, тыкал пальцем в документы, читая по слогам, пока не выводил из терпения Халиду Адиб.

— Ты что, не все буквы выучил — не видишь, кем пропуск выдан? Подпись султана ни о чем тебе не говорит? Едет человек по государственному делу! — нападала она на проверяющих, не разбираясь, кто из них признает султанское правительство, а кто — национальную ассамблею Мустафы Кемаля-паши. У нее была своя рука в том и в другом правительстве, поэтому она позволяла себе покрикивать на всех. В своем романе она словно угадала, какая судьба ожидает Анкару. В книге название города вымышленное, как и имя героини. Кая — эмансипированная женщина с утонченным вкусом, воспитанная на западной культуре. Ее любовь — любовь замужней женщины к женатому человеку — приводит к трагической развязке, но события разворачиваются на политическом фоне. Герои мечтают о создании великого государства — Турана, основанного на законах единства, согласия и справедливости; их идейные противники — османисты — цепляются за

[1] Абая — верхняя одежда *(араб.)*.

старое, отжившее свой век. Османистские козни и разлучают героев. Он гибнет, она с презрением отворачивается от противников пантюркизма, погубивших ее любимого.

В Турции зачитывались этим романом, и лучшим пропуском для Халиды Адиб была бы фраза: «Я автор «Нового Турана». Но кто из этих проверяющих читает что-нибудь кроме пропусков?

— Усы с изъяном вызывают подозрение, — шутил Жираслан, осторожно подкручивая менее пышную половину своих усов.

— Ничему не верят, никого не признают, — сердилась Халида.

Поезд еле дотащился до Анкары, загромыхал буферами, заскрежетал тормозами, шипя и грохоча, остановился возле длинного одноэтажного здания с колоколом у главного подъезда. К вагонам бросились толпы заждавшихся, через них с трудом пробились Жираслан и Халида. Еще трудней оказалось устроиться на ночлег. Анкара, древнейший, захолустный городишко с тридцатитысячным населением, окруженный холмистыми горами, в эти дни напоминала военный лагерь. Всюду размещались военные части, правительственные учреждения, заняты были не только дома, но и сараи, даже чердаки. Приезжие тщетно искали пристанища, о гостинице не могло быть и речи.

— Не будем больше мыкаться, — решительно заявила Халида, — пойдем прямо к Рауф-бею, пусть устраивает у себя или найдет нам что-нибудь в этом забытом богом городишке.

Жираслан не знал, в каких отношениях Халида с премьером анкарского правительства.

— Обо мне можешь не беспокоиться. Я могу спать и в конюшне, а еще лучше в чистом поле.

— В конюшне? Никогда. Если Рауф-бей не приютит нас, ему же хуже: приедет в Стамбул — меня не минует. Мы — его гости, и все, о нашем приезде Рауф-бей предупрежден.

Премьер нового правительства со всей канцелярией размещался в единственной небольшой частной гостинице, охраняемой солдатами. Рауф-бей занимал несколько комнат на втором этаже, окнами во внутренний дворик, тоже тщательно охраняемый. Первый этаж

был занят государственными служащими, наиболее важные отделы размещались на втором этаже, примыкая к кабинету Рауф-бея.

Жираслану и Халиде пришлось ждать. Помощник Рауф-бея, высокий, интеллигентного вида мужчина, отвечал на телефонные звонки, говорил с англичанами по-английски, с французами по-французски, с итальянцами по-итальянски. Рауф-бей находился на экстренном заседании. «Теперь все заседания экстренные, чрезвычайные или срочные», — думала с досадой Халида Адиб.

— Долго еще? — волновалась она.

Помощник пожал плечами.

— Закончится — даст знать, — он посмотрел на звоночек.

— Ты бы доложил: князь Жираслан с Кавказа и Халида Адиб...

— Халида Адиб? — засиял озабоченный помощник, глянул на женщину удивленными глазами. — Халида Адиб! Боже мой, я вас знаю давно, ваши книги — мои любимые, всей семьей читаем. Извините ради аллаха... Может быть, чашку кофе?

— С удовольствием. — Халиде было приятно. — Как ты, князь?

— Я тоже, — согласился Жираслан только из чувства солидарности.

Помощник заказал кофе и заговорил о литературе, насторожив этим Жираслана, который боялся попасть впросак.

— Вы бы пощадили своих героев, Халида-джаным, слишком печально у вас все кончается: герой или гибнет, или сходит с ума.

— Как щадить их? Жизнь, дорогой мой, обстоятельства приводят к этому. — Халида рада была поговорить с читателем. — Вот я пишу новую книгу, хочу назвать ее «Огненная рубашка», о национально-освободительной борьбе против греческих захватчиков. Война, каждый час гибнут люди; два офицера, потерявшие всех родных и близких, влюбляются в одну женщину, естественно красавицу. В романе не только любовь, но и геройство, мужество тех, кто сражается за родину, и зверства оккупантов. Как тут обойтись без гибели, как щадить героя?

— Да-да. Вы правы. Как в жизни, так и в литературе.

Принесли кофе, но выпить его не успели. Что-то щелкнуло — наверно, подали условный знак, помощник премьера исчез и через минуту появился в дверях с радостной улыбкой:

— Прошу, Халида-джаным. Премьер-министр вас ждет.

Рауф-бей встретил гостей стоя, почти у самых дверей:

— Как милостив аллах, что послал вас ко мне,— приговаривал премьер-министр после традиционных взаимных приветствий. Он усадил гостей на диван, сам сел в кресло напротив. — Давно я не имел радости видеть тебя, несравненная Халида-джаным, гордость наша. Извини, дорогая, заставил вас ждать, знал бы, что ты в приемной, сам бы вышел встречать...

— Ну-ну, Рауф. Так я и поверила тебе. Мог сам приехать, если так хотел видеть. Или позвал бы под каким-нибудь предлогом. — Халида сбавила тон, заговорила более миролюбиво: — Я понимаю, милый мой, ты очень занят, дел у тебя невпроворот. Мы и сейчас совершаем преступление — отнимаем у тебя драгоценное время. Но что поделаешь? И у нас дела. К нам приехал дорогой гость — князь Жираслан. Комитет черкесского сотрудничества принял решение — оказать помощь нашим соплеменникам на Кавказе. Жираслан скоро возвращается назад. Хорошо бы с ним послать и караван. Черкесы, не только черкесы — все кавказцы, в беде, мы должны протянуть им руку помощи, бездействие сейчас — преступление.

Рауф-бей, плотный, среднего роста брюнет, был собран и сосредоточен, как бы готов в любую секунду к любой неожиданности. Черты его лица были правильны и нежны, словно бог сначала задумал сотворить красивую женщину, а потом, не ломая готовой модели, сотворил из нее мужчину. Черные пышные усы аккуратно подстрижены, небольшие, но выразительные глаза внимательно смотрели на гостей, и взгляд тут же теплел, когда Рауф-бей взглядывал на Халиду.

«Ему, пожалуй, за сорок, — подумал Жираслан,— столько же, сколько и мне, но он уже премьер».

Рауф-бей был одет в черкеску добротного серого сукна, газыри на ней из слоновой кости с серебряными чеканными головками, соединенными цепочкой, концы которой тянутся к трем шестиугольным чеканным звездочкам, привинченным выше газырей; массивный кинжал, по всему видно, надет не ради формы, как и наган в сафьяновой кобуре. На голове невысокая каракулевая кубанка под цвет черкески и бешмета из плотной ткани со стоячим воротником, высоковатым для его короткой шеи.

— Аллах простит тебе это преступление, Халида-джаным, — улыбнулся Рауф-бей и коснулся слегка пальцем ее белой красивой руки. — По крайней мере, я буду просить его об этом. Твой визит для меня радость, праздник, я благодарен и нашему дорогому гостю, тем более если он окажет нам такую услугу.— Он повернулся к Жираслану, озабоченному предстоящей ему непривычной ролью проводника, или караван-баши: — Где вы остановились? В Анкаре бог знает что творится...

Халида Адиб ласково глянула на премьера:

— О, Рауф! Ты не изменился, все такой же, смотришь в лицо — видишь душу.

— Я угадал? Значит — нигде! С этого мы и начнем, тем более это у нас не отнимет времени, вы — мои гости, у меня пять комнат, каждый из вас выбирает ту, что ему понравится. Первой выбирает Халида-джаным. Договорились?

Халида для виду возразила:

— Нет-нет, Рауф. Мы не хотим стеснять тебя. До вечера далеко, поищем — что-нибудь найдем с твоей помощью.

— В Анкаре? Анкара, дорогая Халида-джаным, не Стамбул, не спорь со мной, я — премьер-министр. Вы — мои гости, и все!

— Ты приказываешь?

— Приказываю. — Рауф-бей улыбнулся.

— О, ты далеко пойдешь! — Халида была благодарна Рауф-бею. — Князь Жираслан, чего молчишь? Ты разве не подчиняешься приказу турецкого правителя?

Жираслан ответил в тон:

— Признаться, от своего правительства я бегу, но здесь я гость. По обычаю нашему, если гость уходит

от своего хозяина к другому, у его коня перерезают подпругу. Но моя хозяйка — ты, и ты со мной...

— Ну коль князья сдаются, что остается бедной женщине... — И Халида заключила деловито: — С первым вопросом покончено, мы долго стеснять тебя не будем, переночуем — и до свиданья.

— Это последний вопрос, его мы пока не касаемся. — Рауф-бей снова повернулся к Жираслану, оперся о правый подлокотник кресла, приготовился слушать. — О решении комитета Халида мне говорила по телефону. Я кое-какие шаги предпринял. Сейчас я бы хотел знать, какова ситуация? До нас доходят только слухи, пока они коснутся наших ушей, успеют превратиться в смесь кислого молока с пресным — ничего не поймешь.

Жираслан, стараясь не оплошать, выложил все, что знал, начав со свержения царя Николая.

— С того дня пошло — все стало временным, — говорил Жираслан, довольный впечатлением, какое производил его рассказ. — Нет ничего постоянного, одно сменяет другое, правительства рождаются и умирают раньше, чем народ узнает имя правителя, о переменах иной раз узнаешь по деньгам, которые новые власти выпускают. — Жираслан перечислил правительства, какие возникали на Северном Кавказе за последние полтора-два года.

— Сейчас кто правит? — спросил Рауф-бей.

— Деникин. Его ставленники. Он за единую и неделимую Россию... Против всякого самоуправления.

— Я не понимаю, — вмешалась в разговор Халида Адиб. — Мы посылали депутации к великим державам, Англия горячо поддержала идею самоуправления черкесов, заявила, что Деникин не тронет горские автономии, но если тронет, то Англия перестанет снабжать его оружием. На самом же деле Деникин душит в зародыше горскую государственность, это видит представитель английского командования — и хоть бы что!.. Это ли не лицемерие?..

— Чего ты хочешь от англичан? Как говорится: не верь глазам своим, — сделал попытку пошутить Рауф-бей.

— Чему же, если не глазам?

— Действиям.

— На словах одно, на деле — другое. Я понимаю: политика, дипломатия, но честь, порядочность должны быть?

— На твое возмущение я отвечу одним любопытным документом.— Рауф-бей открыл ящик не очень массивного стола, достал оттуда лист бумаги, похожий на листовку.— Вот вам фатвав султана, призыв, с которым он обращается к черкесам... «Откройте глаза, чтобы увидеть заговоры, которые устраиваются против вас! Если вы не сделаете этого, окажетесь на бойне, подобно овцам, которые сами идут к месту своей гибели... Если вы не верите, вот вам пример: черкесские деревни, которые были сожжены в Бандырме и других местах. О, черкесы! Чего вы ждете? Берите оружие и собирайтесь под знаменем султана...»

— И теперь черкесские деревни сжигаются, — не дослушала до конца Халида.— А султан спокойно смотрит на это! Какое лицемерие! «Не верь глазам своим»?

— Об этом я и хочу сказать. Черкесы, во всяком случае многие, во главе с Адхемом, не остались глухи к зову султана, пошли под его знамена, ведь султан писал... послушайте, что он писал: «О храбрые черкесы! Придите ко мне, чтобы я мог видеть вас! Служба, которую вы мне сослужите сегодня, не будет забыта. Весь мусульманский мир отблагодарит вас за нее! Я буду помнить вас, пока жив, а потом мои сыновья будут воздавать вам за ваши дела до конца своих дней. Да благословит вас бог и даст силу и остроту вашим саблям. И пусть он поможет вам благословениями милостивого пророка». Этот фатвав султана вызвал междоусобицы, беспорядки, вверг страну в хаос, идет братоубийственная война.

— Султан спокойно греет руки у огня, когда горят черкесские деревни, подожженные бандитами,— возмущалась Халида.

— Вот именно, так султан благодарит за службу; вы думаете, он этим ограничится? Нет! Со всей ответственностью могу сообщить: замышляется план переселения черкесов из Турции...

— Куда, на Кавказ?

— На Кавказ! Чего захотела! В противоположную сторону. На земли арабов, куда сами турки носа не

сунут. Хотят при помощи черкесов держать в повиновении арабов, требующих самостоятельности, отделения от Оттоманской империи. Вот как надо понимать слова «мои сыновья воздадут вам». Переселение — еще не самое худшее, кочевой образ жизни вели и наши предки. А помнишь, как поступили с армянами?

Халида закрыла лицо руками:

— О, это ужасно! Сколько горя и слез. Да убережет нас аллах. Ивлис попутал мусульман, я до сих пор не понимаю этого безумия. Неужели это может повториться?

— Может. Все возможно, Халида-джаным.— Рауф-бей велел служащему принести кофе, торопливо закурил, выпустив изо рта и ноздрей кольца дыма, и продолжал: — Говоришь — «Ивлис попутал». Кто же это? Не тот ли черный джинн, о котором говорится в коране? Нет, Ивлис, который попутал турок. Живет рядом с вами, если хотите знать...

6. ЛЬВЫ НА АРЕНЕ

Халида ловила каждое слово Рауф-бея. Не раз она бралась за перо, чтобы писать о трагедии армян, но откладывала повесть на будущее. Материалов суда, рассказов очевидцев, чудом спасшихся от ножа, было так много, что требовалось время для их осмысления. Халида понимала, что один человек не мог совершить такого чудовищного преступления, хотя во всем и винили министра внутренних дел. Все делалось по заранее намеченному плану: объявили мобилизацию всех мужчин, способных носить оружие, угнали в ополчение юношей и немощных стариков из шести вилайетов, где проживали армяне, в пути колонны безоружных подстерегала засада. Покончив с мужчинами, фанатики бросились на беззащитных детей и женщин. Убивали, резали их, поджигали дома. Погибали целыми селами, городами, убитых некому было хоронить, собаки поедали трупы, одичалые кошки бродили по

крышам. Лишь единицам удалось спастись в пещерах окрестных гор. Халида Адиб пыталась пробраться в армянские села, но власти объявили эти места опасной зоной — там могла вспыхнуть эпидемия. Когда пришла русская армия, на ее долю выпало захоронение останков, расчистка жилищ, спасение от голода детей и подростков, коим удалось избежать печальной участи...

Жираслан слышал то, что ему никогда не приходилось слышать. Халида приняла воинственный вид.

— Молла Насреддин как сказал? Если ты знаешь, что я упаду с дерева, то знаешь и когда я умру. Выкладывай все. Я своим женским умом докопаться до дна колодца не могу, рою-рою, а воды все нет, помоги мне.

— Копать глубоко надо, водоносный горизонт под седьмым слоем земли,— улыбнулся Рауф-бей, сузив искрящиеся глаза; под его черными усами полыхали яркие губы. — Сегодня мы еще не все знаем, дай бог, чтоб узнали наши дети. Судьбы народов решаются за спиной народов.

— Что ты имеешь в виду?

— Хотя бы большую четверку или совет четырех.

— Догадываюсь: четыре великие державы?

— Правильно. Вильсон, Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо. Никто не знает, какие решения они принимают, заседания не стенографируются, но по их решению оккупирован Измир. В руках четверки судьбы народов, аллах дал им клыки, но не дал единства. Четырем волкам досталась туша барана — скажем, Палестина. Все наложили лапу, рычат друг на друга — не уступают; решили разыграть фарс: пошлем, мол, смешанную комиссию, выясним мнение арабов — кем они хотят быть съеденными?

— Боже мой! У арабов один выбор — чьи клыки острей. Что же выяснила смешанная комиссия?

— Не получилось смешанной, волки знали, что овца их по запаху узнает. Франция и Англия боялись, что выбор арабов падет не на них, и мешали посылке такой комиссии, этим воспользовался Вильсон, послал свою комиссию из одних американцев во главе с Кингом и Крейном. Она объехала Сирию, Палестину, Месопотамию, доложила своему правительству: арабы хотели бы самостоятельности; если это невозможно,

то они отдают предпочтение испытанным клыкам Вильсона. Иными словами — Америку в качестве единственного мандатария.

— Вильсон всех обскакал,— не выдержал Жираслан.

Рауф-бей знал тайны держав благодаря связям его в бытность морским министром, да и отец — председатель морского суда — передавал сыну сведения, которые узнавал при случае. Рауф-бей слыл отважным моряком, командовал лучшим крейсером турецкого флота «Хамидие», подавлял восстания в различных районах империи, и в конце концов на его долю выпало подписание Мудросского перемирия. Он принимал участие в движении младотюркистов, хотя не входил в союз «Иттихадистов», был членом комитета Сивасского конгресса. Знание нескольких европейских языков помогало Рауф-бею поддерживать контакты с политическими деятелями разных стран — отсюда его осведомленность в тонкостях большой политики.

— Где же был русский царь, почему не захватил Босфор и Дарданеллы? — воскликнула Халида Адиб. — Я всегда ждала нападения с севера, верила султанской болтовне, а кинжал всадили с юга, в спину, можно сказать...

— В игре государств, Халида-джаным, кто смел, тот и съел. Мешкать было нельзя, а русский император не удержался в седле, угодил под копыто. Ему раньше причиталась доля, а теперь и за его долю грызня идет.

— Ворота трех морей? — спросил Жираслан.

— Совершенно верно. Ворота трех морей, а стража ворот — армию — загнали на острова в тюрьмы...

— Турция должна выбирать одного волка из четырех... Ума не приложу, как быть. Князь Жираслан,— Халида повернулась к гостю с мольбой в глазах,— подскажи, какому волку Турция должна отдать предпочтение?

Жираслан помедлил с ответом.

— Смертный выбирает смерть по своему мужеству. Есть такая адыгская пословица. Окажись я перед четырьмя хищниками, я бы действовал по-волчьи, сам бы напал на одного, укусил бы, а у хищников закон: того, на ком показалась кровь, загрызть. Пока бы они

между собой грызлись, может быть, мне удалось бы скрыться.

— Житейская мудрость, — Рауф-бей засмеялся, хлопнул ладонью по колену. — Князь прав, у хищников повадки не изменились, в одном они заодно, в другом готовы сожрать друг друга.

— Ох, как опрометчиво поступила Турция, отдав предпочтение самому сильному — американскому волку! Я-то считала, она поступает правильно, помнишь мое письмо Мустафе Кемалю?

— Как не помнить! Ты призывала участников конгресса использовать Америку в качестве мандатария, прикрываться ею от опасности, исходящей от Европы.

— Я была в Сирии во время пребывания там американской комиссии, говорила с некоторыми ее членами. А потом убеждала всех, что Америка согласна получить мандат над Турцией, и только она сохранит довоенные границы Турции, иначе, мол, не обойтись без ампутаций, страну искромсают. Как я ошиблась! Какая глупость!

— Ты бывала в цирке? — своим вопросом Рауф-бей привел в замешательство Халиду Адиб.

— При чем здесь цирк? — обиделась она. Ее красивое матовое лицо залилось краской. — Бывала, конечно, меня отец водил...

— Ты не сердись, в мире львы, то есть сильные мира сего, действуют так же, как и львы на цирковой арене. Может быть, ты не обращала внимания, но дрессировщик выходит на арену с сумкой, полной кусками свежего мяса. Взмахнет кнутом — львы рассаживаются по тумбам, за «работу» он тут же каждому дает кусочек мяса; заставит льва прыгнуть через огненное кольцо — опять кусочек мяса в пасть...

— Заработал — получай!

— Вот именно. Британский ли лев, американский ли слон или осел — все равно, защищать тебя от опасностей бесплатно, без вознаграждения никто не будет. Ты хочешь сохранить еще «интеллектуально и экономически независимую» страну. Какая независимость, если ты стала приданым невесты? Пусть невеста сама выбрала жениха, это не меняет положения, муж свободно будет распоряжаться не только приданым, но и женой. — Рауф-бей громко засмеялся, глянув на

смутившуюся Халиду. — Ты мне обясни, что такое мандат, подмандатная страна? Как ты это понимаешь?

— Невеста... Богатое приданое... я сбита с толку, не берусь объяснить. Все-таки великая, сильная держава, которая берет нас под свою защиту, становится надежной опорой, помогает нам организовать оборону, пресекает всякие посягательства на нас, во главе страны стоят люди чести.

— Пусть так, но где ты берешь кусочки сырого мяса?

— Опять я ничего не понимаю.

Рауф-бей наклонился к Халиде:

— Я подскажу. Помнишь, у нас с Америкой был заключен договор на основе принципа наибольшего благоприятствования?

— Да. Помню. Султан кричал: бескорыстная помощь великой державы.

— Американский адмирал Честер не столько занимался делами военно-морского флота, сколько созданием концессии по строительству железных дорог в восточной Анатолии с правом эксплуатации рудников, нефтяных, угольных месторождений, хотя бы в двадцативерстной полосе по обеим сторонам железной дороги. Узнав об этом, английские и французские дельцы рвали на себе волосы. Это был даже не кусочек сырого мяса, а целая туша, очень жирная притом. Война помешала, дорога не была достроена, адмиралу по-прежнему снятся нефть и уголь, на всякий случай он готов свой флот выстроить вдоль наших берегов, чтобы другие львы, не дай аллах, не отхватили часть туши. Как при этих условиях сохранить Турции экономическую независимость, стать интеллектуальной нацией?

Жираслан подумал о грозненской, о дагестанской нефти и словно прозрел. Только сейчас он понял, запах чего заманил на Северный Кавказ англичан, да и в Закавказье какой оккупант ни появится — очертя голову мчится к Баку, где давно разрабатываются нефтяные месторождения. Жираслан первый раз видел Халиду Адиб, которая, как он полагал, знает все на свете, беспомощной и обескураженной.

— Теперь я понимаю, почему ты не очень поддерживал Кемаля-пашу, — медленно сказала Халида.

— Меня чуть не пригвоздили к позорному столбу за это. Я подписал Мудросское перемирие, но я-то подписал его не от себя лично, а по поручению правительства, и Мустафа Кемаль сам считал это наименьшим злом. Но бывали случаи, когда он попрекал меня этим. Я — военный, вилять хвостом не умею, если огонь из артиллерии главного калибра, то или ты пустишь ко дну врага, или он тебя — третьего не дано. Мне приказали прекратить огонь — прекратил, но флот достался врагу, это хуже, чем самому пустить свои корабли на морское дно...

— Так произошло не только с военно-морским флотом, в виде компенсации империя частями раздала себя большой четверке. А в Стамбуле многие предают анафеме христиан...

— Обвиняют во всем армян, греков? — спросил Рауф-бей.

— Вот именно, до сих пор верят, будто армяне возмечтали о собственном государстве от Черного моря до Средиземного.

— Но армяне помогали русским.

— Да, они хотели воссоединиться, сионисты воспользовались этим, когда кавказский фронт дрогнул под натиском русских войск, обвинили армян во всем.

— Так кто виноват?

— Боже мой, опять этот невидимый, но вездесущий дрессировщик львов, его карманы набиты кусками сырого мяса — слитками золота. Хоть бы какой-нибудь лев загрыз его!

Халида и Жираслан словно забыли, зачем они приехали, сидели молча, подавленные.

— При всем при том, — Рауф-бей прервал молчание, — мы должны помочь единокровным братьям, они ждут помощи, и это наш долг. Мы сами, исхлестанные, распластались по земле, каждый прохожий пинает нас, без помощи аллаха нам не подняться. Но князь Жираслан не возвратится назад с пустыми руками...

— Да выпрямит аллах ваши дела, — сказал Жираслан, чувствуя какую-то неловкость. Князь не собирался просить помощи, хотя благоразумие подсказывало ему, что пора возвращаться на родину, по крайней мере в Грузию, где он был при деле. Жира-

слан сам толком не мог объяснить, зачем явился сюда, в эту страну, раздираемую противоречиями. Сначала его тянуло к Адхему. Мужество, безудержная удаль этого малограмотного человека привлекали Жираслана, заочно он симпатизировал ему. Но если Адхем превратился в слепое орудие султана, проливает кровь ради спасения империи, в недрах которой родилась гибельная идея выселения черкесов в пустыни, то к такому человеку нечего прибиваться, лучше доставить помощь кавказцам. Жираслан оценил миссию, которую ему предложили, решил плыть по течению, не сопротивляясь. Помощь Турции воплотится в сабле Шамиля, о которой так красиво говорила Халида.

Халида горячо поддержала Рауф-бея:

— Кому только оказать эту помощь? Пока все организуется, много воды утечет.

— Шариатским войскам на Кавказе. Узуну-Хаджи. Семьдесят тысяч мюридов встает под его знамя. Армия! — восхитился Рауф-бей.

— Семьдесят тысяч! Это много? — переспросила Халида.

— Очень. Чечня и горный Дагестан поднимают знамя Шамиля, объявили газават, а ты спрашиваешь: куда направлять помощь. Слава богу, не в пустое пространство. — И Рауф-бей рассказал, что в Азербайджане остались кое-какие разрозненные турецкие войска, дошедшие до Дербента, Петровска, Темирхан-Шуры. А в Турции распустили армию, оружие сдано на склады, около двух тысяч орудий замолчали надолго, только на западе еще действуют повстанцы. Рауф-бей закончил: — Я распоряжусь, и отпустят столько оружия, сколько караван поднимет. К сожаленью, чаша весов на Северном Кавказе перевешивает в сторону врага, подбросим вооружения — аллах даст, друзья поправят дела, одержат верх и над Деникиным.

— Мы не забудем этой помощи. — Жираслан уже вошел в роль посланца эмирата, о котором не имел ясного представления.

— Ну, Рауф! Ты обрадовал меня. Я расскажу обо всем комитету. Пошли самый большой караван, не жалей оружия. — Халида Адиб засияла, заулыбались ее красивые губы, в глазах вспыхнула надежда. — Не жалей, раз действуют шариатские войска.

— Действуют. К шариатской армии присоединились и большевики, партизанские отряды.

— Я не представляю, как доставить караван,— высказал свои сомнения Жираслан, которому не приходилось передвигаться по незнакомой стране, не зная дорог.

Рауф-бей успокаивал князя:

— Надо подумать, я посоветуюсь с военными, организуем мощный караван. На лошадях будет нелегко, но другого пути нет. Продумаем все детали. Караван с оружием и снаряжением в сопровождении надежной охраны направим прямо в Ведено, к Узуну-Хаджи. Ведено, кстати,— бывшая столица Шамиля, история повторяется, над крепостными стенами вновь взошел полумесяц. Вам, Жираслан, приходилось, наверное, бывать в Ведено?

— Приходилось.

— Комитет средств не пожалеет,— вмешалась Халида.

— Остальное я беру на себя. Халида-джаным, порастрясем мошну у купцов, наберем тканей, на Кавказе люди пообносились. Обшарим военные склады, возьмем все лучшее. За деньги интенданты последнее отдадут.

— Тогда не будем терять времени! — И Халида нетерпеливо поднялась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. КАРАВАН-БАШИ

— Успеха тебе, караван-баши! — таковы были последние слова Рауф-бея, уверенного, что судьба каравана в надежных руках. А сам он, Рауф-бей, позаботится о боевом охранении, способном отразить нападение бандитских отрядов, активно действующих в районе Карса и Кагызмана, через которые лежит путь каравана.

— Боже упаси тебя идти через Армению,— предостерегал Жираслана Рауф-бей.— Перехватят караван армяне, на французские оккупационные власти надежды мало, пока до них доберешься, армянские «маузеристы» перебьют команду, и караван — их добыча.

— Что за «маузеристы»? — полюбопытствовала Халида Адиб, беспокоясь о судьбе князя.

— Повстанцы, вооруженные маузерами,— объяснил Рауф-бей. — Над маршрутом голову ломать придется мне. Подготовку каравана я намерен возложить на командование армейских частей вблизи русско-турецкой границы, подключу к этому и мутесаррифов — начальников округов, свяжусь с английскими оккупационными войсками, предупрежу, попрошу их о содействии. На это мне потребуется время. Я не хочу рисковать жизнью нашего гостя и, конечно, судьбой каравана.

— О, случись что — я умру от горя, от угрызений совести, князя толкаю на это я, мне страшно подумать об этом...

— Все обойдется, Халида-джаным. — Жираслан хотел добавить: «Я не из робкого десятка», но не сказал, чтоб не показалось бахвальством. Ему было ин-

тересно испытать судьбу, давно он не рисковал жизнью. Одно только его тревожило — плохо зарубцевавшаяся рана. Вдруг она откроется в пути? Ведь дороги — месяц, если не больше. Возможны и длительные остановки...

Вернувшись в Стамбул, Халида Адиб окунулась в дела, предоставив Жираслана заботам слуги. Она сама взяла под контроль караван. Сколько хлопот с этим было связано — не счесть. Однако она не забыла в один прекрасный день купить для князя золотые швейцарские часы с волшебной музыкой. Нажмешь на сердечко — открывается полированная крышка и слух ласкает хрустальный звон ручья. К часам она присовокупила длинную, увесистую золотую цепочку. Совершив эту покупку, Халида вернулась домой в хорошем настроении и заявила:

— Князь! Ты сегодня подаришь мне вечер. Сколько времени прошло — мы еще по-настоящему не посидели. Я виновата! Признаюсь! Закрутилась, делам конца не видно.

— Я всегда к твоим услугам, — не совсем понял ее порыв Жираслан.

— Предадимся развлечениям! Пойдем в ресторан «Босфор»! Я уже сделала заказ. Всюду голод, сам видишь, а там можно насладиться едой. Гостей не зову. Посидим вдвоем. Не возражаешь? — Халида лукаво глянула на гостя, казалось, она радуется близкому отъезду Жираслана. Это покоробило князя, но он сдержанно ответил:

— Я — твой гость. На востоке говорят: гость что верблюд, где его привяжут, там и стоит. Привязывай меня, где хочешь. — А сам подумал: «Скорей бы назад, на Кавказ».

Вечером Халида нарядилась, зашуршала шелком, золотой парчой вечернего платья, от аромата ее духов у Жираслана кружилась голова, по крайней мере он так думал. Голова скорей кружилась от обаяния женщины в вечернем туалете, которой все подвластно на земле. «И что заставляет меня покидать ее? — укорял себя князь, готовый передумать. — Не хочу быть никаким караван-баши!» Но внутренний голос твердил ему: «Халида тебе не пара, ты паша среди конокрадов, она — княгиня султанского двора, писательница, об-

разованная женщина». Чем больше узнавал он Халиду, тем глубже казалась пропасть, разделявшая их. Он и мысли не допускал увезти ее, сделать второй женой, рядом с немолодой, но безропотной и неграмотной, как он сам, Лейлой, вероятно еще больше состарившейся от томительного ожидания мужа.

Фаэтон мягко катил по вечернему Стамбулу. На поворотах Халида-джаным клонилась к Жираслану, он чувствовал ее прикосновение, и сердце замирало, перехватывало дух, князю хотелось, чтобы фаэтон шел все время по кругу, чтобы Халида наклонялась к нему, а та словно ничего не замечала, показывала гостю город.

— Эйюб-султан на берегу Золотого Рога. Видишь? Гробница сподвижника пророка Мухаммеда, причислен к лику святых.— Халида показала в сторону Босфора, где светились слабые огоньки кораблей, плывущих по проливу. Помолчав, она снова защебетала: — Мы в Румелии, европейской части Стамбула, о, если бы ты видел, дотла сожгли греки европейскую часть Смирны, вырезали всех мусульман... Адхем им отомстит, да вознаградит его аллах, повстанцы прищемили хвост оккупантам, англичане вынуждены установить нейтральную зону вокруг города, через нее все равно проникают лазутчики. — Халида вздохнула, затихла, слышно было, как звонко стучат копыта лошадей. — Скоро повернем на улицу Гедик-паши, нам надо посмотреть Бедестан.

— Что это?

— Бедестана не знаешь? Мекка для женщин — крытый рынок! Каких только украшений там нет, голова кругом идет. И оружие продается! Вообще-то нам надо было побывать и в Бейлербее на азиатском берегу Босфора, посмотреть Чанакаала, город-крепость, где произошла кровопролитная битва между турками и англичанами, много черкесов сложили головы в том бою.— Халида-джаным повернулась к князю, почти упираясь в него плечом (у того в глазах померкло), и показала в сторону минаретов, еле заметных в ночной мгле.— Вон Галатасарай, лицей, куда отец отдал меня учиться; на французском учили, я предпочла бы английский.

Князь, вместо того чтобы повернуть голову в сто-

рону минаретов, не отрывался от Халиды-джаным, но... фаэтон остановился у подъезда ресторана.

Каково же было удивление Жираслана, когда он увидел то самое заведение, возле которого встретил канатоходца-кумыка. Оказалось, это не просто харчевня, как неосторожно называл ее в мыслях Жираслан, а лучший ресторан Стамбула. Увидев экипаж, остановившийся у подъезда, служители «Босфора» в ливреях бросились помочь Халиде выйти из экипажа и подняться по ступенькам. Посетительницу провели в зал. Князь понял, что и здесь знают Халиду. Им приготовили отдельную ложу со столиком, накрытым на две персоны, мимоходом при неярком мерцании свечей князь увидел в ресторане одних высоких господ: офицеров, все больше англичан, в обществе прелестных дам, арабов-землеторговцев, полагавших, что они одурачивают евреев, скупающих пустынные земли Палестины. Эти, с позволения сказать, дельцы не могли взять в толк, зачем ехуди хватаются за тощие земли, где не растет ничего, даже саксаул, и считали деньги, вырученные за продажу ничейных, или «аллаховых», угодий, случайными, просаживая их в дорогих ресторанах.

— Тут я и привяжу своего дорогого верблюда на вечерок. — Халида опустилась на мягкий стул, обитый красным бархатом, вздохнула.

— Мне сесть или стоять? — в том же духе подхватил и Жираслан.

— Сначала посидим, в ногах правды нет, когда еще судьба сведет нас вместе? — На красивое лицо Халиды набежала тень от предчувствия близкой разлуки.

Едва Жираслан и Халида уселись за столик, хозяин был тут как тут. Невысокого роста, весь в черном, с застенчивыми глазами, похожими на маслины, с круглым, лоснящимся лицом и расплывающимися губами, он отвесил почтительный поклон Халиде и чмокнул ее в ручку жирными губами, кивнув Жираслану. Услышав пожелания Халиды, толстяк грациозно хлопнул в ладоши, подозвав официанта, передал ему заказ и откланялся.

— Один теряет быка — находит петуха,— Халида задумчиво глядела вслед хозяину ресторана. — Другой теряет петуха — находит быка.

— Ты о чем? — спросил Жираслан.

Халида вздохнула:

— Все о том же. Идет война, под залпами пушек рушатся империи, а этот пузатенький скворчишка под шумок за бесценок прибирает к рукам рестораны, из выручки ничего на сторону не тратит, покупает земли у арабов-кочевников. Ангелы доброты, арабы, вот они,— Халида глянула в темный угол,— их дети подрастут, хвать — а земли отцов в чужих руках, «Аллаховы» угодья станут собственностью чужестранцев.

На подмостках вспыхнули разноцветные огни, показались полуобнаженные женщины, началось представление под музыку. Жираслан, воспитанный в строгих правилах горцев, не допускающих, чтобы женщина публично демонстрировала себя, опустил глаза, не замечая, что за ним следит Халида. Похоже было, она жалела, что подвергла горского князя такому испытанию.

— Почему чужестранцев? — спросил Жираслан Халиду.

— Пузатик-то, купчик из Салоник, хозяин нашего ресторана, скупает в Палестине земли у кочевников-арабов. Деньги, что он им заплатил, они возвращают ему же за показ красоток.

Халида недоговаривала: ресторан предлагал посетителям и отдельные номера с красотками. Здесь же происходили сделки между купцами, как на бирже. Швейцар Лигор-ага, молодцеватый, расторопный, с наглыми воспаленными глазами, в красной замусоленной феске, белой рубахе, в кафтане с широким бархатным кушаком и шароварах, только успевал провожать гостей в номера, доставляя им кофе, сласти и красоток, которых подбирал сам, и успевал следить за порядком в зале.

Жираслан увидел, как этот Лигор-ага схватил за шиворот нищего, неизвестно как пробравшегося в зал, выталкивая его за дверь. Нищий уронил побитую молью феску с курушами, которые ему удалось выклянчить у посетителей, тянулся к рассыпанным монетам, повторял как заклинание: «Ля-иллах, иль-аллах». По его произношению Жираслан, понял, что это не турок и не араб, скорее всего русский. Недолго

думая, князь кинулся к нищему, вырвал его из рук Лигора-ага. На помощь швейцару подоспели привратники, но Жираслан растолкал их, схватился за рукоять увесистого кинжала, это подействовало на слуг отрезвляюще, заставило их попятиться. Увидев человека в черкеске, нищий выпалил:

— Благодарствую, вашскородие! — Рыжеволосый, веснушчатый, он еле переводил дух. Приняв, очевидно, князя за русского офицера, он слезно взмолился: — Побираюсь, совесть гложет, хоть и нужда. Вашскородие, прощения просим...

— Русский?

— Казак, вашскородие...

— Казак! Откуда же «ля-иллах, иль-аллах»?

Жираслан чуть не рассмеялся.

Казак махнул рукой, подобрал рассыпавшиеся по полу куруши, вытащил из-под стола закатившуюся туда феску и, собравшись с духом, выпалил:

— Сменил я веру, вашскородие, принял магометанскую. Голод заставил. К чему вера пленному? Не вера на уме — кусок хлеба. Руки есть, ноги есть. Работать могу. Не берут! Прощенья просим, мусульман берут, иноверцев на порог не пускают. В нищету впал...

— Пойдем к столу, поговорим. — Жираслан потянул казака к столу. Халида, якобы увлеченная созерцанием красоток, делала вид, будто ничего не замечает.

— Не смею, вашскородие, не смею. Вы с дамой-с! — Казак упирался, не рад был, что и забрел сюда...

— Подкрепись, ты голодный...

Казак, судорожно глотнув при виде еды, повторял, как молитву:

— Не смею, вашскородие, не смею, отпустите меня, я пойду, пол-лиры набрал — хватит. — И пятился к выходу.

Лигор-ага, видя свою оплошку, подставил к столику третий стул по знаку Жираслана и тут же исчез. Казак с опаской сел.

Халида не повернула головы, не проронила ни слова, от нее повеяло холодом, как от каменного изваяния. Жираслан понял, что она не желает общества случайного человека, живущего подаяниями, и без долгих проволочек приступил к делу:

— На родину хочешь?

— Вашскородие, на брюхе, по-пластунски бы пополз!

— Тогда вот что. На Северный Кавказ пойдет караван, не одна сотня навьюченных лошадей, в Ведено, понимаешь? Хочешь пристроиться? А? Если хочешь, похлопочу...

У казака в глазах вспыхнула надежда.

— Вашскородь, куда мне кинуться? Где караван?

Жираслан оглянулся на Халиду, по-прежнему увлеченную музыкой и танцами, упорно не обращавшую внимания на князя и казака, обратился к ней:

— Халида-джаным, ты все можешь, помоги моему соотечественнику, пусть он пойдет с караваном, своих земляков я знаю, он вояка, казак, пригодится мне, мало ли что нас подстерегает в пути! Помоги, очень прошу.

— Он тебе нужен? — Халида не отрывала глаз от танцовщицы.

— В дороге первое дело — стремянный. — Жираслан искал доводы поубедительней. — Сама знаешь, стремянный должен чуять опасность за версту, вовремя коней подать, адыги, отправляясь в поход, прежде всего ищут стремянных — храбрых, смышленых и зорких сердцем.

— Откуда ты знаешь, что он зоркий сердцем?

— Казак полжизни проводит в седле. Черкни два слова, пусть его пристроят к каравану. Вдвоем легче дорогу искать.

Последние слова показались Халиде убедительными. Ее сердце оттаяло.

Ни Халида, ни Жираслан еще не знали, что под личиной нищего скрывался бывший офицер русской армии Григорий Седых, попавший в плен. Седых не любил об этом рассказывать, а если уж приходилось, не отступал от версии, которая его больше устраивала. По ней Седых, с казачьим разъездом разыскивая штаб полка, увидел на турецкой земле возле армянской церкви солдат, одетых в такую же форму, как и русские, принял за своих и повел разъезд к ним навстречу. Те встретили их винтовками на изготовку, а пулеметчики навели на них пулемет. Вскоре выяснилась причина такой враждебности, но было поздно: при

возвращении по договору Карса в руки турок попали склады с обмундированием. Зима в горах сурова, и раздетые и разутые турецкие солдаты обрядились в мундиры русской армии. Казачий разъезд в короткой схватке частью погиб в перестрелке, частью попал в плен. Голод заставил Седыха перейти в мусульманскую веру. Это вызволило его из промозглого каменного сарая, в котором содержались пленные и многие уже умерли от голода и болезней. С тех пор Григорий по поводу и без повода повторяет «ля-иллах, иль-аллах», чтобы его не приняли за православного...

— Будет у тебя стремянный, смотри только, чтобы он не вышиб тебя из седла.

— Меня не просто вышибить. — Жираслан повеселел, когда Халида-джаным достала из роскошного ридикюля миниатюрную записную книжечку с карандашиком.

— Верой и правдой, вашскородие, буду служить, можете положиться на меня, русский офицер слова чести не нарушит, по гроб жизни буду помнить, как выручили меня из беды, вернули на родину, — у Седыха сорвался голос, но казак тут же взял себя в руки, чтобы не показаться малодушным.

— Доберемся до Терека — видно будет.

— До Терека... Лет шесть, как не бывал я там, служба, война. Детишки без меня растут, жена... — От избытка чувств Седых готов был пуститься в воспоминания, но красивая дама протянула ему записку:

— На улице Хаджи-Байрам найдешь Комитет черкесского сотрудничества, тут написано, к кому обратиться, да поможет тебе милостивый и милосердный...

— Инш-аллах! Инш-аллах! Шукурул-лахи,— пятился назад Григорий, преисполненный чувства благодарности. Князь Жираслан, мусульманин, и то не знал столько слов из корана. Он крепко пожал руку человеку, не чуявшему ног под собой от радости.

— Караван-баши! Стремянный! Почин сделан! — Хотя в голосе Халиды звучала ирония, к ней возвращалось хорошее настроение. Ей так много хотелось

сказать Жираслану, а он притащил грязного нищего, от которого несло навозом и бог знает еще чем.— Смотри, не случайного ли человека с собой берешь. Он тебя не обманет?

— Не обманет, сколько лет мотается по фронтам, я вижу, рвется домой, такой не подведет, да и дороги знает, воевал здесь...

В зале вспыхнул свет, затихла музыка — антракт.

— Я тебе что-то припасла. — В глазах Халиды-джаным заиграли чертики. Она достала свой дорогой подарок — золотые часы, положила их на стол, щелкнула замочком сумки: — Это от меня, обязательно носи на левой стороне, на сердце. Кемалю-паше жизнь спасли часы.

Жираслан смутился, не сразу нашел слова:

— Да будешь ты всегда на виду у бога. Такой дорогой подарок! У правителя Кабарды нет таких часов. Я готов носить их в самом сердце.

— Правитель Кабарды обойдется без часов. А эти пусть напоминают обо мне. — Халида залилась смехом, заиграли камни на ее украшениях. Жираслан открыл сияющую медовым светом крышечку часов, полюбовался, как секундная стрелка бойко отсчитывает время, заглянул и на оборотную сторону, как бы удостоверяясь, все ли из золота, прикинул на ладони цепочку.

— Я привык все оценивать скакунами. Этим часам не нахожу цены, — сказал он проникновенно.

— Чтобы ты знал, князь, сколько минут тянется наша разлука. Откроешь крышку — музыка напомнит: пора в Стамбул.

— Напомнит твой голос, Халида-джаным. — При всей видимой суровости Жираслан был сентиментален, его голос дрогнул, князь был тронут, но не смел сказать то, что хотелось. Переведя дыхание, он добавил: — Каждая минута будет казаться месяцем, час — годом. Если бы разлука тянулась минуты!

— Ты прав, князь.— Халида заговорила серьезно, приподнято.— Надо сделать все, чтобы мы могли встречаться, когда захотим. Советы не должны поставить между нами глухую каменную стену или проложить пропасть. Сейчас или никогда!

Жираслан, привыкший во всем верить Халиде, по-

лагал, что ее устами говорит судьба адыгов, что это зов предков к воссоединению, хотя и понимал, что русская империя — не Оттоманская и глыбы в ней не те. А главное — лозунг большевиков «свобода, равенство, право наций на самоуправление», о котором князь был наслышан немало, только ему не приходилось вдумываться в эти слова, понять их смысл. Жираслан в знак согласия кивал головой, не отрывая глаз от часов.

— Кавказ — родная земля, притягивает к себе народы, — Жираслан искал самые сокровенные, возвышенные слова. — Не будь Деникина, горские народы образовали бы свое государство; осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши — все эти народы крестьянские. Земля для них так же драгоценна, как воздух. Советская власть почему запала им в душу? — раздала крестьянам земли. Декрет был: земля тем, кто на ней работает. Горцы оценили Советскую власть: справедлива, мол, она, землю поровну делит, бери, обрабатывай.

— Крестьяне за Советы? — Халида строго взглянула на Жираслана.

— В душу всем не заглянешь, Халида-джаным, но думаю, да.

Халида посуровела.

— Вопрос о власти решает не большинство, для этого есть умные люди. Они берут на себя заботу об интересах народа. На чьей стороне сила, на той стороне и большинство. — Она имела в виду Антанту, попирающую права больших и малых народов, не обладающих военной мощью Англии и Соединенных Штатов.

— Ты права. Что понимает народ? Его на что угодно можно подбить.

— Верней, придавить силой, заставить его встать на колени.

Нелегкая для Жираслана беседа не затянулась. Видя, что гость вовсе не смотрит на артисток, Халида вспомнила Рауф-бея:

— Как тебе понравился черкес-премьер?

— Человек ума! — Жираслан не скрывал своего восхищения. — И отвагой бог не обидел. Видать, решительный. Такому и быть караван-баши страны. Поведет, куда надо.

— Адмирал. В морских сражениях одерживал победы, его корабли старенькие были, у союзников новейшие, зато он брал мужеством, умением.

— Я верю.

— Дорогу для каравана он найдет, можешь быть спокоен, хотя и не будешь знать, кто отводит от тебя опасность. Он не допустит, чтобы кто-то прервал твою дорогу, конечно в пределах Турции...

Домой возвращались на ночном извозчике. Ехали молча; казалось, все высказано, но в душе каждый ощущал непочатый край чувств. Жираслан первым выскочил из фаэтона, протянул Халиде руки, и она, как бы оступившись, оказалась вдруг в его объятиях. У князя голова закружилась, но оба сделали вид, будто ничего не произошло. На прощанье Халида улыбнулась и ушла в свои покои.

Уже лежа в постели, Жираслан подумал, что Халида сама кинулась ему в объятия, он мог ее взять на руки, внести в дом, как вносят невесту, но у него не хватило смелости. Может быть, и к лучшему... Хорошо, что он возвращается на родину, побудь он здесь еще немного — и это чувство, очень похожее на любовь, поглотит его, как озеро. Да, Халида — горное озеро, прозрачное, зовущее, в нем отражаются облака, небо, ближние вершины гор, леса, окунешься — и мало-помалу подводное течение затягивает тебя на дно, затягивает неодолимо, и какой бы ты ни был искусный пловец, а тонешь... И он иногда ловил себя на мысли, что ему хотелось бы утонуть в этом озере...

Жираслан взял с тумбочки золотые часы, открыл крышку, раздалась музыка. Халида, сочетающая в себе женское обаяние, красоту и ум, в государственных делах она что форель в горной речке... Рауф-бей назвал ее «гордость наша»... Он ей не пара. Кто же запрягает кобылицу-чистокровку и вола в одну телегу?..

Долго ворочался Жираслан, пока не заснул. А чуть свет его разбудил муэдзин, кричавший с соседнего минарета. «Будь он неладен, — выругался Жираслан, — думает, все только и ждут его завываний, чтобы, сорвавшись с теплой постели, бежать в мечеть... Внизу зашумели, это калга хлопочет, готовит завтрак — значит, пора вставать».

2. ПРОВОДЫ

Жираслану предстояло плыть до Трапезунда, а оттуда на перекладных добираться до расположения воинских частей где-то за городом. Обойдя стороной толпу у пристани, Халида-джаным и князь взошли по трапу на пароход. В честь гостя Халида надела черкесское длинное платье из парчи вишневого цвета, застегивающееся на талии тремя золотыми пуговицами. Такое платье называется сай. Нижняя его часть из семи клиньев, с сильно расходящимися впереди полами украшена золотошвейными узорами, характерным для адыгов орнаментом, под сай Халида надела длинную рубаху и жилетку с драгоценной застежкой вместо пуговичек. В разрезе сая поверх золоченой застежки горел алмаз на длинной цепочке. Ее наряд гармонировал с нарядом Жираслана, одетого, как всегда, в черкеску с газырями, подпоясанную кавказским поясом с позументами. Он был при кинжале и офицерском нагане, от рукояти которого тянулся длинный ремешок, тоже с пряжками и позументами, другим концом надетый на шею в виде большой петли.

Когда они шли по пристани, все обращали внимание на необыкновенно красиво и празднично разодетую пару, принимая их за мужа и жену. Слуга в красных шароварах и красной феске нес за ними ручную кладь. Пробившись к каютам первого класса, слуга разложил вещи по местам, поклонился Жираслану и вышел. Жираслан и Халида Адиб остались в каюте одни. Жираслан с радостью видел, что Халида не расстается с его подарком, и сам достал часы — посмотреть, сколько осталось быть ему в обществе этой необыкновенной женщины.

— Завидую я тебе, князь, — нарушила молчание Халида. — Едешь в родные края, на Кавказ. Скоро весна, на склонах гор, в долинах травостой такой высокий, что теленок в той траве теряет свою мать, если она прилегла, жует жвачку, одни ее рога торчат из травы. Как бы я хотела вот так полежать в густой-густой тра-

ве на родной земле, вдыхать запах горных цветов, смотреть на леса, на шумные потоки, ослепительные снега...

Желание Халиды поразило Жираслана. Сколько он живет в тех долинах — никогда ему не приходило в голову смотреть на цветы, и как она может сравнивать себя с коровой? Все это не укладывалось в мыслях, но он сказал:

— Поедем со мной.

— Я пешком бы пошла! Мне часто снятся горы — Кавказ, моя родная земля! Неправду говорят арабы, будто рай создан по образцу арабских земель, рай подобен кавказским долинам, ты едешь в рай прямо из ада... Смешно звучит, правда?

— Не знаю. К своей земле я отношусь иначе.

— Как? — Халида испугалась, вдруг он скажет «не люблю».

— Кроме своей земли других земель я не видел. То, что я был в Турции, не в счет. Мне думается: все земли одинаковы, но каждому дорога его родина...

— Разве может родина выглядеть как другие земли? Где, к примеру, пастух вечером загоняет стадо в аул и каждая хозяйка по мычанию узнает свою корову? — Халида залилась смехом. — К матери ты как относишься? Она ведь лучше всех! — Тут Халида осеклась, вспомнила трагические дни его детства... — Извини, я знаю, ты расстался с матерью слишком рано, после пожара на корабле. Я к слову говорю. Да, человек так устроен, что больше всего на свете любит землю, его вскормившую, если даже там растет только одно дерево, один куст...

Послышался первый глухой короткий гудок, означавший, что настала минута расставания, Халида вздрогнула. Жираслан вздохнул, с грустью взглянул на нее.

— Ты права, Халида-джаным, всегда права, — заговорил он сердечно, искренне. — Если я иногда возражал тебе, так только чтоб посмотреть, как ты волнуешься, тебе очень идет, когда ты волнуешься, ты становишься как горное озеро. С виду оно безмятежно, а налетел озорной ветер — озеро ожило, пропало в нем отражение неба, гор, лесов, оно показывает свой нрав, катит волны, плещется, наполняет все вокруг шумом...

— Жираслан, хватит! Не трать попусту бесценные слова. Случаем, ты стихи не сочиняешь?..

— Не приходилось.

— А мог бы. Ты сейчас тронул меня, задел за живое. — Пора было покидать корабль, Халида встала. Встал и князь. Они стояли друг против друга в нерешительности, желая и боясь одного и того же — горячо обняться.

— Что ж, князь, поклонись нашей земле, поверь, другой такой нет, увидишь где-нибудь густую-густую траву — утони в ней, захмелей от ее аромата и приникни к ней. — Халиде отказала выдержка, ее плечи дрогнули: — Приникни за меня...

Послышался новый гудок. Халида, как теленок, ткнулась лбом в грудь Жираслана, чтобы скрыть слезы, схватила горячими руками его руки, и не успел Жираслан слова на прощанье сказать, как за дверью каюты стремительно зачастили удаляющиеся шаги Халиды. Он выскочил на палубу, — в разношерстной толпе на пристани рядом с английским офицером стояла Халида, уже не пряча своих мокрых глаз, пыталась улыбаться, махала ему рукой...

Опираясь на поручни, он долго стоял на верхней палубе; Халиды уже не было видно, а он все глядел, искал ее. Показались окраины Стамбула, город сверкал минаретами, куполами мечетей, дворцов, уплывал постепенно, как бы садился, прижимался к земле, утопая в зелени, будто корова в луговых травах, о которой вспоминала Халида.

— Жалко оставлять такую женщину, — послышалось за спиной у Жираслана, он обернулся: перед ним стоял Григорий Седых. — Я видел вас еще на пристани, да не захотел мешать. Спасибо ей. Записка помогла.

— В Трапезунд? — обрадовался Жираслан.

— Имею предписание. И ты туда? Теперь от меня не отделаешься. Сами виноваты, вашскородь, сами похлопотали за меня. Черкесская община меня туда направляет, говорят, там формируется караван вьючных лошадей, меня зачислят в полуэскадрон сопровождать караван до самого Ведено.

— Значит, второй караван-баши.

— А кто первый?

— Я.

— Тогда об чем разговор, вашскородь.

— Пошли ко мне. — Жираслан повел казака в свою каюту, усадил на обитый плюшем диван. — Я думал, ты уже там, в Трапезунде, ждешь меня.

— Не успел, бегал по Стамбулу, оформлял документы, с ног прямо сбился.

За эти дни казак преобразился, повадка нищего сменилась офицерской осанкой, новенький мундир сидел на нем ловко, рыжеватые волосы кудрявились, стояли торчком подстриженные огненные усы, радостно сияли голубые глаза.

— Турок за время плена я вызнал до донышка. Три горба у них наружу прут. У верблюда два, у них три: рот — мели мельница, поболтать любят страсть; второе дело — брюхо, кормежки давай, не жалей; третье... извиняюсь, ниже пояса. Тут они костьми лягут, но подай гаремчик: чем больше жен, тем знатней, вольготней живется.

— Ну и ты... не зря же перешел в мусульманскую веру. — Жираслан рад был пошутить.

— Не от хорошей жизни, князь, не соверши я такой шаг, брюхом кверху поплыл бы, ты не знаешь, как они относятся к иноверцам, помирать будешь — куска хлеба не подадут, а скажешь «ля-иллах, иль-аллах» — смилостивятся. За свободу и кусок хлеба я веру сменил, смешно, вообще-то мне менять нечего, сроду в церковь не ходил.

— Как и я. В храм князья ходят под старость.

— Под старость и я, может, надумаю. Забросил я красную феску, как видишь, в форменной фуражке хожу, казак казаком.

— Вижу, вид совсем другой, не скажешь: пленный.

Седых вздохнул, отложил фуражку в сторону, хлопнул по колену ладонью:

— Горе мыкал, натерпелся, скажу я вам; что меня ждет — не знаю, не ведаю, еду — не верю в свое счастье, так домой хочется.

— Из какой станицы будешь?

— Моздокский я, возле Грозного.

— Слыхал! Казачья столица.— Жираслан вспомнил свой налет на скупочный пункт в Моздоке, когда угнали пять верховых лошадей.— Там скупочный пункт был до прихода Деникина, сейчас не знаю.

— Столица?!

— Терских казаков. Георгий Бичерахов на троне, главный атаман казачьей державы, объявил войну соседнему государству — Грозному. — Не понять было, шутит Жираслан или нет.

— Брешешь, — попросту рубил кучерявый казак. — Из Моздока какая столица? Деревня, один кинематограф на манер городского, остальное — халупа на халупе, соломенные крыши, смотреть не на что, а ты «столица»!

— Деньги свои выпускают, Советской власти не признают. Теперь присоединились небось к деникинской «империи». При мне Моздок столицей был, только одолеть грозненскую рабочую державу не смог — это точно, пока Деникин не ввязался. Если хочешь знать, имеет собственный керосин, в хатах лампы горят...

— Ну если лампы горят, столица! Генерал Деникин им помог?

— Да. Деникина в императоры прочат.

— Вот оно что, — призадумался Седых, не очень, видно, ему хотелось попадать под власть новоявленного императора. — А ты кто?

— Человек.

— Вижу, не медведь. Офицер, а может, генерал?

— Не военный я. Конским делом промышляю. — Жираслан нашел удачное название своему ремеслу. «Конское дело» — понимай как знаешь. — Кабардинец я. В Моздоке тоже есть кабардинцы.

— Не только в Моздоке; в Турции разрежь арбуз — выскочит кабардинец, только они себя черкесами называют. На кавказском фронте под командованием Шевки-паши пятая, одиннадцатая, девятая, десятая, тридцать шестая, тридцать седьмая, — Седых загнул все пальцы на левой руке и один на правой, — считай многие части группы войск «Карс» состояли в основном из кавказских народов, много было черкесов, были и курды и турки, а среди офицерства больше черкесов. Воевали — душу с мясом вырывали, рубаки отменные. А как они рвались на Баку, чтобы потом двинуть на Дербент, на Петровск, выйти к берегам Терека, добраться до истоков — на земли отцов... Не повезло, долбанули их, да так, что перья летели. До сих пор мечтают вернуться в родные края.

— Мечта, мечта...

— Да. Земля адыгов под Деникиным, попробуй спихни его — не дается. Медведь еще в лесу, а турки зарились на медвежью шкуру, ссорились между собой — кому какой кусок достанется.

— Пошли на медведя — нарвались на тигра. — Князь имел в виду: пошли на русского царя, а путь им преградили большевики. — Ленин разбросал любителей чужого добра, самого царя сковырнул, у генералов, адмиралов погоны полетели...

— Силища, — согласился Седых, обнажил в усмешке большие, похожие на желтоватые кукурузные зерна зубы и красные здоровые десны. — Все ополчились на него, я такого наслушался, — где охотник, где зверь — не поймешь: и бык рэвэ, и корова рэвэ... А в Турции? Пошли по шерсть, вернулись стрижеными, империя, что сколачивали веками, развалилась.

— Слышал.

— Не случится такое с Деникиным, как по-твоему? На Москву, говорят, собрался? Силу сколотил против Ленина.

— Сколотил. Армия с иголочки одета, во все английское, подавайся к нему, он офицеров заманивает...

— С меня хватит. Была бы голова цела — шапка найдется. Я прошел огонь, воду, медные трубы, вдобавок турецкие бани. Ранения, контузию — все выдержала моя шкура, тонкая стала, хочу домой. — Седых вздохнул, загрустил, задумался.

— В Стамбуле как оказался?

— Долго рассказывать.

— А нам не к спеху, дорога длинная впереди.

Князь достал с полки корзину, достал оттуда жареную баранину, курицу, ароматный кебаб, лепешки, рассыпчатый вареный рис, фрукты и всякую всячину; ошеломил совсем казака, того уже невозможно было разубедить, что Жираслан не генерал, не адмирал, а то и бери повыше. Только притворяется. Ишь харч какой дали на дорогу. У Седыха мелькнула даже мысль — бежать, не связываться с господами: чего доброго, угодишь куда не надо. Но Жираслан, следуя горскому гостеприимству, не собирался отпускать попутчика, его простота и бесхитростность подкупали Григория. И по предложению князя казак перетащил

свои пожитки из каюты третьего класса, битком набитой народом, к Жираслану.

Пароход, древний как Ноев ковчег, дрожа мелкой дрожью, тащился все медленней и медленней — видно, котел топили плохим углем. За бортом уныло плескалась вода. По коридору ходили военные, полицейские, шла проверка документов. Седых краем уха прослышал, что в Трапезунде не очень спокойно, некий Галиб-бей организовал заговор против нового правительства, пытался помешать разрыву со Стамбулом, но вместо султанского дворца попал за решетку.

Жираслан, увлеченный рассказом своего попутчика, забыл о Халиде-джаным.

3. ЗЕМЛЯК

— Навалandался я в Царьграде, не дай бог, до портков все прогусарил. — Григорий, ощутив сытость от вкусной еды, благодарил земляка откровенным рассказом о своих злоключениях. — Каких только смертей не избежал! Бандиты в Крыму хотели звездануть пулей в лоб; командующий черноморским флотом адмирал Саблин сулил повесить на шею камень и отправить транзитом на тот свет через дно морское; немцы-колонисты грозились кожу содрать — обещали петлю; у турок с голодухи чуть копыта не откинул. Страху натерпелся — врагу не пожелаю. Мне бы краешком глаза глянуть на родную хату, на детишек своих, а там хоть трава не расти. — Григорий сделал паузу, ожидая вопроса, но собеседник молчал. — Я слышал, красивая землячка называла тебя «князь»; вашскородь, вышибла, видать, тебя из седла революция, голым по миру пустила? — Григорий посмотрел на обильные остатки еды, передумал: — Всего-то не обобрали. И то слава богу. — Григорий подался к Жираслану, ткнул пальцем в его колено, заговорил доверительно: — Слышь, вашескородь, а я мог стать богатеем — ящик золота держал вот этими руками, еле поднимал, пуда три, а то и больше... Вот те крест!

Жираслан рассмеялся:

— Я думал, скажешь «ля-иллах, инш-аллах!». А ты — «вот те крест».

— Все. Я больше о гареме не мечтаю...

— Золотишко припрятал в надежном месте? — поинтересовался Жираслан. — Случаем, не в Стамбуле оставил? Гляди, не скоро там кончится заваруха; в каком котле варят мясо за помин души, в каком за здравие — не поймешь.

— Это да, клад я отдал в надежные руки. Шибко надежные, назад не получу даже малой толики.

— Ни фунта, ни полфунта?

— Ни золотника.

— Отвез бы в горы, в пещеру какую, жил бы — горя не знал, купил бы скакунов самых лучших. — Жираслан, привыкший все мерить скакунами, не мог представить себе, сколько лошадей можно было бы купить на три пуда золота.

— У тебя скакуны остались после революции? — В представлении Григория его земляк был богат и знатен, наверняка имел свой конный завод, продавал генералам верховых лошадей, возможно, и в Стамбул пожаловал с той же целью, господа английские офицеры большие ценители лошадок.

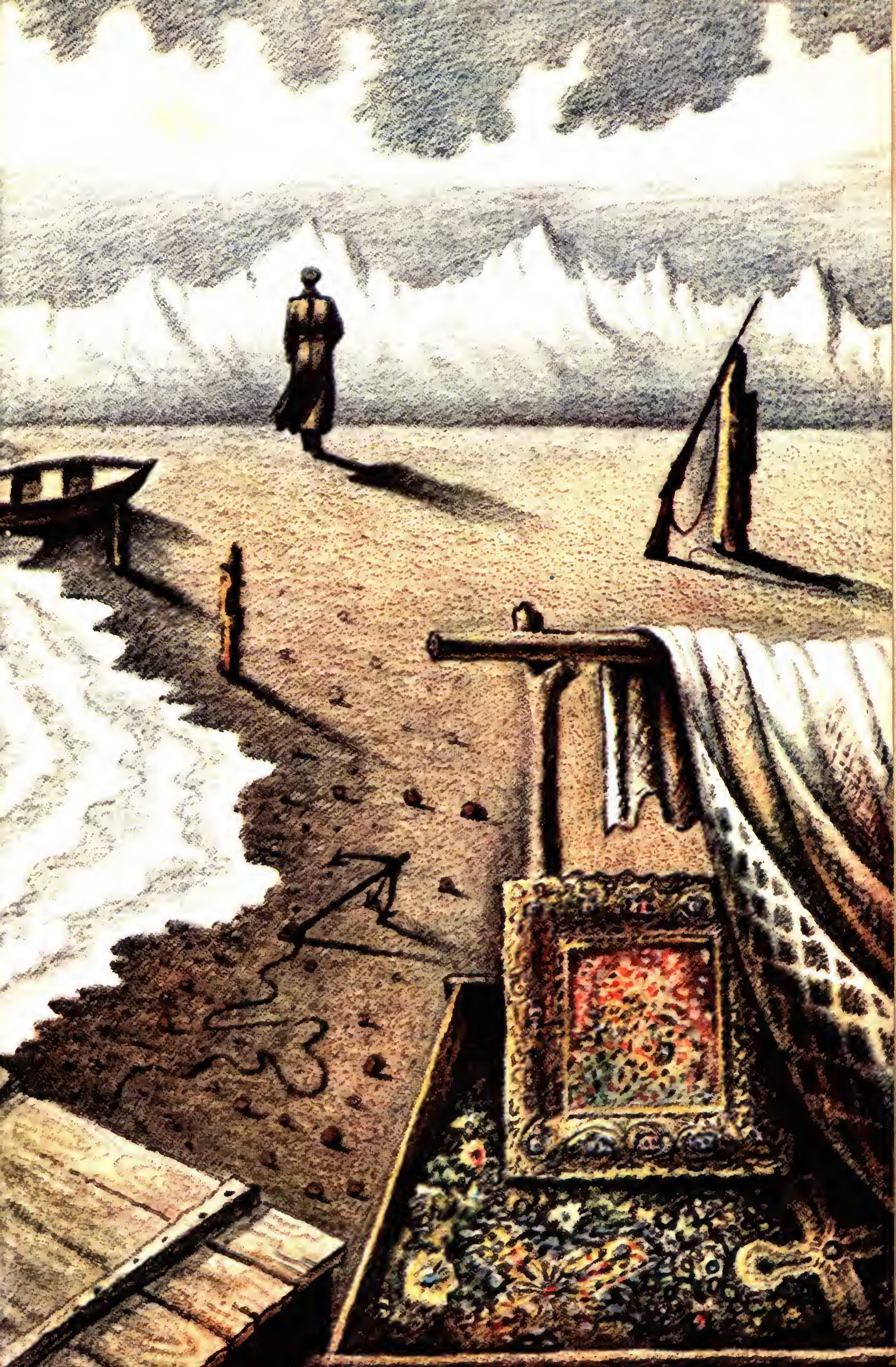
Жираслан ответил безразлично:

— Революция ничего у меня не отняла. — Не любил он говорить о своей бедности, все равно не поверят — князь!

— А-а, понимаю. Заслуги. Взял сторону большевиков, занимаешь большую должность в Красной Армии?

— Откуда три пуда золота-то? — спросил Жираслан, чтобы переменить разговор.

Григорий начал издалека. Немцы, мол, сунули собаке под хвост мирный договор, заключенный с ними в марте прошлого, восемнадцатого года, первыми его и нарушили, напали на Украину, Белоруссию, устремились в Крым; там их агентура сработала, спровоцировали восстание немцев-колонистов, крымских буржуазных националистов, через месяц с лишним штаб второй украинской армии вместе с командующим оказался отрезанным от своих войск. Чтобы не попасть в руки врага, командующий приказал немедленно двинуть штабной поезд в Севастополь, перекрыть после

себя ворота в Крым, захватив ишунские позиции, — турецкий вал на узком Крымском перешейке, затем, объединившись с моряками Черноморского флота, организовать отпор. Из Симферополя Крымское советское правительство во главе с Тарвацким и Слуцким эвакуировалось в Севастополь, надеясь оттуда на кораблях перебраться на Кавказское побережье, где утвердились Советы. В штабном поезде военным пришлось потесниться, освободить классный вагон для крымского правительства, у которого оказался немалый багаж, в том числе ценности и деньги госбанка, секретные документы. Члены правительства не очень полагались на собственные силы в охранении ящиков, которым не было цены, — присоединение к штабу армии обеспечивало им безопасность до самого Севастополя.

Разместив багаж, люди расположились в вагоне и под стук колес задремали. На станции Заланкóй поезд внезапно остановился, по ночному перрону замелькали тени, военные, не военные — не поймешь. У правительственного вагона собрались люди, тревожно переговаривались вполголоса. Поезд должен был тронуться, но комендант или дежурный не давали разрешения. Подняли на ноги крымчан, пригласили их на перрон для конфиденциального разговора с неизвестными, выдававшими себя за представителей секретной службы. Они остановили поезд, чтобы предупредить крымское правительство о серьезной опасности, ожидающей их в пути. Тарвацкий без промедления заявил, что дальше не едет.

По словам «представителей», штабной поезд до Севастополя не дойдет, так как немцы-колонисты заминировали впереди тоннель, готовится невиданный взрыв, который целиком захоронит штабной поезд. Выслушав их, начальник штаба сказал: «У меня саперы, все проверим, прежде чем войти в тоннель, заминировано — разминируем, а штабу при всех случаях надо быть в Севастополе — приказ командарма. А вы — правительство, поступайте, как хотите». Поезд исчез в ночной мгле, отцепленный классный вагон откатили вручную на запасной путь. Представители секретной службы, не мешкая, погрузили багаж крымского правительства на подготовленные для этой цели грузовики и повернули на Алушту. Не доезжая до курортного

городка, грузовик остановился в глухом ущелье над пропастью, «благодетели» выволокли членов правительства к обрыву, прогремели выстрелы... Тарвацкий и Слуцкий поплатились жизнью за свою доверчивость... Бандиты завладели достоянием крымского правительства, стали искать золото, а его-то и не оказалось в чемоданах и ящиках.

— Где ж оно было?

— Слушай дальше.

Григорий продолжал захватывающий рассказ. Тарвацкий, когда для правительства освобождали классный вагон, показал Григорию Седыху, дежурному по эшелону, на три ящика: «Храни как зеницу ока». Дежурный по эшелону приказал погрузить ящики не в вагон правительства, где все купе оказались переполнены, а перетащить в вагон оперативного отдела, охранявшийся особо, — мол, целей будет. Тарвацкий, выгружаясь на станции Заланкой, впопыхах забыл спросить о ящиках. Поезд благополучно дошел до Севастополя, Седых пошел искать членов крымского правительства, а ему говорят: «Сошли в Заланкое». А через несколько часов весть об их гибели потрясла Севастополь.

Григорий отыскал в Стрелецкой бухте старика рыбака, который приютил его у себя, а ящики они оттащили в сарай, прикрыли сетями, полагая, что в них архив; если кто из правительства случаем объявится, то все будет возвращено по принадлежности. Между тем нарастала опасность, вот-вот в город должны были ворваться немцы. Седых не удержался — посмотрел на то, что было велено беречь как зеницу ока. Открыл один ящик — боже правый: реликвии Киево-Печерской лавры! Иконы в золотых окладах, евангелия в драгоценных переплетах, церковная утварь, усыпанная алмазами и другими дорогими каменьями! Открыл второй — секретные документы; третий ящик, самый тяжелый и большой, обитый железом по краям, полыхнул пламенем: золотые слитки вперемешку с драгоценностями. Григорий побыстрей заколотил ящики, прикрыл их старыми рыболовными сетями, как и было, и с этого дня потерял покой: куда девать все это? В море выбросить — жалко, открыться — в руки оккупантов попадет, а сами дознаются, что тут такой

клад, — пришибут. Теперь он догадался о причине гибели членов крымского правительства и мог себе представить, как бандиты рвали и метали, обнаружив, что ценности, за которыми они охотились, выскользнули из их рук.

На подступах к Севастополю уже гремел бой, когда Григорий подал рапорт командующему Черноморским флотом о кладе. Саблин вызвал к себе Григория Седыха, сказал с глазу на глаз: «Храни до моего особого распоряжения, посмеешь тронуть — прикажу повесить на шею камень и бросить в море...» Мол, ценности понадобятся для обеспечения новых денег, которые они собирались выпускать.

А какие могли быть новые деньги, если немцы уже требовали сдачи города и флота? В морском клубе на Графской пристани шли дебаты: сдать или нет, Совнарком телеграммой требовал потопить все корабли, украинские националисты, в том числе и сам командующий, собирались оставить флот в Севастополе, поднять на кораблях флаг украинской республики — в этом, надеялись они, все спасение. Пока тянули волынку в штабе флота, началось брожение на кораблях, выходили из подчинения команды. Григорий ночью уволок ящики на пароход «Пантелеймон», спрятал в трюме и выжидал, как дальше развернутся события. Наконец ему шепнули: ночью, без ведома командующего флотом, покинет порт миноносец «Пронзительный», возьмет курс на Новороссийск. На свой страх и риск с помощью дружков Седых перетащил ящики на миноносец. Пользуясь мельтешней судов на рейде, «Пронзительный» вышел из порта в открытое море, готовый к отражению атаки на случай преследования, и полным ходом отправился к кавказским берегам...

— Никто не допытывался, что в ящиках? — Жираслан уже другими глазами смотрел на рыжеволосого земляка, уважая его за рисковость.

— Не до того было, всякую минуту ждали нападения, могли потопить и свои и немцы. Моряки ночью вахту несли, днем наблюдали за небом, глядели в оба, не то аэропланы забросают бомбами, пошли бы к самому Нептуну на дно... Ну, добрались до Новороссийска благополучно. Командир приказал поднять красный флаг, иначе у Новороссийска военные корабли и бере-

говая артиллерия могли звездануть по кумполу...

Как только миноносец встал на рейде, Григорий выгрузился на катер, дальше проще пареной репы: к военному комиссару — мол, так и так, увез из-под носа у немцев ценности, секретные документы. Объявили благодарность краскому от Красной Армии, а золотишко сразу бы отправить в Москву — да не удалось, опять пятью пять, сказали: «Вот-вот родится Северо-Кавказская республика, ценности пойдут на обеспечение валюты». Будто сговорились, помешались все на деньгах! Освободившись от опасного багажа, Григорий вздохнул, словно гора с плеч.

— Ничего себе не оставил? — У Жираслана в голове не укладывалось: рисковать на каждом шагу из-за этих ящиков, спасать их от бандитов, от изменников родины, от оккупантов, от внутренних врагов и отдать за спасибо?

— Жив остался — этого мало?

— Так ты — красном?

— Был прапорщиком, потом краскомом.

— Деникин сделает тебе «секим-башка».

— Я к нему не собираюсь...

— Золото бы не помешало, — мечтательно проговорил Жираслан.

— Помешало бы. В Новороссийске тиф меня свалил, будь я тогда с золотишком, что тогда? Нож в бок — и поминай, как звали. В жару, в бреду — не помню как, но добрался до станции Крымской, доволок свои мощи, там вылечили добрые люди, на ноги поставили, тоже за спасибо, жив буду — отблагодарю. Сердечные люди. Везу хозяйке отрез на платье, хозяину рубаху добротного сукна. — Казак показал на свою суконную рубашку черного цвета и темно-синий кушак, которым он был опоясан поверх рубашки.

— С барского плеча?

— Не с барского, а чтобы не сперли, и рубашка на мне, и отрез — девять локтей, кушак кушаком, так просто не возьмешь; я ведь не знал, что поеду в отдельной каюте вместе с горским князем.

Жираслан расхохотался первый раз за всю дорогу, нашел это разумным: привязывают же всадники лошадей к ноге, когда ложатся спать в пути.

— За турка примут.

— Хай примут — не облысею.

Пароход шел в кромешной тьме, вдали кое-где мелькали огни, небольшие волны разбивались о борт, корабль вздрагивал, в каюте догорала оплывшая свеча, предусмотрительно принесенная Халидой, коптило пламя. У пассажиров щекотало в носу, першило в горле, но беседа продолжалась.

Никогда не читавший газет, живший слухами, Жираслан не торопился спать, сказывалась давняя привычка сиживать у костра, чтобы с восходом солнца сесть в седло, продолжая путь. От Григория он узнал о событиях на Кавказе, о которых не имел представления, хотя сам оттуда уехал недавно.

— А как в Стамбуле оказался? Ты всей правды не сказал.

— Изволь. Как на духу, — и Седых повел рассказ дальше.

Оклемавшись после тяжелой болезни, он задумал податься в родные места — на Терек. Но пути были перекрыты, как в сказке: пойдешь направо — в лапы Деникина угодишь, налево пойдешь — Сорокин закогтит, пойдешь окольным путем через Грузию — англичане схватят. Седых направился в штаб Северо-Кавказской армии. После проверки и расспросов ему доверили святая святых — шифровальную переписку командующего армии Сорокина. Григорий собаку съел в этом деле. В эти дни на Таманский полуостров высадился немецкий десант, закрепился, возвел на узком участке укрепления, используя земляные валы времен турецкого владычества. Немцы принялись снабжать оружием и боеприпасами кулаков и казачьи антисоветские элементы, поднимавшие восстания в станицах на Кубани. Немецкий полк превратился в ландверскую дивизию, оснащенную новейшей боевой техникой, но Таманская армия в кровопролитных боях выстояла, не дала оккупантам продвинуться в глубь края, и те вынуждены были вступить в переговоры с советской Кубанью.

Расшифровывая многочисленные приказы, распоряжения, директивы командующего армией Сорокина, краском Седых все больше и больше убеждался, что командарм не тот, за кого его принимают руководители Советов. Сначала Седых боялся и думать об этом, но когда в руки его попало распоряжение Сорокина об

аресте командира Анапского отряда Филимонцева, Седых не мог не предупредить друга о нависшей опасности. Хотя Григорий уже понял, что Сорокин деспот, честолюбив, возомнил себя полководцем, пощады от него не жди, можешь получить и пулю в лоб, но он знал еще по кадетской школе и Филимонцева, человека беззаветно преданного делу, настоящего товарища.

Узнав о распоряжении Центра потопить Черноморский флот в Новороссийской бухте, чтобы не попал в руки врага, Седых с Филимонцевым, стоявшим во главе небольшого отряда, сговорились бежать. Но куда? С севера идет Добрармия, Сорокин отходит на восток, с юга наступают на Сочи грузинские меньшевики, на западе море, в Крыму немцы.

Седых предлагал перебраться на «Пронзительный», капитан которого, смелый, решительный малый, мог зачислить их в команду; Седых рассчитывал уговорить его выйти в море, поднять флаг Советской республики, повторить подвиг броненосца «Потемкин», умереть — так со славой, а не с петлей на шее, которую уготовили им сорокинцы.

От отряда Филимонцева уцелело всего с десяток бойцов, к ним присоединился и Седых; лесными тропами они пробирались к порту, питались чем бог послал. Помогали адыгейцы-шапсуги, давали им ночлег, и на вторые сутки филимонцевцы вышли к бухте. Она была пуста — могила целого флота. О миноносце «Пронзительный» и говорить было нечего. Он разделил участь своих собратьев — ушел на дно...

На волнах покачивался только небольшой пожарный баркас, старая калоша. В группе Филимонцева не хватало гребцов, но Седых предложил все-таки ночью завладеть баркасом, взять курс на Сухуми и на веслах добраться до безлюдных мест, где к морю подступают лесистые горы, выбраться на берег — и там видно будет.

Погода сопутствовала успеху: море окутало густым осенним туманом, и когда сгустились сумерки — ничего не было видно, хоть глаз выколи, в такую погоду выйти в море рискованно, но выбора не было. Седых и Филимонцев вывели бойцов из лесу поодиночке, чтобы не привлекать внимания, спустились в бухту к баркасу, под которым хлюпала вода, отшвартовались и налегли на весла. Туманная ночь поглотила их.

На третьи сутки мятежный баркас был обнаружен в море не русскими и не германскими моряками, а английским военным кораблем, шедшим к черноморским берегам с очередной партией войск. Англичане сначала приняли баркас за рыбачью шлюпку, но решили выяснить, почему рыбаки оказались так далеко в море, куда они плывут. Баркас был взят в плен.

Начались допросы, расспросы — к счастью, пленных не расстреляли и не бросили за борт, а затолкали в трюм, служивший корабельной гауптвахтой, дали воды и даже накормили. Не суждено, видать, погибнуть им со славой в неравном бою...

С небольшой партией солдат, взятых в плен в Сарыкамыше, их отправили в Стамбул, разместили в палатках, пока не пошли дожди, не затопило водой жилье. Потом перевели в чанак-кале — бывший склад. Чтобы даром не кормить, пленных водили на работу, где они могли переброситься словом-другим с местными жителями. Тогда-то мулла и посоветовал Григорию принять мусульманскую веру...

Григорий умолк. Показались огни маяка у входа в порт, пароход дал долгий гудок. На третьи сутки, на рассвете они прибыли в Трапезунд.

4. КАРАВАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

По скалистому обрыву к морю сбегали мелкие дома, между которыми петляли узкие улочки, виднелись похожие на сараи строения табачной фабрики, мастерские по изготовлению рыбачьих сетей, по шелушению орехов. Город с двадцатитысячным населением считался важным портом на Черном море, через него шла торговля с Закавказьем и Персией. Князь Жираслан и Григорий Седых, не зная, куда направить стопы, вяло шагали вместе со всеми, как вдруг из толпы встречающих выскочил молодой офицер в турецкой военной форме и, улыбаясь во весь рот, обратился к Жираслану по-кабардински:

— Не тебя ли кличут князем Жирасланом?

Князь замер от неожиданности, оглядев с ног до головы молодого офицера.

— Если аллаху угодно, то князь Жираслан — я.

— Я сразу догадался,— обрадовался офицер.

Жираслан был приятно удивлен приемом; хотя и не тщеславный по натуре, он почувствовал прилив гордости, не удержался, спросил:

— А как узнал?

— Тебя не узнать нельзя,— без задних мыслей простодушно отвечал офицер: — По усам. Они у тебя разные.

Григорий некстати засмеялся, обидев князя. Хотя Жираслан впервые был доволен, что усы у него с изъяном,— особая примета. Надо полагать, Халида или Рауф-бей сообщили о нем, подумал князь.

Рауф-бей мог сформировать караван и в Анкаре, но Халида не захотела, сказала «далеко гнать, лошади выдохнутся, половина падет в пути». Премьер с нею согласился, сократил путь почти на тысячу верст — сформировал караван вблизи русско-турецкой границы. Тысяча верст — это месяц в пути, если без помех. Из Трапезунда до Батума рукой подать, с англичанами Рауф-бей договорился, и не случайно офицер встретил их. Судя по всему, с караваном задержки не будет. Жираслан удовлетворенно поглаживал усы. Тронется караван в путь — движение по карте князь всецело доверит Григорию, по крайней мере до Тифлиса. Оттуда он сам найдет дорогу с закрытыми глазами.

Молодой офицер подвел гостей к легковому автомобилю:

— Садитесь. Автомобиль командира корпуса, нам предстоит ехать с сотню верст.

Жираслан и Григорий переглянулись, взгромоздились на заднее сиденье, обитое черной кожей. Жираслан впервые в жизни садился в автомобиль, не верил в такую честь.

— Ты чей будешь, хороший парень? — спросил он офицера, севшего впереди рядом с толстым и усатым шофером.

— Я адъютант командира корпуса.

Воцарилось долгое молчание.

— Рассказывали пленные, битва была у Сарыкамыша жестокая! — начал Григорий. — Турок, говорят, побили — не счесть. Всю артиллерию, конную и крепостную, захватили. Пленных взяли — тьма-тьмущая. Считай, турецкая армия живот положила. Две третьих! Представляешь?

Ветер мешал турецкому офицеру слышать, о чем ведут речь пассажиры.

— В Сарыкамыше сейчас русские?

— Нет. Туркам вернули, по договору.

— Значит, зря люди головы сложили?

— Война... Турция, считай, общий пирог, все делили ее между собой: кому жирный кусок достался, кому похуже. У царя по усам текло, в рот не попало. — Седых выспался, — голова свежа, тело полегчало, взмахнет руками — взлетит, — казак смеялся заразительно: — Отхватили наши кусок пирога, а союзнички цыкнули: «Куда, положь назад!» Пришлось покориться, чтоб по рукам не дали.

«Закон конокрадов, — подумал Жираслан, — не брать лишнего из добычи; кому сколько полагается, знает только «шах», все ему подчиняются беспрекословно. А тот никому никакой потачки, от недоуздка до подков пересчитывает и раздает добычу поровну. Обижайся не обижайся, а долю получил — отваливай. Вступи с «шахом» в спор — и доли лишишься, и с собой больше не возьмут. Так и на войне». Но спросил Григория о другом:

— С пленными — размен?

— Какой размен! Наших у турок раз-два — и обчелся, зато их солдат у нас дивизия, если не больше. Разбрелись... В Азербайджан подались, в Дагестан, до Северного Кавказа дошли, побирались, а что заключили перемирие, что пленным разрешено домой вернуться — не знали; так и кормились подаяниями на Кавказе. Злые они друг на друга — жуть.

Собеседники замолкли.

— В Трапезунде как — не знаешь? — наконец спросил князь.

— Приедем — узнаем. Слышал, недавно высаживался английский десант.

«Опять англичане», — подумал Жираслан. Ему вспомнился расстрел комиссаров и красных коман-

диров в Дарьяльском ущелье, пленных турок в Измире, и он вздохнул:

— Видывал я этих господ.

Автомобиль подбрасывало на извилистой дороге среди холмов. Поднимая клубы рыжей пыли, он гудком требовал уступить ему дорогу, если попадались повозки, верховые или пешие.

— Не забыть бы про карту. — Седых нагнулся к офицеру: — Как, найдем топографическую карту?

— Найдем, — офицер не оглянулся. — Тут и без карты с дороги не собьешься.

— А ты не поедешь с нами? — оживился Жираслан.

— Будет приказ — извольте. Но проводник у вас будет надежный, — с улыбкой сообщил офицер. — Караван пойдет по долине реки Чорох, река приведет вас к Батуму, оттуда на Кутаиси, Тифлис — дорога известная.

— От Тифлиса в Алазанскую долину... — подхватил Жираслан.

Лимузин, на котором Жираслану хотелось прокатиться до Кабарды, до дома Султана Клишбиева, — «Вот он глаза-то вылупил бы!» — озорно, по-мальчишески подумал князь, — повернул на проселочную дорогу, проехал вброд через реку Чорох и остановился у крытых камышом длинных казарм с облупленными стенами и небольшими окошками, похожими на бойницы.

В первый же день Жираслан и Седых поняли: им предстоит немало хлопот с караваном. В соответствии с Мудросским перемирием турки вывели свои войска из всех арабских стран и из Закавказья, сдали свой флот союзникам, провели демобилизацию, вернули военнопленных (их оказалось не так уж много); англичане получили право оккупировать любой район Турции, если они сочтут это нужным, включая вилайеты, в которых проживало армянское население. Образовались горы оружия, не нужного никому, и сдавшиеся на милость победителя турки готовы были и отдать его и тем более продать по самым бросовым ценам. Поэтому бывший командир корпуса охотно исполнил распоряжение правительства о подготовке каравана за счет Комитета черкесского сотрудничества.

Он кое-что выгадывал при этом: мол, с паршивой овцы хоть шерсти клок,— он подготовил пятьсот лошадей для транспортировки, выделил полуэскадрон для охраны каравана, обмундирование доставил из захваченных в последние дни интендантских складов русской армии. Жаль было расставаться с добротным русским сукном, но пришлось. Зато, когда речь зашла об оружии, командир корпуса приказал собрать трофейное, не заботясь о его годности.

И только Григорий Седых, знаток своего дела, разобрался, что в ящики упаковали английские пулеметы «брэк», а к ним ленты от американского пулемета «браунинг» (совсем другого калибра) или к станковому пулемету «максим» — пулеметные ленты от английского «виккерса» или французского «гочкиса»; не сходилось даже количество станин и кожухов со стволами; то же было и с винтовками. Григорию пришлось немало попотеть, чтобы уладить и подобрать все, а не тащить в такую даль железный лом, который не пригодится в бою.

Жираслану впервые в жизни пришлось возиться с тряпками, и товароведа из него не получилось. Мутесарриф — начальник округа Санджака — имел твердое указание, что́ ему следовало купить, но по обоюдной договоренности купцы и начальник мошенничали, чтобы урвать долю и себе: то недодавали тканей, то одни тюки подменяли другими, создавали разносортицу, чтобы запутать князя. Жираслан спорил-спорил и в конце концов махнул рукой на этих мошенников. С лошадьми тоже была морока: выделили полудохлых кляч, которым и хвост в тягость, они валились с ног и без вьюка, а когда Жираслан браковал их, предлагали мулов и ишаков. Жираслан твердо стоял на своем, требовал лошадей, способных перевезти через Кавказский хребет тяжелый груз, выдержать длительный переход по горам и ущельям. Командир корпуса лично прибыл на автомобиле, услышав о разборчивых клиентах; брызгая слюной и трясясь от ярости, он пытался осадить князя — мол, дают — бери, иначе и этого не будет.

— От своего оружия отказываетесь?! Не дам я перебирать, распаковывать уложенное! — орал он.

— Кота в мешке мы не возьмем. — Седых не испу-

гался разгневанного начальства. — Я не хочу, чтобы пустили мне пулю в лоб!

Показал клыки и князь:

— Я немедленно возвращаюсь в Анкару, доложу Рауф-бею. Если премьер шлет негодное оружие, тряпье, что не пригодится ни воинам, ни их женам, я лучше явлюсь в горы с пустыми руками. Ты посмотри на лошадей! Тронься в путь с такими клячами — они не пройдут и ста верст.

Угроза Жираслана подействовала, командир корпуса разрешил Жираслану самому отбирать лошадей, на пашу повлиял и мутесарриф, шепнувший ему на ухо: дескать, лучше скорей отпустить просителей, не дай аллах, премьер распорядится учинить проверку всего имущества; уверял, что он сам обшарил склады, изъял у купцов под расписку или под честное слово все, что можно было изъять. Если не нашел тканей в лучшем ассортименте, аллах видит, нет других...

Хотя молодой офицер, встречавший Жираслана и Григория, уверял, будто караван готов, пришлось еще немало времени потратить на проверку всей поклажи; груза набиралось свыше шести тысяч пудов, в том числе и снаряды для орудий, и разное тяжелое вооружение. Седых отказался от большого количества артиллерийских орудий, которые были уже разобраны и подготовлены для отправки, взял несколько пушек и гаубиц небольшого калибра, старался набрать побольше боеприпасов, особенно патронов. Потребовалось и несколько десятков лошадей под вьюки, чтобы прихватить на целый месяц запас продовольствия для конвоя.

Турки взвились:

— Страна голодает, армия затянула пояса — дальше некуда, где взять столько продовольствия?! Без пушек проживем, без хлеба — в могилу прикажете класть солдат?

— Жалуйтесь главе правительства. Нам в дороге никто не приготовит хаш да люля-кебаб. Даже за лиры не продадут, — язвительно отвечал князь.

Наконец караван тронулся. Выйдя за город, он растянулся на километры. Лошади шли попарно, связанные поводьями.

Караван-баши и Седых следовали за караваном. Впереди, по бокам и сзади — боевое охранение, гото-

вое в любую минуту вступить в бой. Караван выглядел внушительно. «Это и есть сабля Шамиля, о которой говорила Халида-джаным, — думал Жираслан, стараясь охватить взглядом всех лошадей, тащивших нелегкий груз. — Сумеем ли мы с Григорием доставить саблю тому, кому она предназначается?» Седых уже начертил маршрут на карте, обозначил привалы, где будут проверять поклажу, харчиться. Направление — вдоль шумливой реки на Батум.

5. В ТИФЛИСЕ

Более двух недель пути основательно измотали караван, и люди и лошади выбились из сил. Ежедневно сгружать шесть тысяч пудов вьюка и рано утром вновь взваливать поклажу на спины лошадей — нелегкая работа. По ночам выставлялось усиленное охранение, а Жираслан и Седых спали урывками и то по очереди. Это утомляло больше, чем дорога. Многие лошади побили копыта на каменистых тропах, захромали. Обезножевших продавали за бесценок, если не удавалось выменять, не всегда крестьян соблазняла придача — аршин-другой ткани. И все же без серьезных потерь караван добрался до столицы Грузинской республики. Здесь предстояла остановка не на один день, чтобы решить дальше судьбу каравана, дать лошадям отдохнуть от изнурительного пути. Старый караван-сарай в Тифлисе не вмещал столько лошадей, часть из них завели внутрь, сгрузили ткани, продовольствие, огнестрельное оружие и ящики с патронами. Их следовало охранять особо, а тяжелые орудия и снаряды сложили вдоль стен снаружи, на поляне, на берегу уже немноговодной Куры. Жираслан и Григорий, выставив охрану, верхом отправились к Гиви Берулаве в надежде узнать от него, какова обстановка.

— Не понравился Стамбул? — был первый вопрос шумного, суетливого Гиви. — Добро пожаловать, князь, лучше один раз увидеть лицо друга, чем сто раз его

спину, я вижу, ты не один вернулся, друга нашел? — Гиви хлопотал, принимая замученных лошадей.

— Мы снова у тебя, мой брат. Хочешь не хочешь — принимай.

— Как тебе не стыдно, я рад. Добро пожаловать в дом.

Жираслан представил своего стремянного:

— Офицер Григорий Седых. Из терских казаков. Земляк мой. Из Моздока.

— В Стамбуле встретились?

— В Стамбуле. Богиня справедливости свела земляков, — высокопарно ответствовал Седых.

— Казак! Казаки у нас... — Гиви не договорил, верней, сделал слишком длинную паузу.

— Я знаю, в чести казаки... — Григорий Седых был наслышан о трагедии с эшелоном русских солдат, возвращавшихся с турецкого фронта. Три вагона с казаками пощадили, остальные пустили под откос...

Гиви уже слышал о турецком караване, идущем через перевал, но не подозревал, что караван-баши — его бывший агент по заготовке мяса и полагал теперь, что Жираслан снова будет служить ему вместе со своим другом.

— Представляешь, оккупационные войска хуже саранчи. Все сожрали. Мясо на вес золота. Хорошо можно заработать... Я готов тебя снова взять.

— Меня уже взяли.

— Как? Кто?

— Комитет черкесского сотрудничества в Стамбуле, мы и там даром хлеб не ели. Верно, Григорий? — Жираслан с нескрываемой гордостью глянул на друга, которого от усталости клонило в сон.

— Он привел целый караван! Бери! — пошутил Григорий.

— Караван? Полностью рассчитаться со мной? — Гиви воспрянул духом. Жираслан помрачнел, он не считал себя должником — наоборот, если кто кому и должен, так Гиви Жираслану.

— Караван не для него, — сдержанно ответил князь на шутку. — Слишком жирно будет. А что касается расчетов — я от тебя не уйду. Доставим караван в Ведено, может, снова наймусь к тебе. Отработаю полностью.

Гиви, уже прослышавший, что караван колоссальный, заполнил весь Тифлисский караван-сарай, много дал бы, чтобы часть лошадей оставить себе, поменять их на мясной скот.

— Как ты доставишь груз? Скоро снег завалит перевал — до самой весны тропы не будет. Если пойдете, вас похоронит снежная лавина. У меня великолепный план: отправь груз поездом. Зачем губить лошадей?

— В Ведено поезда не ходят.

— До Дербента. Оттуда на арбах. Поверь, груз целей будет и лошадей сбережешь.

Григорий глянул на караван-баши:

— Может, в самом деле?

— Нет. Я дал слово доставить караван до Ведено и доставлю. Тропы через перевал есть. Я знаю, летом ходил...

— Кому ты давал слово? Они же не знают, какая здесь обстановка. В горах бандиты, здесь крестьянские бунты, — Гиви цеплялся за все, чтобы прибрать к рукам хотя бы часть лошадей.

— Это не караван, это сабля Шамиля. Понимаешь? Саблю надо передать из рук в руки.

— Сабля Шамиля? Для кого? Не для Узуна ли Хаджи?

— Угадал, для эмира!

— Помощь мусульманской державы эмиру? Так бы и сказал. В этом деле грузинское правительство поможет вам; если хотите, я обращусь к Ною Жордания.

— Чем поможет? Фальшивыми деньгами?..

— Ты называешь деньги Грузинской республики фальшивыми? — Гиви вытянул шею, словно собирался выползти из кожи, как змея.

— Почему Грузинской республики? Ты давал керенские, кубанские, дагестанские, терские, пятигорские. Я их в башлыке носил. Кто их брал? Предложишь на выбор — дешевле просяной шелухи, иной покупатель возьмет несколько бумажек для смеху, помнет, помнет и... идет куда надо — вот цена твоим деньгам,— Жираслан выдернул волосок из папахи и протянул Берулаве.— На них и пары копыт не купишь. Я не смел обманывать людей.

— А обкрадывал?

— Что-о-о? Не знал я, что ты меня зазвал в свой дом оскорблять!

— Князь, прошу извинения. Случайно вырвалось! Клянусь, мой дом — твой дом. Твой друг — мой друг. Располагайте мной. Хотите через перевал — идите! Дорога напрямик — короткая дорога, но бывает вымощена опасностями.

Григорий не хотел ссоры.

— Князь! Человек принял нас честь по чести. Спасибо ему. Передохнем — и поминай, как звали. Ты сдержишь княжеское слово, я — офицерское: доставим саблю Шамиля, куда надо,— сказал он миролюбиво.

— Вы переступили мой порог друзьями и уйдете только друзьями. В роду Берулав не было случая, чтоб обидели гостя. И я этого не сделаю.

Как бы в подтверждение слов Гиви в комнату внесли угощение: вареное мясо, много зелени, сациви, кукурузные лепешки, сыр сулугуни, нарезанный ломтиками. Комната наполнилась запахом пищи, и проголодавшиеся гости невольно замерли. Когда был утолен голод, а Гиви уже наливал по третьему разу, они повеселели. Правда, у Жираслана в горле застряло это «обкрадывать», но теперь вино сняло обиду. От века горские князья промышляли конокрадством, но никто это не считал воровством. Угнать коней от ротозея-табунщика, угнать скакуна, которого хозяин бережет как зеницу ока,— удаль, риск, молодечество, занятие для рыцарей, не для трусов. Угоняли отменных скакунов не у бедного люда, а у богатых и знатных. Жираслан промышлял лошадьми, не считая это зазорным. Потому так и ударили его слова Гиви.

Разговор, начавшийся бурно, вошел в берега, потек мирно, дружески. Жираслан поведал Гиви Берулаве о своих приключениях, рассыпался в похвалах несравненной Халиде. В порыве откровенности Жираслан показал Гиви документ за подписью султана, которым снабдила его писательница, рассказывал о том, как Халида освободила из плена шифровальщика Григория Седыха, сказав «будет у тебя стремянный»... Гиви Берулава слушал вроде бы рассеянно, но, глянув на документ, родившийся в султанском дворце, призадумался. В его голове возникла идея, которая могла принести ему гораздо больше дохода, чем полсотня захро-

мавших лошадей из каравана. Но он счел за благо промолчать.

— Уехал отсюда с пустыми руками, вернулся с караваном в полтыщи навьюченных лошадей. Каково, а?— победно завершил свой рассказ Жираслан.

— Тебя должны на руках перенести через перевал. А ты рискуешь. Забыл, как у тебя рана открылась на свадьбе? Забыл, да?— Гиви не спешил возвращать документ, вертел его в руках.— Мой совет: не спеши в дорогу, пусть лошади хорошенько отдохнут. Я найду хорошего ветеринара, подлечите захромавших. Пока с богом, поживите у меня. Мой дом не так уж плох.

— Спасибо на добром слове, мы при караване. Я — солдат, отряд не брошу,— возразил Седых.— Князь пусть остается здесь, а я буду в караван-сарае, чтобы докладывать обо всем.

— Слушай, друг,— обратился Гиви к Седыху неожиданно.— Если ты хочешь попасть на родину, есть счастливая возможность: грузинское правительство в помощь горцам посылает имаму Узуну-Хаджи готовый штаб корпуса во главе с генералом Караселидзе. Войско наберут на месте, на этой базе армию развернут, а то и вооруженные силы всего эмирата объединят; уговорили боевого генерала, нашли офицера, есть все специалисты, не хватает шифровальщика. Смешно, правда? Везде искали — не нашли. В Тифлисе нет. Без него связь невозможна, штабы открытым текстом пишут, да и эмирату нужен шифровальщик, а ты ведь знаешь это дело?

— Знаю.

— Тебя сам бог послал, не иначе. Я доложу генералу — озолотит. Понимаешь — озолотит! Штаб уже отправляется. А?.. Соглашайся. Своих родных повидаешь...

— А караван?— Седых глянул на Жираслана.

За Жираслана ответил Берулава:

— Караван мы доведем до границы, никакой опасности нет, гарантия — моя честь, вот за хребтом ручаться не могу, там идут бои...

— Как скажет князь.

— Встретитесь в Ведено! Уверяю вас!

Жираслану не было резона расставаться с Седыхом на полпути, пусть до границы его проводят, но за хреб-

том понадобятся лошади, усиленная охрана, чтобы добраться благополучно до Ведено. Для этого важно, чтобы узун-хаджинцы встретили караван не в столице и не на границе, а у самого перевала, перекрыв боковые ущелья, откуда можно ожидать нападения. Оценив неожиданное предложение, он сказал:

— Не возражаю. Пусть едет со штабом, но с одним условием, Григорий,— доложи князю Дышнинскому, а еще лучше Казгирею Матханову: пусть организуют встречу. Штаб когда будет там?

— Не поздней, чем послезавтра. Генерал тоже едет верхом. Вы пока отдохнете, приведете себя в порядок, и когда погода улучшится, мы проводим вас до перевала.— Гиви умолчал о том, какая награда ждет его за шифровальщика.

— Как Узун-Хаджи относится к русским?— вопрос Григория не был праздным.

Гиви знал, что в недавнем бою эмир взял среди пленных семнадцать русских офицеров, которых приказал повесить, но говорить об этом не стал.

— Русский русскому рознь. Ты — бывший офицер, не деникинец, ты не враг ему. У него красные партизаны под командованием большевика Гикало, такие, как ты, служат.— Гиви вспомнил, что Шамиль — и тот не вешал русских пленных, заставлял их работать, налаживать производство пороха, литейное дело, специалистами так дорожил, что и за выкуп не возвращал. А Седых тоже специалист. Редкий причем. У Узуна-Хаджи он будет на вес золота. Гиви убедил Григория, что он князя не оставит, если надо, усилит конвой.

— Князь Дышнинский будет на седьмом небе; за свою безопасность не беспокойся: шесть тысяч пудов такого добра он не отдаст, поднимет шариатские войска, партизан, один патрон — пять рублей на базаре. Представляете, какой клад везете?— закончил Гиви.

Поздно ночью Жираслан распрощался с Седыхом. Они обнялись.

— Мы не долго будем отсиживаться здесь. Заменим павших лошадей — и в путь. А ты обязательно найди Матханова. Он там не последний человек,— напутствовал Григория Жираслан.

— Будет сделано, вашскородь,— по старой привычке козырнул Седых. Через минуту со двора донесся

топот копыт. Жираслан пожалел, что отпустил верного человека. Он долго ворочался на постели, пока далеко за полночь не вернулся хозяин, и, заметив, что гость не спит, он рассказал князю, что проводил штаб корпуса через Алазанскую долину.

— Спасибо. Теперь я засну спокойно.

Гиви встал, но, прежде чем выйти из комнаты, как бы между прочим обронил, глядя на керосиновую лампу:

— Пропуск твой у меня. Завтра хочу предъявить его коменданту оккупационных войск, пусть дадут визу на выезд с караваном вместе.

— Бери,— безразлично буркнул Жираслан.

Рано утром Гиви вернулся в странном возбуждении и на вопросительный взгляд гостя ответил:

— Нет коменданта. Сказали, только завтра.

— Завтра так завтра,— согласился Жираслан.

— В Тифлисе англичане считают себя хозяевами. Без них ни шагу. А меньшевистское правительство, вместо того чтобы проявить характер, не обостряет отношений. Ну, ничего, подождем, у тебя командир отряда—дельный малый, к каравану не подступись, кругом посты, лошади развьючены, поклажа охраняется.

После завтрака Гиви отправился за разрешением на открытие заготовительных пунктов в новых районах, а Жираслан тоже не терял времени, заглянул в караван-сарай, увидел, что там все в порядке, если не считать двух солдат из охраны, которые занедужили животами. Ими занимался фельдшер. Из караван-сарая князь отправился искать Якуба.

Базар, как всегда, гудел, ярко пламенел всеми красками овощей, фруктов, зелени. Непомерные цены держали покупателей в отдалении от прилавков, за которыми с достоинством стояли продавцы, бросая равнодушные взгляды на жителей, сновавших вдоль длинных столов, веря в своего союзника, никогда не подводившего их,— голод, который притащит сюда за шиворот любого, у кого в кармане есть хоть что-нибудь, а то и заставит снять с себя последнюю рубаху.

Жираслан направился к златокузнецам. Там попрежнему звенели маленькие наковальни, стучали молоточками, горели плавильные печи, мастера корпели над тонкой работой, согнувшись в три погибели.

Якуб, всецело поглощенный своей работой, не замечал никого. Жираслан так обрадовался, что чуть не воскликнул «салам алейкум», но слова застряли в горле. Князь, не терявший самообладания при любой неожиданности, замер, заметив свой пропуск, выданный султаном, на тумбочке у Якуба. Жираслан не сразу сообразил, над чем колдует аварец, он был неграмотен и не узнал бы своего документа, если б в левом верхнем углу не было красного пятна: рана все-таки кровоточила, и, доставая и разворачивая документ, Жираслан испачкал его кровью.

Мастер почувствовал чей-то взгляд, поднял голову.

— Ты?! Какими судьбами, князь?— Якуб искренне обрадовался встрече и не собирался делать секрет из того, что копирует подпись турецкого султана и печать канцелярии Оттоманской империи.— Клянусь честью, я рад. Как моя работа?

— Эта?— Жираслан кивнул головой на свой документ.

— Разве это работа? Я спрашиваю о женских украшениях...

— А-а. Ими восторгается счастливая обладательница, они пришлись ей по вкусу, сказала: «Такому мастеру и при дворе султана нашлась бы работа».

— Так и сказала?

— Так и сказала.

— Она красивая? Украшение к лицу только красивым, так аллаху угодно, дай кобыле вместо волосяного хвоста шелковый — она кобылой и останется,— засмеялся Якуб.

— Если смотреть моими глазами, красивей женщины нет. Хороша, а ума!..

— О! Это плохо, чересчур умная женщина — река, вышедшая из русла, губит посевы... Входи, расскажи, как ездил...

Жираслан забрался в будку, сел, пахло гарью и металлом, на маленьком горне в тиглях плавился металл, а формочки были наготове.

— Зачем ты копируешь подпись султана?— Жираслан перевел разговор на интересующую его тему.

— О, большая тайна. Принес Гиви бумагу, говорит: скопируй подпись, печать, чтоб сам господь бог не отличил. Я заказ выполнил. Хочешь, забери и пере-

дай.— Якуб взял с тумбочки пропуск, готовую копию.— Можешь проверить.— Якуб намазал печать с полумесяцем и звездочкой в центре, оттиснул на бумаге.— Как? Разница есть?— Сходство было бесподобное, самый наметанный взгляд не уловил бы разницы.

— Я не умею читать по-арабски,— сказал Жираслан, будто знал какие-либо другие буквы.

— Не читаешь — не надо, присмотрись, положи рядом, приглядывайся к каждой завитушке.

— Говоришь, Берулава заказал?

— Для фальшивого документа.— Якуб понизил голос:— Знаешь кому?

— Кому?

— Князю Иналуку Арсанукаеву, помнишь князя? Гарцует на твоем Арабкане, везет ему! У всех забота только о нем. И я еду к нему, зовет в Ведено, говорит «для важного дела...».

— Когда?

— Сегодня. Сдам заказ — и прощай Тифлис! Гонца прислали за мной, но боязно ехать, аллах знает, на что нарвешься.

Жираслан не стал задерживаться:

— До встречи в Ведено, легкой дороги тебе!

— Да повторит аллах твои слова.

6. ДОРОГА НАПРЯМИК

Возвращался князь узкими переулками, а то и дворами, стараясь попасть домой раньше хозяина, чтобы избежать расспросов, куда ходил гость. Жираслану стало ясно, что Гиви напустил туману, скрывая свои замыслы, когда говорил о комендатуре. Князь не лыком был шит и все понял бы, если бы тот попросил разрешения снять копию с подписи турецкого султана и печати канцелярии его величества. Он сам не раз просил писарей подделать удостоверение на лошадь, когда угонял скакуна с Кубани на Терек или с Терека на Кубань. Но тайком от друга?..

Жираслан, не глядя по сторонам, пробирался по узким улочкам, в нос ему ударял знакомый с детства пряный запах пищи, доносившийся из раскрытых дверей подвалов, нижних этажей небольших домов, оттуда струился сизый дымок мангалов. Жители Тифлиса ныряли в эти подвальчики перекусить, и князя тянуло последовать их примеру.

— Жираслан!— Инал Маремканов вырос перед ним внезапно.— Откуда? Какими судьбами?

— Здравствуй, Инал! Уезжал в Москву, а оказался здесь?

Инал усмехнулся, развел руками, пронзительно глядя на князя, как бы не веря, что перед ним тот самый Жираслан, которого он послал на опаснейшую операцию в Батагинское ущелье.

— Так получилось. Не хочешь ли поесть? Зайдем...

— Меня ждут.

— Тогда повернем за угол, посидим в Александровском саду, поговорим. Я никак не ожидал тебя здесь увидеть.

— Я тебя тем более.

Инал с медвежьей неторопливостью шел рядом с Жирасланом. Они выбрали скамеечку в укромном месте, заговорили на родном языке, не боясь, что кто-то их может подслушать. Инал, как всегда собранный, сосредоточенный, казалось, очень благожелательно был настроен к Жираслану. Сев рядом, он повернулся, испытующе разглядывая князя.

— Хочешь знать, почему я здесь? Не всегда люди выбирают себе дорогу, бывает, сворачивают с избранной. И мне пришлось свернуть. Рассказать?

— Если расскажешь — послушаю.— Жираслан не испытывал особого интереса, но был вежлив.

После отъезда Инала и Степана Ильича было немало толков, одни говорили, будто они поехали в Москву на совещание представителей народов Северного Кавказа обсуждать создание горской республики, в которую войдут все горские народы; другие — будто депутация от горцев хочет испросить позволения у Ленина присоединиться к единоверцам — туркам. Если бы Жираслан хоть раз заглянул в мечеть, он услышал бы об этом из проповедей. Нашлись и злые языки, распространявшие вздорную сплетню — мол,

Инал и Степан Ильич почуяли опасность со стороны царских генералов, потому и удрали.

— Не доехали мы тогда до Москвы. Остановились в Ростове-на-Дону,— Инал поднял каракулевый воротник, сунул большие руки в карманы полушубка, крытого синим недорогим сукном. До самых бровей его, как всегда, была натянута невысокая папаха. Дул холодный, промозглый ветер, выпавший накануне снежок сошел, но воздух был влажный.— Пока спорили горцы по поводу границ, началось восстание на Дону, думали, казачья контра недолго будет размахивать саблями, подавят восстание. Видим, белоказаки к Ростову подбираются, на телеграфных столбах от самого Новочеркасска вешают большевиков. Коль запахло паленым — не ишаков таврят, надо спасаться. Да и на Северном Кавказе неладное творилось. Сорокин, командовавший красными войсками, оказался сволочью, предателем, арестовал и перестрелял в военном совете большевиков, мы как бы между двух огней, пришлось скрыться, уйти в подполье...

— А англичане?— Жираслан не мог понять, как большевики скрываются в меньшевистской Грузии.

— Попадемся — вздернут. Мы не даемся им в руки.

— В волчьем логове хоронитесь от самого волка?

— Почти так. Подпольщики мы, кочуем: нынче здесь, завтра там.— Инал неопределенно махнул рукой.— А ты? Что тебя сюда занесло? Пригнал лошадей?

— Пригнал.— Жираслан ухватил слова «подпольщики мы», подумал: «Значит, он не один».

— Не может быть, перевал закрыт, отсюда дорогу стерегут англичане, оттуда деникинцы.

— Я — окольным путем, через Стамбул.

— Ты шутишь!

Жираслан рассказал о себе. Его история Иналу показалась невероятной, но он верил каждому слову князя, узнавал храбреца, шедшего всегда по лезвию меча, опасно играющего со смертью...

— Куда теперь держите путь?

— В Ведено — ясно куда.

Разговор прервался, наступила тишина.

— Ты служил контре, потом нам, большевикам, потом шариатистам, теперь везешь саблю эмиру. Узнаю

тебя.— Инал хоть и улыбался, чтобы не обидеть Жираслана, но говорил всерьез.— «Седло на жирном коне, из которого всадник на повороте вылетит и угодит под копыта» — вот так говорят о таких, как ты, в народе.

Жираслан не понимал негодования Инала, он не относил себя к людям, которые служат «и вашим и нашим», он был верен своим понятиям о чести, совести, как их понимал.

— Караван-баши я, в Тифлисе сделал привал, отдохнем — и в путь. Саблю Шамиля вручу в собственные руки эмиру Узуну-Хаджи, о нем известно даже в Стамбуле.

— Смотри не перепутай,— усмехнулся Инал,— эмиров там много. Гоцинский считает себя наместником аллаха на земле, законным наследником самого Шамиля. Туда же подался и белогвардеец Чуликов, и он готов рядиться в абаю хаджи. Правда, он не успел совершить паломничества в Мекку, но ничего, потом съездит, он нефтепромышленник, денежки водятся. В одном логове три волка: один за исламскую республику, другой за эмират, третий за союз горцев, объединенных в буржуазную республику.

— В Ведено кто?

— Узун-Хаджи, ты не ошибся. Его правая рука — Казгирей Матханов. Саблю ему и передай.

— Рад этому.

— Тогда веди караван, куда велено, найдешь не только шариатское воинство, но и повстанцев, среди них есть и кабардинский полк.

— Через Дербент, может быть, безопасней?

— Ни в коем случае. Пойдешь через Дербент — как раз угодишь в лапы Гоцинского. В горах свирепствуют и Эрисхан Алиев с Чуликовым, одним миром мазаны. Лучшая дорога напрямик, через перевал, хотя и она небезопасна.

— Я послал надежного человека предупредить эмира о караване, чтобы встретили...

— Это правильно. Умно.

— Поехали вместе.— Жираслан понимал, что делает дерзкое предложение.— Лошадь дам, хорошего скакуна.

— Не могу, дорогой, не могу, я здесь не один, нас тоже целый караван, и не маленький. Накаплива-

ем силы. Придет срок — и мы тронемся с места, тронемся, как лавина с гор, сметем все на своем пути. Берегись тогда. А пока приходится хорониться, каждую ночь ждем облавы.— Инал переменил тему:— Значит, погостил у соплеменников?

— Погостил, многие из них выбились в люди,— генералы, адмиралы, паши...

— Сюда заглядывал один: Факри-паша.

— Знаю. Я видел его у Султанбека Клишбиева, приезжал от Комитета черкесского сотрудничества, просил у Бековича-Черкасского отдать свою дивизию шариатистам.

Инал рассмеялся:

— Не отдал?

— Отказал.

— Еще бы! Пришлось бы держать ответ перед Деникиным. А ты-то чего сбежал оттуда?

— От Деникина.

— Ты же князь! Твой родич Клишбиев носом землю роет, вроде тебя, только бы вырыть могилу большевикам, но сам угодит в эту могилу.

— И по тебе веревка...

— Я бы удивился, если бы по мне она не плакала. Пусть хоть изойдет слезами. Не веревка выбирает шею...

Жираслан улыбнулся:

— Не мне тебя защищать. Утки гусю не поверят... А пока гусь сам в цене.

— Это верно,— согласился Инал; обтянулись, загорелись румянцем его высокие скулы.— Ты правильно сказал: вьют они на меня веревку. Чужой пес пришел — прогнали со двора своего пса. Но недолго Деникину рявкать на нашем подворье, скоро станет зализывать раны. Пролетариат России и Ленин готовят этому псу Антанты не пироги с капустой, а кинжал к горлу. И твоя «сабля Шамиля», хочешь ты этого или не хочешь, в ту же сторону замахнется.

— Жираслан будет не Жираслан, если он не исполнит сло́ва, которым поручился Халиде Адиб.

— Верю тебе. Где остановился? Есть над головой крыша, а то могу помочь?

— Есть. Остановился у одного грузина — до поездки в Стамбул я у него батрачил...

— Князь-батрак — хорошо звучит!

Инал вспомнил ущелье Батага, бой с бандой Залим-Джери Аральпова, которого наповал уложил Жираслан, спасая молодого парня — сына Казмая, потом стычку в узком горле ущелья «Сто струй». С тех пор много воды утекло в реке Батага... А бедного князя все не может прибить ни к какому берегу. И вся его жизнь так и пронесется впустую...

— Едешь к Казгирею! Вот обрадуется шариатист.— Инал так засмеялся, что сотряслась вся его крепко сбитая, могучая фигура.— А ведь я сначала подался в Чечню, в партизаны...— и Инал поведал Жираслану о перипетиях после своего исчезновения. Добрармия предъявила Чечне ультиматум: выдать большевиков, иначе всем погибель.

Чеченцы сказали Иналу и его товарищам по оружию: рядовых партизан мы укроем, а вас трудно, вас знают в лицо, уезжайте. Куда идти? Выбор был невелик. Меньшевики Закавказья объявили «о свободном въезде в Грузию при условии добровольного разоружения», и многие поплатились жизнью за свою доверчивость. Но оставаться в горах, кишащих бандитами, где вот-вот наступят холода, было невозможно. Инал выбрал Грузию. В стане меньшевиков, англичан и французов его не станут искать, главное — там, в подполье, действует кавказское бюро РКП(б). Горными тропами через перевал, заваленный снегом, он повел товарищей, отыскал в Тифлисе связного, установил через него сношения с Кавказским бюро РКП(б). Отсюда теперь идет денежная помощь, направляются руководители в партизанские отряды, в подпольные организации...

Жираслан понял, что значит «я здесь не один».

— А Узун-Хаджи? — спросил Жираслан.

— Чеченский мулла напялил чалму Шамиля, воображает себя мусульманским владыкой. Общий враг — вот гвоздь, на котором висит согласие этих двух: Гикало — руководитель повстанческих войск, Узун-Хаджи — мусульман. О ходе дел на Северном Кавказе мне шлет сведения Казгирей, который все-таки пока держит нашу сторону, большевиков. С миру по нитке — бедному рубаха, грузинские меньшевики послали туда военный штаб с генералом, турки шлют

оружие, горцы дадут людей — так и родится армия, рубашечка для эмира! Шутка ли! — сделал вывод Маремканов.

— Семидесятитысячная армия!

— Это сила. — Маремканов нахмурился, по его лицу пробежала тень — свидетельство его тревоги. Новоиспеченный князь Дышнинский может подмять лидера большевиков под себя, у Гикало ведь такой армии нет и пока не предвидится, но Инал прикинул, сопоставил и определил: — Караван из пятисот лошадей! Сравни, в Новороссийск ежедневно прибывают английские, французские корабли с военными грузами, и чтобы его поднять, потребуется не одна тысяча лошадей, вообще на лошадях не переправить танки, пушки, аэропланы, броневики, грузовые машины. По сравнению с этим пятьсот вьючных лошадей — до смешного мало. Разбери одну гаубицу — для перевоза понадобится пяток лошадей, да еще ящики со снарядами надо переправить... Узуну-Хадже рубашка будет мала.

— Туда поехал и чеченский князь...

— Знаю. Бывший пристав, говорят. Ему дали фирман от турецкого султана, не ты ли привез?

Жираслана передернуло.

— Да разве поймешь, я ведь неграмотный, ты знаешь. Какие-то бумаги вез... Если бы мне сказали: «Передай это Дышнинскому» — передал бы как простую бумагу, не стал бы разглядывать.

Инал больше не допытывался о фирмане. Его интересовал сам Иналук Арсанукаев.

— Уехал приставом, вернется правителем, — усмехнулся Маремканов. Он знал, грузинские меньшевики надеются с помощью Иналука если не подчинить себе эмират, то, по крайней мере, держать его на привязи. Особенно они оценили Чечню после сражения повстанческих войск в слободе Воздвиженской, кончившегося разгромом деникинцев, поверили в силу чеченской армии. Эмират был как бы пробкой, которой заткнуто горло бутылки — Дарьяльское ущелье, наиболее уязвимое место для проникновения деникинцев в Грузию. — Правителем без своего государства, генералом без армии.

— Без армии?

— А ты что думал? Времена не шамильские. Ущелье запереть на замок не удастся. Аэропланы появились... Семидесятитысячная армия горцев, пусть с винтовками, на один зуб армии с танками и аэропланами. Пусть Узун-Хаджи не тешит себя напрасными надеждами...

— Куда же его тогда? В Мекку, по следам Шамиля?

— Там видно будет. — Инал ответил не сразу, да и отвечать на этот вопрос было не просто.

— За чей же хвост держаться: за хвост собаки или коня? — Жираслан вспомнил давние слова своего собеседника.

Инал засмеялся:

— У тебя хорошая память.

— Значит, Казгирей не взял сторону Узуна-Хаджи?

— Не думаю. Не исключена возможность, что новоявленный Шамиль будет тянуть его к себе, когда провозгласит себя имамом Северного Кавказа. Ему же опора понадобится. Где ее искать, если не в шариатисте? Даст Казгирей присягу на верность имаму — придется отсечь его, останется верным большевикам — будем из одной миски ляпс хлебать. И сейчас мы готовы ему помочь, располагаем средствами, ты так ему и скажи: может рассчитывать на помощь, поддержку Кавказского бюро РКП(б). — Инал сделал долгую паузу, ждал, когда сказанное уляжется в сознании Жираслана; не дождавшись ответа, продолжал: — Полагаю, он не забыл, как поступили деникинцы с его отцом?

— Зарезали, как барана...

— В этой обстановке нельзя терять голову, ошибка обойдется дорого, передай Казгирею.

— Если слова, Инал, не растеряю в пути. В самом деле, поехали бы вместе...

— Нет. Саблю передавать должен ты. Но знай: мы не засидимся, в России большие события, битва вот-вот станет решающей.— Он вытащил клочок бумаги, набросал было несколько слов, но передумал: — Передай Казгирею на словах: пусть найдет возможность связаться с нами.

— Передам, Инал.

Жираслан и Инал распрощались, князь заспешил в дом Гиви. Инал поглядел на бумажный лоскуток, перечитал: «...Дай знать о делах, поможем. Инал»,

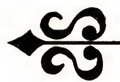
вытащил спички. Держал записку, пока она не сгорела, пепел затоптал и пошел своей дорогой...

Жираслан всю жизнь кого-то догонял или убегал от погони. Об этом он вспомнил, когда несколько дней спустя после встречи с Иналом держал путь в Алазанскую долину, к истокам Кейсу. Перевалив через хребет, он должен был попасть на тропу, ведущую в скалистое ущелье к Ботлиху, потом перевалить через Андийский хребет, выйти в долину реки Охолитлау, которая приведет его в Ведено. Сворачивать некуда, дорога идет напрямик.

КНИГА ВТОРАЯ

ЭМИРАТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. ВЕДЕНО

По Чечне и Ингушетии распространился слух, будто не караван идет через Кавказский перевал, а турецкие войска на помощь мусульманским народам. И конечно, не Григорий Седых был виноват в этом слухе — он только обстоятельно доложил Казгирею, а тот Иналуку Дышнинскому просьбу караван-баши. Дышнинский тут же отдал распоряжение командующему 1-й северокавказской армией Казгирею Матханову немедленно перекрыть ущелья, откуда можно было ожидать нападения на караван, и остерег губернаторов, через земли которых двигались путники. Казгирей Матханов с особым конным отрядом и достаточным количеством лошадей под вьюки отправился навстречу каравану, оказавшемуся яичком ко христову дню, ибо шариатские и повстанческие войска готовились к решающей схватке с Деникиным.

Злейшим врагом каравана был снежный буран, заметавший еле обозначенный край пропасти, рядом с которым вилась тропа. Ветер словно перебрасывал снег с вершины на вершину, его порывы были гибельны, на высоте почти четырех верст в буране смешивались горы и небо — куда ступить? — страшно было довериться чутью лошадей, впервые идущих узкой тропой, еле видимой и при ясной-то погоде. То и дело приходилось останавливаться, дожидаться «окна» — когда над снежными горами погода вдруг меняется, проглядывает солнце, и хоть оно не греет, но легче идти под его лучами. Лошади, навьюченные сверх меры, выбились из сил. Их ноздри хватали разреженный воздух, ввалившиеся за сотни верст трудного пути бока ходили,

словно кузнечные мехи. У многих сбитые копыта были обмотаны мешковиной, и случалось, выбившиеся из сил лошади катились вниз по камнепаду вместе с поклажей.

На самом гребне гор — водоразделе, откуда одни речки, робко выбиваясь из-подо льда, текли на север, другие, избрав иную судьбу, уносили свои чистые струи на юг, Казгирей встретил караван. Поляна, окруженная невысокими горами, была защищена от пронзительных ветров и снежных заносов. Тут-то Казгирей и расставил засады на всех тропах, откуда грозила опасность. С вершины хорошо просматривалась караванная дорога.

— Гогуж апши[1], дорогой Жираслан! — Казгирей бросился навстречу старому знакомцу, стащил с лошади, обнял, похлопал по спине.

— Упсо апши! Не забывай, ты когда-то сам перевязывал мне рану, — охнул Жираслан, высвобождаясь из крепких объятий.

— Извини. Вторые сутки жду, а вас все нет и нет. Такой подвиг достоин песни. В такую даль вести караван! Слов нет, Жираслан, славное дело. Не озябли?

Жираслан глянул на заиндевевшие усы Матханова.

— Да, буран словно в прятки играет. То залепит нам глаза снегом, то исчезнет.

— Слава аллаху, ты уже у цели. Дальше — наша забота. Тебе можно не беспокоиться. Мои люди сделают остальное. Доставим груз до последнего мешка. Часть переложим на наших лошадей, твоих, покалеченных, поведем пустыми до первого аула, а там продадим или отдадим крестьянам. Не возражаешь?

Жираслан засмеялся:

— Как я могу возражать командующему армией? Ты ведь генерал?

— Смейся, смейся! Человек смеется — душа усталости не знает. Поговорим у костра, шашлыком угостим тебя, горячим ляпсом. Я тут зря времени не тратил, ходил на охоту, тура подстрелил. Сейчас отведаешь.

---

[1] Гогуж апши — традиционное приветствие путнику.

— Неужто?

— Сам увидишь. Рога — во! — Казгирей развел руки. — Отдам мастерам, отделают — будет хорошая память о встрече.

— Как я рад видеть тебя! Сколько воды утекло, как ты мне рану перевязывал...

Не один час понадобился, пока солдаты перекладывали вьюки на свежих лошадей. Управившись, они поели и тут же тронулись в путь, чтобы их не захватил буран.

В большом горном ауле Ботлихе сделали привал. Шариатисты, узнав, что караван идет из Турции, взялись сопровождать его до Ведено, не пожалели для Жираслана доброго скакуна взамен выбившейся из сил кобылки. Солдатам устроили той, угощали щедро, на ночлег разобрали по домам, а охранять лошадей и груз остались ботлихские джигиты. Гостеприимство и помощь дагестанцев помогли каравану преодолеть и Андийский хребет и благополучно спуститься в долину Охолитлау.

По мере приближения к цели караван приобрел внушительный вид, и несведущие люди действительно могли принять его за войско.

Жираслан и Казгирей ехали впереди. Впечатлений у князя было довольно, чтобы занимать Казгирея рассказами, но начал он с последнего — со встречи с Иналом Маремкановым. Казгирей живо заинтересовался готовностью Кавказского комитета оказать помощь, в которой нуждается все горское воинство, а особенно кабардинский полк, и уже прикидывал в уме, кого послать к Иналу из наиболее смелых и решительных джигитов.

— Что за человек Узун-Хаджи? Объясни. — Жираслан помнил упреки Маремканова.

— Чем сто раз услышать, лучше один раз увидеть. И ты сегодня увидишь его.

— Дышнинский — его правая рука?

— Правая и левая.

— Гарцует на моем Арабкане?

— Так это твой конь? — Казгирей удивился.

— Был моим. Я продал. В день его свадьбы, — и князь с удовольствием рассказал, как все это произошло.

В семи верстах от Ведено они сделали последний привал, чтобы передохнуть малость да и вьюки привести в порядок, — хотелось появиться перед веденцами лихими наездниками. Выслали в Ведено гонцов: дескать, долгожданный караван прибудет в столицу эмирата ровно в два часа, после дневного молебна. Назначая время, Жираслан с тайной гордостью глянул на свои золотые часы. Точный срок произведет должное впечатление на владыку и, конечно, на веденцев, убедит их, что нелегкая дорога не изнурила путников.

Горная столица ждала посланцев мусульманского даулата, оторвавшего от себя кровный кусок, чтобы помочь еще не оперившемуся, нетвердо стоящему на ногах молодому мусульманскому собрату, похожему на только что появившийся на небосклоне тоненький полумесяц. Всполошились аулы в долине Хулхулау, их жители выстроились по обочинам дороги, усыпанным пожелтевшими листьями, кукурузными стеблями, белыми кочерыжками початков. Вдали виднелись кирпичные дома, совсем как городские, окруженные крепостными стенами времен генерала Ермолова, с сохранившимися круглыми башнями, с глубокими амбразурами. От жилых домов легко было отличить длинные прямоугольные строения — бывшие казармы, в которых размещались сначала мюриды Шамиля, затем солдаты царской армии. Теперь Ведено — столица Северо-Кавказского эмирата, возглавляемого Узуном-Хаджой, — приготовилось встречать караван.

По извилистой горной дороге тянулась длинная цепь лошадей. Под горку они шли бодро, хотя от них валил пар, а под вьюками выступили темные пятна. Чем ближе караван подходил к Ведено, тем больше было встречающих, а муэдзины с минаретов продолжали созывать людей.

На открытом пространстве перед дворцом эмира — зданием красного кирпича, возведенным когда-то генералом Ермоловым, — воздвигли помост, устлали его коврами, расставили стулья и в самом центре водрузили кресло с высокой спинкой для самого владыки. Казгирей Матханов вывел на парад лучшие подразделения, в основном кавалерийские, составляющие эмирскую гвардию. Она поддерживала внутренний порядок,

ограждала эмират от врагов, от бандитских шаек. Веденцы заполнили крыши домов вдоль улицы, каменные крепостные стены, забрались и на башни, мальчишки сидели на общипанных осенними ветрами деревьях и, конечно, видели все лучше всех.

В сопровождении приближенных показался эмир Узун-Хаджи, в голубой абае, в каракулевой папахе, оплетенной белой чалмой. Рядом с ним, театрально выпячивая грудь, будущий премьер — князь Иналук Арсанукаев-Дышнинский. Он был на голову выше эмира, а белая черкеска, великолепный бешмет с мелкими застежками из шелкового галуна, нарядный пояс, кинжал, сабля с рукоятью из слоновой кости, высокая каракулевая шапка и хромовые сапоги на каблуках придавали ему еще большую импозантность. Ему приходилось нагибаться к владыке при разговоре.

— Удача тянет за собой удачу, ваше величество, — говорил князь эмиру. — В Воздвиженке мы одержали под вашим предводительством блистательную победу; среди множества пленных, если изволите помнить, было семнадцать русских офицеров... Соседние державы поверили в нашу силу, жизнеспособность, и вот свидетельство тому — караван из Турции... Оружие как раз для новых формирований. Прибыли и исламские войска из Азербайджана! На зов Исмаила Факри-паши откликнулись и другие мусульманские народы...

Иналук Арсанукаев чуть не упомянул и военный штаб из Грузии, но это напоминание лишь омрачило бы торжественность обстановки. Штаб корпуса во главе с генералом Караселидзе благополучно перевалил через горный хребет, а весть о нем в Чечню пришла еще раньше. Говорили, будто штаб послан в эмират не правительством Грузии, а каким-то меджлисом, национальным комитетом горских народов, обосновавшимся в Тифлисе. В Чечен-ауле стычка между военными из штаба и веденскими шариатистами по этому поводу перешла в перестрелку. Штабисты повернули назад...

Иналук Дышнинский послал за грузинами Казгирея Матханова с отрядом, поручив упросить грузин вернуться, а генералу Караселидзе обещал пост командующего армией с сохранением за ним его же штаба. Но генерал, намеревавшийся помогать чеченцам, оскор-

бился их негостеприимством и уехал восвояси; офицеры штаба отказались от посулов и должностей, предложенных им, и тоже покинули Чечню. Их напугала угроза чеченцев взять их в плен и выдать Деникину для обмена на своих пленных. Иналук Арсанукаев принес извинения грузинскому правительству, опасаясь осложнений с республикой, активно поддерживающей эмират. Это произошло перед самым прибытием каравана из Турции, поэтому многие в Ведено полагали, будто с ними вернулся и штаб корпуса.

— Да посмотрит аллах на наши дела глазами одобрения, — ответил эмир князю Дышнинскому и сел в кресло.

— Для обращения к соседним державам мы выбрали подходящий момент, не правда ли, ваше величество?

— Аллах подсказал нам, — был ответ эмира.

Иналук Арсанукаев ждал одобрения послания, в котором он оповещал мусульманский мир о формировании правительства Северо-Кавказского эмирата. По существу, он выполнил задание грузинских меньшевиков, подобрав состав кабинета, который, по его мнению, вполне представлял все мусульманские народы Северного Кавказа. Это не было простой задачей: нелегко сформировать правительство, угодное всем горским народам, которое возглавит Узун-Хаджи. Да еще большевики поддавали жару, добиваясь включения в правительство и представителя своей партии. Дышнинский ждал похвалы эмира. Ждал, но не дождался...

Узун-Хаджи, религиозный фанатик, глубокий старик, по пять раз в день совершал намаз, в размышлениях поглаживая бурую бороду. Несмотря на преклонный возраст, он был крепок, вынослив, неутомим в пути, решителен и смел. С давних пор он подстрекал горцев к священной войне за присоединение к мусульманской Турции. За призыв к восстанию против царской России был арестован и сослан в Сибирь. Ему удалось бежать, и он долго скрывался в горах, это «шейх», «божий человек».

Узун-Хаджи предсказывал в своих проповедях в мечети скорое падение русского царизма, и когда это произошло, о нем пошли легенды, к нему потянулись мюриды, люди, связанные единым духовным обетом.

Падение русского самодержавия, предвиденное им, придало шейху ореол божественного предсказателя, борца за народные интересы. Узун-Хаджи, арабист, образованный человек, быстро стал орудием в руках ловкого и хитрого Нажмудина Гоцинского, норовившего сделать шейха продолжателем дела имама Шамиля. Но революция в Дагестане заставила Узуна-Хаджи перекочевать в Чечню со своим воинством, довольно многочисленным. Гоцинского в Чечне сменил не менее ловкий ротмистр Иналук Арсанукаев, которого эмир недолюбливал... И сейчас он промолчал, сделав вид, что прислушивается к шуму толпы.

Мальчишки, раскачиваясь на ветках от восторга, заорали: «Едут!», «Как много!», «Конца не видно!» Кучевые облака плыли над горами; с осенних деревьев падали желтые листья, когда в долину врывался ветерок; люди от нетерпения выбегали на середину улицы, а всадники охраны на своих горячих скакунах теснили их к оградам.

Показался караван. Впереди — небольшой отряд всадников, почетный авангард, возглавляемый караван-баши князем Жирасланом. Всадники ехали рядом, принимали приветствия толпы, отвечая поклоном или жестом. При виде каравана гул толпы возрастал, слышались возгласы, слова молитвы, обращенной к богу.

Под рукоплескания нестройная колонна протянулась мимо трибун. Горцы с особым вниманием рассматривали караванщиков, их широченные шаровары и красные фески — головной убор, который на Северном Кавказе носят лишь побывавшие в Мекке. Шариатские воины с полумесяцем и звездочкой на конусообразных папахах, с ружьями за плечами, с патронташами выглядели браво, осанисто, хотя их лошади едва переставляли ноги. Щедрая помощь могущественной мусульманской державы дошла до шариатского воинства благополучно. Перед помостом, на котором восседал эмир в окружении приближенных, на расстеленных кошмах, коврах и циновках расселись хаджи и муллы, воздававшие хвалу аллаху. Мальчишки разносили воду в кувшинах, ведрах, больших чайниках.

Когда караван-баши поравнялся с помостом, шейх поднялся, вознес руки к небу, как бы призывая мусульман последовать его примеру, громкой скорого-

воркой прочитал молитву. Слов никто не разобрал, зато отчетливо над собравшимися прозвучали слова:

— Аллаху акбар! Велик аллах!

По всей улице и площади мощным эхом прокатилось:

— Аллаху акбар! — Гул коснулся ближних гор и лесов и замер где-то в распадках горного кряжа.

Шейх читал слова молитвы с воодушевлением, где-то в его сознании шевельнулось гордое чувство своей правоты. Душа Узуна-Хаджи ликовала, он думал, что весть о сегодняшнем дне дойдет до дагестанских гор, где ему не удалось найти опоры, и вызовет зависть у наследника Шамиля, Нажмудина Гоцинского, не пожелавшего встать под знамя Узуна-Хаджи. Он еще раз возгласил:

— Аллаху акбар! — провел ладонями по лицу и сел в кресло.

Казгирей ввел на помост Жираслана, усадил его, а караван прошествовал дальше, вызывая восхищение у жителей Ведено. Под неутихающий гул толпы к краю подмостков, заменявших трибуну, шагнул Киамаль-Хан Дышнинский, как он сам порой именовал себя. С молитвами у него дело не шло, сказывался пробел в знании ислама, и чеченский князь восполнял недостаток превознесением своего повелителя до небес по поводу и без повода. Но, подымая авторитет мусульманского владыки, не забывал и себя, приписывая своей персоне заслуги, которые ему и не снились.

Иналук Арсанукаев крикнул в толпу фальцетом:

— Наши мусульманские братья из Турции, братья-шариатисты, сестры мои! Давно ли мы возвестили о том, что горцы-мусульмане подняли знамя Шамиля, чей лик приравнен к лику пророка, чей прах лежит рядом с прахом пророка в Медине, священном городе суннитов? Давно ли мы возвестили миру о новом полумесяце, взошедшем над нашими горами волей аллаха, о рождении на земле еще одного исламского государства? Эта весть дошла до Стамбула, обошла все царства и страны. Вы видели караван с оружием! Его прислали те, кто хочет, чтобы мы срослись с горами, стали несокрушимыми, выстояли в жестокой борьбе с Деникиным и иными врагами ислама... Не это ли божье знамение, признание справедливости нашего

существования, праведности дела, за которое мы боремся?..

Будущий председатель правительства все лелеял в душе обращение к правительствам соседних республик и европейским державам и, конечно, Турции, в котором от имени эмира шейха Узуна-Хаджи писал: «...имею честь присовокупить, что цель его величества и формируемого мной правительства следующая: прежде всего убедительнейше просить соседние державы — Грузинскую республику, в лице его превосходительства председателя правительства, и Азербайджанскую республику, в лице председателя совета министров, о признании Северо-Кавказского эмирата во главе с его величеством... Затем войти с нашим правительством в договорное союзное соглашение и оказывать нам в течение нескольких лет существенную помощь, имея в виду, что Северо-Кавказский эмират является авангардом Грузинской и Азербайджанской республик и что наша нынешняя борьба поэтому имеет колоссальное значение не только для нас, но и для вышепоименованных республик.

Наш верховный вождь и мы не добиваемся автономии, не хотим мы республики и конституции, мы хотим сомкнуться вокруг шариата, свободно исповедуя мусульманскую религию... Мы добиваемся шариатской монархии...»

— Истинные мусульмане не причиняют никакого зла иноверцам, — возглашал Арсанукаев, и эти слова адресовались осетинам-христианам... — Справедливые наставления пророка указывают, что всякий истинный мусульманин должен находиться в дружбе и союзе со своим соседом, кто бы он ни был.

В толпе послышалось:

— Инш-аллах!

— Да примет аллах твои слова!

— Ни высокие горы, ни религия, — продолжал Дышнинский, — не разделяют кавказские народы. Мы все — сыны гор, радуемся успеху друг друга. Я прочитаю телеграмму, которую храню как реликвию, бесценный дар друга, князя Абхазии: «От души радуюсь сближению храбрейшего чеченского народа с Грузией, примите мою искреннюю благодарность, передайте то же представителям Чечни».

Толпа одобрительно приняла телеграмму. Дышнинский, разумеется, умолчал, что она прислана по поводу его бракосочетания с грузинской княжной.

— Пусть никто не сомневается в искреннем нашем желании и стремлении сплотиться вокруг своего эмира и вести борьбу до окончательного изгнания лютого врага ислама — Деникина, — разливался соловьем Дышнинский. — В стране чувствуется подъем духа, народы видят в программе, освященной мудростью нашего духовного вождя, благо грядущей свободы. Получив щедрый дар помощи от Оттоманской империи, народы удесятерят усилия. Ассаламу алейкум!

Толпа загудела:

— Уассаламу алейкум!

Торжества закончились.

2. ДОМ ГАСАН-ГИРЕЯ

По приказу Казгирея лошадей уже развьючивали, складывали ящики с винтовками, пулеметами, боеприпасами отдельно, вьюки с сукном, тканью, калошами, кожей, медикаментами — отдельно. Лошадей, едва стоявших на ногах, отводили на конный двор на отдых, кормили, поили, оставляли пастись на воле до особого распоряжения.

Узун-Хаджи не сомневался, что с Жирасланом переданы важные сообщения от тех, кто прислал щедрые дары, и пригласил его к себе. Дышнинский, Жираслан и Казгирей последовали за неторопливым эмиром, ступавшим по земле мягко, словно он боялся примять траву. Войдя в довольно просторную и светлую комнату, Узун-Хаджи сел в старое кресло, обитое красным бархатом, пригласил и гостей сесть.

— Какие слова шлет нам благословенная Порта? — спросил Узун-Хаджи.

Жираслан напрягся, чувствуя на себе пристальные взгляды собеседников:

— Ваше величество, пахарю дарят плуг, кузнецу — молот, джигиту — саблю. Турецкие друзья прислали

со мной «саблю Шамиля», как назвала караван Халида Адиб, и желают вам победы над врагом. Премьер-министр Турции Рауф-бей просил передать, что его правительство всеми силами будет помогать шариатским войскам на Кавказе, пока над горами не взойдет полумесяц, пока не исполнится исконная мечта горцев — свободное существование под знаменем ислама.

— Кто такая Халида Адиб? — Узун-Хаджи слыхом не слыхивал раньше этого имени. Он высокомерно полагал, что караван прислан лично турецким султаном Вахитдином Мухаммедом Шестым.

— Душа Комитета черкесского сотрудничества в Стамбуле, писательница. Она подняла на ноги соотечественников, потребовала от них пожертвований тканями, лекарствами, деньгами. На собственные средства приобрела тысячу аршин полотна.

— Комитет черкесского сотрудничества? — удивился Дышнинский.

За Жираслана ответил Казгирей:

— Почтенная организация, корни глубоко пустила. В Европе о ней знают, поддерживают. Сочувствуют идее отделения Северного Кавказа от России. Нам следовало бы установить с Комитетом личные контакты. От них приезжал Факри-паша формировать войско из горских мусульман. Мы провели мобилизацию всего мужского населения, полки сформированы.

— Теперь и оружием, обмундированием можем помочь. — Узун-Хаджи перестал перебирать четки, наклонился к Дышнинскому: — Не забудь, Факри-паша прикрывает нас со стороны Дербента. К нему тянется Гоцинский. Не допусти сближения.

— Будет сделано, ваше величество. Обмундирования и оружия подкинем.

— Кабардинский полк раздет, разут. — Казгирей напомнил о соплеменниках, чтобы заручиться поддержкой эмира, иначе Дышнинский забудет о них.

— Они под крылом Гикало. Пусть партизанский вождь заботится, — сказал Дышнинский, дав понять, что кабардинцы обойдутся.

Узун-Хаджи промолчал.

— Зима близко. Перед холодами и перед Деникиным все равны, — настаивал Матханов.

— Я знаю, в тюках русское обмундирование. Для партизан любая одежда сойдет, — сказал Жираслан, — да и писательница собирала деньги с тамошних черкесов, покупала ткани в расчете на своих соплеменников. Если она узнает, что у черкесов по усам текло, а в рот не попало...

— И им перепадет. — Узун-Хаджи косо глянул на Казгирея и Жираслана.

— Не обидим, не обидим. Всем по заслугам. — Дышнинскому явно не по душе был разговор.

— Составь мне перечень всего имущества, — велел Узун-Хаджи Дышнинскому и вытащил большие серебряные часы: не подошел ли срок вечернего намаза? И Жираслан извлек свой золотой хронометр: в комнате словно зажурчал ручеек, но никто не похвалил достояния князя, чтобы тот не сказал: «Понравилось тебе — бери». Таков обычай, идущий из глубины веков. Нащупав кармашек в бешмете, князь спрятал часы, а музыка все не утихала, лаская слух сидящих.

— Почему караван назван «сабля Шамиля»? — заинтересовался Казгирей.

— Правда или нет — знает один аллах. Халидаджаным поведала мне, будто сабля Шамиля, выдвинутая из ножен на пядь, не идет назад в ножны, требует газавата — священной битвы. Попадет в сильные руки продолжателя дела Шамиля, насытится кровью неверных, нечестивых людей — тогда священная сталь успокоится, войдет в ножны.

Легенда произвела впечатление на Узуна-Хаджи.

— Имам Гоцинский считает себя преемником дел своего деда, — некстати ввернул Дышнинский.

— Какой из Нажмудина продолжатель святого дела? — с раздражением сверкнул маленькими глазками эмир. — Все норовит слизнуть жир с губ Деникина. Да аллах не дает. Того и жди, всадит этот двуликий имам кинжал нам в спину. — Узун-Хаджи спрятал четки и погрозил Дышнинскому пальцем: — Давно говорю — подошли к нему лазутчиков, разузнай его замыслы... «Требует газавата», «священная сталь»... — Слова легенды явно запали эмиру в душу.

— Факри-паша запер выход из гор.

Узун-Хаджи как молитву повторял:

— Знамение аллаха... Сабля Шамиля выдвинута из ножен на пядь... Она должна быть в руках праведника, чтоб успокоилась священная сталь...

— Ваше величество, — Дышнинский пытался обратить на себя внимание эмира, — горские народы видели сегодня знамение аллаха: караван благополучно дошел до Ведено, «сабля Шамиля» попала в сильные твои руки. В руки истинного продолжателя дела имама. Ты предстал перед народом в облике священного воителя — Шамиля!

Узун-Хаджи не спорил:

— В сильные руки саблю Шамиля... — он ударил одной ладонью о другую и, увидев на пороге слугу, деловито добавил: — Таз и кумган!

Это означало, что эмир собирается совершить очередной намаз. Аудиенция кончилась.

Покинув резиденцию эмира, гости вышли на крыльцо. Жираслан помрачнел: к подъезду подводили коня Дышнинского — Арабкана. Казгирей, не заметив внезапной перемены в князе, сказал:

— Ну, дальний гость, ко мне? Будем жить вместе.

— Нет. Я не хочу и тебя стеснять.

— Кого же ты еще стеснял?

— Премьера Турции, Рауф-бея, мы с Халидой гостили у него.

— Так погости у командарма. Хоть временный, но командарм. В нашем доме Халиды нет, но приятное общество красивой горянки я тебе обещаю, — и Казгирей лукаво улыбнулся.

— Почему временный? — Жираслан пропустил мимо ушей последние слова Матханова.

— Караселидзе, грузинский генерал, не принял армии, обиделся на Чечен-аул, повернул оглобли назад. Пришлось мне вступить в должность командующего, пока не подберут замену. Открою тебе еще один секрет: ботлихцы могли перебить всех, кто сопровождал твой караван, я упредил их, вышел со своим отрядом к перевалу, перекрыл подходы к караванному пути, а ботлихцам велел передать: «Будет хоть один выстрел — снесу аул артогнем». Ботлихский кадий оказался толковым, поддержал меня, пригрозил своим божьей карой.

— Послушались?

— Еще как! Я боялся, чтоб ночью чего не случилось. Военный губернатор сказал: «Идите отдыхать, охрану беру на себя». Я ему не очень-то доверял, но твои солдаты приняли приглашение, развели их по домам. А я ни в какую: «Аллах доверил мне» — и все! Тут объявились наши сторонники — шариатисты, тоже помогли. Это — уже заслуга кадия. Ты спал, ничего не знал...

— Хоть бы намекнул!

— Не хотел портить тебе настроение перед торжественной встречей, — смеясь оправдывался Казгирей, — ты вел караван не через одну страну, все было как надо, и вдруг у самой цели случилась бы беда. Позор! Потому я принял меры и до утра проверял посты.

Жираслан вспомнил:

— То-то, я заметил, свара была. Думаю, чего-то не поделили.

— С грузинским штабом как получилось? Никто не ждал из-за хребта военных частей. Вдруг чабаны в горах видят: идет войско. Скорей в аул, предупреждать своих. В Чечен-ауле все мужчины схватились за оружие, женщин, детей — в укрытие, по мечетям и пещерам. Грузины, ничего не подозревая, едут себе по горной тропе, выслать вперед депутацию им в голову не приходило. Дошли до узкого места. Справа и слева отвесные скалы. Вдруг впереди и сзади обвал. Оказались они в каменном мешке. Смотрят — со всех сторон дула винтовок и пулеметов. Им предъявляют ультиматум: сдать оружие, снаряжение и повернуть туда, откуда пришли, или всех возьмут в плен и препроводят к Деникину. Генерал приказал повернуть назад, а один офицер, кажется русский, попросился к чеченцам в плен.

— Они так и ушли?

— Как только до нас дошла весть об этом — я тут же с отрядом помчался за штабом. На грузинской территории удалось их догнать. Но генерал был так взбешен, наотрез отказался ехать в Ведено. Узун-Хаджи мне и говорит: не уговорил Караселидзе, принимай сам командование армией. Так я и стал командармом. Тут что ни аул — свои законы. В Ботлихе меня знают. Я приезжал сюда, когда ботлихцы начисто отказывались служить в шариатских войсках. Пришлось име-

нем Узуна-Хаджи объявить мобилизацию, отправить в рекруты большую часть мужчин, иначе людей с ружьями тут было бы побольше, чем в твоем и моем отрядах, вместе взятых.

— Русского офицера, случаем, зовут не Григорий Седых?

— Седых, Седых. Смешной казак. Когда чеченцы предложили штабу сдаться в плен или поворачивать оглобли, он сам попросился в плен, твердил «ля-иллах, иль-аллах», а на вопросы отвечал «инш-аллах». Не знали, что и делать с ним. Убить — на его устах слова из корана. Отправить к Деникину — вроде свой человек. Тут он и взмолился: «Имею важнейшее сообщение для эмира от самого Вахитдина — султана турецкого». Повели его к кадию. А уж тот велел отправить его ко мне. От него я и узнал о караване, сам видишь, встретил вас честь по чести.

— А Григорий где?

— Отправили в Воздвиженку, к Гикало. Выберем время, поедем к нему — увидишь своего дружка.

Казгирей не рассказал, что помощник эмира, голубоглазый офицер-перебежчик по прозвищу Лоша, заподозрил в Седыхе разведчика, якобы подосланного англичанами. Он и добился через Дышнинского отправки «краскома к красным», к Гикало, хотя Седых мог пригодиться в штабе, да и на переднем крае, у повстанцев.

— Я хочу повидаться с ним. Караван-баши на самом деле был он. Только в Тифлисе мы распрощались. Грузины меня упросили передать офицера им. Редкая у него специальность.

— Мы его разыщем.

За беседой они подошли к дому, что был возле школы, превращенной теперь в госпиталь. Продолговатая сакля из трех комнат с небольшими оконцами почти без стекол, обращенными к югу, словно михраб мечети, согнулась под тяжестью времени и крыши. Невысокие стены из плетеной лозы, обмазанной глиной, местами обнажились, и прутья торчали, словно голые ребра. В левом углу небольшого дворика ютилось приземистое строение. В нем заржала лошадь хозяина, услышавшая голоса мужчин. Рядом с конюшней — хлев, курятник, амбар — все, что потребно в крестьянском хозяйстве.

— Здесь я и живу, занимаю комнату, — сказал Казгирей.

— Командующий армией — и одну комнату? — удивился Жираслан, вспомнив апартаменты Рауф-бея в Анкаре.

— Думаешь, у министров больше? В соседнем селении они живут и спят в своих кабинетах. — Казгирей улыбнулся, за пенсне посверкивали его карие глаза. — Ведено не сравнить со Стамбулом, но зато мы ближе к облакам, к небу...

Хозяин дома, чеченец Гасан-гирей, вышел из хлева с вилами в руке. Увидев гостя, которого привел постоялец, он прислонил вилы к стенке, шагнул навстречу:

— Рад видеть в своем доме караван-баши из Стамбула. Добро пожаловать, дорогой гость.

— Князь Жираслан из Кабарды, — подсказал хозяину Казгирей.

— Знаю. Мы старые знакомцы. Бывал я у него. Бывал, — по слогам, как ученик-первоклассник, твердил Гасан-гирей, плохо владевший кабардинским. В его признательном взоре смешались удивление и восторг. — Уж как я рад! Сейчас позову толмача. У нас с Казгиреем есть толмач. Без него не обойтись — ваш язык знаю плохо. Прошу в дом, Казгирей...

Дверь в комнату, грубо сколоченная из двух чинаровых досок, вела прямо со двора. Чтобы легче было перешагнуть через высокий порог, у самого входа лежал плоский булыжный камень — ступенька. По обычаю горцев Казгирей пропустил гостя вперед (при выходе впереди идет хозяин). Не успел Жираслан оглядеться в комнате, где ему предстояло жить, как дверь заскрипела.

— Вот и мой толмач, — послышался голос Гасангирея. У порога стояла девушка, с трудом сдерживавшая волнение.

— Князь Жираслан! — вскрикнула она. — Я — Мариам...

Жираслан от неожиданности растерялся.

— Мариам? Гурия небесная, исцелительница моя. — Он сорвался с места, обхватил девушку обеими ручищами, притянул к груди. — Какая встреча, какая награда! О здоровье я не спрашиваю. У небожитель-

ниц не спрашивают об этом. Мариам, ты и есть толмач? Как я счастлив...

— Я знала. Я видела тебя днем. На коне, когда ты вел караван. Сначала не поверила своим глазам, пробилась сквозь толпу, присмотрелась — он, мой пациент! Я счастлива! — Мариам не отнимала руки из рук Жираслана.

— Твое искусство — второе мое рождение.

— Хороша повивальная бабка? — шутил Казгирей — Мариам рассказывала нам все подробности, — под пышными черными усами Казгирея сияла широкая улыбка. — Я нарочно не говорил тебе, готовил сюрприз.

Мариам, смущаясь, высвободила руку:

— Садитесь, прошу вас. Такая долгая дорога. От Стамбула до Ведено! Знала бы я — ни за что не разрешила. У тебя над сердцем тонкая кожица, рана могла открыться.

Жираслан не признался, что за время пути рана не раз кровоточила, чтобы не вызвать новых опасений у Мариам и у любезного хозяина. Сказал только:

— Ты так крепко заштопала, что я за себя не опасаюсь. Зашила суровыми нитками и твердой рукой.

Все засмеялись, а Мариам засияла от гордости.

— Береженого бог бережет, помни это, очень прошу...

— Сердце само напоминает о себе. Как услышу, как прикоснусь, милая Мариам, тотчас ты встаешь перед моими глазами...

Казгирей перебил:

— Князь, это уже объяснение, да еще при отце. Но Гасан-гирей понимает шутки...

— Я и люблю Мариам, — просто сказал Жираслан. — Она подарила мне жизнь. Моя жизнь — ее конь, ее собственность, может ею распорядиться, как хочет. Я ее раб. Пусть это слышит и ее отец.

— Князь раб? Таких рабов что-то еще никто не видел.

— Не шути, Казгирей. Я ведь говорю не для красного словца. Моя любовь сильней во сто крат, чем у пылкого юноши к девушке. Там чувства безотчетные, неосознанные. Сравнишь ли их с чувствами зрелого мужчины к волшебнице, которой он обязан жизнью?

Слова Жираслана тронули даже Гасан-гирея. Хозяин дома удалился, чтобы приготовить угощение. Гость заслуживал отменного стола — он был князь, он из далекой страны привел сюда караван...

Казгирей, ссылаясь на какие-то дела, оставил Мариам и Жираслана вдвоем.

3. МАРИАМ

В начале века в Ведено открыли русскую двухклассную школу для детей состоятельных горцев, каким, без сомнения, мог считать себя и Гасан-гирей. Десятилетняя его дочь, сгорая от любопытства, подкрадывалась к дому, где мальчишки, ее сверстники, постигали азы грамоты. В школу не пускали девочек, и Мариам в начале урока вскарабкивалась на выступ фундамента и, держась за подоконник, заглядывала с опаской в класс, чтоб не обнаружить себя, и как на чудо смотрела на картинки с птицами и высокими зданиями, следила за тем, как русская учительница рисует на большой черной доске буквы и цифры, похожие на фамильные знаки, что ставятся на лошадях. Придя домой, Мариам рисовала эти знаки угольком на стене, на камнях, а то и на полу. Однажды молодая учительница застигла девочку врасплох и, хотя в этот день занятий в школе не было, завела ее в класс, показала глобус, подарила книжечку — букварь, угостила конфеткой, разрешила взять домой картинку с птицами.

Радости Мариам не было предела. Раньше она боялась русских, увидит, бывало, и бежит домой, только пятки сверкают, а тут привязалась к белокурой ласковой учительнице, жившей в полном одиночестве. И двадцативосьмилетней женщине было радостно, когда к ней забегала Мариам, — тайком, потому что книжку, подаренную учительницей, отец сжег, изорвал и картинку. Надежда Алексеевна, а для Мариам просто «тота Нада», начала учить девочку грамоте, дала ей

новый букварь, тетрадь и карандаш. Только Мариам теперь не уносила их домой, не показывала родителям, крепко-крепко поклялась тете Наде не говорить об этом никому, даже маме.

Она оказалась на редкость понятливой и памятливой, схватывала все с первого раза, воистину глаз увидит — рука повторит. Сама «тота Нада» так привязалась к девочке, что скучала, если Мариам не приходила в урочный час, особенно зимой, когда в такой глуши приезжему человеку тоскливо и одиноко, а читать — она выучила наизусть всю небольшую библиотеку.

У чеченцев началом учебного года считалось завершение полевых работ. В школу детям разрешалось идти, если ты напоил скот и задал ему корма, убрал навоз в конюшнях и в хлеву, наколол дров. Опаздывали по-всякому, но Надежда Алексеевна ни на кого не сердилась, была рада, когда являлись мальчишки, пахнущие дымом, конюшней, навозом, смолой. Кончатся занятия — она опять одна, хоть волком вой, никто не придет, никто не спросит: жива она или нет, никому до этого дела нет, одно утешение — Мариам. «Мой птенчик», «моя лапонька», «радость ненаглядная», «чеченка голубоглазая» — называла она свою любимицу. Года через два Мариам смело могла сдавать экзамены за начальную школу, родители догадывались, откуда у девочки страсть к рисованию, к письму, но не допытывались: подрастет — выдадут ее замуж, по всему видно, будет приметной, значит, и калым за нее высокий. Спохватились, когда было поздно.

Это было в год вступления России в войну. На охоту ехать — собак кормить: царское правительство открыло краткосрочные курсы сестер милосердия, которых не хватало с первых дней войны. Вербовщики разъезжали по городам, станицам, чтобы на месте «заарканить» желающих. Судьбе было угодно свести Надежду Алексеевну с таким вербовщиком во Владикавказе. Недежда Алексеевна тайком позвала к себе Мариам, у девушки загорелись голубые глаза, когда она услышала слово «Петроград». Уговорились: никому ни звука! Мариам уже научилась хранить тайну и стала готовиться в дорогу, и хотя в последнюю минуту она оробела, «тота Нада» успокоила ее.

В назначенный день девушка из слободы Ведено со своими пожитками уехала во Владикавказ, куда съезжались все беглянки, изъявившие желание учиться. Их было совсем мало. Мариам вместе с другими, такими же счастливыми, как она, укатила в столицу. Исчезновение ее потрясло слободу. Гасан-гирей решил, что дочь умыкнули, оседлал коня, вооружился винтовкой, саблей, отправился на поиски. В Ведено поднялся невиданный переполох, род Гасан-гирея был оскорблен, началась свара. Надежда Алексеевна с перепугу — не дай бог попасть под подозрение! — собрала свои вещички и уехала якобы во Владикавказ, к инспектору народного просвещения, по вызову. А там она, не получив ни гроша жалованья, села в поезд и укатила в Петроград, опасаясь расправы. Поговаривали, будто девочку выкрали у нее из школы, — за это немудрено и жизнью поплатиться. Поиски Гасан-гирея кончились неудачей, хотя еще долго искали труп Мариам в реке Хулхулау, полагая, что она могла утонуть, — летом река так взбухала, что сносила мельницы.

Долго Мариам не давала о себе знать. Ее не раз оплакали, не раз по ней устраивали поминки, когда неожиданно пришло письмо с фотографией сестры милосердия в форменном платье. Что было в Ведено! Во всех мечетях, на базаре, на похоронах и свадьбах талдычили одно: дочь Гасан-гирея в Петрограде стала «дохтуром», не хочет возвращаться к родным! Сам Гасан-гирей похудел, потерял голову, жена изошла слезами, требовала повезти ее в столицу, чтобы «проучить дерзкую девчонку». А как ее найти, если не указан обратный адрес? Ходи по Петрограду с фотографией: «Эй ты, не знаешь, где найти эту девчонку?» «Подождите, коль дала о себе знать, значит, и сама объявится», — советовали соседи и родственники.

Действительно, узнав, что ее вместе с другими посылают на фронт с полевым госпиталем, Мариам написала родителям о себе все, умоляя простить — вдруг они не увидятся больше? На этот раз был указан обратный адрес. Гасан-гирей продал все, что можно было продать, и поехал в Петроград. Он уже не хотел «резать ей голову», «привязывать за ноги к двум деревьям, чтобы на части разорвать непослушную дочь». Он сме-

нил гнев на милость, хотел увидеть ее хоть одним глазком. По совету знающих людей он отправил вперед телеграмму с указанием поезда и вагона...

На Николаевском вокзале в Петрограде дочь встретила отца не одна, а вместе с Надеждой Алексеевной, у которой и жила до сих пор. Надежда Алексеевна пригласила с собой еще двух молодцов, «на всякий случай», но все обошлось, встреча не таила в себе опасности ни для кого. Все были крайне взволнованны. Даже скупой на слезу Гасан-гирей нахлобучил папаху на глаза, чтобы не было видно его слабости, но усы его все равно взмокли и по щекам слезы проложили блестящие тропки. Гасан-гирей никак не мог освоиться с тем, что его дочь — уже взрослая и ростом пошла в него, статная, гибкая. Он простил ей все обиды, готовый пуститься в пляс прямо тут же, на перроне. Пусть видят все первую чеченку, которая станет врачом... Тем не менее он не дал дочери уехать на фронт, перехватил ее по дороге, на промежуточной станции, умыкнул, словно невесту. Война, по его разумению, была не для горянок...

Пока Гасан-гирей охотился за дочерью, началась стодневная война грозненских рабочих с контрреволюционным казачеством. Грозный оказался блокированным, и Гасан-гирею ничего не оставалось, как ждать, когда чаша весов перетянет в чью-либо сторону, а тогда уж пробиваться в Ведено. У него были знакомые в слободе Нальчик, где они с дочерью и остановились. Мариам робко предложила свои услуги местной больнице, ее приняли с радостью. Тогда-то она и ездила в Шхальмивоко и спасла жизнь Жираслану...

...Теперь Жираслан, рассматривая девушку вблизи, поражался, что запомнил ее лицо в том горячечном бреду. Он помнил ее сердцем, душой, а не глазами. И был счастлив услышать от нее, как горянка-чеченка, презрев всяческие запреты, стала «дохтуром», наперекор всему получила образование, одной из первых в своем народе приобщилась к медицине. Мариам призналась ему по секрету: жаль, что не удалось ей поработать в полевом госпитале! Какая была бы практика! Кончила бы и медицинский институт.

— Еще не поздно, минует же когда-нибудь эта заваруха, — произнес он.

— Поздно. — У Мариам зарделись щеки, дрогнули губки, померкли глаза. — Теперь прощай Петроград! — Мариам подняла голову, посмотрела в оконце, хотя ей вряд ли что-либо было видно сквозь промасленную бумагу, которой наполовину оно было заклеено вместо стекла.

Столичный туалет очень шел к ее стройной фигурке: длинная коричневая кашемировая юбка с оборкой, шерстяная блузка, плотно облегавшая грудь, с белым кружевным воротничком и небрежно накинутый на плечи платок ручной вязки с бахромой. Мариам носила высокую «городскую» прическу, придававшую ее красивому личику особую прелесть.

— Думаешь, мусульманская монархия отделится от России?

— Нет, не поэтому.

— Отчего же?

— Я замужем. — Мариам усмехнулась, добавила как бы про себя: — Теперь мой Петроград — мой муж. Отомстил мне отец. Сбежала я тогда — и вот наказание. Сказать, что отец польстился на калым, нельзя, жених: одна голова, две ноги, имущества никакого. Бродяга, одним словом, своего дома не имеет...

— С вами живет?

— Вообще да. Сейчас с депутацией уехал в Стамбул, оттуда в Париж, в Лондон — просит помощи и защиты от Деникина.

— С образованием?

— Три языка знает: кумыкский, чеченский, русский. Легко понимает и турецкий.

— Знающий язык знает и страну. — Жираслан вслух произнес эту горскую пословицу, а сам подумал: «На этих языках не очень разговоришься в Европе».

— Родители его умерли в нищете, и сам он теперь по миру ходит в прямом и переносном смысле слова. Вот — мой Петроград.— Мариам улыбнулась, но в блеске глаз и улыбке была горечь, обида за свою несбывшуюся мечту.

— Право родителей. Они дали тебе жизнь...

— Дадут и смерть,— неожиданно вырвалось у Мариам. Она смутилась, так как прервала гостя.— Прошу извинить. Я не хотела тебя перебивать.

Жираслан подумал, что сладить с Мариам, с ее

характером, прямотой — не просто. Может быть, отец прав был, когда решил укротить своенравную дочь, привязать к родной земле. Но сказал другое:

— Смерть дать — воля аллаха. Бывает и так, что по воле аллаха родитель... — Жираслан запнулся.

— Убивает свою дочь!

— Разве все равно отцу, если дочь бежит от него? Бывает и так: убивает!

— Сколько угодно. В Петрограде я жила у моей учительницы Надежды Алексеевны, удивительного человека! Я считаю ее второй матерью. Когда я выучила русский язык, то день и ночь сидела за книгами. Читая, забывала обо всем: о еде, о сне, а иногда об уроках. Так большинство книг как раз об этом! Дочь отбилась от рук, полюбила парня. Парень преступил родительский запрет, хочет жениться на той, которую полюбил. Но родители — что скала, стоят на своем. Тогда река обходит скалу, а скала не уступает ей дороги. Так и в жизни.

Литературная тема была не под силу Жираслану, который умел начертать всего несколько букв, составляющих его имя.

— Скала не уступает дороги реке,— подхватил он нить беседы, хотя не был уверен, что найдет ей достойное продолжение. — Не хочет подчиниться скала чужой воле. Люди тоже дорожат своей честью, достоинством, иногда и жизнь отдают за это. — Жираслану на память пришла одна старинная история, когда говорили: «Тому, кто хочет вырвать у тебя душу, вырви глаз», и он решил рассказать ее Мариам. — Жил-был неуловимый конокрад, которого не могли заарканить, как нельзя заарканить ручей, реку, ветер. Собрался аул на совет. Мужчинам велено было смотреть во все глаза. Они и смотрели, но лошади все равно пропадали. Однажды на сход явился невзрачный парень — Койцук. Ему не только не давали слова на совете, на танцах ни одна девушка не выходила с ним на круг. Койцук послушал аульчан, не промолвил ни слова и ушел. Через день или два аул потрясла новость: конокрад — этот неуловимый джигит — кем-то был выбит из седла и, смертельно раненный, острием кинжала вырыл яму и спрятал свое оружие, доставшееся от предков. Он так дорожил своей честью,

что не хотел, чтобы кому-нибудь оно досталось после его смерти.

Труп привезли на арбе к матери джигита. Она не стала рвать волосы на себе, сказала только: «Вернулся домой мой сын — и слава аллаху». Зато младший ее поклялся на коране отомстить убийце. Мать спросила: «На ком лежит кровь твоего брата? Кому мстить будешь?» — «Кого первым встречу из аула, где убили брата». Залег он в засаде, ждет.

Вдруг со стороны аула показался всадник. Это был Койцук, над которым все потешались. Выскочил юноша, наставил ружье, а тот смеется: «Хочешь стрелять в кого попало? Так мстят только трусы, а не достойные мужчины. Чтоб отомстить за брата и не уронить его чести, найди убийцу и стреляй. Еще неизвестно, что будет, когда встретишься с ним лицом к лицу. Может, со страху в штаны наложишь...»

Парень опустил ружье и заныл: «Где я буду искать, да разве кто признается в убийстве?» Койцуку жаль стало паренька, и он сказал: «Клянусь памятью брата твоего, найду убийцу, но не буду стрелять из-за угла, а вызову на поединок и покончу с ним...» На том они разошлись.

А на другой день аул узнал, что Койцук покончил с собой. Обещал пареньку из соседнего аула найти убийцу и покончить с ним и не обманул, честь оказалась дороже собственной жизни.

Жираслан улыбнулся, глянул ласково на Мариам и, как бы ставя точку над «и», сказал:

— Вот скала, которая не уступает места реке. Отец твой не исключение, поступает, как поступали наши предки.

— И все-таки он должен быть мягче. Он в Мекку ходил, — не соглашалась Мариам.

— В Мекку? Он хаджи?

— Да. И коран учил. По-арабски говорит. Правда, хуже, чем я по-русски. Меня иногда приглашают к Узуну-Хаджи, когда он ведет переговоры с русскими, справляюсь, даже один генерал похвалил: «как светская дама». — Мариам почувствовала неловкость.— Это хвастливо прозвучало, да? Извините. Я просто к слову. Да, отец — хаджи. В паломничестве был, а собственную дочь прямо из санитарного эшелона умык-

нул. В Петрограде мы распрощались честь по чести, а потом он поехал по маршруту, по которому должен был следовать наш поезд на фронт, и подкараулил меня на станции.

Мариам собиралась еще что-то рассказать, но вдруг залаяла собака. Мариам посмотрела в окошко, встрепенулась:

— Казгирей вернулся. — И ушла.

4. БЕСЕДА ВПОТЬМАХ

По взволнованному виду Матханова Жираслан догадался — что-то произошло.

— Заваруха?

Казгирей снял шапочку серого каракуля, шлепнул ее по левой ладони, как бы вытряхивая пыль, что у него означало: конец делу, конец рабочему дню. А день действительно кончился, сгущались вечерние сумерки, в комнате было темно. В доме не было керосина, даже на дымную коптилку не хватало, но князю темнота не помеха: ему не читать, не писать. Вот Казгирей без света томится, вечера напролет писал бы и читал.

— Опять Ботлих.

— Кто на кого?

— Никто ни на кого не напал, военный губернатор отказался служить эмиру, в отставку подает: не поладил с начальником округа. Борьба за власть. Все из-за твоего каравана, видишь ли, добыча из-под их носа ушла. Тут что ни ущелье, то свой владыка. Вот и началось: «Почему ты пропустил через свое ущелье?» — «Почему ботлихцы стерегли то, что следовало отнять?» Губернатор на командующего, командующий на коменданта и губернатора. Кадий сбежал...

Матханов сел за маленький столик, придвинутый к окошку, положил на него шапочку, провел рукой по четко обозначившейся плеши, несколько раз глубоко вздохнул — видно, еще не успокоился после бурного

заседания. Темпераментный, легкоранимый, он все принимал близко к сердцу. Сколько крови Казгирей попортил себе и другим, когда формировали правительство! В доме из красного кирпича, который стали именовать дворцом эмира, разгорались споры, доходившие до рукоприкладства, обнажались кинжалы. Втайне плелись интриги, зарождались сплетни, исповедовались духовенству. Каждая фракция добивалась большего, на что она по праву могла рассчитывать. А тут еще оказались нарушенными административные границы! Большая часть Карачая оказалась в Кубанской области, где вся власть, и гражданская и военная, была в руках Деникина. Равнинные районы Северного Кавказа и Дагестана тоже попали под пяту Добровольческой армии. В горных ущельях соседствовали большевистские партизанские отряды, разрозненные красноармейские части и шариатские формирования, которые общими силами противостояли деникинцам. Ингушетия отстаивала свою независимость, не считаясь с эмиратом и с приказами Дышнинского.

Казгирею сообщили, что будто бы вместе с караваном султан Турции прислал своему мусульманскому собрату, эмиру, грамоту на право быть владыкой всех мусульман, для чего правой руке эмира — Дышнинскому — поручалось формирование на Северном Кавказе правительства, на пост премьер-министра которого был рекомендован он сам, и его следует величать великим визирем.

— Знай, теперь полный титул эмира: Узун-Хаджи Хаир-Хан. Не ошибись! Понял? — рассмеялся Казгирей, придя в хорошее настроение. — Грамота султана, говорят, подписана собственноручно самим Вахитдином, и печать стоит. Непостижимо! Ты знаешь, что такое Узун?

Жираслан пожал плечами.

— «Узун» — по-арабски «длинный». Длинный хаджи, верзила-хаджи — вот что это значит. Теперь это превратили в замысловатый титул.

— Он совсем не верзила!

— В том-то и дело. Коротыш Узун — звучит как насмешка.

— Важно, чтоб ум был длинный.

— Умишком тоже бог наделил его по росту. Знает арабский, с турецким — плоховато. Одержим, спит и видит себя Шамилем, хочет быть продолжателем его дела. Ты еще масла подлил в огонь, рассказал о сабле имама.

— Сабля Шамиля ему не по руке.

— Карлик, пигмей, с узкими, обвисшими плечами! Но голова — двухэтажная, лбище громадный. Этак нахлобучит папаху с чалмой — полголовы закроет, уставится в тебя зелеными глазами — не сморгнет, не отведет глаз, будто насквозь просматривает.

— Кто в правительство вошел от Кабарды? — спросил Жираслан, ожидая ответа: «Я вошел». Но Казгирей не спешил объявлять.

— «Вошел»! Туда войти невозможно. Туда надо врубаться, устлать свой путь трупами. Каждый народ требует: бери представителя от него, иначе не признает правительства. Вот как стоит вопрос.

— Не проверяют, кто подвергся обрезанию, кто нет? — мрачно пошутил Жираслан. — Дышнинский кончил военно-юридическую академию в России. Его бы осмотреть, забраковали б с ходу,— и Жираслан так расхохотался, что почувствовал боль в раненом боку и схватился за него. — Грузинский князь формирует мусульманское правительство!

Матханов хлопнул шапкой по колену, с переносицы его соскочило пенсне и повисло на шнурке, его тоже одолел безудержный смех, смех до слез.

Скрипнула дверь. Мариам, несшая яства на маленьких специальных досках, заменявших поднос, услышав хохот мужчин, в нерешительности замерла у порога.

— Мариам, милая Мариам, заходи, — встал Казгирей, галантно приветствуя женщину. Он водворил на место пенсне, сверкнул стеклышками, склоняя перед ней голову. — Ты извини, что мы так расхохотались. В наших делах немало и смешного. Жалею, что тебя рассмешить не можем. Чисто мужская болтовня.

— Гостям весело — довольны хозяином, — пословицей ответила Мариам.

— О, Мариам, тот гость, который не будет доволен тобой, угодит в круговорот ада.

— Правда? — Мариам расставляла на столе та-

релки с курятиной, приготовленной по-чеченски — в сметане и с яйцами, румяные пшеничные пышки, соус с чесноком. Баранина была такая горячая, что над столом взметнулся пар, в глиняных чашках холодело густое кислое молоко, любимая еда Казгирея. — Придвигайтесь, пока все свежее. Извините, мы заставили вас долго ждать. Как ни спеши, а очаг один. Не то что в Петрограде. У Надежды Алексеевны большущая плита, несколько блюд можно одновременно готовить.

— То Петроград. Столица России.

— Теперь уже не столица. Правительство переехало в Москву,— сообщил Казгирей.

— А где Гасан-гирей? — спросил Жираслан.

— Отец передал — не может посидеть с вами, его вызвал эмир. Постарается вернуться побыстрей. — Мариам ласково поглядела на мужчин своими красивыми глазами и бесшумно удалилась, прикрыв за собой поющую дверь. Так как она принесла все сразу, стало понятно, что больше сюда не войдет, и Жираслан с Казгиреем могли продолжить беседу.

— Кто же в правительстве эмира от нас — не ты?

— Что не я — точно, а кто — не угадаешь. — И Казгирей взялся за кислое молоко, вооружившись ложкой из самшита. Помешал его, попробовал. Молоко было отменным. Он сделал несколько глотков, вытер концы усов ладонью. — Портфель министра внутренних дел достался кабардинцам. Мало? Генеральский пост! Имам сам изволил предложить его Хабале Бесленееву.

— Бывшему начальнику округа?

— Ты его знавал?

— Еще бы! — Жираслан уплетал за обе щеки, давно он так вкусно не ел. Отощав за долгую дорогу, спешил восстановить силы, вдруг и ему предложат какой-нибудь пост. — Он тоже «Узун» — верней, маленький вол с большими рогами. Может забодать Сторонник Инала?

— Ты угадал. Хотя ведет себя так, что этого не поймешь. По-моему, просто выгодно ему придерживаться большевиков. Дышнинского в страхе держит...

— Как же тогда? В мусульманское правительство входят и большевики?! — Жираслан вспомнил встречу с Иналом Маремкановым. Зачем же Иналу скрываться

в меньшевистской Грузии, если эмират принимает к себе на службу большевиков?

Казгирей сам не очень понимал, почему Инал скрывается, но объяснил:

— В Тифлисе Кавказское бюро РКП(б) не у бога за пазухой. Нам трудно поддерживать с ними связь. Тут назревают события... Ты слышал: «Когда песню запевают, тот, кто ее не подхватит, лентяй! Когда косяк лошадей отбили у врага, тот, кто замешкался в пути, останется без дела»? Скоро до этого дело дойдет.

— Песню запоете или погоните косяк лошадей?

— И то и другое. Пока, пожалуй, запеваем, но скоро погоним и косяки. Как бы Инал без доли не остался, пока переползет хребет. Вот о чем речь. Инал — не Хабала Бесленеев, у него окрас прочный, не полиняет.

— Караван воодушевил вас?

— Караван поможет залатать прорехи. Нам надо людей одеть-обуть по-зимнему. Мы ждем другого каравана, не из-за хребта, не из Турции, даже не из Грузии, совсем с другой стороны. — Казгирей помолчал и добавил: — Между прочим, турки могли быть пощедрей, из войны-то вышли.

— Из войны-то вышли, да между собой дерутся злей, чем дрались против оккупантов. Рауф-бей за победу готов отдать все. Он моряк, командовал морскими силами.

— Ты в Стамбуле не встретил нашего командующего морскими силами?

— Какими это морскими?

Казгирей рассмеялся:

— Военного флота в эмирате, как тебе понятно, нет, но командующий есть. Поехал с депутацией горцев пробиваться в Париж. И как в воду канул. Кумык по национальности, из Хасав-Юрта. Циркач.

— Циркач? Командующий флотом?

— Канатоходец в прямом и переносном смысле слова. Ловкач, каких свет не видал, скользкий. Голыми руками не возьмешь. Имеет связи, жил в Стамбуле. Говорят, даже шпионил в пользу России. Из веры в веру переходит не задумываясь. И имечко выбрал себе, никогда не догадаешься, что кавказец,— Рубинэ.

— Рубинэ? — Жираслан был потрясен.— Циркач? Так я его видел, он выступал перед публикой у ресторана «Босфор». Это командующий флотом? Зазывал меня в ресторан, девочек предлагал...

— Неужели ты видел Рубинэ?

— Видел! И догадывался, что кавказец, но не понравился он мне. Пройдоха, прилипала. Гм! Командующий! Флотоводец на канате. Смешно!

— Зря ты от него отмахнулся. Он мог свести тебя с нашим соплеменником Чижоковым. Главой депутации от Кабарды.

— И о нем я слышал. Не было его в Стамбуле, куда-то умотал. Да и зачем он мне?

— Рубинэ не имеет флота, но зато обладатель сокровища, — многозначительно подмигнул Казгирей и вытер усы и губы полотенцем, лежавшим на коленях. — Он — муж прекрасной Мариам.

— Ты шутишь! — Жираслан чуть не подскочил. — В это я уж не поверю!

— Не хочешь — не верь, — тон Казгирея потерял игривость.— Гасан-гирей наказал свою дочь, насильно выдав за него. Командующий военно-морскими силами эмирата! Достойный зять! Правда, он еле успел справить свадьбу — тут же эмир отправил его в Стамбул. Ты не говори хозяину о своей встрече. Гасан-гирей думает, что зять отстаивает в Париже суверенитет эмирата, узнает, что Рубинэ канатоходством развлекает уличных зевак, помрет с тоски. Еще неизвестно, того циркача ты встретил или другого.

— Ты прав. Не думаю, чтобы адмирал занимался канатоходством. Хотя его звали Рубинэ. Это точно. Чудеса! Там адмирал — канатоходец, тут начальник округа в генералы вышел. Расскажи мне о Хабале Бесленееве. Что он?

— Амбиции — хватит на троих. Если станет генералом, Клишбиеву нос утрет.

— Чем же кончилось дело в Ботлихе?

— Бунтовать вздумал военный губернатор, сложил с себя полномочия, объявил: я больше не я, ищите на мое место другого. Если хочешь, давай на свободное место! Я порекомендую.

— Я? Губернатором? Бекович-Черкасский со смеху лопнет, подумает, соревноваться с ним вздумал.

— А неплохое начало для карьеры!

— Андийский губернатор-то отказался от такой чести...

В те смутные времена такие курьезы случались часто. Губернатор влачил жалкое существование, начальник округа стоял ему поперек дороги, даже собственные чиновники не выполняли распоряжений, держали полковника и его охрану и канцелярию впроголодь, не давали даже помещения, а на требования полковника отвечали: «Негде брать, не родить же нам». Что было делать андийскому военному губернатору? Продовольствие, фураж стоили дорого. Пуд кукурузной муки двенадцать червонцев, пуд сена — червонец, фунт мяса тоже десять рублей, а керосин еще дороже. Денег нет. Живи как знаешь. Чтобы заставить чиновников подчиняться, надо иметь по меньшей мере отряд в сто человек. Отряд бы он набрал, привел бы людей к присяге, но на какие средства их содержать?

Военный губернатор приказал доставить из ближайших сел по возу сена, дров, по мешку муки. Ему было сказано в ответ: «Нечего обирать и без того обобранных. Сам коси сено, руби дрова, если нечем топить». Губернатор схватился за наган, ботлихцы — за винтовки. Подоспевший кадий не дал пролиться крови, увел оскорбленного губернатора и его охранников к себе на ночлег. А семья кадия состояла из одиннадцати душ, комнат — две, и те с земляными полами...

— Так я-то, я по-царски живу,— закончил рассказ Казгирей.

— Он же военный губернатор! Власть! Пусть заставит.

— Не подчиняются. Военный губернатор — чеченец, а начальник округа — аварец. Народ ропщет: «Почему над нами, аварцами, поставлен чеченец? Мы — кто? Не потомки Шамиля?» Задето национальное самолюбие. Самая звонкая струна в душе человека.

— А-а. Зачем тогда мне предлагаешь занять это место? Аварцы и видеть не пожелают кабардинца на этом месте.— И Жираслан рассмеялся.

— Тебя же пропустили через Ботлих?

— Это твоя заслуга.

Отворилась дверь, и Мариам вошла с большой лампой в руке. От света лампы ее красивое матовое лицо,

казалось, светится. Держа светильник перед собой, она шла медленно, чтобы не споткнуться, и поставила на специальную полочку на стене.

— Да здравствует разум, да здравствует свет! Мариам-дахо, откуда керосин? Мы две недели сидели впотьмах. Не с караваном ли Жираслана? А?

Мариам отошла к двери.

— Мы еще не знаем, что Жираслан привез из Турции. Поклажа не распакована. Это отцу кто-то принес бутыль керосина.

— Дорогая Мариам,— ласково уговаривал Казгирей молодую хозяйку.— Это расточительно. Темнота языку не помеха. Не надо понапрасну жечь лампу. Мы и так поговорим. А керосин надо беречь. Вдруг тебе придется кому-то срочную операцию делать? Мало ли бывает случаев? Правда, Жираслан?

Князь подхватил:

— По себе знаю. Ты на ощупь делал мне перевязку в Батагинском ущелье.

— Какая там перевязка! Башлыком замотал — и все. Богу угодно было, чтобы потом коснулись твоей раны волшебные руки Мариам.— Казгирей, питая сердечную привязанность к Мариам, позволял себе шутить с ней.— Если б я знал, что меня перевяжет Мариам, сделал бы себе харакири.

— Казгирей, я не думала, что тебе больше по нраву ночная темнота.

— Ладно. Сегодня у нас гость. Ради него пусть светит лампа. Завтра ее не должно быть. Договорились? Как, Жираслан?

— На чьей арбе сидишь, того и песню пой,— засмеялся и Жираслан.— Как скажет Мариам, так и будет.

Так, шутками, и закончилась их беседа впотьмах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. МЕДЖЛИС

— Надо идти во дворец.— Гасан-гирей подсел к гостям, взял большую баранью кость, как саблю в правую руку, отрывал зубами куски мяса и торопливо разжевывал, глотал, запивая кислым молоком: — Не слыхали разве? Глашатай кричал.

— Случилось что?

Хозяин доел мясо, вытер замасленные пальцы о кожаные ноговицы, провел по усам ребром ладони и деловито сказал:

— Назовут правительство. Шейх будет речь держать.

— Я-то знаю состав правительства,— бросил Казгирей.

— Ты! Ты все знаешь. Народ не знает.— Гасан-гирей говорил с нажимом, отрывисто, видимо чем-то был недоволен, а чем — можно догадаться: он — человек, совершивший паломничество в святые места, ему и быть в правительстве, но эмир поручил Гасан-гирею организацию монетного двора, о котором тот не имел ни малейшего представления. Ему бы стать правой рукой владыки, давить неугодных — это дело другое. А тут нишкни под пятой министра финансов, не более сведущего в этих делах, чем он сам. А с другой стороны — доверие!

— Народу бы самому утвердить правительство,— вел дальше Гасан-гирей.— Народ-то у нас разноязыкий, разноплеменный, разношерстный, как аульское стадо, — скотинка разной масти. Кто закопал денежки и ждет, когда заявится Деникин; кто глядит в сторону Шатоя на повстанцев Гикало; у кого в сердце аллах— тянется к нам. В стаде масть по шерсти видно, у людей

как ее разберешь? Народ должен вынести свой приговор, иначе у шейха не будет опоры. Без опоры власть не власть — шалаш. Ветер подул — нету его.

Жираслан слушал красочную речь хозяина в переводе Казгирея и думал: «Вот от кого унаследовала Мариам свой ум».

— И тут по масти, как говорят кавалеристы, по «рубашке», все видно,— сказал Казгирей, вооружившись предложенным Гасан-гиреем сравнением.— Капиталец сколотил человек, имеет магазин, банк, заводишко, золотую жилу разрабатывает в горах — такому подавай Деникина. Они с генералом одной масти. Кто задавлен нуждой, две руки — его поле, и скот, и кров, и одежда,— ему Деникин что даст? Винтовку. Он хочет жить, кормить жену, детей. Кто ему под масть? Те, что в горах, в партизанских отрядах. Вот он и тянется туда.

— А тебя? Тебя куда тянет?— в упор спросил Гасан-гирей, уверенный, что все остальные состоят из таких, как Матханов, и они за веру, братство и равенство.

— Я там, куда меня тянуло,— не задумываясь ответил Матханов, хотя на душе у него заскребли кошки.

— Ваш табун состоит из трех мастей,— вступил в разговор не любивший политики Жираслан. Но, послушав того и другого, решил, что оба упрощают дело.— Кабардинцы принадлежат к горским народам, большинство из них мусульмане, а меньшинство — христиане, у осетин, наоборот, большинство христиане, меньшинство — мусульмане. Как их делить по «рубашке»? Не получается...

— Пойдемте во дворец, опаздываем,— прервал разговор Гасан-гирей, не дождавшись, пока Казгирей растолкует ему, что сказал Жираслан.— Эмир своей мудростью объединит горцев.

В Ведено с утра съезжались не только со всей Чечни, Ингушетии, но и с горного Дагестана. Люди ехали верхами, шли пешком на всенародное представительное собрание. Тут и военные губернаторы в сопровождении свит, и командующие армиями. Войска большей частью находились на передовой, командующие явились с небольшими отрядами, плохо вооруженными и еще хуже обмундированными. Каждому всаднику было обещано пятьсот целковых в месяц жалованья, пе-

шему воину — триста, но денег не платили, их просто не было. Раздобыли семь пудов хорошей бумаги, поручили златокузнецу Якубу сделать клише. С непривычным заказом мастер золотых дел справился бы, но где брать пластинки из камня, краски, не говоря уж о плоскопечатной машине? Запросили Грузию, ответа еще не было, а цены взвинчивались с каждым днем. Раньше на базарах предпочтение отдавали керенкам, хотя они принимались за полцены, то есть двести пятьдесят рублей за сто тридцать, а теперь и керенок не берут.

Северо-Кавказский эмират был разделен на губернаторства; что ни губернаторство, то фронт, что ни фронт, то армия с командующим и штабом. Среди фронтов тоже не было единства. Пятым фронтом в районе Шатой командовал Николай Гикало, который, как и все другие шесть армий, противостоял деникинским полчищам, но не очень считался с приказами эмирата. Военный губернатор тайно предлагал занять участок пятого фронта верными эмирату войсками, а Гикало разоружить, но до этого все руки не доходили.

Сегодня собирался всенародный меджлис, на котором объявят состав правительства. Будет голова — ноги поймут, куда идти. Так думали веденцы, но никто не принимал в расчет, что у эмирата не пара ног, как у нормального человека, даже не четыре, как, скажем, у коня, а гораздо больше, и какие ноги, куда зашагают — неизвестно. Эмират только рождается, звезда мусульманского владыки едва взошла, а на базарах уже появились горлопаны, которые, не боясь жандармов, кричат со своих арб: «Никакого толку не будет от Узуна-Хаджи!»

У дворца собралось множество народа, перед входом в три ряда выстроились жандармы, образуя плотный полукруг, чтобы никто не прорвался; с навеса над крыльцом, куда вели семь ступенек, свисали флаги эмирата, зеленые полотнища с полумесяцем и звездой, само крыльцо было застлано ковром, в центре — кресло с красной обивкой.

Гасан-гирей, Казгирей и Жираслан с трудом протолкнулись поближе к крыльцу, чтобы хоть что-нибудь расслышать, а народу прибывало больше и больше, и новые напирали на впередистоящих.

На крыльце появился великий визирь, князь Дышнинский. Картинно повернувшись к распахнутой настежь двери, он замер, верноподданнически склонив голову. Показался Узун-Хаджи в сопровождении двух молодцов, обвешанных оружием. Они подвели эмира к креслу, а сами встали по бокам, впившись орлиными глазами в толпу,— нет ли кого, кто покусится на жизнь второго наместника аллаха на земле?

Узун-Хаджи вознес руки к небу:

— Ассаламу алейкум!

Толпа многоголосо, раскатисто ответила:

— Уассаламу алейкум! Уассаламу алейкум! Уассаламу...

Когда громовые раскаты здравицы затихли, Узун-Хаджи заговорил, словно читал проповедь в мечети.

— Магомет прожил детство и юность, не зная о своем даре,— начал он с жизнеописания мусульманского пророка.— Его лицо было источником света, уста — источником божественного красноречия. Никто не мог сравниться с ним в совершенстве суждения, проницательности ума. Он был верен своему слову, никто в мире не превзошел его мягкостью и величием души. В сорок лет он был призван богом и в сорок три года стал пророком. Двадцать лет Магомет боролся с врагами, с трудностями, не считался с лишениями...

— Да пошлет и нам аллах судьбу пророка!

— Амин,— загудела толпа.

Эмир вещал дальше...

В толпе послышались голоса:

— Устами эмира говорит аллах!

— Да будет незакатным полумесяц на твоем знамени!

— Да будет сильной рука, держащая саблю Шамиля!

Голос эмира зазвучал сильней, когда он заговорил о праве управлять, которое зиждется на силе и могуществе и дается избирательно, чтобы подавить мятеж, обеспечить безопасность народов ислама, вести их путем прямым, регулировать общественные дела. По его словам, мудрость тех, кому дано управлять, состоит в том, чтоб не росло богатство! Да-да. Ибо богатство и изобилие вызывают разлив злобы и страстей. Страсти же приводят к мятежам, алчность губит правоверных.

Шейх привел примеры из истории ислама: пророк Омар понял, что одно лицо не в состоянии ведать всеми делами государства. Ему предложили взять в помощники сына, но пророк не согласился, сказав: «Для семьи довольно одной жертвы». Омар передал общественные дела совету мудрейших...

Так Узун-Хаджи подвел меджлис к тому, ради чего он был созван, и заключил:

— Мы должны, следуя примеру пророка, образовать совет, правительство эмирата, которое возьмет на себя государственные дела и будет решать их по справедливости.

Опять послышались голоса:

— Да не свернут они с пути тех, кого аллах облагодетельствовал!

— Да будут их уши чутки к голосу справедливости!

Узун-Хаджи жестом предложил говорить Дышнинскому, а сам с чувством исполненного долга сел в кресло, поддерживаемый двумя молодцами. Дышнинский поклонился владыке, извлек из-за пазухи черкески несколько листков бумаги, окинул взглядом толпу, сдвинул высокую каракулевую папаху на затылок и начал медленно зычным голосом, с каждым словом выбрасывая руку вперед. Он читал по бумажке, хотя все, что там написано, знал наизусть.

— ...Министрам, командующим армиями, военным губернаторам, градоначальнику временной столицы Ведено и другим должностным лицам Северо-Кавказского эмирата...— Дышнинский сделал паузу. Толпа замерла. Молчали Матханов и Жираслан. Убедившись, что его слушают со вниманием, оратор продолжал:— Высочайшим указом его величества эмира Северного Кавказа я назначен великим визирем с поручением сформировать кабинет министров и представить его величеству на утверждение. Кабинет министров мною составлен и утвержден его величеством, о чем ставлю вас в известность.— Дышнинский опять перевел дыхание.— Объявляю состав кабинета. Министр двора его величества — генерал-майор Казым-Хаджи...

Дверь за Дышнинским открылась, на крыльцо вышел мужчина довольно сурового вида, плотный, с наганом и увесистым кинжалом, в смушковой папахе и, поклонившись толпе, встал за спиной эмира. По толпе

прошел глухой гул. Люди то ли одобряли, то ли выражали недоумение.

— Министр иностранных дел...— Дышнинский до звона повысил голос, чуть-чуть приподнялся на цыпочках, чтобы казаться ростом выше,— он же великий визирь, командующий войсками Северо-Кавказского эмиратства, слушатель военно-юридической академии, ротмистр князь Магомет Киамиль Иналук Арсанукаев...— Дышнинский выпалил все это и поклонился толпе, чтобы люди поняли, что речь шла о нем самом.

— А командующий войсками? Военный министр?— нетерпеливо спросил Жираслан своего соседа. Как бы в ответ на его вопрос прозвучал голос оратора:

— Военный министр — генерал-майор Шити Истамулов!

— Есть все-таки,— тихо проговорил Жираслан.

Опять отворилась дверь, на крыльце появился военный в мундире на манер турецкого, чуть заметно поклонился публике, давая знать, что обременен постом военного министра, снял папаху и вытер лысеющую голову носовым платком. Любопытные не сводили глаз с министров. Кто бы мог подумать, что горцы обрели такую свободу, чтобы иметь своих министров, свое правительство, свой генералитет?

Дышнинский назвал еще три имени: министром продовольствия и торговли назначался Магомед Хамхоев; земледелия и государственного имущества — Балал Шамилев; путей сообщения, почты и телеграфа — Куси Вайгиреев...

— Слушай!— Казгирей подтолкнул Жираслана.

— Министр внутренних дел генерал-майор Хабала Бесленеев,— гремел над толпой зычный голос.

Получил свое место на ковре и генерал Бесленеев, которому бог дал длинные усы, тяжелые руки и не дал только одного — роста. А как ему в эту минуту хотелось быть заметным, чтоб Дышнинский не мог его заслонить. Ведь он человек, который должен будет обеспечить порядок в эмирате.

— Вот тебе и представитель Кабарды,— улыбнулся Казгирей.— Иди поздравлять.

— Вместе пойдем!

— Надо, надо поздравить, первый министр из ка-

бардинцев. Эмир может на него положиться. Учти: Хабала представляет не только Кабарду, он и от большевистской фракции.

Речь Дышнинского уже потеряла пафос и торжественность, потому не очень внятно прозвучало брошенное как бы между прочим:

— Портфель министра юстиции временно остается за мной.— Он прокашлялся, будто в горле что-то застряло:— Портфель министра народного просвещения временно остается за мной...

— Это могли бы и тебе предложить!— Жираслан схватил Казгирея за руку, будто тот был виноват, что не ему достался портфель.— Кто больше подходит для роли просветителя?

— Портфель министра... остается временно за мной!— Дышнинский спрятал бумаги, и голос его обрел былую мощь:— Мусульмане гор! Слушайте внимательно. Состоялся исторический акт — объявлено правительство Северо-Кавказского эмирата. Соседние державы узнают об этом. От имени имама мы будем просить все страны о скорейшем признании шариатской монархии во главе с эмиром Узуном-Хаджи Хаир-Ханом...— Дышнинский поклонился имаму и вполголоса добавил:— Да не будет чувствовать земля тяжести твоих ног,— выпрямился, повернулся лицом к собравшимся:— ...под протекторатом халифа мусульманского мира, его величества оттоманского императора Вахитдина Мухаммеда Шестого.

Засим божьей волей я буду добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульман не может существовать строй, не признающий халифов. Это означало бы отрицание пророка Магомета, что равносильно богоотступничеству. Мы не требуем автономии. Мы хотим самостоятельности шариатской монархии. Всякий пришелец — наш гость, которого мы в силу нашей религии и традиций любим и уважаем. Но только гость, который не может вмешиваться в наши дела, тем более когда он еще не оправдался за прошлое...

— Кто это «не оправдался»?— спросил Жираслан.— Кого он имеет в виду?

— Русских. И прежде всего непокорного Николая Гикало. Видишь, большевиков здесь представляет не Гикало...

— Тут он хватил лишку. Он хочет, чтобы Россия пришла к нему с повинной,— дескать, извини нас за наших предков, которые утвердились на Кавказе? Так, что ли?

— Он был бы рад поклону Гикало, о России и не думает.

— Как же, дождется он!— Сарказм Жираслана был понятен Казгирею.— Деникин идет извиняться за всех, пойдет такое оправдание, успевай из-под ног вышибать табуретки... Почему же столько свободных министерских мест? Не хватает людей?

— Спроси,— пожал плечами Казгирей, не думая, что Жираслан последует его совету.

— Хочу спросить,— Жираслан неожиданно прошел вперед, поправляя на себе кинжал, и, обращаясь к окружающим, сказал:— Тех, кого здесь назвали министрами, я не знаю. Они названы — значит, мужчины достойные. Но в правительстве еще несколько свободных мест. Почему? Разве горские народы настолько оскудели умом, что некого ставить? Если это так, то я предлагаю — поставить министром просвещения самого образованного среди горцев человека, ревнителя наук Казгирея Матханова!

Толпа зашумела. Жираслан ждал ответа, считая, что он имеет право голоса на этом высоком собрании.

Иналук Арсанукаев нахмурил брови, плотно сжал губы и нехотя ответил, зная, что промолчать невежливо:

— Князь Жираслан прав, когда утверждает, что среди горцев есть просвещенные люди, достойные министерского поста, и один из них Казгирей Матханов. Сожалею, очень сожалею, но в данную минуту его предложение неприемлемо. Правительство его величества Узуна-Хаджи Хаир-Хана должно состоять из представителей всех народов Северного Кавказа. Кабарда представлена Хабалой Бесленеевым. Есть еще немало народов, которые спросят: «Почему в правительстве обошли нас?» Что мы им скажем? Мы не найдем столько министерских портфелей, сколько у нас языков. В правительстве должны быть представлены все более или менее многочисленные народы, мы и оставили незамещенные места для них...

— Правильно!

— Разумно! — раздались голоса.

Казгирей с трудом оттащил Жираслана на место, шепнув: «Не высовывайся!»

2. ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Правительство приступило к работе. Дел было по горло. Неграмотные участники всенародного меджлиса разнесли весть об образовании кабинета, но не имена министров назывались, а народы, которым посчастливилось обрести своего министра. Начались волнения среди не представленных в правительстве, многие не желали подчиняться людям, отдавшим предпочтение другому народу. И в самом кабинете начались трения. Каплей, переполнившей чашу терпения Дышнинского, стал рапорт командующего 6-й армией о том, что и вторичное предписание — предписание премьер-министра командующему 5-й армией — осталось невыполненным. Мало того, Николай Федорович Гикало в присутствии командиров частей заявил: «Я не подчиняюсь Северо-Кавказскому эмирату. Мы с эмиром — союзники, но существуем на паритетных началах». Доведенный до бешенства, Иналук Арсанукаев-Дышнинский сначала распорядился вызвать конвой, чтобы самому проскочить в Шатой — центр красных партизан, но побоялся, что не сумеет урезонить главаря партизанских войск, на сторону которых переходит все больше и больше горцев. Он созвал экстренное заседание правительства, решив в присутствии самого Узуна-Хаджи покончить со своеволием упрямого командарма. Перед заседанием Дышнинский обнародовал фатвав — грамоту за подписью Узуна-Хаджи — о присвоении ему воинского звания фельдмаршала, поскольку он взял на себя роль и главнокомандующего войсками эмирата.

Николай Федорович Гикало отказался прибыть на экстренное заседание. Нашла коса на камень.

— Мое правительство в Москве. Других я не признаю — таков был его ответ. Гикало понимал: уступи

он сейчас Дышнинскому — взнуздает его «глава правительства».

Дышнинский решил вывести норовистого командарма «на чистую воду», пригласив на заседание командующих армиями, чтобы на этом примере доказать, что он, главнокомандующий, не потерпит ни с чьей стороны непослушания.

Эмир был в растерянности. Он считал конфликт результатом влияния большевиков на чеченцев, ингушей, кабардинцев, на дагестанские народы. Выступать в этих условиях против большевистских сил ему не хотелось. Он предложил Иналуку объяснить Гикало, что, дескать, нельзя давать Деникину возможность вбить клин между партизанскими войсками и армией эмирата, раздоры на руку лишь врагу.

— Или мы приведем Гикало в чувство, или неминуем раскол. Замерзшую змею положи за пазуху, отогреется — ужалит. За пазухой эмирата он отогрелся,— упрямо твердил Дышнинский. Его самолюбие было уязвлено.— С этим надо покончить раз и навсегда, иначе мы — не хозяева на своей земле. Общий враг обязывает нас быть братьями по оружию, разве можем мы положиться друг на друга, идти в бой, опасаясь удара в спину?..

Эмир счел благоразумным не присутствовать на заседании, чтобы потом сыграть роль высшего судьи. Великий визирь, чуя, что пахнет паленым, вызвал своего голубоглазого помощника Лешу, офицера царской службы, перебежавшего в лагерь шариатских войск, с лица которого не сходила льстивая улыбка. Леша, а для горцев — Лоша, без звания и должности, выслушивал раздраженного Дышнинского, который явно вымещал на нем злобу, с ангельским выражением лица, и это еще больше взбесило Дышнинского.

— Заседание правительства экстренное и закрытое,— угрожающе предупредил премьер.

— Так точно.

Жираслан опасался, что ему не разрешат присутствовать на заседании, но Лоша пропустил его в зал, уверенный, что караван-баши представляет в эмирате Оттоманскую империю. Губернаторы и командующие армиями пользовались привилегиями членов правительства, не раздеваясь, шли прямо в небольшую ком-

нату для заседаний. Жираслан примостился у стены за широкой спиной Казгирея.

Первыми обсуждались финансовые дела.

Докладывал министр финансов генерал-майор Абдулаев, в прошлом торговец, скупавший товары на Ближнем Востоке и продававший на местном рынке «без никакого привару». Знание арабского, фарси и русского помогало ему ездить далеко за пределы страны, быть удачливым в торговых делах, узнавать новости, потрясавшие мир. Теперь он сменил купеческую одежду на форму генерала и в качестве министра финансов должен был показать себя. Его любимой присказке «деньги не ходят в одиночку» суждено было воплотиться в жизнь на благо эмирата.

Абдул-Азим принес с собой образцы бумажных купюр, которые он собирался выпускать на монетном дворе, разложил по столам, будто выложил на прилавках ходкий товар. Жираслан увидел своего друга Якуба, удостоенного высшего доверия — делать деньги и оказавшегося мастером на все руки, и поприветствовал его кивком головы.

Члены правительства рассматривали образцы денег, напечатанные только с одной стороны: сто, пятьдесят, двадцать пять, десять, пять и один рубль. Размеры купюр соответствовали их достоинству. Деньги были украшены кавказским орнаментом, в центре портрет эмира в черкеске, в папахе, обмотанной белой чалмой, по углам полумесяц со звездочкой — символ эмирата.

— Нашлась все-таки бумага? — удовлетворенно спросил великий визирь.

— У жителя Итум-Калинской области,— доложил министр.— Пока маловато, всего семь пудов, будем печатать купуры (министр не выговаривал «ю») большего достоинства, цены растут. Добудем бумагу — возьмемся за купуры мелкого достоинства. Надо еще достать краски, плоскопечатную машину, двенадцатилинейные лампы, фитили, керосин.— Министр собрал в кучу разложенные по столу образцы, помолчав, взял сторублевую купюру с изображением священного лика эмира и сказал: — Аллах даст силу, твердость достоинству денег. На деньгах большого достоинства образ нашего вождя шейха Узуна-Хаджи Хаир-Хана. Думаю, господа одобряют это...

Сидевшие за длинным столом, за которым шло заседание, закивали головами.

— Да будет нерушимым эмират!

— Иной мусульманин все отдаст, чтобы приобрести деньги с ликом владыки,— поддержал министра председатель правительства, а в душе шевельнулось: не мешало бы изобразить и меня в форме фельдмаршала. Вместо этого он спросил: — Делал рисунки Якуб?

— Он самый. Мастер присутствует, учтет пожелания членов правительства.

Якуб, примостившийся у самой двери, расцвел от счастья.

— Видишь! А ты не хотел покидать свою конуру на тифлисском базаре, говорил «не будет мне работы». Работа нашлась! Да еще какая!— Дышнинский глянул на не привыкшего к похвалам мастера-златокузнеца. Укоряя Якуба, он сам стал успокаиваться.— Ты погоди. Еще не такая работа тебе будет. Монетный двор развернется, будем чеканить золотые, серебряные монеты, чеканка — твое призвание, но пока придется довольствоваться бумажными деньгами, пусть они не подкреплены ценностями, дай срок — будут и ценности. Мусульманский мир не оставит нас. Прогоним Деникина— пойдет торговля, заработают нефтепромыслы Грозного, Петровска...

Жираслан вспомнил слова Тапы Чермоева, что для чеченца нефть все равно что для лисы ее шкура, запах нефти щекочет ноздри державам.

— Под монетный двор построим дворец.— Премьер утешал Якуба, которого загнали в полуподвал, и поставили у каждой двери и окна стражу. Он не смел покидать самовольно место своего заточения. Конура на тифлисском базаре была раем по сравнению с подвалом: ночами там холодно — глядишь, к утру и окочуришься.

Работу Якуба похвалили, кто-то даже воскликнул:

— Лучше николаевских!

— Ай да Якуб, ай да молодец!— похвалил и Жираслан.

Якуб совсем растерялся.

Образцы были утверждены единогласно, министра финансов обязали ускорить выпуск денег, в которых повсеместно ощущалась острая нужда. Якуб забрал

образцы и поспешно удалился, словно кто-то собирался напасть на него, отобрать.

Рапорт веденского военного губернатора еще раз убедил всех, как срочно нужны деньги.

В селе Дуба-Юрт собирали с населения деньги и хлеб с помощью эмирской гвардии. Жители села сдали в казну сто тысяч рублей, погрузили в арбы четыреста пудов зерна. Командир гвардейского отряда усомнился, стал перевешивать мешки. Оказалось, недостача в сто восемьдесят пудов. При тщательном рассмотрении из ста тысяч рублей десятая часть оказалась фальшивыми. Командир отряда потребовал восполнить недостающее. Дубаюртовцы переглянулись: «Подождите малость, мы мигом дособерем зерно и деньги», а сами разбежались по саклям, схватили винтовки и окружили эмирскую гвардию. Раздался голос: «Получайте недостачу» — и прогремели винтовочные выстрелы...

Гвардия эмира не растерялась, нанесла ответный удар. Силы были не равны. Стрелявших из-за укрытия рассеяли, загнали в горы и леса. В наказание за обман и непослушание с жителей села взыскали дополнительно деньги и муку. Бунт дубаюртовцев обернулся против них же.

Примерно в эти же дни был задержан житель Шали, ехавший на арбе, груженной доверху яблоками. Командиру отряда арба показалась подозрительной: волы, высунув языки, с трудом тащили ее. Остановили, разгребли яблоки — под ними оказались ящики с винтовками, револьверами, бомбами, патронами, тюками мануфактуры, шелковых платков.

Хозяин арбы был арестован, контрабандный товар конфискован, сдан шефу жандармерии.

— Куда он вез свой товар? Вот вопрос! — военный губернатор с видом победителя оглядел членов правительства. — Крестьянин из Шали вез его на базар. Горцы торгуют оружием, как кукурузными початками.

— Кукурузу растят в поле, оружие откуда? — шевельнул длиннейшими усами министр внутренних дел Хабала Бесленеев. Блюститель порядка знал, откуда берется оружие, и случай, о котором шла речь, не единичный — наоборот, торговля оружием принимает массовый характер и может обернуться бедой.

— Известно откуда. Дельцы скупают у солдат.

— И солдаты тоже! — Бесленеев прервал оратора. — Солдаты выменивают у крестьян патроны, бомбы, а то и винтовки на еду, рубашку, штаны, башлык или чувяки, а потом: «Украли, не знаю кто». Бывает, свое оружие сохранит, а оружие товарища украдет и продаст. Солдат оружием не дорожит. Что это за воин!

— Так точно,— согласился докладчик.— Куда смотрят командиры частей?

— А ты сам куда смотришь? — Председательствующий готов был объяснить эти факты влиянием красных партизан, но счел преждевременным: еще не обсуждался главный вопрос повестки дня. — У военного губернатора что — власти не хватает? Почему допускает торговлю оружием?

— Ваше превосходительство, торговля-то не открытая. Тайная. Задержанный оттого яблоками и присыпал недозволенный товар, знает: нельзя торговать в открытую.

— Торгуют в открытую,— махнул рукой Бесленеев.— Деньги уже не идут. Фунт мяса — два патрона, пуд муки — полная обойма, баран — винтовка, чувяки — две бомбы, за пулемет «луис» дают шубу и сапоги — вот вам расценки. Любой товар можно купить, но не за деньги. Разве только золотые монеты в цене. Бумажных денег не берут...

— Заработает монетный двор — возьмут деньги,— уверенно сказал Дышнинский.— Деньги шариатской монархии вытеснят из обращения все остальные. Надо немедленно наладить выпуск! Жалованье военнослужащим выплачивается нерегулярно, а то и вовсе не выплачивается. Обещали коннику пятьсот рублей, когда призывали под ружье, а разве платят? Пустое обещание. Вот и пошла торговля. Холод, голод не щадят. Кому что! Припасы нужны, одежда. Люди везде пообносились. Но это не оправдание. Надо всеми мерами пресечь торговлю оружием. Арестовывать всех, кто продает или покупает...

— Арестованных чем кормить? — министр внутренних дел неожиданно поставил в затруднительное положение главу правительства своим, пожалуй, неуместным вопросом.

— Как «чем кормить»?

— Их будет много. Даже тюрем не хватит. Добы-

вать оружие — тоже промысел. В горах множество банд. Дорога открыта. Идут в соседние республики, грабят, привозят оружие, здесь продают оптом. А спекулянты — в розницу. Грузинский экспедиционный корпус уходил за хребет, вы думаете, при своем вооружении? Налегке...— Бесленееву не дали договорить. Поднялся шум...

— Постой. Я знаю, о чем ты. Это относится к следующему вопросу, — сказал Иналук, не давая министру скомкать главный разговор, ради которого они собрались. — Ты мне говорил, что пещеры превращены в тайники, где хранится оружие. Повторяю: надо пресечь торговлю оружием, изъять его у частных лиц.

— Как? — Бесленеев вывел из терпения Иналука.

— Как это сделать — твоего ума дело. Думай! Ты министр внутренних дел. Как? Как изымают? Силой оружия.

— Изъять под золотое обеспечение нашей валюты.— Казгирей Матханов с ходу внес дельное предложение.

— Какое обеспечение? — не сразу раскусил Дышнинский.

— Мы собираемся выпускать деньги,— объяснил свою мысль Казгирей, — без золотого обеспечения они — ничто, бумажки. На базаре сначала посмотрят, чем ты хочешь расплачиваться. Николаевские — одна стоимость, керенки — и даром не надо, дагестанские еще подумают. К ним добавятся деньги эмирата — возьмут? Будут они ходить? Это вопрос. Деньги же не будут обеспечены ценностями. Пришел человек в банк с пачкой денег, хочет обменять их на золото или драгоценные камни. Обменяют? Нет. Значит, не деньги, а бумажка. Чтобы они были в цене, для их золотого, верней оружейного, обеспечения собрать все изъятое оружие, сложить на склады, поскольку оружие — единственное, что в цене не падает.

— Пришел человек с пачкой денег в банк — ему вместо золота отсчитывают бомбы, пулеметные ленты... — Премьер-министр был уверен, что сострил удачно, и сам, довольный своей репликой, расхохотался, заражая и других.

— Правильно! Только напрасно подняли меня на смех. Ему дают по выбору: винтовку, револьвер, за-

писывают номер оружия. Пусть он знает: винтовка или револьвер, а то и сабля записаны на его имя. Придет срок, окрепнет эмират, обретет свои золотые запасы, банк эмирата пишет: уважаемый Иса-Хаджи или Казгирей Матханов, ты тогда-то получил оружие за таким-то номером. Верни его на склад и получай в банке золото...

— Плохо ты знаешь кавказцев, — уже всерьез возразил премьер-министр. — Твои кабардинцы, может быть, оружие и обменяют на золото, но чеченец или ингуш — никогда! Для них оружие ценней золота и самой жизни. Оружие изымать и передавать в распоряжение генерал-губернатора. Они знают, куда его девать. Вопрос о золотом обеспечении важный, не снимается с повестки дня. Сначала нам надо добиться цели — утверждения эмирата. Остальное приложится. Соседние державы помогут.

Переходим к следующему вопросу: рапорт командующего шестой армией генерал-майора Тебаева. Всего несколько слов, но разговор будет длинный. Суть состоит в следующем: грузинский экспедиционный корпус был отозван назад. Узнав об этом, командующий пятой партизанской армией Николай Гикало договорился с командармом корпуса оставить артиллерию на тех позициях, где она установлена, — мол, все равно пушек через перевал не перетащить. Кроме артиллерии командир корпуса оставил в распоряжении Гикало пулеметы, большое количество боеприпасов, боевого снаряжения и бомб. Командующий шестой армией, вот он присутствует здесь, — премьер-министр кивком головы показал на генерала — мрачного, с отвисшей нижней губой, давно не бритым лицом. Густые волосы как бы срослись с бородой, и глаза генерала сверкали, как сквозь черное облако. — Командующий шестой армией обратился к своему соседу с просьбой поделиться вооружением и боеприпасами, в которых он испытывал нужду. Гикало отказал ему. Тогда я предписал Гикало выделить из полученного от грузинского корпуса бесценного богатства определенное количество разного вида вооружения. Писал в очень деликатных тонах, не подчеркивая, что я — глава эмирата. Гикало мою вежливость воспринял как слабость, распоряжения не выполнил. Я снова собственноручно

написал распоряжение, послал с ним командующего шестой армией, думал, командарм с командармом договорится, но не тут-то было. Дальше пусть расскажет генерал-майор.

Генерал, робея перед главой правительства, заморгал глазами. То, что собирался сказать, уже сказано. Ему оставалось добавить слова, которыми Гикало отказал ему.

— Не дал он мне ничего; сказал: «Не подчиняюсь я твоему правительству...» Я ему говорю: «Это и твое правительство, оно назначило тебя командующим армией и вправе отстранить тебя от командования, даже взять под арест...»

— А он? — У премьера уже лопалось терпение.

— Николай Федорович молод и горяч... Отказался, и все, — развел руками командующий 6-й армией генерал-майор Тебаев.

— Кому же он подчиняется вообще? Или он — вольный казак? — спросил министр финансов.

— Орджоникидзе. Красному комиссару Серго Орджоникидзе. Говорит: «Он, Серго, от самого Ленина, мой большевистский эмир, ему я подчиняюсь. Больше никому! На всех твоих правителей и самого эмира,— говорит, — я...» Даже говорить неудобно...

Над длинным столом прошел гул негодования.

— Садись! — Дышнинский махнул рукой на генерала, как на школьника, не выучившего урока.

— Ваше высокопревосходительство! — министр финансов подливал масла в огонь. — Своеволие Гикало проявляется во всем. Мы с большим трудом взыскали с населения по двадцать рублей и одной мере муки с дома. Что сделал Гикало? Приказал старшинам вернуть крестьянам деньги и муку. Мы старались, для него же муку изымали, на содержание армии. А он прикидывался, видите ли, человеком из народа, его защитником. — Министр повысил голос, зная, что его поддержат. — Я предлагаю: фронт пятой армии передать другим войскам. Самого Гикало отозвать из Шатоя, перевести его в Дуба-Юрт. Пусть усмиряет таких же, как и он, бунтовщиков.

— Оголить боевой участок армии? Это чревато серьезными опасностями. Противник воспользуется нашей оплошностью. — Матханов искал пути к прими-

рению, знал: раздоры между Дышнинским и Гикало имеют глубокие корни, но перед возрастающей деникинской опасностью не мог допустить раскола. — Чуликовская контрреволюционная агентура ждет не дождется подходящего случая для смертельного удара.

— Ему доверили войска его величества, а он не подчиняется эмиру. Не хочет ли Гикало обратить армию против нас? — продолжал подзуживать министр финансов.

— Пусть попробует! Окажется между двух огней, — пригрозил премьер. — Мы встретим его должным образом...

И главнокомандующий обрисовал положение, в котором может очутиться Гикало. Пусть, он не возражает, пусть Гикало остается на своем боевом участке, это пока допустимо, но при одном непременном условии — полного и безоговорочного подчинения войск главному командованию. В противном случае Гикало и его армия должны рассматриваться как гости эмирата, пришедшие защищать нашу территорию от врагов, то есть как остаток Советской власти, нашедшей у нас убежище от полного уничтожения. Это означает: не подчинится Гикало оперативным планам верховного главнокомандования — возникнет вопрос о его разоружении. Премьер без околичности выкладывал накипевшее негодование, звенел голосом, не полагаясь на убедительность аргументов, уверял, что соседи смотрят на эмират как на авангард, лишь великие державы называют шариатистов дикарями, а Деникин — бандой, но они знают: шейх Узун-Хаджи давно стал значительной личностью, монархом Северного Кавказа; кто этого не признает, тот не хочет видеть горские народы самостоятельными. Дышнинский сделал вывод:

— У Гикало я не вижу понимания наших целей. Его устремления мне чужды. В иных обстоятельствах я бы считал необходимым отстранить его от обязанностей командующего армией, назначить другого человека. Мы не можем поступиться интересами эмирата, быть доверчивыми, благодушными, когда речь идет о жизни и смерти государства. Если он этого не поймет — я его назначил, я его и освобожу.

— У него повстанческое войско, — пытался возразить премьеру Матханов.

— Разоружить! — словно выстрелил тот, подумал и примирительно добавил: — Знаю, Гикало начал с сорока человек. Теперь его отряд разросся, хорошо вооружен. Терять такую боевую единицу не хотелось бы. Пусть Матханов поедет к Гикало, расскажет о нашей позиции, покажет протокол экстренного заседания. Образумится, поймет нас Гикало — видно будет. Не образумится, не поймет — пусть пеняет на себя.

3. ВЕЧЕР В ВОЗДВИЖЕНСКОЙ

Принимая такое решение, Дышнинский не подозревал, что в этот момент противник готовит наступление. Острие атаки как раз, по данным разведки, было направлено на слободу Воздвиженскую и село Шатой — участок фронта 5-й армии, которой командовал двадцатидвухлетний Николай Гикало; по директиве Кавказского краевого комитета партии и приказу по 11-й армии все партизанские отряды терского региона объединялись и создавался штаб терских красных повстанческих войск под единым командованием. Гикало собрал командиров партизанских отрядов, ознакомил с документами и объявил, что отныне самостоятельность каждого отряда упраздняется, ибо обстановка требует объединенных усилий. Отвечая на приглашение главнокомандующего прибыть в Ведено, Гикало поэтому и сказал «мне некогда», не объясняя истинных причин неподчинения.

Казгирей Матханов тоже не знал об этом, когда они с Жирасланом отправились выполнять поручение Дышнинского. Их лошади шли легко под гору, звонко отбивая дробь по укатанной дороге. Всадники надеялись без приключений попасть в кабардинский полк, командир которого непрерывно бомбардировал штаб докладами: люди раздеты и разуты, а зима грядет, каждое утро снежный покров ниже и ниже спускается по горным склонам, вместе с тем близится день и решительного удара. Но Дышнинский оставался неумолим:

«Ткань из Турции пойдет на обмен», имея в виду, что за отрезы ткани он будет брать не деньгами, а мясом, зерном, патронами, винтовками, револьверами, пулеметами — то есть выманивать из рук горцев оружие, которого они нахватали впрок.

Командующий 5-й армией уже распустил командиров отрядов, которые одобрили объединение их в одну армию с сохранением воинских формирований по национальному принципу, когда появились посланцы Иналука.

— Николай Федорович, теперь ты дважды командующий, един в двух лицах, — шутил Казгирей Матханов с Гикало, который как раз заканчивал инструктаж командиров групп, уходивших в тыл противника, — надо было установить связь со штабом красных партизан, действующих в районе Камышина и Кизляра. — Тебе надо на плечах носить генеральские погоны эмирата, на воротнике петлицы и знаки различия Красной Армии.

Николай Федорович понимал щекотливость своего положения, когда его считают гостем в доме, принадлежащем ему по праву наследования. Именно за этот дом он сражался с белоказаками, выдержал стодневную битву, закрепившую за Гикало репутацию талантливого военачальника, стойкого большевика, организатора, вожака масс. У него не было сколько-нибудь серьезной подготовки, если не считать четырех классов грозненского училища, а затем фельдшерских курсов, после которых он и оказался на кавказском фронте, где судьба свела его с большевиками.

Осенью семнадцатого года Гикало возвратился в Грозный, окунулся в революционную работу. Его избрали председателем грозненского Совета, назначили командующим революционными войсками, сформированными им же самим. Гикало установил связи с большевистскими вожаками горских народов и, хорошо зная горские обычаи и особенности каждого народа, объединил их в ударную, революционно настроенную группу. Его штаб стал центром революционной борьбы, постоянно связанным с опорной базой в Астрахани, откуда с большими трудностями их снабжали вооружением и обмундированием, главное — оптимизмом, необходимым для победы над врагом.

Гикало поспевал всюду, его любили, и охранявшие его повстанцы на всех языках распевали:

И поднявшись на стремя,
Пролетел меж нас стрелой,
Это друг и полководец
Наш Гикало боевой.

Дышнинский тщетно пытался запретить эту песню, — дескать, об эмире или о нем, Дышнинском, песен нет, а о каком-то фельдшере горланят: «Промеж кавказских гор, ущелий отряд Гикало выступал...», будто воюют только красные партизаны, а другие отсиживаются в окопах, — но популярность Гикало была нерушима. Этот энергичный с близорукими глазами парень сколотил грозный революционный кулак с одной пушкой, подобранной в кукурузном поле. В отряде Гикало вначале только каждый четвертый имел винтовку, но постепенно раздобыли остальным, а например, присоединившиеся к нему кабардинцы уже имели два орудия и пулеметы. В отряд влились красноармейские части, горцы всех национальностей, скрывающиеся от карательных отрядов, сформировали и кавалерийский отряд, оружия стало еще больше. Напали ночью на тюрьму в Грозном, освободили политзаключенных, возникла партийная организация большевиков. И спасибо грузинскому экспедиционному корпусу: возвращаясь домой, он передал им все вооружение, а население собрало более десяти миллионов рублей николаевскими деньгами и одолжило их боевому командиру с условием вернуть... после победы красных. Шариатские воинские формирования, переданные Гикало по приказу главнокомандующего Дышнинского, превосходили численно революционный отряд, но под влиянием красных партизан проникались духом революционной борьбы, срастались с основным ядром, и разделить их стало не простым делом.

— Может, я и дважды командующий, но не двуличный, — засмеялся Гикало.

— И не двужильный, — в тон добавил Матханов.

— Еще бы! Скажи ты, Жираслан, первый раз видишь меня, первое впечатление самое сильное.— Николай Федорович повернулся к Жираслану, сняв очки в простой оправе, дохнул на стеклышко, протер подо-

лом выцветшей гимнастерки.— Видишь, какова моя мощь. Узкая грудь, роста бог не дал, усы хотел отпустить для солидности, а они жиденькие.

— О мужчине судят по делам. — Жираслан не принял убийственной самокритики Гикало. — Я сужу по противнику. У достойного мужчины достойный противник.

— Ого. Это уже интересно, — оживился Гикало. Ему понравился гость. — Если судить по противникам... Среди них генерал, начальник Южной группы деникинских войск, вожди контрреволюции Дагестана и Чечни Чуликов, Алиев, Чермоев. Недавно созданный комитет по очищению Северного Кавказа от банд, то есть от нас. Тут двужильным быть мало.

— За твоей спиной грозится подмять под себя фельдмаршал, — намекнул Казгирей.

— Какой фельдмаршал? Я что-то не слышал...

— Дышнинский, он же фельдмаршал теперь! Узун-Хаджи повысил в чине своим указом.

— Не может быть! — расхохотался Гикало. — Дышло-князь фельдмаршал! Давно ли носил погоны ротмистра? Ты прав, Жираслан, о мужчине надо судить по его противникам. Впереди генералы, комитеты, сзади фельдмаршал... То-то я заметил, он хвост морковкой держит: явись, и все!

— Чуликов с какой стороны? — спросил Жираслан.

— Ты его знаешь? — Николай Федорович надел очки.

— Как же! Скакуна хотел ему загнать, — наугад пошутил Казгирей, не подозревая, что это так и было.

— Хотел, — сокрушенно признался Жираслан, — ходил к нему в гостиницу «Ариант» в Тифлисе, предлагал кобылицу за турецкие лиры, нужны были деньги.

— Кунаки, значит?

— Не кунаки. Не купил он у меня кобылки.

Гикало усмехнулся:

— Гм. Кобылка. Им всем крылатый конь нужен. Летать через горы, леса, пропасти. — Николай Федорович обратился к Казгирею: — Не знаешь, как Тапу Чермоева шуганули из аула Старые Атаги?

— Перед стодневными боями?

— Да-да. Воистину рыбак рыбака видит издалека. Снюхалась тогда казачья верхушка с националистами,

договорились: казаки пусть громят грозненский пролетариат, а чеченская буржуазия тем временем придушит Советы. Ударили по рукам, верней по противнику. Чеченцы видят: предал их Чермоев, пошел на сговор с белоказаками — и за кинжалы. Теперь Чермоев переметнулся в Дагестан. От Каспия пробивается к власти.

— Между прочим, у Тапы нюх собачий, — заметил Казгирей. — Казачьи повадки быстро усвоил, казаки на Тереке встретили Советы в штыки. Тактику казаков перенял Тапа Чермоев, но у ротмистра получилась осечка, не сработало, хорошо, успел улизнуть...

— У нас не только противники, есть и друзья по оружию, к ним посылаю для связи группу своих молодцов. — Николай Федорович не стал ждать, когда Казгирей подведет его к главной теме. — Я слышал, великий визирь, глава правительства, мной недоволен! Как, сильно осердился фельдмаршал, верней пфердмаршал? — расхохотался Гикало.

— Гнев опалил его усы.

— Ну да, конечно, пфердмаршал вызывает, а я: «некогда», «не поеду»!

— Ты не тычь ему кукиш в нос. Сломает тебе,— заговорил Казгирей. Он был рад, что Гикало первым заговорил об этом.— Ты командарм, он — командующий, зовет — надо идти. Раздоры на руку врагу. Мне велено сообщить тебе решение правительства...

Для Гикало в этом не было никакой неожиданности, подобные угрозы докатывались до Шатоя не первый раз. Николай Федорович между строк решения находил то, что искал, — позицию члена правительства от большевиков. Для него это было важней всего.

Он повертел бумагу в руках и вернул Матханову, медля с ответом.

— Я представляю твое положение. — Казгирей с чувством исполненного долга сунул ее за пазуху. — Оно напоминает мне горскую сказку, как два мальчика пасли вместе скот. Один брал на обед молоко, другой — пшенную кашу, в полдень садился есть каждый свое. У кого молоко, пил молоко, у кого каша, ел кашу. Однажды пастухи-мальчишки договорились смешать пшенную кашу с молоком и есть вдвоем, будет вкусней. Но тот, что с молоком, заподозрил другого, будто

он слишком быстро ест, и сказал: «Не хочу я больше смешивать кашу с молоком», — забрал чашку и стал есть один. Другой взмолился: «Да обернется твоя еда болью в животе, дай я выну из молока мою кашу». Обладатель пшенной каши думал обмануть приятеля, вместе с кашей хлебнуть молочка.

Все рассмеялись.

— У кого же каша, у кого молоко? — спросил Жираслан, покручивая пышную половину усов.

— Эмирскую кашу я размял в молоке. И возвращать не думаю, — сказал Гикало. — Чашка в моих руках. Пусть Иналук Арсанукаев зарубит себе на носу: революционные войска подчиняются только вождю революции — Ленину. Хотите я объявлю по войску: кто хочет к Дышнинскому, пусть идет на все четыре стороны? Поверьте, никто не пойдет. Я убежден. Может быть, один-два мюрида, но основная масса останется под красным знаменем. Не верите — поговорите сами с людьми. Поедем в любой отряд. На совещания не хожу, на вызовы не являюсь. Почему? Подчинись раз — он дальше пойдет, дай палец — руку отхватит. Пфердмаршал!

— Верю.

— Ты видишь Воздвиженскую? Ключевая позиция. Моя армия нацелена на Грозный. Грозненские нефтяные промыслы — тоже ключ к промышленности. Получишь нефть — заработают заводы, железная дорога, будет свет... Ты предлагаешь мне уступить свою позицию и идти обирать крестьян? Кто из нас гость, кто хозяин — история покажет. Гость, как бы долго ни гостил, когда-нибудь должен показать хозяину свою спину. Я не собираюсь показывать спину, это сделает пфердмаршал. Когда покончим с Деникиным — скрестим мечи и с Дышло-князем. Обязательно скрестим.

— Так и передать?

— Как передавать, не мне учить тебя. Ты тоже не опора ему.

За окном послышался топот копыт, в комнату, служившую штабом, кабинетом и спальней командующему, вихрем ворвался, по всему видно, свежеиспеченный командир с едва пробившимися усиками, страстно желавший выглядеть старше своих лет, с биноклем, висящим на тонком ремешке через шею, маузером, саб-

лей и кинжалом. От него пахло полем, лесом... Не замечая сидящих за мирной беседой, он с ходу доложил:

— Ушел из западни, проклятый, не удалось стреножить, силенок не хватило.

— Кто ушел?

— Не кто, а что — бронепоезд «Единая и неделимая Россия»! И на заду у него глаза, увидел, что мои люди разобрали рельсы, остановился и под пулеметным огнем восстановил пути и укатил на Гудермес. Думали заарканить его — разобрать рельсы впереди и сзади, не удалось... И рельсы и шпалы с собой возит, собачий сын.

— Ты бы познакомился с гостями.

— Казгирея я знаю, рад приветствовать, Казгирей! Гости Николая, ей-бох, мои гости.— Вошедший тряс руки приезжим.

— Жираслан из Кабарды, князь, между прочим.

— Хороший князь, коль у нас в гостях. Асланбек Шарипов, — представился вошедший.

— Командир чеченских повстанческих войск, мой друг, — добавил Гикало. — Присаживайся, Асланбек. Не горюй, что рыбка сорвалась. Никуда не денется... Пусть еще поплавает в мутной воде. Будут новые снасти — и рыбка будет в ухе. А что еще новенького?

— Жду тоже «гостей»: Эрисхан Алиев, царский генерал, правитель Чечни, и его правая рука по предательству Ибрагим Чуликов собираются покончить с большевизмом, заодно отправить душу шейха в рай.

— А нам не обещают места в раю? — спросил Казгирей.

— Что они обещают нам — тебе лучше знать. — Асланбек присел на край колченогого столика, который под ним застонал.

— Петлю. Но не высоко вздернут, чтоб не больно было потом падать. — Гикало рассмешил друзей и был рад этому. — Тебе, Асланбек, шейх Узун-Хаджи обещал отрубить голову?

— Валлах, обещал.

— Что бы мы делали теперь без твоей умной головы?

Они снова громко рассмеялись.

— Если на мою голову эмир точит топор, то на твою шею — вьет веревку. Не слыхал о вчерашнем

экстренном заседании правительства? Мне сегодня передали все. Я не утерпел, примчался к тебе, думал, не знаешь.

— Слыхал! Представители правительства перед тобой. Об этом и толкуем.

— Принимаешь условие Дышло-князя? Виноват, теперь он фельдмаршал! Первый чеченский князь и первый чеченец-фельдмаршал. — Асланбек сорвал с головы невысокую шапку из каракуля, ударил ею по колену, как это делал Казгирей. — Уступишь доморощенному полководцу вот столько, — Шарипов вырвал из кубанки волосок, — всю папаху сорвет вместе с головой. За нашими головами так охотятся — не знаешь, где их на ночь спрятать! Пока они на плечах, будем стоять на своем. Мы революционеры, коммунисты. Придет срок — шейх найдет тропу к гробу Магомета, как и Шамиль, а нам идти дорогой Ленина...

— Я не собираюсь уступать. Бросят нам вызов — примем, но признать над собой его власть — не имею права. Это равносильно выходу из партии...

Асланбек и Гикало были одногодками. Возмужали в ответственности, которую взяли на себя перед историей, народом. Но сквозь серьезность на их юных лицах неожиданно проскакивал молодой задор, пренебрежение к опасности, в глазах светились отвага и уверенность, хотя плечи их казались недостаточно широки для взятой ноши. Асланбек, сын чеченца-офицера, учился в полтавском кадетском корпусе, поступил в офицерскую школу, в войну перевелся в Грозненское реальное училище. Больше всего его интересовала история, и он написал реферат на материале драматических событий, произошедших на Кавказе в прошлом веке. Живя в Грозном, будущий вожак красных партизан причастился и к рабочему движению, стал едва ли не первым чеченцем, правильно оценившим сложную обстановку и вступившим в партию большевиков. Его ораторские способности подверглись испытанию, когда он поехал в Абхазию в качестве представителя «Союза объединенных горцев Северного Кавказа» с целью вовлечения в союз и абхазцев, затем, угадав чутьем, что цели «Союза» не совпадают с его убеждениями, он встал на путь революции — за установление власти Советов.

Жираслан слушал молодых, полных задора военачальников и опасался, что их молодость возьмет верх над здравым смыслом, горячая голова заведет ноги в костер раздора. По праву старшинства он сказал:

— Мне не двадцать два. В два раза больше. Хочу сказать слово.

— Пожалуйста, ты — гость, ты — князь.— Асланбек опередил Гикало.

— Он и шариатский князь, — улыбнулся Казгирей, положив руку на плечо Жираслана.

— Значит, дважды князь! — засмеялся Гикало. — Тем более.

Жираслан начал издалека:

— Я не из Кабарды к вам прибыл. Из Стамбула. В роли караван-баши. Через Тифлис. Перед выездом встретился там с Иналом Маремкановым. Он велел передать вам сердечный салам...

— Уалекум салам! — Казгирей и Асланбек по обычаю встали, чтобы принять приветствие, и снова сели.

— Из тканей, что я доставил в Ведено, вам ничего не досталось, из оружия тоже.

— Даже стреляной гильзы, — заерзал от возмущения Асланбек, под ним опять заскрипел стол.

— Идешь на врага — должна быть уверенность. Ее не будет, если ждешь удара в спину. Здесь узкое Аргунское ущелье. Впереди враг. В случае неудачи, а ее всегда надо предусмотреть, куда деваться, на скалы не полезешь. Дорога — вверх по течению реки. Ее осадил другой враг. Западня получается. Вперед пойдешь — на деникинский штык нарвешься, назад попятишься — кинжал тебе в спину всадят. Николай хорошо сказал: гвоздь, на котором висит наше единство с Дышнинским, — это Деникин. Пока этот ржавый гвоздь торчит в стене, используй его, вешай хомут, бурку, седло, вяленый бараний бок — все, что хочешь. Надломится гвоздь, вытащат его из стены — дело другое, может, тогда не понадобится единства... А сейчас не советую идти на обострение.

Трудно было не согласиться с Жирасланом, наученным житейским опытом. Он сам служил, как говорится, и вашим и нашим, стараясь не видеть этого, искал правды не там, где она лежала, и продолжает искать. В нем соединились хорошие и сомнительные обычаи,

идущие из глубины веков. Какие из них отбросят, как пережитки, мешающие идти вперед, какие оставят — не ему судить, его мораль — быть верным слову, кому бы оно ни давалось, это украшает мужчину.

— Что Жираслану тамады равного не сыщешь за пиршественным столом, я знал. Но что у него и в политике тонкое чутье — приятная неожиданность. — Казгирей с уважением глянул на своего спутника. — Я согласен с ним. Эмоции не должны брать верх над благоразумием. Мне они зачастую мешают судить здраво. Я вернусь и доложу Дышло-князю, как вы его величаете, что шариатские полки, переданные в оперативное подчинение Гикало, революционизировались. С кем поведешься, от того и наберешься. Начнем делить их на партизан и мюридов — возникнет неразбериха...

— Какая неразбериха? Ни одного мюрида уже нет. Я ручаюсь, — не дал ему договорить Шарипов.

— Тем более. Я добавлю с вашего согласия: генерал Гикало снесется с комиссаром юга России Серго Орджоникидзе, получит директиву и поступит в соответствии с директивой. Пока он союзник, готов внести свой вклад в дело разгрома общего врага — Деникина. Не возражаешь, Николай Федорович?

— Не говори «генерал». Я не генерал. Из рук Дышло-князя, хоть и фельдмаршала, такой мишуры я не приму. Принципиально.

— Хорошо. Командующий революционными войсками.

— Это другое дело.

Асланбек Шарипов переменил тему:

— Жираслан, в Тифлисе не приходилось встречаться с «горским правительством»? Двойник правительства эмира, хочет нас прибрать к рукам.

— Приходилось. С самим правителем говорил. Вся территория его состояла из двух комнат в гостинице. Теперь даже тех комнат не стало.

— На пещеры сменил. С удобствами.

Реплика Гикало опять вызвала оживление:

— Двух номеров в гостинице оказалось довольно для мифического «горского правительства», чтобы вступить в переговоры от имени северокавказских народов с немцами и турками по поводу отделения горцев Кавказа от России и присоединения к Турции.

Помните, мы в свое время заявляли решительный протест против этих «выразителей воли народа»?

— Старая история! — махнул рукой Шарипов. Ему этот разговор напоминал времена, когда он состоял членом «Союза объединенных горцев Северного Кавказа». Тогда народы Кавказа отделяли от России, чтобы отгородить их от революционных идей с помощью иллюзии о независимом государстве, подчиненном единоверческой Турции. Тогда Шарипов еще верил в классовую однородность горцев. Идея о самоуправлении, при котором сохранятся обычаи, нравы, социальный уклад, культура горцев, довлела над всем. Лишь потом, когда он окунулся в гущу классовой борьбы, Шарипов разглядел тех, кто прикрывался социал-демократическими фразами.

— Шейх и Дышло-князь хотят осчастливить горцев стамбульским рахат-лукумом, перерубить экономические, политические и культурные корни, уходящие в глубь центральной России, обречь народы Северного Кавказа на прозябание, — сказал Николай Федорович. — Рахат-лукум зачерствел. Он горцам не по вкусу.

— Давайте послушаем мудрость старшего. — Казгирей и теперь видел смысл в горском самоуправлении, в создании своей государственности, в независимости от империи, будь она турецкая или русская. Но считал, что это должен решать сам народ после разгрома всех внешних и внутренних врагов. — Не следует сейчас говорить о том, что нас разъединяет. Нам разъединяться рано. Это на руку деникинцам. Асланбек сам говорит: крупные силы накапливаются перед слободой Воздвиженской. Надо быть начеку. Враг не предупредит нас «иду на вы», обрушит всю мощь, ринется в атаку... Отводить одну армию, чтобы ее боевой участок заняла другая — опаснейший эксперимент. Добровольческая армия увидит, что войска покидают позиции, тут же начнется штурм — дескать, отступают...

— Согласен. Мне предстоит скрестить мечи с опытным генералом. Он чеченским повстанцам спуску не даст! Встретиться бы с ним один на один. Валлах, я бы привязал его голову к моему стремени за усы! — говорил Асланбек с юношеским задором. — А встречаться придется не один на один, а один на двенадцать. Я не преувеличиваю, разведка донесла: против-

ник перед нашим боевым участком накапливает силы... Обмундирование новенькое — английское.

Горячность, с какой говорил Шарипов, не понравилась Жираслану. Он не смеялся, оставаясь мрачным, задумчивым, возможно потому, что упоминание об усах ему не нравилось.

— Жестоко, Асланбек. Жестокость — не признак силы, наоборот, — спокойно заметил он, угадывая в парне волевого джигита.

— Жестокость, говоришь? — Асланбек живо повернулся к Жираслану. — Хочешь, я расскажу вам, как поступают бичераховские банды? Николай Федорович прислал ко мне офицера с запиской, — мол, прошу переправить подателя сей записки через линию фронта. Я не спрашивал, зачем, для чего? Надо — значит, надо. У нас есть лазейка, ведущая в тыл врага, держим ее засекреченной.

— Ты о Седыхе? — спросил Гикало.

— Да. О нем.

Жираслан перебил Асланбека:

— Григорий Седых? Из грузинского армейского штаба корпуса?

— Он самый. Ты его тоже знаешь?

— Как же! В Стамбуле познакомился. И что с ним? — Жираслан встрепенулся, ведь отсюда он собирался в отряд, где Седых служил, повидать его, поговорить, помочь перебраться в Ведено. Поэтому он с тревогой посмотрел на Асланбека.

— Попался он на слове «товарищ», — начал Асланбек. — Ночью из контрразведки к нему на хутор пришли серебряковцы, застали его дома. Четыре года он жены не видел, замилуешься. Для обмана у контрразведчиков на рукавах были красные повязки. Григорий продрал глаза, спросил: «Товарищи, вам что?» «Мы по твою душу, товарищ». Вытащили краскома из постели, поволокли.

— Так Седых не здесь? — не веря своим ушам, спросил Жираслан.

— Слушай дальше! — мрачно сказал Гикало. — Сколько он умолял меня отпустить на денек домой! Хуторок его — рядом, рукой подать. Говорил я ему: «Попадешься — с живого кожу сдерут». Потом пожалел, разрешил. Теперь себе не прощу!

А Шарипов продолжал:

— Кожу с краскома белоказаки сдирать не стали, но, как говорится, «поджарили на вольном духу». Сначала пятки на мангале. Не выдержал он, сознался, когда, где служил, как в Стамбул попал, как в Тифлис, а из Тифлиса в Ведено. Белоказаки решили, что попалась им важная птица, шпион международного плана, продавал небось Россию германцам, германцев туркам, турок большевикам... Наплели, сколько могли, и судьба человека была решена. На площади в центре города врыли столб, вывели Седыха утром, чтобы люди видели, привязали его повыше к столбу, вокруг столба и головы намотали проволоки, просунули под витки кол, стали поворачивать кол, постепенно натягивая проволоку,— глядите, мол, какие идеи у большевика в голове. Люди от этого душегубства врассыпную, так казаки нагайками опять согнали. Крутили-крутили кол: сначала от боли у Седыха скулы сводило, потом — невтерпеж, заорал благим матом. Потом череп хряснул — все залило кровью. Повис он как кукла. Офицер из контрразведки к толпе: «За даровой спектакль денег с вас не возьмем, но помните...» Тут подлетает к нему молодая женщина: «Мы гадам завсегда платили и платим»,— и топориком офицера...

— Молодец! — вырвалось у Казгирея.

— Ее, рабу божью, казак саблей... Мужа и жену в одну яму. А ты говоришь «жестоко»! — Шарипов глянул на Жираслана с укором.

— Я сказал: жестокость — не признак силы. И белоказаки не зря с базара людей согнали, для устрашения. Глядите: вот что ждет каждого, кто против нас.

— А как просился Седых! — тоскливо вспомнил Гикало. — Уверял: «Я обязательно вернусь! Только погляжу на родную хату, на жену, на детишек — и назад. Разузнаю попутно кое-что о деникинцах». Вот и разузнал...

— Ответят они... Поджаривать на мангале не будем, но не простим, — сказал Асланбек, словно давал клятву, и нахлобучил кубанку, закрыв брови. Из-под черного каракуля яростно сверкали его круглые глаза.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. НА ОДНОМ ГВОЗДЕ

Жираслан мог сутками не смыкать глаз, и довольно ему было часок поспать, как он вновь чувствовал себя «в седле» после утомительного перехода. В пути для этого он находил пещеры, куда забирался сам и заводил коня, подбрасывал ему охапку свежей травы, привязывал конец поводьев к своей ноге и засыпал, положив под голову седло. Конь сторожил его сон, он хоть и дремал, стоя на ногах, но ловил любой шорох и, мгновенно пробудясь, ржал. Жираслан тотчас хватался за оружие.

Казгирей только поначалу удивлялся, видя, что друг встает раньше него, идет в стойло и, скрутив в жгут сено, чистит лошадей, проверяет сбрую. Когда он возвращался в саклю, освеженная сном Мариам сливала ему на руки. Жираслан умывался шумно, словно плескался в воде. В это время и просыпался Казгирей, ежась от холода.

Но раньше всех вставала Мариам, тихо пробиралась в кунацкую, брала обувь постояльцев, чистила ее, осматривала бешметы, все ли крючки, пуговицы на месте — соблюдала горский обычай. Всем домом они волновались, если Матханов не возвращался из поездки. А это случалось часто. Командарм инспектировал войска, проверял, как идет обучение новобранцев, хватает ли обуви, теплой одежды, верховой сбруи. В последнее время становилось больше и больше недужных. Люди простужались... И Матханов оставался там, где его заставала ночь, пурга. А бывало, и засада перекрывала дорогу.

В это утро оба постояльца были дома. Услышав, что

мужчины проснулись, Мариам внесла таз и кумган с водой.

— Прошу. Кто первый? — улыбнулась она.

— Командарм, конечно. Я — рядовой.

— Рядовой! Князья не бывают рядовыми.

— Хуже они теперь. Советы так уценили нашего брата, что хоть в петлю лезь.

Перепалка постояльцев забавляла Мариам.

— Не жени я его — небось и вправду полез бы в петлю? — Матханов был настроен игриво и нечаянно наступил на любимую мозоль друга. Если бы в этот момент Жираслан, нагнувшись над медным тазиком, старательно не мылил лицо, фраза не осталась бы без ответа. Жираслан не любил вспоминать историю своей женитьбы.

Ты-то спал хорошо, раз не заметил, когда утром Жираслан уходил,— Мариам не нашла других слов, чтобы оградить князя от шутливых нападок.

— Он спал хорошо, потому что твой отец караулил сон командарма! Везет человеку! — Жираслан не остался в долгу.

— А ты! За что тебе такое везение? Нежданно-негаданно оказаться в гостях у милой Мариам, у спасительницы своей. Перед аллахом у тебя никаких заслуг, в жизни не заходил в мечеть, не выучил ни одной молитвы и жертвоприношений не делал богу, и все-таки он милостив к тебе. Приехал в Стамбул — там встретился с прелестной женщиной, в горах Чечни судьба свела с Мариам, волшебницей-гурией. Вот тебе и уцененный князь!

Мариам смеялась от души этим шуткам и боялась себе признаться, что счастлива видеть Жираслана под крышей родного дома. Отец уже заметил, что его замужняя дочь волнуется за постояльцев, а о муже ни разу не вспомнила. Сам Гасан-гирей спит не спит — никто не знает. Подкатит к самому входу в конюшню арбу с сеном, завалится так, укроется буркой — и всю ночь караулит лошадей. Когда Жираслан рано утром выходит, то застает арбу с примятой охапкой сена, старую бурку на ней, и все.

Мариам, забрав таз и кумган, ушла, оставив мужчин в ожидании завтрака. Из кухни уже доносился

дразнящий запах жареного мяса. Прислушиваясь к его шипению, Жираслан и Казгирей перебрасывались отрывистыми фразами о поездке в Воздвиженскую.

Казгирей был доволен ее результатами. Он считал, что конфликт улажен, и доложил главе правительства все, как надо. Конечно, Дышло-князь чуть не взвился поначалу, но ему хватило благоразумия понять опасность отвода 5-й армии. Целую армию сразу не отведешь. И нет никаких гарантий, что у противника нет «своих глаз», ввинченных в скалы. В последние дни разведка доносит о передвижении вражеских войск, что-то назревает...

— Ты мне ответь: почему эмир не сделал Николая Гикало министром? — сердился Жираслан. — В правительстве должен быть один настоящий большевик! Хабала Бесленеев с каких это пор считается большевиком? Я не могу этого понять.

— Чудак человек! Николай Гикало — русский, а правительство исламское, состоит из мусульман. Наступит час намаза — делают перерыв, и правительство становится на молитвенные коврики. А что в это время будет делать русский министр? В церковь бежать? В Ведено церкви нет.

— Дышнинский академик, а ты духовную академию кончал, так почему не академик?

— Почему да почему! Кончить академию — не значит стать академиком.

— Дышнинский три года походил по военно-юридической академии — и пожалуйста, академик!

— А почему он женился на княжне? Княжеского титула захотел. Все тщеславие! Я знаю Дышнинского — хваткий. Бесленеев — бывший писарь, тоже вкусил наконец сладость власти. Они — как два лезвия одних и тех же ножниц, быстро нашли друг друга.

— Я почему спрашиваю насчет министра? — Жираслан морщил лоб, черные брови сошлись на переносице — признак глубокого раздумья. — Хочу узнать твое просвещенное мнение: ты веришь в мусульманское государство горцев, в его самостоятельность?

Казгирей не сразу ответил, подбирая слова, чтобы получилось поубедительней. И все-таки его ответ таил в себе вопрос.

— Почему нет? Великие державы ставят барьер для России, чтобы большевизм не проникал дальше, на Ближний Восток и в Азию. Северо-Кавказский эмират может стать волногасителем, прокладкой между берегом и водной стихией. Не согласен?

— Допустим. Но эмират хочет процветать под крылом оттоманской Турции! Возникнет здесь исламское государство — наши соплеменники вернутся на земли отцов. Такую надежду они лелеют...

— Не вернутся. Они там корни пустили, а здесь на их землях живут другие. Куда их селить и как? Опять газават? Одних турки будут толкать в бой, других — Россия, снова война. Найдется новый Шамиль, вроде Узуна-Хаджи, на другой стороне найдется Бекович-Черкасский или Эрисхан Алиев, а то и Улагай — битвы прошлого века повторятся вновь...

Жираслан продолжил беседу уже за завтраком:

— Турция — держава в том смысле, что ее кто-то держит. Об этом я наслышан предостаточно. Халида Адиб — умнейшая женщина — просветила меня. Я никогда не занимался политикой. Увижу красивую лошадь — все, сплю и вижу, как ее угоняю, продаю... Поехал в Турцию — мне словно голову подменили. Какие там лошади, все думаю о судьбах людей. Ты говоришь: держава! Турция — скорей убитый медведь. И убили его браконьеры...

— Интересно. Тебе действительно подменили голову.

— Ты не смейся. Послушай меня хоть раз. Я выскажусь и замолкну. Медведь спал спокойно в своей берлоге, посасывая лапу, был доволен. Возле его берлоги появились браконьеры и заорали: «Вылезай, медведь, — видишь, Россия на тебя идет, хочет отхватить твои лапы, то есть Босфор, Дарданеллы». Медведь выскочил из берлоги, угодил в капкан, ввязался в войну на стороне Германии, хотел вместе с союзницей выстоять в беде. Союзница задними копытами взрыла землю — да и села на собственный хвост. А браконьеры? Они тут как тут. Содрали шкуру с медведя, поделили между собой. Я заходил в ночной ресторан в Стамбуле. Одни офицеры! Английские, французские, итальянские, греческие. Забавляются с девочками-турчанками... Не они ли представители великих держав?

Там я видел и ту Россию, которой запугивали медведя. Ее представлял пленный казак. Не захватил он ни Босфора, ни Дарданеллов. Голодал, как голодают и сами турки. Бакшиш просил! Англичане от шкуры отхватили вон какой кусок, — Жираслан развел руками, левую опустил пониже, правую поднял на уровень плеча, чтобы побольше пространства захватить. — Французы тоже не отстали, итальянцы полакомились будь здоров! Даже Греции достался жирный кусочек. Я тебя спрашиваю: где теперь высокая рука Порты? О Вахитдине, султане, мне Халида рассказывала: слепой жеребец...

— Насчет высокой руки Оттоманской империи ты прав, — сказал, помолчав, Казгирей. — Но ты не учитываешь, что в Турции судьбу нации взяла в свои руки новая сила. Это, по сути, турецкая революция, борьба за установление республиканского строя. Ее возглавляет Мустафа Кемаль. Если Турция станет республиканской, соседи тоже. Почему нам, горским народам, тоже не создать своей республики? Как один сказал: турки проиграли сражение, но не проиграли войны. Мустафа Кемаль создал партию национальной торговой буржуазии, гнет свою политическую линию. Его речь на съезде партии, говорят, длилась тридцать шесть часов.

— Полтора суток?

— С перерывами, конечно... Вот ты говоришь, Вахитдин — слепой жеребец? Почему?

— Ничего не видит в прямом и переносном смысле слова. Разговаривает с закрытыми глазами, чтобы его мыслей никто не разгадал, а у него и мысли-то, может быть, горсть трухи. Окружают его такие же, как он сам. Вахитдину ночью приведут женщину из гарема — не глядит. Ему все едино... Пусть хурджин, ковровая сума, но женского рода... Судьба страны в руках оккупантов. Как и за хребтом Кавказа.

Жираслан подробно поведал, как на свадьбе Дышнинского чуть не убил английского генерала, командующего оккупационными войсками. Не будь этого случая, может быть, он не очень торопился бы в Турцию. Он не сожалел о происшедшем. Дорога в Оттоманскую империю стала для него книгой, открывшей мир, охваченный пламенем.

— Если бы твоя пуля угодила генералу в сердце? — спросил Казгирей.

— Поминай как звали. В Дарьяльском ущелье англичане, как овец на бойне, убивали пленных. Не разбирались, кто князь, кто раб, кто большевик. Фамилий не спрашивали. До сих пор в моих ушах раскаты эха от залпов. И в войсках Деникина есть английская миссия. Она схватит за руку Деникина, если он поднимет руку на горское самоуправление. Асланбек Шарипов правильно заметил: англичане схватят не руку русского генерала, а нефтяные промыслы в Грозном.

— Ну, брат, удивил ты меня. Один раз съездил в Стамбул и столько познал. — Казгирей искренне восхищался своим другом и возражать ему не хотел. — Нахватался много. Тебя надо было во главе делегации послать.

— Быть канатоходцем-зазывалой? Нет уж, пусть им будет циркач. Мне такая должность не подходит.

— Кстати, о должности. Ты бы не пошел адъютантом к Дышнинскому?

— Никогда, — отрезал Жираслан.

— Князь, подумай. Глава правительства. Главнокомандующий! Говорят, мясо, что ближе к огню, быстрей жарится.

— И быстро подгорает.

— Он же не горит.

— Будет гореть. Попомни мое слово. Я согласен, закавказские республики — барьер на пути продвижения России. Барьер, может быть, но на чьем пути — не знаю. Не думаешь ли ты, что возведшие этот барьер могут стрелять в нас из-за этого барьера?

— По форпосту? Никогда! Какой им резон?

— Тогда какой смысл в барьере? Окоп роют, чтобы из него стрелять. Крепость строят с той же целью. А барьер?

— Ей-богу, за такую мудрость Дышнинский немедленно присвоит тебе звание.

— Даже генералом у него быть не хочу! Насчет моей службы ты не беспокойся, я при должности. У меня есть документ за подписью правителя Грузии: я агент по заготовке мяса. Имею право ездить, куда

хочу. Я никогда не был на привязи. Лиши меня свободы — жизнь для меня кончится. Я ни на волосок не завидую твоему премьеру, который от безмерного тщеславия нахватал столько должностей.

— Ты о Дышнинском?

— О ком же еще?

— Дай бог ему с одной справиться. Учти, есть еще правительство — терско-дагестанское. И там министров — что газырей на черкеске твоего Тапы Чермоева. Два правительства столкнутся лбами — из чьих-то глаз искры посыплются. Двум головам не быть на одних плечах. Полагаю, спорить не будешь?

Жираслан засмеялся:

— Все-таки я сделал бы тебя министром народного просвещения.

— Спасибо на добром слове. Ты знаешь, правители не терпят возле себя человека, более умного, чем они сами, — пошутил Матханов и тут же переменил тему. — Я чувствую угрызения совести. Зря мы не заехали к нашим. В кабардинском полку целый взвод занят выделкой сыромятных чувяков. Не успевают... Надо бы посмотреть.

Казгирей питал особую привязанность к этому полку. Получив мандат терского Совнаркома, он создал отряд для защиты Советов от казачьих войск Терека, отряд превратился в крупное соединение, часть которого ему пришлось отправить на Ставропольский фронт, когда Деникин двинул войска в центральные области Северного Кавказа. С остатками войск Казгирей бросился на защиту железнодорожного узла, имевшего стратегическое значение, но, не выдержав натиска казаков, увел свою немногочисленную кавалерию за Терек к Николаю Гикало.

— Из того, что я доставил из Турции, нашим достался чих на доброе здоровье, — с досадой сказал Жираслан.

Казгирей рассмеялся: по обычаю горцев когда гость чихнет, хозяин встает и говорит «доброго здравия».

— Точней не скажешь. Ну, ничего. Покончим с Деникиным — все станет на свое место. Народы Кавказа захотят — будет самоуправление, возможно, исламская республика, а может быть, советская — все по воле народов. Съедутся на свой съезд горцы всех языков.

Я представляю, какая свалка будет... А пока Деникин прижал нас к горам, дыхнуть не дает.

— Этот гвоздь долго будет торчать в стене.

— Не думаю. Погода какая-то сырая пошла. Не жди солнца. Такая погодка — гибель для гвоздя. — Казгирей встал у окна, в котором уцелело всего три стекла, остальное было заклеено оберточной бумагой. — Смотри-ка, министр! Собственной персоной! — Казгирей отступил на шаг от окна.

— Какой?

— Хабала Бесленеев.

2. ОТЪЕЗД МАРИАМ

Неплохо владея русским языком и грамотой, Бесленеев стал писарем в родном ауле, к нему сходились все беды и несчастья, к нему приходили аульчане с просьбой написать прошение начальнику округа. Плату Хабала брал натурой — с десяток яиц или курицу. Случалось, платили и полтинник. Затем его перевели к самому начальнику округа переводчиком. Начальник ни слова не понимал по-кабардински, жалобщики — очень мало по-русски, и молодой толмач переводил как ему вздумается. Он преуспевал и вскоре обнаглел. Нередко сюда приводили подозреваемых в грабеже или воровстве, и суть перевода решала исход дела. Если родственники задержанных шли к переводчику не с пустыми руками, виновные могли легко отделаться, если нет — Хабала ни за что не ручался. Однажды сам Бесленеев оказался замешанным в крестьянском бунте, вызванном непомерными поборами, и разгневанный начальник участка распорядился: «Бесленеева не допускать к исправлению никаких должностей...» Но ловкий Хабала выкрутился и стал участковым комиссаром и даже командиром конного полка... Чуя силу большевиков, он ловко, если надо, примазывался к ним, а при случае так же ловко держал нейтралитет.

Бесленеев подъехал на фаэтоне в сопровождении

лучших джигитов, хотя под черным закрытым верхом экипажа его почти не было видно. Навстречу высокому гостю выбежал Гасан-гирей, настоятельно приглашая министра в дом, на свою половину. Всадники окружили их полукольцом, ожидая команды. Хабала мешкал, отведя хозяина в сторону, о чем они толковали — не было слышно. Жираслан подозревал, что о нем. Бесленеев не мог простить князю, что тот увел его лучшего коня под дорогим седлом, и решил, видно, свести счеты с конокрадом. Жираслан совсем утвердился в своем предположении, когда Хабала Бесленеев вместе с Гасан-гиреем пошли к дому. У князя испортилось настроение...

Но через стенку к ним донесся разговор, который все прояснил. Министр внутренних дел приехал, оказывается, к Мариам. Ее, дескать, вызывает в Стамбул муж. В телеграмме не сказано, почему такая срочность, но Хабала уверен, — без крайней необходимости Рубинэ, истинный горец, не позволит себе торопить жену. Мать Мариам совсем не показывалась на людях. Худая, плоскогрудая седеющая женщина в длинном платье неопределенного цвета, висевшем на ее костлявых плечах, как тряпье на колу, давно недомогала. Но, услышав новости, она вышла к гостю. Ее длинное смуглое лицо, похожее на кусок воловьей кожи, с которого осколком стекла соскоблили шерсть, чтобы сшить сыромятные чувяки, сморщилось от волнения. Она не могла взять в толк, как это ее дочь одна пустится в столь опасную дорогу, когда и за водой идти в одиночку женщины нынче боятся, хотя живут на самом берегу Хулхулау.

— Как она доберется — пусть вас это не волнует, — объяснял Хабала Бесленеев отцу и матери Мариам. — У министерства внутренних дел немало сил и способов доставить в Стамбул вашу дочь в целости и сохранности. Мы окружим ее надежными людьми, дадим документы, обеспечим деньгами. А ты, мать, испеки ей на дорогу лепешек, свари яиц, курочку, дай десяток-другой яблок и груш из родного сада. И все. Мариам встретится с Рубинэ, может, муж повезет ее и в Париж, а нет — побудет в Стамбуле, посмотрит святые места и вместе с мужем вернется назад. Плохо разве? Кто из нас не мечтал побывать в Стамбуле?

О, если бы богу было угодно, чтобы я краем глаза взглянул на Айя-Софию, я бы свою папаху трижды к небу подбросил.

Голос Хабалы явственно доносился в кунацкую, где сидели постояльцы.

— Понял? — шепотом спросил Матханов Жираслана. — А ты за себя боялся: «Сколько за мою голову обещано?»

Жираслан пожал плечами — дескать, ничего не понимаю. Зачем посылать Мариам в Стамбул?

— ...Мариам выедет завтра, — все уговаривал Бесленеев родителей. — Я покорнейше прошу разрешить вашей дочери поехать сейчас со мной, надо оформить документы. Мы запросили визу, спасибо грузинам — не отказали. Мариам вернется в этом же фаэтоне...

— Посидели бы, перекусили с нами. — Гасан-гирей по простоте душевной хотел сказать, что у него стоят соплеменники Хабалы, чтобы этим задержать генерала, но Бесленеев, не желая терять ни минуты, повернулся и вышел.

— Мариам! У нас времени в обрез, — бросил он на ходу.

Через минуту Мариам усадили справа от генерала, этим министр подчеркивал свое уважение к женщине, и фаэтон в сопровождении эскорта укатил.

— Что скажешь на это? — спросил Жираслан, провожая взглядом экипаж.

— Что дело не в твоей голове. Это я могу сказать определенно.

— Уедет Мариам, уеду и я...

Казгирей только глянул на Жираслана, собираясь ответить, как отворилась дверь — и на пороге показался Гасан-гирей с кругленьким деревянным столиком. На нем аппетитно дымились куски отварного мяса, чесночный соус, лепешки и горячий чай в больших глиняных чашках. Комната наполнилась ароматом пищи, в котором преобладал запах брынзы и чеснока.

— Извините. Замешкались сегодня, — говорил Гасан-гирей упавшим голосом. — Министр приезжал...

Казгирей сделал вид, будто впервые об этом слышит:

— Это он на фаэтоне раскатывает?

— За Мариам приезжал...

— А-а. Видимо, переводчиц не хватает, очередного пленного допрашивают?

Гасан-гирей поставил тарелки на обеденный стол, небрежно кинул маленький, о трех ножках, столик, служивший подносом, в угол, а сам подсел делиться своим горем. За турлучной стеной слышно было, как всхлипывала, скулила его жена.

У Казгирея и Жираслана пропал всякий аппетит.

— Угощайтесь! Прошу, угощайтесь, — настаивал хозяин. — Если бы переводить... Зять затребовал ее к себе. Значит, что-то стряслось. Боюсь беды...

— Была бы беда, ее бы не послали. Женщина в беде не подмога, — рассуждал Жираслан, чтобы как-нибудь успокоить расстроившегося вконец Гасан-гирея. Слыша стенания жены, тот едва сдерживал слезы, вспоминая, как лишился двух сыновей-близнецов, которыми гордился, с которыми ходил в набеги. Лишился он сыновей, когда чеченцы задумали наказать казачью станицу, забравшую их скот, случайно оказавшийся на станичных полях. Гасан-гирей предложил устроить налет ночью, чтобы застать казаков врасплох, а казаки, предвидя это, ночевали не в хатах, а в окопах, вырытых вокруг станицы. Они встретили чеченцев кинжальным огнем. В бою Гасан-гирей и потерял обоих сыновей. С тех пор он особенно дорожил единственной дочерью.

Зазвав Мариам к себе в кабинет, генерал Бесленеев открыл карты перед молодой женщиной. Ей поручалось на первый взгляд пустяковое задание, не связанное ни с каким риском: она должна добыть информацию — не подарил ли Нажмутдин Гоцинский саблю своего деда Шамиля какому-нибудь деникинскому генералу? Дагестанцы любят делать подарки, тем более что Гоцинский и Тапа Чермоев добиваются прямого контакта с верхушкой Добрармии и заключения перемирия. После неудачи в боях за Дербент Добрармия может пойти на это. Тогда Гоцинский обскачет Узуна-Хаджи, который в свою очередь помышляет связаться не с Добрармией, а с английской военной миссией при Деникине. Англичане признают Северо-Кавказский эмират, если в горы будут допущены

деникинские войска. Деникин же обязуется перед союзниками, в частности генералом Томсоном, не нарушать суверенитета шариатской монархии и самоуправления горских народов. В противном случае англичане порвут с Деникиным, перестанут снабжать его оружием, обмундированием и продовольствием. Дышнинский от имени эмира заявил Томсону о невозможности пустить волка в овчарню, напомнил ему, что Деникин за «единую и неделимую Россию», что он яростный враг самоуправления народов. Это хорошо понимали и грузинские меньшевики, делавшие все, чтобы на склонах Кавказа возникло буферное государство, могущее прикрывать их с севера. Грузинские меньшевики боялись Деникина пуще огня. «Англичане или французы придут и уйдут. Деникин придет — гора Казбек скорей сдвинется с места, чем он», — говорили они и обещали шариатской монархии беспрепятственно пропускать через Грузию любые караваны с оружием, идущие из Турции на помощь эмирату, даже кое-что подкинуть из оружия оккупационных войск.

Короче, Мариам предлагалось устроиться в госпитале или санчасти, чтобы быть поближе к офицерам, а если удастся, и к командованию. Для этой роли Мариам подходила больше, чем кто бы то ни был. Она медик, хороша собой, общительна, и по лицу ее трудно отличить от русской женщины. Документы ей будут выданы на имя Васильчиковой Елены Ильиничны, а в пропуске напишут, что она разыскивает мужа, который, по неподтвержденным сведениям, эвакуировался давно. Когда она устроится, к ней будет ходить человек, которому она может сообщать все, что удастся узнать. «Если Гоцинский подарит кому-нибудь саблю Шамиля, то об этом сразу станет известно в госпитале, как и на базаре. Одни будут завидовать счастливому обладателю национальной реликвии, другие — осуждать», — думал Бесленеев.

— Возможно, связным окажется ваш муж, — некстати пошутил министр.

Мариам не могла взять в толк, как ее муж, уехавший с делегацией в Стамбул, явится к ней.

— Почему бы и нет? — генерал благодушно посмеивался, словно речь шла о поездке в Шатой или Урус-Мартан. — А лучше всего тебе установить связь с ге-

нералом Улагаем, — советовал Бесленеев. — Как-никак мусульманин, адыгеец. У него немало родственников в Турции. Генерал Ханко тоже мусульманин. — Хабала проявлял незаурядную осведомленность.

Чем больше говорил министр, тем страшней становилось Мариам, но отказаться она не смела. Ведь ее муж там, если верить министру! Хабала предупредил ее, что об их разговоре ни в коем случае не должен знать никто, даже отец, даже мать. Отец и мать снаряжают ее в Стамбул, двое сопровождающих, мужчина и женщина, едут вместе с нею до Баку, там ею займутся такие же надежные люди, пока она не окажется на территории Добровольческой армии. Оставалось уговорить добром Гасан-гирея.

— В Мекку ты ездил через Стамбул или Басру? — спросил его Хабала, зная, что северокавказцы едут в паломничество лишь морским путем. Через Басру было бы ближе, но канители больше.

— Через Стамбул. Как тяжело я перенес качку — страшно сказать! Думал, живым не вернусь. Очень боюсь за Мариам. Вдруг с нею будет то же самое, что и со мной.

— Женщины хорошо переносят качку, — совершенно безосновательно утверждал Бесленеев, надеясь хоть этим успокоить Гасан-гирея. Гасан-гирей не мог сопротивляться генералу. Если бы он знал, что его зять — кумык Рубинэ — зарабатывает себе на хлеб зазывалой у ресторана «Босфор» в Стамбуле, он продал бы последнего вола, чтобы самому добраться до Стамбула и кинжалом перерубить канат, на котором Рубинэ балансирует на потеху публике. Но не суждено было ему узнать об этом. И опечаленный отец дал согласие на поездку дочери:

— Будем уповать на божью милость!

Рано утром, на том же генеральском фаэтоне, на котором приезжал министр, проводили Мариам. Она прощалась с родителями, словно уезжала навсегда, да и Гасан-гирей прятал слезы, папахой бил по колену, будто выколачивал из нее пыль, ходил вокруг фаэтона, проверял, как уложен сундук, обитый медными пластинками, плетенная из новых прутьев корзина. Мать Мариам вконец сникла и только причитала без слез, закрыв лицо руками.

Казгирей и Жираслан успокаивали и девушку и родителей, расписывали Стамбул и его достопримечательности. Жираслан объяснял, как найти дом Халиды Адиб, просил передать ей салам, сказать, что ее подарок он носит у сердца и что часы и сердце отстукивают ей благодарность. Жираслану была не к лицу такая сентиментальность, но он хотел убедить Мариам, что она не будет одинока, что может положиться на женщину, живущую в Стамбуле.

— Спросит Халида о караване — сама знаешь, что сказать,— было последнее напутствие Жираслана.

И Мариам уехала.

3. САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

Не успели они пережить столь внезапный отъезд Мариам, как Жираслана вызвали к имаму Узуну-Хаджи.

— Неужто и меня в Мекку,— шутил князь, скрывая тревогу, вызванную неприятным предчувствием.— Еще рано замаливать мне грехи. До шестидесяти не дотянул.

— Ты Узуна-Хаджи по долголетию превзойдешь.

— Ему сколько стукнуло, сто?

— Кто считал? Сам не говорит, а свидетелей нет. К слову сказать, старики иной раз со счета сбиваются, забывают, когда родились, а ты за свои грехи довольно наказан.— Казгирей подкрутил свои пышные усы, как бы напоминая князю о его изъяне.

— Ты имеешь в виду женитьбу? Да, сам себя наказал, взял старую жену. Теперь найду подходящую — по шариату мне разрешено иметь четырех.

— А может, эмир предолжит тебе высокий пост,— шутил Казгирей, — губернатора, командующего армией? Смотри, не продешеви! Бери повыше. Как-никак князь божьей милостью — наследный, да и заслуга твоя перед эмиратом большая,— поучал Казгирей друга.

— Я же сказал тебе, что уеду отсюда.

— В Грузию?

— Да. К Гиви Берулаве. Нет уж, не хочу я никаких высоких должностей, сбегу, пока не поздно...

Жираслан и не подозревал, что бежать уже поздно, иначе нашел бы повод уклониться от визита к имаму. Но неприятные мысли все-таки донимали его.

— Может, пойдем вместе?

— Вызывают тебя одного, кто знает, может, с глазу на глаз хочет говорить. Я бы охотно пошел. Воспользовался бы случаем раздобыть обмундирование, хотя бы для командного состава. Скоро моих командиров за пугала будут принимать. Зовут — иди. Вернешься — расскажешь. Буду ждать тебя.

Едва переступив порог приемной имама, Жираслан утвердился в том, что дело недоброе. Его встретил Лоша, не пожелавший сложить голову «за веру, царя и отечество», но ставший у эмира безукоризненным службистом. Благодаря ему в Ведено заработал телефон и эмир мог связываться с министрами и должностными лицами. Леша денно и нощно следил за работой линий связи и считался незаменимым. Владея языками — английским и французским, он исправлял должность и начальника канцелярии эмира.

Он встретил Жираслана как закадычного друга, хотя они виделись всего два раза, и то мельком. На фамильярность молодого офицера обычно никто не обижался, все говорили «свой брат». Щепетильному и сдержанному Жираслану, знающему себе цену, его тон не понравился, тем более что Лоша, широко улыбаясь, предложил ему сдать оружие, прежде чем предстать пред лучезарным. Князю пришлось подчиниться.

Шейх, сидевший в том же кресле, в котором Жираслан видел его в день прибытия каравана, был не один. Справа и слева от него сидели два вершителя судеб: великий визирь, фельдмаршал Дышнинский, и генерал Хабала Бесленеев.

После взаимных приветствий, когда Жираслан занял приготовленный ему стул прямо перед эмиром, Узун-Хаджи заговорил:

— Я благодарен тебе, мой сын, ты сослужил эмирату службу, которую может оценить лишь аллах. Совершившему хадж — посетившему святые места —

аллах не зачтет столько, сколько зачтет тебе за караван. Считай: твои грехи, если они были, как листья осенью упали с дерева и ветер разнес их. Теперь ты откликнулся на мой зов. — Несмотря на преклонный возраст, эмир выглядел бодрым, голос его звучал твердо, решительно, морщин на лице почти не было видно, густая бурая с проседью борода придавала ему сходство с Шамилем.— Я не смогу тебя вознаградить — аллах зачтет тебе воительство во славу имама. Волей аллаха народы гор объединились. Это сила. — Имам сжал пальцы в кулак, вытянул вперед обе руки.— Ивлису это не угодно. Этот черный дьявол носится по ущельям, науськивает горцев: «Разъединитесь!» Разъединяться нельзя! Нас исколошматят — некому будет мертвых предать земле. Всех в одну яму свалят.

— Я готов внести свою лепту в это единство,— промолвил Жираслан.

— Да будет аллах доволен тобой. — Узун-Хаджи искренне говорил это, не сводя своих небольших, глубоко сидящих глаз с собеседника, словно невидимыми иглами прощупывал его душу, внушал покорность, готовность умереть за веру. — Мусульмане всех языков, всех земель протянут друг другу руку, ни горы, ни моря их не разъединят, бог щедро воздаст тому, кто послужит нашему союзу. Послужи и ты, правоверный князь, Иналук тебе все скажет...— После такого предисловия Узун-Хаджи удалился, предоставив остальное исполнителям своей воли.

— Итак, к делу,— Дышнинский повернулся к Жираслану. — Нам нужен символ. Знак, который объединит мусульман. И такой символ есть. О нем и легенду сложили, ты ее сам нам рассказал. Мы сделаем все, чтобы легенда эта обошла ущелья, обрела жизнь на всех языках, но для этого надо во что бы то ни стало, любой ценой, я повторяю — любой ценой, добыть этот символ. Речь идет о сабле Шамиля!

Жираслан подумал о Халиде Адиб, не подозревавшей, что ее легенда овладеет всеми помыслами Узуна-Хаджи, лишит эмира покоя и это толкнет Жираслана на риск.

— Саблю может доставить сюда только один человек...— Дышнинский сделал паузу. — Ты, князь Жи-

раслан. Мы не знаем, у кого сабля. Ее надо найти. В руках ли она мюрида, шейха, генерала — кого угодно — отнять!

— Сабля эмира может быть лишь в руках эмира,— добавил министр внутренних дел.

«Между тем, о чем я думал, и тем, что мне предложили, разместятся три всадника и трое пеших»,— подумал Жираслан. Ему не в диковинку было угонять лошадей, знаменитых скакунов, под каким бы надзором их ни держали. А эти Жираслана попросту толкают на грабеж, на убийство.

— Это поручение — признание твоего мужества.— Дышнинский перевел взгляд на Бесленеева, тот молча шевелил роскошными усами. Голосом, не допускающим возражений, каким он уже привык разговаривать с подчиненными, визирь добавил: — Ты должен добыть эту саблю для его величества эмира Узуна-Хаджи Хаир-Хана. Казгирей Матханов заверил, что «только Жираслану это по плечу».

— Я не грабитель,— Жираслан взглянул на своего земляка в надежде, что тот поддержит его, но Бесленеев не спешил вступаться. — У меня свои правила, завещанные моими предками. Я не был бы достоин титула князя, если бы их нарушал.

— Нравственный, оказывается, конокрад! У него, видите ли, моральные устои!— Великий визирь натужно расхохотался, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла.

Жираслан едва сдерживал себя. Острием своего негодования он как бы целился в Казгирея, который посмел рекомендовать его на такое дело. Князья никогда не называли друг друга конокрадами, хотя всех их до глубокой старости объединяло это ремесло, поэтому Жираслан почел себя оскорбленным.

— Да, я из благородного сословия. Я по праву ношу титул князя, по крайней мере у меня на это больше оснований, чем у вас называть себя князем или академиком.— Жираслан угодил не в бровь, а в глаз.

— Молчать!.. — взвизгнул Дышнинский. Таких дерзостей ему еще никто не осмеливался говорить.

— Нехорошо, великий визирь! Князю с князем пристало говорить не на этом языке.

Бесленеев всполошился, боясь, что Жираслан схватится за оружие.

— Господа, прошу, очень прошу не горячиться,— заговорил Бесленеев. — Горячность — плохая советчица. Поверьте мне! Забудем сословные звания! Прежде всего мы мусульмане. На нас с надеждой смотрит мусульманский мир. Надо помнить об этом...

— Прошу прощения. Сейчас ссориться — непозволительная роскошь.— Великий визирь овладел собою, переменил тон; шумно отдуваясь, как бы давая выход обуревавшему его гневу, он продолжил:— Князь Жираслан, очевидно, не тот, за кого мы его принимаем. Не тот! Он может служить своему сословию, а может переметнуться к большевикам, от них сбежать к шариатистам. Это согласуется с его нравственными устоями... Я хотел бы знать: на каком языке с ним говорить? — Иналук отвернулся от Жираслана и обращался только к Бесленееву.

— Я найду с ним общий язык. Поверьте, найду,— заторопился Хабала.

— Тогда ты с ним и говори.— Дышнинский сорвался с кресла и зашагал по кабинету.

— Мы не можем сказать точно,— начал осторожно Бесленеев,— но, по слухам, сабля оказалась в руках потомка Шамиля, Нажмутдина Гоцинского. Он понимает, что эта реликвия — предмет поклонения горцев, и иногда появляется на людях, опоясанный этой саблей... Гоцинский снюхался с деникинцами, как бы он не передал саблю им...

— О это ли не красноречивое божье знамение?— Великий визирь вознес руки к небу, словно встал на молитвенный коврик, чтобы доверить все свои помыслы аллаху. — Сабля на пядь вылезла из ножен, не входит обратно — требует крови во славу дела имама Шамиля. Надо во что бы то ни стало вложить эту саблю в руки нового имама...

— А как же генерал Гоцинский?..— Жираслан долго подбирал слова. — Он тоже за шариат?

— Ты прав. Этот бесчестный обладатель реликвии саблю не обнажает, — театрально продолжал Дышнинский. — На ножнах, они отделаны серебром, выгравировано на одной стороне: «Не вынимай без нужды», на другой: «И без славы не вкладывай». Рукоять из

кости, на ней инкрустация: на одной стороне — «Нету бога, кроме аллаха», на другой — «Магомет его пророк на земле». Обладатель сабли вынимает клинок из ножен без нужды, а главное — вкладывает в ножны без славы во имя аллаха. Вложи эту саблю в руки имама — и знамение божье проявится само. У этой сабли не клинок, а луч солнца. Только лучи прямые, а клинок сабли плавно изогнут, чтобы скользящий, режущий удар был беспощадным, — и великий визирь ладонью вытянутой руки резанул воздух, показывая, каким должен быть удар.— Вот символ, которого нам не хватает. Добудь его — и объединятся народы, поверят в божественное назначение нашего эмира. Каждый, в ком бьется мусульманское сердце, захочет встать под знамя шариата. Мы по пальцам перебирали храбрейших из джигитов Чечни и Дагестана, пока, по совету Матханова, не остановились на твоем имени. Мы возлагаем на тебя всю надежду.

— Сожалею, но я — не лучший избранник.

— Ты не спеши с ответом,— Бесленеев был напряжен, его словно что-то распирало, но голоса он не повысил, смотрел прямо в глаза собеседнику, стараясь подавить его сопротивление. Так он делал, когда в его руки попадались «крепкие орешки».— Мы взвесили все, мы учли: ты князь. Это отводит от тебя всякое подозрение. О твоей храбрости, даже дерзостном бесстрашии, мы не говорим. Это было бы бестактно в твоем присутствии. Если надо, мы дадим тебе любые документы... Твое появление на территории, занятой Добровольческой армией, ни у кого не вызовет подозрения, походи, покрутись вокруг контрразведки. Они все знают, наведут на след, разведаешь — действуй сам. Тут мы тебе не советчики. Говорят: послали молодца за папахой, он и голову прихватил. Полетит с плеч голова незаконного обладателя сабли — не беда. Так ему и надо.

— Я, повторяю, не грабитель и не убийца.

— По доброй воле не сделаешь — заставим! — не выдержал Дышнинский.

Тут у министра внутренних дел мелькнула спасительная мысль. Он вспомнил, что им нужна печатная машина. По слухам, такая машина, она называется то ли литографской, то ли типографской, есть в Петров-

ске. Бесленеев не имел представления о габаритах и весе машины, но для успокоения Жираслана сказал:

— Сабля Шамиля — главное. Но ты будешь расспрашивать людей не о сабле, чтобы не вызвать подозрений.

— О чем же? — поспешно спросил Жираслан. — О скакуне?

— Нет. Скакунов сами добудем. Нужна печатная машина. Деньги печатать. Монетному двору без нее не обойтись.

— Печатная? Какая она с виду? — Жираслан наивно представлял ее вроде круглой печати, что ставится на пропусках.

— Спросишь там. У старшин разве не видел? Они ставят на гербовую бумагу. — Видно, и Бесленеев имел смутное представление о литографской машине.

Жираслан призадумался. Узун-Хаджи воздал ему хвалу, чуть не приравнял к лику святых, совершивших хадж... Оказывается, провести караван, минуя все опасности, мало, надо еще не раз испытать судьбу.

— Не по моей это части. Не видел я никогда печатной машины. Увижу — не узнаю, с чем ее едят. И грабить совесть не позволит.

Терпение Хабалы иссякло. Медленно, со скрытой беспощадной угрозой он процедил сквозь зубы, упершись в Жираслана неморгающими, будто черные сливы, глазами:

— Ты забываешься. Ты вот здесь! — Генерал раскрыл ладонь левой руки и указательным пальцем правой показал в ее центр. — Сожму — ты в кулаке...

— Я вижу, вы наконец договорились. — Великий визирь встал и, не прощаясь, вышел. Он знал, о чем теперь будет говорить министр.

— Ты думаешь, нам не известно, чью лошадь ты прихватил, когда уезжал из Кабарды? Угнать скакуна у своего дальнего, правда, но родственника и уважаемого в Кабарде человека честь позволяет, а убить присвоившего народную святыню — это разбой, несовместимый с честью, достоинством князя? Какое лицемерие! Мы можем связать тебя, отправить к Клишбиеву. По законам военного времени за это могут и вздернуть. Ты перед выбором: или полетит с плеч чужая голова во имя святого дела, или полетит

с плеч твоя голова за воровство и службу большевикам. Прямо скажем: выбор у тебя невелик.

«Попал в точно поставленный капкан»,— думал князь. И кто его заманил? Казгирей Матханов, жизнь которого он когда-то охранял как зеницу ока? Какая неблагодарность. Теперь ничего не остается, как принять предложение «маленького вола с большими рогами». И вдруг Жираслан усомнился в своих подозрениях. Ведь Казгирей не знал и не мог знать, что Жираслан, отправляясь в Стамбул, угонит коня Султанбека Клишбиева. Этот конь сделал Султанбека его вечным врагом, вздернуть Жираслана он, может, и не вздернет, но засадить в тюрьму — засадит не моргнув глазом.

— Ну что, по рукам? — торопил генерал с ответом.

— Я в твоей власти. Пословица гласит: на чьей арбе сидишь, того и песню пой...

— Ну, вот! — Под мощными усами Хабалы Бесленеева засветилась улыбка.— Выполнишь задание — мы в долгу не останемся. — Генерал взял со стола колокольчик, и кабинет наполнился малиновым звоном. Открылась дверь, показался все улыбающийся Лоша и замер в ожидании распоряжений. Бесленеев и Жираслан стоя завершили разговор.

— Пожалуйста, никаких шуток,— предупредил Хабала. — Знай, твой каждый шаг на виду. Ты еще был на пути из Тифлиса, а я «видел» тебя. Теперь тем более. В лагере врага есть наши люди, донесут о твоих... успехах. Отправляться в путь немедленно.

Генерал взглянул на Лошу:

— Проводи гостя.

— Есть! — Лоша четко козырнул, щелкнул каблуками, показывая, что он кадровый офицер, а не какой-нибудь новобранец, и пропустил вперед Жираслана. В приемной он вернул гостю оружие.

«Вот тебе и сабля для эмира», — думал Жираслан, направляя свои стопы к дому Гасан-гирея, к дому, которому суждено было вскоре опустеть. Уехала Мариам, уезжает он. Наверно, покинет гостеприимный кров Гасан-гирея и Матханов — он собирается жить при штабе армии... Всех разметала судьба, и неизвестно, встретятся ли они опять.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. ФАКРИ-ПАША

Над горами тяжелели грозовые облака.

Дагестан выдерживал натиск Бичерахова и турок с юга, а со стороны гор — Гоцинского. Меньшевики и эсеры наводнили Дагестан и сбивали горцев с толку. Цели Деникина им были ясны, призывы турок не вызывали сомнений, горцы раскусили и Узуна-Хаджи, но за что ратовали эсеры, никто не мог разгадать, пока те не заключили договоры с Бичераховым. «Выразители воли народа» отдавали союзнику Деникина опору Советской власти Петровск без боя. Бичерахов, в свою очередь, обещал не занимать их «центр демократии» — Темирхан-Шуру. Быстро разнеслась в горах весть о страшной, кровавой расправе в Петровске с тридцатью комиссарами. Сотни красноармейцев-мадьяр из интернационального отряда и коммунистов, советских работников оказались за решеткой. Опьяненный успехом, Бичерахов, нарушая договор, занял Шуру. Вот тут меньшевики и эсеры завопили о коварстве Бичерахова, истерично призывая к мести. Представители «демократических» организаций послали очередную делегацию в горы, к имаму Гоцинскому, надеясь его руками уничтожить Бичерахова. Делегацию обстреляли в узком ущелье, и эсеры вернулись назад, привезя вместо соглашения несколько трупов. Эта весть встревожила Узуна-Хаджи и Дышнинского. Если до сих пор они не беспокоились за свой правый фланг, то теперь деникинцы вполне могли зайти им в тыл со стороны Дагестана.

Эмир получил и другую пренеприятную весть из Тифлиса: делегация Северо-Кавказского эмирата до сих пор сидит в Стамбуле. Французы так и не дали

визы, и нелегкая миссия — добиться от западных держав признания эмирата — оказалась проваленной. Единственный, кто радовался этому, был Гасан-гирей, полагавший, что Мариам с мужем скоро вернутся назад.

Отрезанный со всех сторон от северокавказских народов, Узун-Хаджи уповал на Турцию, полагая, что караванную тропу не занесет снегом и Турция будет и впредь оказывать ему помощь продовольствием, обмундированием и, конечно, вооружением.

Тревожные обстоятельства заставили изворотливого премьер-министра развить бурную деятельность. Дышнинский уже получил сведения, что дочь Гасан-гирея, слава богу, работает в госпитале в Петровске. Чтобы не навлечь на нее подозрений английской контрразведки, у которой на эти дела поистине собачий нюх, связным дано указание держаться подальше от Мариам. «Удалось ввинтить свой глаз в Петровске»,— мысленно радовался фельдмаршал.

Жираслан тоже готовился к отъезду.

— За чьей подписью готовить пропуск? — спросил его Хабала Бесленеев, ожидая, что князь скажет: «Главы правительства». Но тот вообще отказался от пропуска:

— У меня есть бумага: я — заготовитель хлеба и мясного скота для Грузии. Грузинское правительство просит оказывать «предъявителю сего всяческое содействие».

Хабала от восторга чуть не вскочил:

— Великолепно! Лучшего документа не надо!

— Есть и получше. Фирман за подписью императора Оттоманской империи. От Стамбула до Кабарды мне дорога открыта.

— У тебя есть еще один документ, — проникновенно сказал Хабала. — Твоя неуловимость! Ты же облако; видеть видишь, а поймать не поймаешь. Сколько раз я выходил на твой след, помет твоего коня был свежий, еще дымился, а догнать тебя я не смог... Ну, прошлое ворошить не будем. Если хочешь, возьми пропуск и за подписью премьера. Будешь членом делегации по примирению чеченцев с казаками.

— Не надо. Перепутаю. У меня один документ в газыре с правой стороны, другой — с левой. Достаю

любой безошибочно. Я ведь грамоты не знаю. По одному я являюсь не кем-нибудь, а представителем «Комитета черкесского сотрудничества» в Стамбуле.

— Это другой табак. Ты — гражданин иностранного государства, пользуешься правом неприкосновенности. Но лучше не попадайся в руки контрразведки. Нынче каждый шпион. На документы не очень надейся. Ты слышал, Григорий Седых...

— Знаю!

— ...мученическую смерть принял. За одно подозрение в шпионаже. Документ предъявил, что он, мол, офицер, и так далее. Не помогло.— Генерал неожиданно переменил тему. — А как там в Турции? Не кончается заваруха?

— Ни конца, ни краю не видно.

— Как и у нас.

— Как говорится: больны десны — тащи любой зуб, боли не почувствуешь. Вражда межнациональная разъедает страну, подтачивает...

И Жираслан рассказал Бесленееву о встрече с Адхемом. Генерал знал, что турецкая армия держится на черкесах не потому, что адыги преисполнены желания отдавать свою жизнь за спасение султанской империи. Турки ловко подбивают адыгов, чьи отцы изгнаны с Кавказа в годы Шамиля, «мстить русскому царю», муллы призывают их в своих проповедях «устлать дорогу на земле отцов трупами гяуров»...

— Адыги воюют — о жизни не думают, идут на верную гибель.

Жираслан вспомнил, как два черкесских аула остановили австралийское войско, от которого бежали турки. Об этом он слышал в Стамбуле, чуть ли не от самого Адхема. Англичане, оказывается, задумали взорвать тоннель, прервать движение по железной дороге, снабжающей турецкую армию в Сирии и Иордании. Англичане послали для этого австралийскую кавалерию на верблюдах и артиллерию вместе с арабами-повстанцами. Хорошо оснащенные английские войска встретились с турецкими. Под ударами противника турки откатывались назад и наверняка были бы разгромлены, если бы не помощь, пришедшая неожиданно.

Это были жители двух черкесских деревень — Уэди-эль-Сир и Наур, которые, вооружась чем попало, преградили путь австралийской кавалерии, пропустив через свои боевые порядки турок. Командир турецких войск немедленно воспользовался этим, привел в порядок свои войска, развернул их и закрепился в районе двух деревень. Англичане, оказавшись в пустыне, так и не смогли продвинуться на этом участке. Деревням Уэди-эль-Сир и Наур суждено было стать последней базой, за которую цеплялись турки, пока не отошли к границам своей империи. «Отошли» может сказать лишь человек, который закрывает глаза на катастрофу, ставшую уделом турецких войск. Ее результатом была потеря арабских стран. Главной причиной этой кастастрофы некоторые считали плохое обеспечение армии, другие — вмешательство немцев в дела турецкого генералитета, третьи — слабую сеть дорог. Между тем главной причиной было нежелание арабов жить под игом турок. Англичане предложили свои услуги арабам как помощь в борьбе против турецкого ига.

— Горы с виду кажутся разными, — подвел итог Жираслан. — Но только с виду. На самом деле они едины. Основа одна, и судьба одна.

— Для того-то нам и нужна сабля Шамиля, дорогой Жираслан. Объединить народы всех языков и наречий, собрать их волю в одно русло, как Терек собирает все большие, малые реки и ручейки.

Жираслан кивнул головой в знак согласия:

— Попробую.

— Ну и отлично!

Да, дому Гасан-гирея суждено было бы опустеть, если бы к нему не переместили монетный двор с его сложным хозяйством. Самому Гасан-гирею велено было обеспечить Якуба всем необходимым и охранять его как зеницу ока, чтобы и птица не залетела на крышу дома, куда переехал главный монетчик эмирата.

Без разрешения Якуба не смог забрать свои пожитки даже Жираслан, но князь не обиделся, понимая, что все богатства эмирата собраны сейчас под крышей у Гасан-гирея.

— Чужая собака пришла, свою выгнала со двора, —

смеялся Якуб, слушая жалобу князя на строгость охраны.

— Я сам ухожу. Отдайте только мои пожитки,— в тон ему отвечал Жираслан, укладывая вещи в переметную суму. Их оказалось до смешного мало.— Ну как ты, самый богатый человек? Делаешь деньги! Люди друг друга убивают из-за них. А ты сам делаешь их. Хорошая работа, мастер своего дела.

— Птица предпочитает волю золотой клетке, дорогой мой. Я был вольной птицей, мог в любой сад и лес залететь, петь на любом дереве. Меня поймали, посадили за решетку, велели нести золотые яички. Я был бы счастлив поменяться с тобой местами.

— Откладывай в запас и на мою долю.

Якуб засмеялся. Он проводил Жираслана до ворот и пожелал ему доброго пути.

Жираслан, не зная, какой выбрать путь, поехал в сторону гор, чтобы тропами пробраться во внутренний Дагестан, а оттуда найти выход в долины. Он ориентировался по горам, течению рек, расположению ледников на вершинах, искал звериные тропы к водопою, чтобы избежать случайных встреч. Каждый распадок, замшелая скала, пещера таили в себе опасность, ставшую привычной для Жираслана. Он не думал о ней. Важна цель. Он слов на ветер не бросает, обещание — закон, даже если оно во вред себе. После полудня он уже был далеко от Ведено, ехал под горку, лошадь шла легко. И на душе было легко — казалось, впереди ждет удача...

Жираслана схватили, когда он выехал с гор на равнину. И доставили в штаб, в крепость. Он не поверил своим глазам, когда его ткнули в какую-то развалюху под заросшей бурьяном, потемневшей соломенной крышей. Вот какова крепость! В единственной комнате с земляным полом и небольшим окошком, верней зияющей дырой на месте окна, стояла деревянная кровать, застланная кошмой поверх сена. Возле сиротливо торчал столик с полевым телефоном, единственный признак военной обстановки. На кровати дрых солдат, и на вопрос конвойных: «Где начальство?» — ответил, с трудом продрав глаза:

— Аллах знает. Я не знаю.

В этот момент к штабу с двумя десятками всадников подъехал сам генерал Факри-паша. Ему доложили о задержанном, но он не обратил на него особого внимания, услышав, что это заготовитель продовольствия для Грузии.

С появлением Факри-паши в крепости началось движение. Приказано было вывести войска на площадь. Жираслан только теперь заметил виселицу, около которой уже толпились люди. Под перекладиной, с которой свисали две петли, стоял горский табурет на трех ножках и валялась опрокинутая вверх дном плетеная сапетка, в которую обычно собирают кукурузные початки. К виселице сбредались полураздетые и полуразутые люди, которых трудно было назвать грозным воинством.

Жираслан вспомнил предостережение Дышнинского, что все дезертиры и подозрительные лица, перешедшие линию фронта, немедленно подвергаются казни через повешение. «Может быть, виселица приготовлена для меня», — с ужасом подумал Жираслан, озираясь по сторонам и прикидывая, не удастся ли сбежать. Его успокаивало только то, что с перекладины свисают две петли. Значит, кому-то уже вынесли смертный приговор.

Факри-паша настойчиво с кем-то созванивался. Он надрывал голос, будто на базаре старался перекричать звон кузнецов, шум жестянщиков, говор торговцев. Тем временем к виселице под конвоем пригнали и гражданское население, чтобы все видели, что ждет дезертиров, пекущихся только о спасении своей шкуры, и агитаторов, сеющих панику по заданию врага.

Жираслан из разговора понял главное — Факри-паша сам вынес приговор, который приводит в исполнение.

— Иначе нельзя,— хрипел генерал в трубку.— Если разбегутся все, где я их буду искать? Ходить по аулам? — Весь красный от натуги, он нагибался, глядя в дыру, как собираются люди у виселицы, на его заросшем щетиной лице выступил пот. Генерал затих, слушая невидимого собеседника, потом более спокойно добавил: — Грузинам никаких препятствий, никаких! Пропускаем и поезда с зерном, и бронепоезд. Как же! Если мы их не пропустим, они не пропустят

к нам караваны. Будет исполнено. Ассаламу алейкум! — Факри-паша хотел было положить трубку, но снова налился кровью, крича в нее: — Что? А? Бичерахов? Какой? Лазарь или Георгий? Их два брата. Оба — заклятые враги наши. Да будет ад их уделом. Мы не дадим им протянуть друг другу руку помощи. Обрубили. Да, обрубили! Один на севере от нас, другой на юге. Мы — стена, скорей скала между ними. Грузин, пожалуйста, пропускаем... Ассаламу алейкум... ассаламу...

Факри-паша наконец оставил телефон в покое, вытер лицо и шею платком, поправил мундир и вышел из сакли, бросив на ходу Жираслану:

— Мы с тобой еще поговорим. — И в сопровождении офицеров решительным шагом направился к виселице.

Жираслан увидел двух обреченных, с завязанными глазами и босых, которые переминались с ноги на ногу, видно, от холода и предсмертного страха. Кто они по национальности — невозможно было понять, но видно, что молодые. Из зажигательной речи Факри-паши Жираслан понял, что тот, который повыше, сельский учитель, забрался в пятницу на минарет и, когда верующие, пришедшие на молебен, совершали омовение у ручья, бежавшего с гор вблизи мечети, стал кричать: «Аллаху акбар, аллах велик, он знает: турки усеяли пустыни арабских стран трупами своих солдат, теперь хотят, чтобы и наши матери слепли от слез по своим сыновьям!..» Среди пришедших на молебен оказались турецкие офицеры. Они схватили учителя, доставили его куда надо.

Другой осужденный, видимо турок, знал больше, чем учитель, о трагической судьбе турецких солдат. Он пытался прицепиться к товарному поезду с хлебом, идущему в Грузию, и уже оттуда удрать домой. И удрал бы, если бы его не настигли в горах... Он не учел, что поезд с зерном шел под охраной бронепоезда...

Теперь их ждала одна судьба.

Обреченных подвели к табурету и к опрокинутой сапетке. Ткнувшись в них, несчастные замерли. Многие отвернулись или отвели глаза, чтобы не видеть страшной картины...

Жандарм подошел к осужденным, ударом сапога вышиб табуретку из-под босых ног. Сапетку пришлось пнуть раза два-три, и все безуспешно, пока стоявший рядом охранник прикладом винтовки не столкнул с нее осужденного. Повешенные раскачивались, то расходясь, то сходясь.

Жираслану сверлили мозг слова генерала: «Мы с тобой еще поговорим». Если дело так худо, то Жираслан попробует урезонить его. Надо будет — князь найдет дорогу к сердцу генерала, напомнит ему, что тот гостил у родственника Жираслана, Султанбека Клишбиева. До ушей князя донесся грохот — шел товарный состав и следом бронепоезд, сопровождающий порожняк, идущий за хлебом... А может, лучше сказать, что он — заготовитель, тем более он слышал телефонный разговор генерала насчет Грузии? Пока Жираслан обдумывал, как ему лучше выйти из положения, на площадке перед штабом появились фургоны. Писцы развернули списки. У фургонов была поставлена охрана, чтобы избежать беспорядка.

Генерал, стоя спиной к повешенным, обратился к своему воинству:

— Сейчас, слава аллаху, будет выдача жалованья воинам, которые сражаются под знаменем светлоликого Шамиля, — говорил он, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы его слышали все, кто имеет уши, и видели все, кто имеет глаза, ибо за каждым его шагом следит всевышний, который не простит ему ничего, совершенного против веры.

— Жалованье я плачу по выбору: хотите керенками — берите керенками, хотите николаевскими — есть и николаевские! А кто пожелает — то турецкими деньгами с изображением его величества Вахитдина Мухаммеда Шестого, чье владычество незыблемо, как эти горы, — и генерал повернулся к Джалган-Сабивинскому хребту, видно, чтобы скрыть свое смущение при словах о незыблемости власти того, чья империя развалилась у всех на глазах. — Зная нужды наших доблестных воинов, мы решили, то есть я решил, выдать жалованье не деньгами, а тканью или подметками. Ткань можно получить разную: на шаровары или на рубашку. Кто пожелает — на платье для жены или сестры, пожалуйста! Бесценный подарок для

любимой — отрез на платье! Не только тело, но и душу близкого человека будет согревать одежда из этой ткани... Если в мануфактуре нужды нет, ее можно продать за любые деньги или выменять...

Раздались голоса:

— Есть нужда, генерал, большая нужда!

— Да посмотрит аллах ласково на тебя!

— Подметки тоже хороши. Только они к сапогам, а не к чувякам.

Нашлись и несогласные:

— Смотря какие. Есть мягкие, к чигирям как раз...

Генерал вдохновился, почувствовав поддержку солдат.

— Нынче ткань дороже золота. Пообносились люди, война раздела и разула бедных и богатых. Я знаю, есть и такие, кто запасается патронами, пистолетами, винтовками, даже пулеметами. Зачем, спрашивается? Грабить? И кого? Своего же соседа? Раздаем патроны — исчезают. Вроде стрелять не стреляли, а патронов как не бывало. Значит, припрятали на черный день. Вон висят двое! — генерал, не глядя, махнул рукой на повешенных. — Одного еле догнали в горах, он прихватил с собой и пулемет «луис», и ленты с патронами. Говорил: хотел пулемет продать. Кому? Нашему врагу, чтобы тот завтра из этого же пулемета убивал нас! Второй не пропускал ни одного базара, кричал с арбы: «Турки нас ни к чему хорошему не приведут! Узун-Хаджи нам преподнесет не баранью голову на тарелке!», агитировал против воссоединения мусульман, единоверцев. Вот потому две «умные» головы и оказались рядом на одной перекладине.

— Почему их не судили шариатским судом? — крикнул кто-то из толпы, и шум прошел по рядам.

Жираслан тоже знал, что за такие проступки шариатский суд в Ведено не вешал. Был случай, когда в пятницу при всем народе кто-то осмелился забраться на минарет и кричал оттуда: «Почему шейхи только из аварцев? Чеченцы что — у аллаха теленка угнали? Узун-Хаджи не святой, к победе дело Шамиля не приведет. Он, черный ворон, к падали тянется...» Верующие стащили крикуна с минарета. Тот у судьи поклялся на коране, что его черный джинн, злой дух попутал. Тем дело и кон-

чилось. А что касается лент с патронами, то теперь даже стреляные гильзы имеют спрос, из них кубачинские мастера зажигалки делают...

— И шариатский суд не щадит дезертиров и проповедников пораженчества. Маловеров, не желающих отдавать жизнь во имя аллаха!— размахивал руками в такт своим словам генерал. — Во имя воссоединения мусульман под одной государственной крышей Шамиль шел тропою пророка Магомета. Недаром всевышний пожелал, чтоб их останки были отданы на вечное хранение священному городу Медине. Узун-Хаджи — да ниспошлет ему преуспеяния аллах!— поднял святое знамя Шамиля, зовет мусульман Кавказа на газават, священную войну. Тому, кому посчастливится погибнуть в бою, дорога прямо в кущи рая. Тем, кто хочет сбить нас с праведного пути, висеть вот так! — Факри-паша снова мотнул головой в сторону повешенных. — Им быть дровами ада. И больше ничего.

Генерал почел за благо кончить на этом. Он довольно ловко соскочил с фургона и бросил:

— Приступить к выдаче жалованья!

Факри-паша установил денежное довольствие пешим триста рублей в месяц, конным пятьсот. Сколько будет удержано за отрез ситца в пять аршин — никто не знал. Да и не интересовался. Получи деньгами свое жалованье — все равно много не купишь, когда пуд кукурузной муки на базаре сто двадцать рублей, а за фунт мяса подавай червонец. Пять аршин ткани — это клад. Генерал это понимал и был уверен, что такое «жалованье» вызовет приток добровольцев в его войско.

Факри-паша за короткий срок сумел создать бригаду из двух полков, занял выгодную позицию на узком плато между морем и Кавказским хребтом, точнее оседлал две дороги: железную и шоссейную, связывающие Закавказье с Северным Кавказом. Свой штаб он расположил в крепости Джарги-капы, построенной в незапамятные времена. Цитадель была на некотором возвышении, поэтому с ее башен видно далеко, а три высокие каменные стены, отходящие от нее к морю, образовали как бы три руки, готовые схватить любого смельчака, пытающегося прорваться

с севера на юг или наоборот. Правда, от времени и нашествий крепостные стены во многих местах подверглись разрушениям, но и остатки их — надежная защита для тех, кто овладел ими. Кроме того, в городе почти уцелели Джума-мечеть и армянский собор, стоящие друг от друга на значительном расстоянии. Факри-паша пропускал лишь поезда, которые шли в Грузию или из Грузии. Деникин, застрявший в горах Чечни, не мог собрать довольно сил, чтобы разгромить войско Факри-паши, освободить стратегические дороги. Если Бичерахову с помощью англичан иногда удавалось загнать Факри-пашу в горы, то тот, улучив подходящий момент для контрудара, возвращался назад и вновь перекрывал дороги.

Имея фирман от самого султана, Факри-паша мечтал превратить свою бригаду в боевую исламскую армию. Он и сейчас формально подчинялся Узуну-Хаджи, но чувствовал себя с ним как равный с равным и поддерживал связь в общих интересах. За свои действия он отвечал перед аллахом и своей совестью, даже не перед Вахитдином Мухаммедом Шестым, пославшим его на Кавказ с этой высокой миссией. Но он не был сторонником генерала Мустафы Кемаля-паши...

2. ГЕНЕРАЛ, ОСЕДЛАВШИЙ ДОРОГУ

Генеральская форма Факри-паши напомнила Жираслану Стамбул, перед его глазами возник образ скитающейся по улицам незнакомого города Мариам. Если бы аллах свел ее с отзывчивой Халидой, то Халида быстро нашла бы ее мужа. Жираслан до сих пор был уверен, что связи Халиды Адиб безграничны, как и ее обаяние. Мариам рискнула пуститься в опасную дорогу, ее подстерегает неожиданность на каждом шагу. Народы растревожены повсюду, взялись за оружие и каждый считает себя борцом за правое дело. Где оно, это правое дело, за которое не жаль голову сложить, сам бог не скажет. Вот Жираслан перева-

лил через хребет — и оказался в царстве еще большей неразберихи. В эмирате два медведя в одной берлоге: Гикало и Дышнинский. Оба затаились, потому что на них идет охотник — Деникин, опасность примирила их. Здесь дело иное: Факри-паша действует именем эмира Узуна-Хаджи, хотя тут должен быть другой владыка — Нажмутдин Гоцинский, барановод, именующий себя шейхом. Поначалу они заигрывали друг с другом, договаривались действовать вместе, ратовали за эмират, но Узун-Хаджи все больше и больше убеждался, что единства нет и быть не может, что мулла с французским акцентом Нажмутдин поглядывает в сторону Деникина, сидящего на сильном коньке Антанты. Он ненавидит большевиков, как и Деникин, но лелеет мечту о самоуправлении горских народов, в отличие от лютого генерала. Узун-Хаджи избрал иной путь — завоевать самостоятельность силой оружия и с помощью мусульманских держав.

Факри-паша приказал привести Жираслана в пристройку к мечети, служившую раньше медресе — духовной школой, где мальчики обучались арабской грамоте и чтению корана. Жираслан мог ожидать от грозного генерала всего, но не гостеприимства и доверия, поэтому от неожиданности и от аппетитного запаха жареного мяса у него закружилась голова. Но все равно, думал Жираслан, он представится агентом Гиви Берулавы, раз товарные поезда с хлебом для меньшевистской Грузии пропускаются беспрепятственно.

Приведенные в исполнение смертные приговоры не испортили генералу бодрого расположения духа — напротив, он с удовольствием наблюдал, как после раздачи жалованья в оба полка потянулись люди с просьбой о зачислении в войско. Он дал распоряжение: зачислять всех!

— Извини, я заставил тебя голодать. Видит аллах, после аллаха видишь и ты, я и сам отощал, как посох дервиша. — Генерал радушно принял Жираслана, он выпроводил офицеров из комнаты и предложил сесть прямо за стол, с которого адъютант поспешно убирал топографическую карту, цветные карандаши, бумаги. — Садись. Поступи, как велел восточный мудрец, сказавший: «Обед раздели с другом».

— Да сделает аллах твою еду вкусной. Я хотел следовать другой мудрости: дорогу сокращает идущий.

— Дорог много — а ноги две,— шутил генерал.— И не всегда мы выбираем лучшие дороги. Иногда они нас выбирают. Не правда ли?

Жираслан мог понять это как намек на его дороги вообще, но чтобы не погасить веселые искорки, вспыхнувшие в больших черных глазах Факри-паши, согласился, кивнув головой:

— Истинно.

Гостеприимство генерала было объяснимо. До Факри-паши доходили лишь далекие отзвуки о тех или иных событиях, ему хотелось узнать о новостях в Грузии, а еще лучше — как развиваются события в Армении. Он не знал своего гостя и не подозревал, что тот был свидетелем приема, устроенного в честь его делегации. Генерал не очень охотно вспоминал свое пребывание в Кабарде, где не нашел у Бековича-Черкасского никакой поддержки. Он отправил назад тех, кто ему здесь был не нужен, и взялся формировать войско, ядром которого стал небольшой отряд турецких солдат, подобранных в Азербайджане. Отряд разросся до хорошо вооруженной бригады, к тому же вот-вот прибывает новое пополнение.

— Ты грузин?

Жираслан замялся. Он не был похож на грузина, и акцент выдавал его, поэтому он признался:

— Я из Кабарды.

— Кабардинский грузин?

— Да, в Кабарде есть грузины. Лет пятнадцать, как перебрались к нам. Все харчевни в Нальчике грузинские.

— Адыгабза уаша? Ты говоришь по-адыгски?— смягчился генерал. Говорил он на языке шапсугов, не очень знакомом Жираслану, но сознание того, что оба принадлежат к адыгским племенам, расположило их друг к другу. Факри-паша был черкес, чьи родители во второй половине века переселились в Турцию.

— По-адыгски, к сожалению, не говорю. Но понимаю. Скоро разучусь говорить и по-кабардински.

— Почему? — удивился Факри-паша.

— Скитаюсь по разным народам, создаю закупочные пункты, скупаю продовольствие и отправляю в Грузию. Цены каждый день вздуваются. Денежная неразбериха,— и Жираслан пожаловался, что каждый город печатает свои деньги. Иногда смотришь — не поймешь: деньги это или обертка от конфет, картинка. Крестьяне боятся обмана — не берут их, приходится перед каждым выкручиваться, а порой идешь на прямой обман, клятву даешь, заверения... Кое-как закупишь скот, отправишь поездом, чеченцы или казаки разберут рельсы, пустят поезд под откос, оттого поезда тащатся с такой скоростью, что можно на ходу в вагон сесть или выйти.

Жираслан выпалил все это единым духом, напустил столько тумана, что сквозь него генерал уже не разглядел гостя.

— Пробираюсь в Кизляр, центр красных партизан. Городок небольшой, не то что Анкара или Трапезунд, но хлебный. Рыба тоже есть. Скуплю все, что можно купить. Кизляр — родина знаменитого Багратиона.— Жираслан поделился сведениями, почерпнутыми из беседы с Казгиреем.

Факри-паша не знал, кто такой Багратион.

— Французский поэт? — спросил он.

— Большой генерал. Наполеону французскому из ноздрей все волосы повыдернул.— Жираслан сам не очень много был наслышан о Багратионе, не рад был, что назвал его имя. К счастью, и Факри-паша не проявил интереса к полководцу.

— А что говорят в Кабарде? — спросил Факри-паша.

— По обе стороны хребта воздают хвалу туркам. Вроде бы в Кабарду ездила делегация... от Комитета черкесского сотрудничества.

Лицо Факри просветлело. Он глянул на собеседника крупными черными глазами, в которых Жираслан прочитал: «Не видел ли я тебя в Кабарде?»

— Ну-ну. Интересно! Что же еще говорят о посланцах Оттоманской империи?

— Говорят, ставленники Деникина щедро угостили приезжих из Турции и выпроводили за пределы Кабарды. Дескать, нам не по пути, ищите сторонников исла-

ма в другом месте, мы служим царю... Маленьким народом всегда кто-то владеет. Коли так, пусть Кабардой владеет самый большой народ, держава, а не худосочный эмират.

— Так и сказали «худосочный эмират»?

— Я с чужих слов рассказываю. Сам не имел чести видеть делегацию. Скупал лошадей, менял на мясной скот,— тянул свое Жираслан,— я не знаю, почему делегация просила кабардинцев передать свое войско Узуну-Хаджи не от имени Оттоманской империи, а от общества соотечественников. О делах тамошних черкесов в Кабарде мало знают, только со слов паломников или тех, кто не нашел там своего места и возвращается назад.

Генерал охотно поведал о Комитете черкесского сотрудничества, возникшем в Турции. Факри-паша был активным членом комитета, не жалел на него ни средств, ни времени. Во главе Комитета стоял Фурад-паша, занимавший высокий пост в армии и поддерживаемый офицерством. Когда Турция вступала в войну на стороне Германии, Фурад-паша, трезво судивший о соотношении сил, понимал, что турки делают опрометчивый шаг, и пытался отговорить халифа от участия в войне, но словно невидимый бес науськивал султанат. Этим бесом было чувство мести, взявшее верх над благоразумием. Фурад-паша повиновался халифу, повелевавшему «скрестить мечи с гяурами», тогда-то он изрек: «Аллах послал черкесам случай отомстить русским за изгнание с Кавказа». И черкесское воинство, фанатичное, неграмотное, плохо вооруженное, бросилось в бой очертя голову против союзных армий, оснащенных по последнему слову военной техники. Джигиты с саблями кинулись на танки и поплатились за безрассудство. Факри-паша повел кавалерийскую бригаду на верную гибель против царских войск у Эрзерума, Сарыкамыша и Карса.

В первых сражениях была одержана победа — русских потеснили. Но Факри-паша едва уцелел в боях за Сардарабат, от его кавалерийской бригады осталась горстка джигитов, с которыми он и отступил. Мечта на боевых конях обогнуть Кавказские горы с запада, достигнуть северных склонов оказалась несбыточной.

Неудачу объяснили немилостью аллаха, не поже-

лавшего, чтобы сыновья вернулись на земли отцов...

Сейчас Факри-паша думал о другом — как пополнить свои войска и встретиться один на один с деникинским генералом Улагаем. Пусть перевес будет только в одном — в мужестве, Факри-паша докажет, на что он способен как военачальник. Аллаху будет угодно — он возьмет Улагая в плен, отправит деникинского генерала Фураду-паше в лакеи.

И Улагай ничем не отличался от Бековича-Черкасского, царского служаки, вскормленного на российских хлебах. Идея самоуправления адыгских народов для него была фикцией, словами, брошенными на ветер. И это в то время, когда два миллиона черкесов, обитающих в Турции и других исламских странах, видели в осуществлении этой идеи надежду вернуться на земли своих предков.

Факри-паша понимал, что с Улагаем ему не скакать стремя в стремя,— тот высадился десантом из Крыма на кавказское побережье, укрепился, немало досаждая войскам Красной Армии, хотя и ему не улыбнулась военная удача. Жираслан, словно читая мысли генерала, спросил:

— Если бы ты встретил Улагая?

— Секим башка — и все.— Факри-паша ребром ладони коснулся кадыка на бронзовой крепкой шее...

Подали жаренное на сковородке мясо — бастурму, запах которой давно мешал собеседникам разговаривать. Жираслан, умеющий сдерживать голод, время от времени все-таки бросал нетерпеливый взгляд на дверь. Но теперь он первым не брался за еду, наоборот, равнодушно взирал на мясо, острые соусы, травы. Овощи, горячие лепешки и кувшин чистой родниковой воды — все было на принесенном подносе.

Генерал схватил большую пышную лепешку, с хрустом разорвал ее надвое, половину положил перед гостем, другую половину макнул в соус. Бастурму он брал руками и, как это делают арабы, кидал в рот. Заморив червячка, он снова заговорил:

— Не думал я встретить здесь адыга-соплеменника. Они все идут к Матханову, а ты почему-то от Матханова. Куда держишь путь, если не секрет?

— Какие секреты? Пока в Петровск.

— К имаму Нажмутдину? — Генерал свысока глянул на собеседника, смачно жуя, но это не мешало ему говорить. — Или к англичанам? Гоцинский думал: гяур-генерал придет — ему рахат-лукум принесет, кишмиш, фисташки — всякие сласти, а тот прислал ему Бичерахова с петлями для виселицы да поднаторелых английских контрразведчиков. Проложили дорогу для нас в преисподнюю. С виселиц прямо в ад. Английские контрразведчики — мастера своего дела. Я знаю! Военный колледж кончал в Лондоне. Недавно в Баку им удалось схватить крупную птицу, большевика — Хаджиевский, Анджиевский, не запомнил. Заковали его в кандалы и переслали бичераховцам на расправу.

— Каким образом? Англичане в Баку вроде не имеют связи с Добрармией на Тереке.

— Имеют. Рыбак рыбака видит издалека — говорят русские. Крепко друг с другом связаны. Одного за уши потянешь — у другого пятки землю будут бороздить. Большевика тут же вздернули вместе с другими. Уж если они заподозрят — каюк!

С минуту оба ели молча. Почувствовав сытость, князь нарушил молчание:

— Я и не к имаму, и не к контрразведчикам. — Мясо в этот момент застряло в его горле, пришлось быстро налить в чашку воды, сделать два-три глотка. — У меня поручение имама Узуна-Хаджи. Он знает, что я бываю всюду, просил найти где-нибудь литографскую машину для монетного двора. — Жираслан глядел на Факри-пашу, старался угадать: поверил или не поверил?

— Литографскую?

— Типографскую, литографскую — какая попадется. Эмират не может не выпускать денег. Чужие не идут.

— Резонно. Деньги с изображением Узуна-Хаджи укрепят эмират. Каждое государство начинает с этого. Попасть в Петровск не так уж трудно. С моей помощью, конечно. Ключ от дороги в моем кармане. — Факри-паша удовлетворенно улыбнулся и хлопнул себя по бедру, как бы показывая, в каком кармане ключ. — Выходит, ты слуга двух господ: грузинских меньшевиков и эмира Узуна-Хаджи?

— Я слуга одного господина — грузинского меньшевистского правительства. Но почему бы попутно не выполнить и просьбу Узуна-Хаджи? В его эмирате я закупаю хлеб, как и везде.

— Ну да, конечно, я тебе — ты мне.— Генерал обмакнул в соус кусок мяса, отправил в рот и долго жевал его, обдумывая свою мысль, затем проглотил и добавил: — Ни один поезд ни туда, ни обратно у нас не проходит без тщательной проверки. Даже мешки с зерном протыкаем специальными штырями, туши мяса перебираем. После такой проверки мои люди посадят тебя в тамбур последнего вагона, езжай с богом. Доедешь куда надо — прыгай. В руки английской контрразведки попадешь — обратно билета не понадобится.

— Они не имеют права задерживать меня.

— Права теперь — что деньги. В этом городе идут, а на соседнем базаре из них сворачивают цигарки.

Жираслан призадумался. Солдат подал им густой, ароматный кофе, приготовленный по рецепту Факри-паши, знавшего в этом толк. В военном колледже в Лондоне, где он учился, Факри изумлял своих товарищей умением приготовить кофе, не уступавший крепостью шотландскому виски. Но Жираслан отказался от кофе, чем несказанно удивил генерала.

— Хорошо бы поездом, но я на лошади.— И вдруг у Жираслана мелькнула мысль.— Можно мне оставить свою лошадь у тебя, подарить ее тебе?.. Живым вернусь — для меня лошадь найдется, а не вернусь из пасти английского льва — будет у тебя память обо мне.

Факри-паша от неожиданности выпучил глаза. Он действительно кинул несколько любопытных взглядов в сторону Жираслановой кобылицы, оценивая ее.

— Такой подарок! Аллах не велит...

— Не дороже жизни. Дарю от чистого сердца. Голова будет цела — шапка найдется, жив останусь — не придется пылить пешком..

— Ценить дар я умею. У меня есть чем отблагодарить...

— Я уже получил вознаграждение — твое содействие. Мне этого вот так достаточно,— Жираслан поднял

ладонь выше головы, что означало: щедрость генерала выше, чем его рост.

— На обратном пути понадобится моя помощь — я к твоим услугам.— Генерал маленькими глотками пил ароматный, густой и очень сладкий кофе, ему это доставляло истинное удовольствие. Фарфоровая чашечка в его больших волосатых пальцах казалась наперстком, медная закопченная джезве, с которой он и в походах не расставался, стояла рядом.— Только не подхвати там тиф. По моим данным, полгорода в тифу. Казармы освободили под госпиталь. Да убережет тебя аллах от этой заразы!

Жираслан подумал о своей ране, которая нет-нет да и давала себя знать.

— Все в руках аллаха, милостивого, милосердного...

— Сам имам Гоцинский боится ступить в Петровск, английская контрразведка и тиф — неизвестно, кто больше преуспевает: все балки завалены трупами.

У Жираслана кольнуло сердце.

— Моего скакуна не обскачет никто,— неожиданно переменил Жираслан беседу, вызывавшую предчувствие беды.— Кликни: «Ара!»— вскинет голову, гордо посмотрит на тебя. Молодая кобылица. Пятый год идет. Прошу только — сам езди на ней. Я знаю, у тебя есть, но держи и мою Ару возле себя.

— С удовольствием! Был у меня хороший конь — убили. Сейчас езжу на трехлетке. Тоже резвый, быстрый, но на длительные переходы сил не хватает.

— Моя как раз в походе неутомима.

Факри-паша налил себе еще чашку кофе. Он взбодрился, захотелось вести беседу по-восточному, не торопясь. Откинулся на спинку стула. На лице, казавшемся суровым, непроницаемым, появилась прозрачная задумчивость и умиротворенность. Мыслями, видно, куда-то далеко ушел...

— Не могу этого объяснить,— начал Факри-паша, глядя в лицо Жираслана, будто только сейчас заметил проплешину в его усах,— но где бы я ни был — у себя в Стамбуле это понятно, но я воевал в Сирии, Трансиордании,— везде нахожу друзей-соотечественников. Просто везет: учился в Лондоне, так там вообще...— генерал махнул рукой.— Влюбился в черкешенку.

Факри-паша в редких случаях, когда собеседник располагал к себе, рассказывал о первом своем увлечении, мысленно переносясь в Лондон начала века, когда ему, без пяти минут блестящему офицеру, посчастливилось познакомиться в своем посольстве с девушкой, которую звали Халида Адиб. То ли красота и обаяние девушки, кончившей колледж в Стамбуле и приехавшей в Лондон для пополнения своих знаний (она готовилась преподавать английскую литературу), то ли перспектива через нее стать близким ко двору — Факри тогда не мог себе этого объяснить,— но с первой встречи с Халидой он потерял голову. Рискуя не сдать выпускные экзамены, Факри жил от встречи до встречи с нею, все свободное время отдавал ей, уверяя, что по окончании колледжа будет служить только в Стамбуле.

«Вдруг тебя ушлют куда-нибудь. Империя-то велика».— И девушка бросала взгляд, заставлявший его вздрагивать.

«Поедешь и ты со мной».— Факри говорил наугад, чтобы проверить, как она отнесется к этому, хотя он хорошо знал ее планы на будущее.

«Нет, из Стамбула я не уеду. Если уеду, только в рай».

«Поближе ко двору? Понимаю».

«Что мне двор?— красивое лицо девушки, освещенное улыбкой, внезапно становилось серьезным.— Мне стамбульский университет нужен. Я буду там преподавать литературу».

«И Халида выйдет замуж за старика Сократа, профессора философии?»— беззлобно подтрунивал Факри над девушкой.

«Если бы в Стамбульском университете появился новый Сократ, то о нем давно заговорил бы мир.— Девушка подумала и добавила:— Кстати, меня зовут не Халида, а Калидех».

«Калидех? Такого имени нет».

«У турок нет. Я — черкешенка».

Но Факри упорно называл ее Халидой. Девушка закончила курсы в Лондоне, забрала гору книг на английском языке и уехала. Факри, провожая ее, говорил: «Не спеши выходить за Сократа, жди меня». Халида звонко смеялась, и улыбка ее для Факри была мол-

нией, полыхнувшей на дне Босфора, хороводом звезд в ночной мгле, цветеньем персикового сада. Она обезоруживала Факри, делала его и покорным, и неуступчивым, и сильным, и слабым. После ее отъезда произошло то, чего больше всего боялся Факри: его послали в Трансиорданию, но и оттуда он не раз приезжал в Стамбул под различными предлогами, но с единственной целью — увидеть Халиду, которая к тому времени не только работала в университете, но и стала известной писательницей. Она подарила ему с трогательным автографом свой роман, только вышедший из печати. Факри-паша носил с собой книгу, как карманный коран, с которым не расстается истинный мусульманин.

Факри-паша затих, взял джезве и, вылив остатки коричневой густой массы в чашку, сделал маленький глоток. Солдат внес лампу с разбитым стеклом. Генерал подождал, пока ординарец уйдет.

— Прочитал я эту книгу,— продолжал он,— и понял: не найдет она мужа Сократа, потому что сама — Сократ. Роман «Новый Туран» не всякий осилит. В нем есть, конечно, любовные сценки, но не это главное. Она описывает условную страну Туран, которой нет на карте, но можно догадаться, о какой стране идет речь. В описываемой стране — кипение, водоворот социальной жизни, противоборство старого с новым, люди, которые хотят изменить окостеневший феодальный строй, разрушить старое, заложить основы нового общества, устремленного вперед, к цивилизации. Туранистам противостоят османисты, происходит смертельная схватка, гибнут носители прогрессивных идей, но все равно их дело побеждает. Видишь, куда она замахнулась! Взялась трон самого султана расшатать. Потому я и сказал «она сама Сократ». Я до сих пор удивляюсь: еще тогда она писала в романе то, что происходит в Турции теперь. Туранисты — это пантюркисты, османисты — сторонники Османа. Халида смогла заглянуть в наш сегодняшний день, разве она не Сократ?

Жираслан слушал бы и слушал рассказ о прекрасной Халиде. И ловил себя на том, что при этом нисколько не ревнует. Ему бы сказать: «Я недавно уехал от нее»,— но Жираслан не сказал этого. Он считал это тайной двух, которая не должна коснуться ушей третьего...

— Она в Стамбуле? — спросил он, как ни в чем не бывало.

Факри-паша с восторгом подхватил:

— Активная участница событий, поддерживает Мустафу-пашу, лидера пантюркистского движения. Столько энергии дай бог мужчине! И здесь, вдали от моей страны, за горами, за лесами, я говорю о ней с тобой. Не божье ли это знамение? — неожиданно воскликнул генерал, ударив в ладоши. Услышав хлопок, на пороге появился солдат и замер в ожидании распоряжений — как в Стамбуле у Халиды безмолвный калга.

— Свари-ка нам кофейку, да покрепче, как клятва двух мужчин на верность... — Факри-паша не успел договорить.

Огромный адъютант с трудом втиснулся в дверь.

— Господин генерал, звонят со станции. На подходе состав из Баку. С бронепоездом!

— Приготовиться! Действовать по инструкции. — Факри-паша мигом преобразился, встал, подтянулся.

— Бронепоезд. За ним товарный. Ясно.

— Поднять всех по тревоге. Малейшее неповиновение — и оба поезда взлетают в воздух. Передайте подрывникам!

— Понял, господин генерал. Артиллеристы готовы.

— Иди. Я сам буду на станции.

Адъютант согнулся, чтобы головой не удариться о верхнюю перекладину, и, придерживая шашку рукой, пропихнулся в дверь, явно сделанную не по его габаритам.

— Значит, поездом?

— Да.

Жираслан и Факри-паша поспешили на станцию.

3. У ДРУЗЕЙ

— К утру будешь там, — были последние слова генерала, когда его офицеры определили вагон, в котором Жираслану предстояло отправиться «льву в пасть». За-

думано все было неплохо: доверенные люди Факри-паши осматривают каждый вагон вместе с Жирасланом, забираются на крышу, обыскивают тамбур, ящики под вагонами, откатывают дверь каждого вагона и после проверки ставят знак «осмотрен». И так, пока не дойдут от паровоза до хвостового вагона. Во время осмотра Жираслан забирается в намеченный вагон и остается там, а солдаты закрывают дверь, ставят знак, при этом «забывают» набросить петлю. Провожая поезд, они еще до новой границы соскакивают на ходу. Состав, набирая скорость, уходит дальше, держась на почтительном расстоянии от бронепоезда — бронированного паровоза, трех бронированных вагонов, вооруженных пулеметами и орудиями, и двух платформ с запасными шпалами, рельсами, костылями и необходимым инструментом для восстановления разобранных путей.

«Теперь важно вовремя и незаметно спрыгнуть»,— думал Жираслан, прислушиваясь к равномерному перестуку колес, глухому отдаленному гудку бронепоезда и зычному и уверенному ответу паровоза, тянущего товарняк. Переговариваются, решил Жираслан, первый спрашивает «все ли в порядке?», второй отвечает «нормально», а колеса неумолчно повторяют одно и то же: «за-зер-ном», «за-зер-ном». Жираслану тоже хотелось сказать «вам зер-но, а мне — нет». Он не испытывал тревоги за свою судьбу. В крайнем случае покажет справку, что «предъявитель сего заготавливает продовольствие», но лучше сойти с поезда прежде, чем английские солдаты начнут проверку документов. По словам Факри-паши, они без всякого почтения относятся к бумагам, выдаваемым меньшевистским правительством Грузии, где сами и хозяйничают.

Поезд шел, извиваясь то вдоль горного кряжа, выходившего к морю, то вдоль моря, выплескивавшего соленую воду на бурые скалы. Жираслан смотрел в щелку, определяя скорость, и думал о предстоящем прыжке. Прыгнуть на скаку с коня или вскочить в седло — для него детская забава, а прыгать с поезда не приходилось. На подъезде к станции, наверно, сбросит скорость, думал он. Важно еще вот что: последний вагон

с тамбуром, а в тамбуре сидит охранник под красным фонарем. Надо, чтобы он не заметил, как Жираслан выпрыгнет. Справа по ходу поезда плескалось море, волны неслышно подкатывались к песчаной отмели, тихо вздохнув, стелились белой пенистой скатертью и тут же исчезали, уступая место другим.

«Кому я служу? Во имя чего рискую жизнью?» — мысленно спрашивал Жираслан сам себя. Ответа он не находил. Только колеса настойчиво повторяли: «сам себе, сам себе». Ему хотелось возразить: «Почему сам себе? Почему бы тогда не вернуться домой?» Он отбросил эту мысль. Султанбек наверняка не одну погоню послал по его следам, попадись только Жираслан в его руки... В стане Узуна-Хаджи ему безопасно. Но где это было видано, чтобы князь раньше шестидесяти лет оказался среди служителей культа! Слава богу, ему всего сорок.

Послышалось шипение тормозов. Значит, скоро станция. Кавказский хребет позади. На горных склонах замелькали небольшие домики. В некоторых из них светились огоньки. Пора. Долго думать нельзя. Жираслан отодвинул дверь, чтобы можно было протиснуться. Прыгать под откос, где голые камни, опасно. Он присел у самого края, чтобы, откидываясь в сторону, оттолкнуться рукой. Так и сделал. Ветер на миг подхватил его, и тут же он почувствовал сильнейший удар, а поезд умчался дальше, отстукивая «сам себе», сверкнув красным фонарем.

Вокруг было тихо. Только морские волны равномерно бились о берег, шуршали галькой, сильней запахло рыбой, со стороны моря дул сырой ветерок. У Жираслана заныла грудь, будто снова он был ранен, закружилась голова. «Неужто что-то внутри отбил?» — подумал он, и его прошиб холодный пот от одной этой мысли. Жираслан глотал сырой воздух, как рыба, выброшенная на берег, и думал, куда ему направить стопы? Без лошади, без еды. Правда, деньги есть, и немалые, зашиты в папахе. Но, падая под откос, он обронил торбу с продуктами и разными вещами, необходимыми в дороге.

Жираслан сунул руку под черкеску и выдернул, словно его ужалила змея. Кровь... Значит, открылась старая рана. «Вот тебе и сабля Шамиля», — поду-

мал он в отчаянии, что надо искать «дохтура», и с трудом сел, переводя дух. Оглянулся вокруг — ни единой души.

Опираясь на подобранную палку, Жираслан медленно пошел по тропе, по которой тянулись старики, спешившие на зов муэдзина, созывавшего мусульман на утренний молебен. Старики сочувственно оглядывались на скорчившегося князя, приветствовали его: «Ассаламу алейкум», — и Жираслан, как исправный мусульманин, отвечал: «Уассаламу алейкум»,— а глаза молили о помощи. Увидев бодрого старичка с жиденькой бородкой, но густыми бровями, в латаном-перелатаном бешмете, ноговицах из домотканого сукна и в большой взлохмаченной, порыжевшей от времени папахе, Жираслан после приветствия спросил:

— Не знаешь ли, где есть дохтур?

Старик остановился, воткнул в землю штык, насаженный на палку, светлыми, похожими на крупные зерна тыквы глазами оглядел незнакомца, заметил уже просачивающуюся сквозь черкеску кровь и с готовностью послужить человеку сказал:

— Валлах, знаю. Недалеко. Очень хорош дохтур. Все болезни знает. Балшой дохтур,— и старик вызвался показать, куда идти.

Жираслан взбодрился, прибавил шагу, попутчик, наоборот, из сочувствия к нему шел медленно, втыкая после каждого шага в землю штык, словно мерил расстояние от своего дома до мечети.

— Покажи, добрый человек, дом дохтура. Я сам доберусь, — взмолился Жираслан, не желая, чтобы тот сопровождал его, кровь уже пропитала черкеску, на лбу выступил пот, руки дрожали.

Муэдзин последний раз крикнул с минарета. Пройдя квартала два, старик остановился, положил на запястье левой руки палку, как бы целясь в небольшой дом, каких было множество на узком плато:

— Здесь дохтур. Балшой дохтур,— повторил он.— День и ночь у него люди. Все болезни знает.

Жираслан глянул через невысокую ограду из самана, обмазанного желтой глиной, на домик с верандой, а старик пошел своей дорогой с чувством исполненного долга. Из последних сил князь открыл калитку, вошел в небольшой дворик и, опираясь на

палку, ждал, когда доктор освободится от ранних пациентов. Князь стал невольным свидетелем сцены, которую не так просто было понять. Старик, приведший к дохтуру девушку, просил:

— Добрый дохтур, возьми дочь мою. Пусть тебе жена не нужна. Она будет еду готовить, ноги мыть, постель стелить, стирать, убирать в доме. Возьми, сними с моей души камень вечного должника, не понравится — обратно заберу без упрека и попрека. Устами аллаха прошу: возьми, а?

Доктор спустился с крыльца, ласково посмотрел в сторону смутившейся девушки, с виноватой улыбкой объяснил:

— Саид, пойми ты меня, не возьму я твоей дочери, куда мне... Вот накоплю денег на пару верблюдов, лошадь верховую, овец заведу, и будет тогда калым, все тебе отдам за твою дочь, если она согласится... Не хочу нарушать обычай горцев. Без калыма отдают, если девушка квелая, хворая, хромая, косая. Она у тебя, слава богу, пригожая. Бог даст ей хорошего жениха...

Жираслан чуть не вскрикнул от неожиданности, узнав в докторе Василия Петровича, лечившего Казгирея Матханова. Сорвать бы с головы башлык, чтобы доктор тоже узнал его, позвал скорей в дом, а тут настырный старик прилип к нему, как шерсть к меду.

— Какой калым? Ты дал мне самый большой калым! — старик вытянул обе руки, как бы взвешивая драгоценнейший клад, — дал мне снова видеть солнце, горы, леса, небо, людей, дороги, освободил от поводыря. Куда хочу, туда иду. Хожу на базар — люди не верят, заставляют овец считать, различать деньги, говорить, чья папаха какого цвета. Ты вернул мне глаза. Ты, дохтур, вот этими волшебными руками,— старик цепко схватил руку доктора, покрывал поцелуями, кропил слезами благодарности.

— Ну, полно-полноте, Саид. Я обижусь, ей-богу обижусь. — Василий Петрович, смущенный и взволнованный, вырвал свою руку из рук Саида. — Вон больной ко мне пришел, позволь мне заняться им, дочь найдет себе хорошего джигита, она достойна того...

— А в гости придешь? — сдался наконец старик.

— Приду! Обязательно приду!

— Не переедешь ко мне? Ты тут большие деньги даешь за фатеру. Я свой дом тебе отдам. Живи сколько хочешь, и будем прислуживать тебе. Переходи ко мне, а?

— Поговорим, Саид, поговорим.— Василий Петрович шагнул в сторону Жираслана и от удивления поднял обе руки, словно собирался взлететь.— Мать родная! Кого я вижу?! Неужели Жираслан? Чего же молчал до сих пор?

— Ты был занят. Здравствуй, дохтур, дорогой мой. Не ждал, понимаю. Плуг ведет к кузнецу, болезнь — к дохтуру. Я за твоей помощью, Василий.

— Вот неожиданность! Утро чудес, и только! Будешь рассказывать — не поверят.

Старик Саид, поняв, что к доктору пришел его друг, взял за руку дочь и пошел к калитке.

— Да ты, батенька мой, опять ранен, — всполошился Василий Петрович и повел Жираслана в кабинет. Князь увидел белые шкафчики вдоль стен, полки с пузырьками и банками. В комнате стоял неистребимый запах лекарств, к которому сам доктор давно принюхался. — Раздевайся-ка. Я посмотрю. Сколько крови потерял! Вся черкеска залита... Это когда же тебя?

— Та же рана, Василий. Кожа старая, лекарство не берет.

— Лекарство возьмет. Ты не даешь. Мотаешься бог знает где. Тебе бы лежать, и старая кожа зажила бы.— Василий Петрович поставил на белый столик возле Жираслана большую двенадцатилинейную лампу. Рваная рана кровоточила во многих местах. Доктор протер руки спиртом, кусочком ваты стер кровь.

Жираслан вздрогнул, покачнулся, но устоял на ногах:

— Придется мне в Мекку отправиться, помолиться во славу аллаха. Это же надо! Чтобы я тебя встретил! А?

— Батенька мой, больница — что Мекка. Не знаешь, когда и как в нее попадешь.— Василий Петрович взялся за обработку раны, готовил лекарства, перевя-

зочный материал.— Я сам не знал, что осяду в этих местах. Эвакуировался вместе с больными и ранеными, хотели податься за море — не вышло, в Закавказье соваться — смысла нет. Врач нужен и тут.

— Как хорошо, что ты оказался здесь. Теперь я буду жить, верю. Один раз ты меня из могилы уже вытащил. Вот опять...

— Ты не очень туда хотел. Такой организм, что не просто тебя в могилу затолкать. Не щиплет?

— Щиплет. Очень щиплет.

— Потерпи, потерпи. Ты терпеливый, я знаю. Говоришь, кожа старая? Дай бог каждому такую кожу. Сколько бед она выдержала. Другая бы, может быть, трах — и все тут, лопнула. У тебя она словно дубленая. — Василий Петрович, помолчав, добавил: — Я бы мог положить тебя в больницу. Есть у тебя документы? А то я уже ученый. Принял давеча одного без документов — чуть головой не поплатился за доверчивость. Времена...

— За документом дело не станет. Но в больницу мне бы не надо. Если бы ты отвел мне угол в своем доме, я бы хорошо заплатил. Я один, без лошади. Пеший то есть. Поить и кормить животину не придется. Выздоровлю с твоей помощью, куплю лошадь и уеду верхом. Пока прими какой есть.

— Понимаю, понимаю...

— Василий, я оплачу любые услуги. И лечение и лекарства. Хочешь деньгами, хочешь — натурой.

— Ты что, дорогой мой? Разве я возьму с тебя плату! Натурой! Как это прикажете понять?

— Заготовитель мяса я.

— Для кого, если не секрет? Для Добровольческой армии?

— Нет, не для армии. Для гражданского населения. Нынче столько голодающих — трудно даже представить.

— Представляю. У нас тоже жизнь не сахар. Больница — единственная в городе. Нам везут раненых, инфекционных больных, рожениц, людей с психическим расстройством, легочников, почечников — всех приходится лечить. Если ты заботишься о голодающем населении, это благородно с твоей стороны. Весьма благородно.

Врач был явно озадачен: куда поместить Жираслана? Он вытер руки полотенцем, сказал, что несколько раз надо делать перевязку, и вышел в смежную комнату. Слышно было, как он с кем-то переговаривался вполголоса. Потом Василий Петрович оделся, попросил, чтобы Жираслан подождал его, и ушел. Жираслан был опечален. Предупреждение врача, что он может свалиться, сознание, что он хорошему человеку доставил столько хлопот,— все это обескуражило его. Видно, не суждено Жираслану стать джигитом, которого послали за папахой, а он прихватил и голову. Пожалуй, тут и свою голову немудрено потерять.

— Ну, батенька, свет не без добрых людей,— послышался голос Василия Петровича. Не раздеваясь, он вошел в кабинет и сообщил: — По соседству со мной живет врач-гинеколог. Она согласна недели на две уступить тебе комнатушку. У самой-то всего две комнаты и кухонька. Ты будешь в маленькой. На перевязку не ты ко мне будешь ходить, а я к тебе. Все устроилось как нельзя лучше. Пойдем, это недалеко, через дом...

В маленьком портовом городишке, каким с натяжкой можно было назвать Петровск, а скорей большом селении, трудно было не попасться на глаза бичераховцам. Хорошо, что Жираслану сразу нашли убежище, что он оказался у друзей.

Старожилы помнили Петровск еще военным укреплением, быстро обраставшим маленькими домиками. Когда количество жителей перевалило за два десятка тысяч, укрепление стали величать городом. Появилось несколько кустарных предприятий, на которых работали по найму. Все события, происходившие в России, находили здесь живой отклик. В Москве было восстание — и здесь рабочие вышли на улицу с революционными лозунгами; на флоте мятеж — и здесь местный гарнизон забеспокоился; в Петрограде победила Октябрьская революция — и в Петровске большевики захватили власть, хотя и не удалось им ее удержать. После большевиков здесь побывали и белоказаки, и турки, и англичане, и грузинские меньшевики, а теперь и деникинцы — все это отложило свой отпечаток на характер городка.

В далеком прошлом здесь происходил обмен пленными между воюющими сторонами или их выкуп. Жираслан редко добирался до этого города, сбыт своему товару он находил гораздо ближе, а если ему надо было менять лошадей на оружие, то он ездил к гобаши, по-турецки — к латникам, то есть к мастерам по выделке лат, которые славились на весь Кавказ. А теперь вот нежданно-негаданно он застрял в этом Петровске.

Хозяйку звали Анастасия Петровна, но она разрешила Жираслану называть ее «тетя Настя», но у него выходило «тота Наста», и он так этим смешил хозяйку, что она, как бы в отместку, называла его «дядя Жора». Жираслану это было как нож в сердце, потому что «жор» — по-кабардински «крест», а он был истый мусульманин, но князь терпел, нехотя откликался, когда по утрам «тота Наста» появлялась на пороге и объявляла:

— Дядя Жора, иду на базар. Что тебе купить?

Жираслан доставал из-за пазухи деньги:

— Телятину. — И всякий раз предупреждал: — Только не покупай у армян и у русских. Бери у мусульман.

— На все деньги? — Анастасии Петровне нравилась щедрость постояльца, но надолго ли у него хватит пороха?

— Бери, чтоб хватило нам на несколько дней.— Жираслан надавливал на «нам». — Телятины не будет — бери вяленый бараний бок. Долго может лежать, не испортится.

— У мусульман? — И хозяйка, смеясь, уходила из дому. Снаружи на дверь она навешивала увесистый замок, чтобы ненароком кто-нибудь не забрел, не заметил раненого, которого они с главврачом укрыли.

И так изо дня в день. Анастасия Петровна вернется с базара, приготовит еду, сама поест и уходит в больницу на целый день. Жираслан проголодался — подогреет суп с мясом или борщ, поест и весь день сидит у окна и смотрит на улицу. Выходить было рискованно. «Опять проклятая пуля Аральпова приковала меня к одному месту», — с грустью думал Жираслан. И утешал себя тем, что самого Аральпова он загнал в преисподнюю.

Когда Жираслан почувствовал, что окреп, он подумал, не сходить ли на базар, — там обо всем узнаешь, где что произошло, но Василий Петрович строго-настрого запретил ему ходить дальше дворика и пригрозил, что иначе лечить не будет, а сам дневал и ночевал в госпитале, изредка наведываясь к Жираслану, чтобы его осмотреть. И хозяйка сутками не показывалась; когда приходила, то тут же ложилась часок-другой поспать. Жираслан собирал щепки, разводил огонь, варил чай или подогревал бульон, вспоминал походную холостяцкую жизнь, приучившую его ко всему.

Отоспавшись, Анастасия Петровна рассказывала новости. Медицинский персонал по приказу командования был мобилизован на городские работы. Во избежание инфекционных заболеваний гражданскому населению предписывалось «немедленно заняться уборкой павших животных», на самом же деле убирали трупы, остававшиеся на пути отступления войск. Опасались, как бы не вспыхнула эпидемия, ветер приносил отвратительный запах разложения, вода стала заразной, и женщины перестали ходить на речку, а у колодцев выстраивались длинные очереди.

По ночам из госпиталя вывозили груды трупов, сваливали за городом в балке, сверху присыпали землей, чтобы на следующую ночь класть новых. Никто не спрашивал, кто от чего умер. Контрразведчики тоже вывозили своих расстрелянных, замученных. У Жираслана по коже мурашки пробегали от одной мысли, что он может оказаться в той балке, о которой слышал еще от Факри-паши. Но Василий Петрович в один прекрасный день с довольным видом объявил князю:

— Опасность миновала. На тебе́, батенька мой, заживает как на собаке.

И Жираслан на него не обиделся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. ВОЛЧЬЯ ПАСТЬ

Анастасия Петровна пришла поздно вечером и, облегченно вздохнув, сказала:

— Наконец-то выпросила себе отгул! Завтра целый день дома. Убираться буду.

Жираслан поинтересовался, что такое «отгул».

— Двое суток не отходила от больной! Еле спасла ее. Бывает же! Молодая женщина. Пригожая, видная. У нас работала. За что в волчью пасть угодила — ума не приложу. Пришла в себя, бедняжечка, открыла свои печальные глаза и смотрит на меня с такой мольбой, — мол, спаси. Я хотела расспросить ее, да куда там! Не дали рта открыть. Оклемалась чуток — увезли опять в тюрьму. — У Анастасии Петровны дрогнул подбородок, глаза увлажнились. — Что же они за изверги, может быть, ее в живых уже нет. Замучают до смерти, ночью вывезут — и в яму...

— Кто это «они»? — опять спросил Жираслан, хотя и так догадывался, о ком идет речь.

— Деникинцы, кто же! Превратили больницу в тюрьму. Мыслимо ли это? Окна в решетках, всюду стража с винтовками. В застенках истязают горемычных, а нам выходи, верни их к жизни — и снова, окаянные, пытают сердечных страшной пыткой... Для чего, спрашивается? Дитя в утробе матери, и его уже смертной казнью казнят...

Хозяйка опять умолкла. Жираслан не торопил ее, не спрашивал, не успокаивал, но был весь внимание. Подумал: не попросить ли доктора положить его в больницу, где лежат раненые или больные бойцы Добрармии? От них, пожалуй, можно обо всем на свете узнать. Конечно, это немалый риск. Не приведи бог,

чтоб деникинцы пронюхали, кто такой Жираслан, с какой целью он здесь,— не только саблю для эмира, собственных ног не унесешь.

— Какой же она нации? — спросил он, в глубине души его что-то шевельнулось. Какое-то предчувствие растревожило его. Он поймал себя на том, что ему не будет легче, если еще не рожденный ребенок погиб у женщины не его национальности. Человек еще шага не сделал на земле, не издал ни звука, не увидел света, а уже загублен...

— А кто ее знает! Русская вроде...

* * *

Мариам арестовали прямо на работе, когда она вела прием больных. Она уже довольно долго работала в терапевтическом отделении, иногда ее приглашали в родильное, для консультации. Судьба ее сложилась, как следовало ожидать, не лучшим образом, хотя она благополучно добралась до Баку, а оттуда — в Петровск с рекомендательным письмом к начальнику госпиталя, у которого медицинского персонала не хватало, и он без особой проволочки принял ее.

В станицы и города Северного Кавказа проникли слухи не только о предстоящем победном походе Деникина на Москву, поговаривали и о готовящемся где-то в районе большевистской Астрахани ударе в спину Добрармии. Деникин понимал опасность, которую представляла собой 11-я армия красных, накапливающая силы для нанесения удара по центру Кавказа. Учитывая особую опасность, грозящую с северо-востока, Деникин поручил штабу немедленно разработать упредительный удар, с тем чтобы покончить с 11-й армией, разгромить партизанские отряды горцев, добить шариатскую монархию и расчистить тылы. Чтобы потом главными силами идти на революционную Россию, на Москву.

В этой обстановке не дремала и его контрразведка. Получив донесение о женщине-враче, появившейся в больнице под чужим именем и неизвестно откуда, она занялась ею. На основании показаний человека, якобы знавшего ее по Петербургу и даже пытавшегося в свое время ухаживать за ней, Мариам и арестовали.

Весть об этом мигом облетела больницу, встревожила персонал, начальник госпиталя, принявший Мариам на работу, растерянно разводил руками. Она была уверена, что все это — недоразумение, в котором разберутся, и ее отпустят, ведь ей не удалось еще ничего узнать и сообщить.

Мариам испытывала странное чувство, когда ее везли из больницы в тюрьму на линейке. Рядом с ней сидел военный с пистолетом в руке, за линейкой ехали верхом три жандарма. Подковы гулко цокали по мостовой, люди на улице останавливались и долго провожали ее взглядами — кто с любопытством, кто с сочувствием, а кто, может быть, и злорадно: дескать, поймалась птичка! А в душе Мариам, как ни странно, не было никакого страха. Ей все представлялось смешной комедией. Ее документы проверялись не раз. Никто к ней не придирался, не задавал подозрительных вопросов. Только в больнице с ухмылкой на рябоватом невыразительном лице к ней подошел знакомый еще по Петербургу человек. Первый раз он спросил: «Не узнаете меня?» Она поспешила бросить пренебрежительно «нет» и пошла прочь. Во второй раз он нахально преградил ей дорогу в коридоре и сказал: «А ведь вас зовут не Елена Ильинична...» Мариам вспыхнула, с удовольствием дала бы она пощечину наглецу, но не хотелось связываться — Мариам испугалась, что ее могут привлечь к ответу за уклонение от службы во фронтовом госпитале, когда отец ее умыкнул с полдороги на фронт. От этой мысли по коже побежали мурашки.

Бедная мама, подумала Мариам про безропотную горянку, которая думает, будто ее дочь ходит по Стамбулу, любуясь высокими минаретами и золочеными куполами мечетей. А отец? Пусть он и виноват, что судьба ее так сложилась, но если бы отец хоть краем глаза увидел, как под конвоем везут его дочь... замертво бы упал или отдал без раздумья жизнь, чтобы единственному ребенку своему вернуть свободу. Как жестоко их обманули! И как она, любящая дочь, могла хоть намеком, хоть полсловом не дать родителям знать, куда посылают ее «по воле монарха»? Случись с нею что — никто ничего не узнает; а ведь она могла бы не принять предложения министра внутренних дел,

несколько раз хотела объяснить ему, но... слова не шли с языка, стыдливость горянки помешала ей сказать правду о себе. Во всем сама виновата!

...Ее вели по темному коридору мимо массивных железных дверей с поржавевшими засовами, где, казалось, каждый глазок — это чей-то любопытный глаз, вонзенный в твой бок или спину. В этом отсыревшем, покрывшемся плесенью каменном мешке особенно чувствовался холод. Мариам так продрогла за два дня так называемого предварительного заключения, что ей нелегко было представить разговор со следователем, который вызвал ее на первый допрос.

В конце коридора перед ней распахнулась дышащая холодом дверь. Комната, в которой ее ожидал офицер, отличалась от ее камеры только бóльшими размерами. Следователь, брюнет лет тридцати, с колючими глазами, в аккуратно подогнанной форме (Мариам в знаках различия не разбиралась), ухмылкой встретил появление Мариам. Это вселило в ее сердце надежду. «Он меня отпустит» — так по-своему оценила она ухмылку контрразведчика.

— Позвольте представиться — Сараби Ахметов. Простите, что так долго заставил ждать. Поверьте, я не виноват. Дел накопилось — гора! А каждое дело — человек, его судьба, — эти слова еще больше ободрили Мариам. — Вполне возможно, вас взяли по нелепой случайности. Но сами понимаете, коль суждено попасть в кущи рая, надо пройти и чистилище. — Слабое пламя надежды в душе Мариам затрепетало, словно от ледяного ветерка. По чертам лица она угадывала в следователе горца, но по акценту не смогла определить национальности.

Не сводя глаз с Мариам, следователь тронул колокольчик. На пороге вытянулся в струнку солдат.

— Чаю. Пирожных. Вина.

— Есть! — произнес солдат и исчез.

Следователь, как бы предвкушая близкое удовольствие, потер руки и пригласил Мариам сесть на массивный табурет. Стол тоже был топорной работы. Другой мебели, на которой мог бы остановиться взгляд, в камере не было. На следователя Мариам старалась не смотреть, хотя и чувствовала, что он ищет ее взгляда.

Солдат принес два стакана чаю, несколько пирожных и бутылку красного вина, поставил все это на стол прямо перед следователем.

— Прошу вас, — пригласил тот. — Эти дни вы, видимо, не отличались хорошим аппетитом. Я тоже, признаться, проголодался. Давайте вместе выпьем чаю, потом побеседуем. По глотку вина?

— Не хочу. Спасибо.

— Ах, да. Извините! Я забыл! Мусульмане не пьют вина. Разве не так?

— Понятия не имею.

Следователь как бы задумался, налил себе стакан вина, выпил и снова налил, но пить уже не спешил, заглянул в дело, состоявшее всего из трех-четырех страниц, и какую-то фразу подчеркнул карандашом. С лица Сараби Ахметова сползла игривость, угасла напускная веселость, офицер стал сосредоточенней, морщины у переносицы свидетельствовали о его замешательстве.

Мариам держала не очень горячий стакан с чаем, стараясь вобрать в себя все тепло, но ее все равно прошибал холодный пот. От пола, выложенного красным кирпичом, веяло сыростью. Да еще Мариам заметила на полу запекшиеся капли крови, и ее охватила нервная дрожь, которую она напрасно старалась подавить.

Следователь осторожно произнес:

— Госпожа Елена Ильинична Васильчикова... — Сделал паузу, испытующе посмотрел колкими глазами на Мариам и добавил: — Или вас можно звать как-то иначе?

— Все правильно: Елена Васильчикова.

— Пусть так. Вы человек интеллигентный, с медицинским образованием и все такое. Давайте не будем мучить друг друга, поговорим начистоту. И вам лучше, и мне легче. — Ахметов легонько постукивал карандашом по столу, будто забавляясь, ловил каждое движение ее рук, теребивших кончик платка, вздрагивание ее губ. — Часто получается так: человек скрыл небольшой факт, сделал маленькую ошибку, но упирается, стоит на своем, и маленькая неправда его обрастает и обрастает ложью, как снежный ком. Через некоторое время за этим снежным комом не видно самого чело-

века. Бывает даже так, что снежный ком хоронит несчастного. Не доводите до этого! Вас заслали к нам как шпионку! — Ахметов схватил стакан вина, будто собирался выплеснуть в лицо Мариам, отпил несколько глотков и с удовольствием наблюдал, как лицо Мариам заливается краской.

— У вас нет никаких доказательств!

— Есть. Вы выезжали на фронт вместе с госпиталем?

— Да.

— До места дислокации госпиталя доехали?

— Нет.

— На подступах к фронту сошли с поезда и исчезли?..

Мариам поняла, что дело куда хуже, чем она думала. Ее обвиняют в дезертирстве... Но если она свалит вину на отца, который действительно подкараулил ее на станции, о чем она понятия не имела, то весь клубок размотается до конца. Значит, надо катить снежный ком дальше, бог даст, она не будет погребена под ним.

— Отстала от поезда. Вернулась назад. Потом вышла замуж.

— Стали Васильчиковой?

— Нет, я была Васильчиковой и Васильчиковой осталась!

— Врете! — Следователь допил вино и поставил пустой стакан на стол. — Учтите, я человек опытный, не такие орешки, как вы, у меня раскалывались. Если вы отстали от поезда, чтобы перейти линию фронта, передать шпионские сведения противнику, мы заставим вас сознаться в этом. У нас для этого есть средства! Но, поверьте, не хотелось мне прибегать к крайностям, портить ваш довольно неплохой портрет... Вам лучше правду сказать. Правду! — последнее слово он выкрикнул.

Это и есть волчья пасть, подумала Мариам, такое обвинение так же трудно опровергнуть, как и доказать. Для подозрений, пожалуй, больше фактов: ее умыкнул родной отец, это сейчас прозвучит просто нелепо! Наверняка, им известно и настоящее ее имя, а если они еще... Дальше она не могла думать, дрожь пробрала ее до костей. Пусть она не сможет опровер-

гнуть их обвинений, но никакая сила не заставит ее сознаться.

— Это ложное обвинение. Ложное, ложное! — У Мариам стучали зубы, дрожали руки, плечи. Она задыхалась.

— Нет, Мариам Гасангиреевна, не ложное. Я вас предупреждал, предупреждаю еще раз: только правда может вас спасти. Если вы отказались от своего народа, приняли чужую фамилию, выдаете себя за человека иной национальности, вас что-то принудило к этому? Не так ли?

— Вы путаете. Или вас запутали. Меня никто ни к чему не принуждал. — Мариам уверяла себя, что не будет погребена под снежным комом, за которым ее уже, может быть, не видно... «Нас все-таки двое», — думала она. Неожиданно на ум пришла пословица, которую чаще услышишь в девичьем кругу: «Признаться в грехе — что девственности лишиться». «И так и этак за тебя калыма родителям не дадут»,— в душе усмехнулась она. Сворачивать с избранного пути нельзя.— Я ношу имя, которое мне дали. Есть документы.

— Документы, да. — Ахметов вылил в стакан все, что осталось в бутылке, но пить не стал, посмотрел на этикетку, будто удостоверялся в правильности марки вина, и продолжал: — У вас есть не только документы, но и характер. Документами нас не проведешь, а характер сломаем. Я последний раз прошу: не вынуждайте нас к крайностям. Признайтесь, что вы подосланы. Я освобожу вас. Вы будете работать в госпитале под нашим наблюдением. Убедимся в вашей честности — вы отправитесь к Дышнинскому, который вас сюда подкинул, наладим связь, и вы будете работать на нас, выполнять наши задания... Согласны?

Мариам никак не могла совладать с возникшей нервной дрожью, неведомая сила, казалось, сковала ее язык.

— Согласны или нет? — следователь повысил голос и, не дождавшись ответа, со звоном ударил стаканом о бутылку. Это был сигнал. Открылась дверь, и трое дюжих молодцов в военном и огромная лохматая собака перешагнули порог комнаты.

Ахметов встал, шагнул к Мариам и сильным ударом в лицо сбросил ее с табурета на пол. Из носа хлынула кровь. Залаяла собака...

2. КАМЕННЫЙ МЕШОК

Мариам поднялась на ноги и тут же почувствовала новый удар — уже в спину, от которого отлетела в противоположный угол, головой прямо в стенку. Встречный удар изменил направление ее падения. Четверо мужчин стояли по углам и ударами кулаков, пинками швыряли ее друг к другу. Мариам скорчилась, обхватив руками живот, падая, старалась подтянуть колени повыше, чтобы защитить его от удара, в глазах мелькали искры. Собака, почуяв запах крови, лаяла все сильней, каменный мешок перевернулся и упал на Мариам... Очнулась она в холодной башне, мокрая и окровавленная. Рвота выворачивала все внутренности. Мариам пыталась крикнуть, позвать кого-нибудь на помощь, но кругом стояла мертвая тишина, ее обуял страх, ей чудилась сырая могила. «Заживо погребена», — мелькнула мысль...

Сколько дней Мариам провела в башне, сосчитать она не могла. Каждый час ждала смерти, а та не приходила. Время от времени солдат открывал дверь, ставил на пол миску с похлебкой, которую она в темноте и рассмотреть не могла, солдат не говорил ни слова, не отвечал на ее вопросы, но Мариам была рада, что рядом с нею хоть есть живой человек...

И вот опять ее вызвали на допрос. Теперь повели через двор, окруженный с трех сторон длинными двухэтажными зданиями с облупленными стенами и небольшими квадратными окнами, похожими на бойницы. Небо было пасмурным, тяжелым, облака суровыми, неподвижными, вот-вот повалит снег. Мариам привели в ту же комнату-камеру. И ждал ее тот же следователь, который, как ни в чем не бывало, спросил:

— Ну, что вы скажете нам теперь? — На этот раз он не проявлял показной вежливости, даже не предлагал сесть, а у арестованной от слабости подкашивались ноги.

— Я все сказала...

По условному сигналу, который Мариам не уловила, открылась дверь — и в камеру вошел улыбающийся, голубоглазый человек.

— Здравствуйте, Мариам Гасангиреевна! — ласково приветствовал он ее, будто встретил родную душу.

— Я вас не знаю. — Мариам мельком взглянула на офицера и вдруг вспомнила дворец эмира, где его встречала. «При вас оружия нет?» — спросил он тогда, а Мариам все никак не могла понять, о каком оружии он говорит. Значит, он запомнил ее, знает, зачем она здесь.

— Я напомню вам. Вы могли с первой встречи не запомнить меня. — Голубоглазый офицер верхом уселся на табурет, уставился на женщину. Улыбка так и не сходила с его лица. — Зато я знал о вас раньше, чем вы появились во дворце, знал, кто был вашим соперником, точней конкурентом, знал, кто первым подал идею послать вас сюда. Конечно, здесь не Стамбул, мусульманских храмов нет, здесь контрразведка, и просим считаться с этим, иначе...

— А что будет «иначе» — она уже имеет отдаленное представление. Полагаю, одного урока достаточно. Она же образованная, — усмехнулся Ахметов.

— Чтобы оценить вкус вина, не надо пить целую бочку. Я просто задаю наводящие вопросы, — явно издевался Леша над Мариам. Он давно освоился здесь, в деникинской контрразведке, «связист», «любимец эмира». Он чувствовал себя здесь хозяином положения.

— Я вас не знаю и знать не хочу.

— Зачем же так? — Голос голубоглазого звучал совсем иронически. — Знать, может быть, вы и не знаете. Но мы познакомимся. Вы меня вовек не забудете, уверяю вас. — Он посмотрел на Ахметова и, как бы между прочим, бросил: — Она хочет познакомиться с нами. Мы готовы. Не правда ли? — С этими словами он поднялся, ударил ногой по табуретке, которая отлетела и, ударившись об стенку, опрокинулась.

В комнату вошли те же парни, избивавшие ее на первом допросе. В их руках были шомпола. Мариам уволокли в соседнюю комнату, через дыру в толстенной стене которой проникало немного света. Вплотную к стене стоял массивный стол, от которого несло дурным запахом, рядом три табурета, а посередине комнаты — кушетка, обитая полинявшей и порванной во многих местах клеенкой.

Подошел следователь:

— Пожалейте себя. Говорите правду, пока не поздно, — сказал он. Взял у солдата шомпол, согнул в дугу, и, когда отпустил конец, шомпол со свистом выпрямился.

— Мне нечего добавлять...

— Тогда начнем... — Вооружился шомполом и голубоглазый. — Знакомиться, конечно... Раздевайтесь.

— Вы с ума сошли? Я не разденусь! Ни за что!

— Раздевать мы умеем. Этой процедуре нас учить не надо. — Следователь подошел к Мариам, зацепил за воротник легкого пальто, дернул изо всех сил — и по полу покатились пуговицы. Сорвали платок с головы, голубоглазый сорвал кофту, юбку, полетели заколки... Мариам не успела опомниться, как оказалась в одной рубашке, в башмачках и чулках. «Сейчас забьют до смерти», — думала она. Густые черные волосы закрывали ее чуть ли не до колен, она согнулась, прикрывая обеими руками округлый живот, четко проступавший сквозь рубашку.

Следователь и Леша швырнули женщину на кушетку спиной кверху, один сел на ноги, другой — на шею. Она закричала не своим голосом, признаваясь, что беременна, молила пощадить ребенка в ее утробе.

— Ребенок, ребенка погубите, — задыхалась Мариам, извиваясь под шомполами. Ее тело было изрублено так, что кровь текла даже по подошвам ног, с которых сорвали и башмаки и чулки. От злобного страшного пинка в бок Мариам потеряла сознание надолго...

Когда безмолвный надзиратель принес еду, узница лежала без всяких признаков жизни в луже собственной крови. Истязатели свалили ее в угол на охапку вонючей соломы, а рядом швырнули груду одежды. Мариам лежала в той же позе, в какой ее оставили. «Покончила с собой», — подумал надзиратель и по-

бежал докладывать по инстанции. Явился тюремный врач, проверил пульс — сердце еще билось. Солдаты напялили на узницу ее окровавленную и влажную от сырости одежду, положили Мариам на носилки, и по распоряжению начальника тюрьмы через час бледная от потери крови и все еще не пришедшая в себя женщина оказалась в городской больнице...

* * *

Анастасия Петровна не рассказала Жираслану, как она, акушерка, видавшая виды, ужаснулась, увидев женщину, выкинувшую ребенка от страшных пыток.

— Не дай ей копыта откинуть, — распорядился жандарм, сопровождавший арестованную. — Она нам еще нужна. — И с наслаждением пустил в потолок струю махорочного дыма.

Как Анастасии Петровне удалось выходить несчастную — осталось ее тайной. Весь опыт и умение применила акушерка, спасая Мариам. Спасая для будущих мучений...

Когда Мариам снова потащили на допрос, потащили в прямом смысле слова, потому что идти без посторонней помощи она не могла, она опять увидела знакомый двор, окруженный с трех сторон домами, а с четвертой — глухой стеной. Камера, куда Мариам приволокли, была другая, но следователь тот же. Увидев ее, Ахметов с издевкой спросил:

— Ну, кого же ты родила? Нового имама? А может быть, большевика? У вас же шариатисты и Советы снюхались! От вас всего можно ждать!

Мариам молчала и с ужасом озиралась по сторонам, боясь взглянуть на большой, выкрашенный черной краской стул с высокой спинкой из цельной, довольно толстой доски. Теперь ее усадили на этот стул да еще схватили стальной полосой прямо за горло, так что еще чуть-чуть затянуть — и она не сможет дышать. Ахметов приказал смотреть ей прямо вперед, на черный круг, нарисованный на стене. Мариам ожидала чего-то страшного, но оказалось, что никто не собирается бить ее, не слышно было и рявканья овчарки.

Прошло минуты три, она уже готова была успокоиться, как вдруг на голову ей упала капля холод-

ной воды. «От сырости, с потолка», — подумала Мариам, пытаясь было поднять глаза кверху и убедиться, что это так, но побоялась следователя. «Отведешь глаза от черного пятна — ударит, хотя сегодня у него вид довольно благодушный». Снова упала капля, кажется, звонче, чем первая, и растеклась по волосам. Неужто ее нарочно посадили там, где каплет? Мариам пыталась сдвинуться, но куда там — голову не повернуть ни вправо, ни влево. Третья капля показалась ей величиной с наперсток. Она так ударила, что заставила вздрогнуть ее всем телом. Теперь Мариам ждала этих капель, вся напрягаясь, и каждая капля казалась все тяжелей. Прошло десять минут, а может быть, больше, судороги охватили ноги, руки, потом все тело, и как ни старалась Мариам — не могла совладать с собой...

Очнулась она на полу, в луже воды. Ее окатили, чтобы привести в чувство, но Мариам показалось, что все это накапало с потолка. Неужели ее заставили столько сидеть на проклятом стуле — ведь здесь не меньше ведра? Мысли в голове путались, все мелькало перед глазами. Как ее зовут? Мариам — так Мариам, Елена Ильинична — так Елена... Она согласна на что угодно, лишь бы конец мучениям...

— Душ так понравился, что не хочется вставать, — смеясь, сказал Ахметов, когда Мариам чуть-чуть приоткрыла глаза.

Мариам с ужасом подумала о новых пытках, которые придумает «кирпичная морда», — так мысленно окрестила Мариам своего истязателя. Она собрала последние силы, чтобы сесть. Кружилась голова.

Мариам поднялась на ноги и пошатнулась от головокружения и слабости. Она упала бы, если бы не ухватилась за спинку проклятого стула. Теперь он ее выручил. Мариам медленными механическими движениями пригладила волосы, выжала на себе одежду, отчего и юбка, и блузка, и платок стали как жеваные. Следователь, не обращая на нее никакого внимания, что-то сосредоточенно писал.

Звякнул колокольчик, и Мариам вздрогнула. От страха у нее подкосились ноги, — в дверях стояли те двое, которые уже не раз пытали ее.

— На сегодня все, — сказал следователь не столько

жандармам, сколько узнице, оказавшейся нелегким орешком. — Пошли!

Вслед за Ахметовым жандармы повели Мариам той же дорогой, по которой доставили сюда. Во дворе их остановил начальник тюрьмы в горской папахе и с шашкой через плечо, с выпяченным из-за тугого армейского пояса животом. Рядом с ним стояли солдаты, одни с винтовками, другие — с лопатами. На земле стоял грубо сколоченный гроб.

— Ну что, не заговорила еще райская птичка? — спросил начальник тюрьмы у следователя.

— Никак нет, ваше благородие. Молчит, словно язык проглотила.

— Может, и в самом деле проглотила? Ты почем знаешь?

Ахметов развел руками, кинул взгляд на Мариам и уже хотел идти.

— Дай-ка я проверю, — и начальник тюрьмы шагнул к ней.

Мариам решила, что сейчас будут заглядывать ей в рот, как горцы в зубы лошади на базаре.

— Если она у меня не заговорит, считай: проглотила. — Он жестом заставил солдат расступиться. — А ну, откройте гроб, живо! — скомандовал он.

«Расстреляют», — подумала Мариам, стараясь удержаться на ногах. Когда солдаты сняли крышку, она увидела в гробу труп мужчины с черной бородой. У солдат тряслись руки.

— Вот-вот. — Начальник тюрьмы выпрямился и обратился к жандармам, стоявшим по бокам Мариам. — А теперь кладите ее рядом с ним.

Мариам что есть силы пыталась отбиться, но сил было слишком мало. Кто-то зажал ей рот... Ее кинули на труп, и солдаты закрыли крышку. Застучал молоток...

...В женской камере, среди воровок и женщин, арестованных по подозрению в преступлениях или связях с повстанцами, Мариам пела по-петушиному, вставала на колени, хлопала по бедрам ладонями, как петух хлопает крыльями, вопила «ку-ка-ре-ку-у-у-у!». Сначала этого не приняли всерьез, забавлялись новенькой, смеялись. Но, когда молодая женщина закувыркалась по загаженному, заплеванному полу, стала изображать

мертвеца, который, ожив в гробу, превратился в хищную птицу, впившуюся в ее шею когтями, женщины сбились в кучу и забарабанили в дверь, истошно призывая надзирательницу, чтобы их избавили от сумасшедшей.

Даже следователя с голубоглазым Лешей Мариам вовсе не испугалась — наоборот, закукарекала, впившись в них безумными глазами. Она готова была вцепиться в горло следователя когтями.

— Заберите ее! Она сумасшедшая! — в один голос молили арестантки.

Следователь распорядился перевести Мариам в городскую больницу.

3. БЕЛЫЙ ХАЛАТ

Белоказаки со всех сторон обложили Кизляр, но ни превосходство сил, ни мощь их артиллерии не давали нужных результатов. Лишь однажды казаки были близки к цели, ворвались в город, но внезапно в тылу у них загремело раскатистое «ура». Казаки решили, что к защитникам города подоспела подмога, повернули назад, оставив свыше полутора тысяч убитых на подступах к городу, не зная, что страху на них нагнала всего-навсего рота красноармейцев — последний резерв красно́го командования.

Бичераховцы с деникинскими войсками, перед тем как предпринять решительное наступление на партизан и воинство эмира, засевших в горах, взялись расчистить тылы, чтобы не получить удара в спину, со стороны красного Кизляра, закрывавшего подступы к главной базе большевиков — Астрахани. Кизлярцы ждали этого и даром времени не тратили — создавали укрепления вокруг города. В Петровск прибывали все новые партии раненых. Василий Петрович изворачивался, как мог, стараясь разместить их. Плотники сооружали нары над кроватями, чтобы можно было наверху укладывать легкораненых, выздоравливаю-

щих, а внизу — тяжелых. Вся надежда была на группу моряков, ожидавших комиссии и выписки, — с их отъездом места сразу должно было прибавиться. Моряки держались обособленно, дружно, своих в обиду не давали, по вечерам травили морские байки и сговаривались всей командой идти на один корабль.

Поздно вечером Василий Петрович заглянул к Жираслану.

— Ну что, закрылось сердце джигита или, как гончар на базаре, стучит на виду? — спросил Василий Петрович, переступив порог с саквояжем в руке. Не дожидаясь приглашения, он сел. Видно было, как он смертельно устал. — Подойди-ка, я погляжу, как там оно у тебя.

— Закрылось. Будто цыпленок в скорлупе. Чувствую его удары. — Жираслан разделся до пояса, хотя в комнате было не очень тепло, встал левым боком к доктору.

— Ты помни о бедном цыпленочке-то, воздержись от резких движений, избегай ушибов. Сердце не любит шуток, оно у тебя золотое, сколько оплошностей простило тебе. Не испытывай судьбу, хватит. — Василий Петрович размотал бинт, осмотрел рану, осторожно надавливая на еще не окрепшие рубцы, достал мазь из саквояжа и принялся смазывать его больное место. — Ни на секунду не забывай о ране,— сказал он, закончив дело.

— Она сама напоминает о себе. Как назойливая невеста, — бодро пошутил Жираслан.

Доктор частенько заходил к своему тайному пациенту, как называл Жираслана, но был осторожен до предела, — он уже знал, откуда и зачем приехал Жираслан, только удивился, когда выяснилось, что Казгирей Матханов неподалеку в горах и что он командующий армией у эмира. В долговечность шариатской монархии доктор не верил.

— Вековые устои рухнули, империи развалились, куда там выстоять шариатской монархии на костылях! — говорил он.

Жираслан и сам не мог объяснить доктору, каким образом большевистские войска Гикало оказались рядом с войсками эмирата.

— И он ему подчиняется? — переспросил доктор, не веря своим ушам, когда Жираслан поведал, что великий визирь Дышнинский отдает Гикало приказания...

— И приказов не выполняет, и на вызовы чхать хотел, — ответил Жираслан.

Доктор вдруг к слову вспомнил о нашумевшем в то время комбриге Кочубее, который не признавал над собой никакой власти, разуверившись в правильности действий высших офицеров, прямых своих начальников. Рассказал, что кочубеевцы-анархисты шли на штурм Кизляра так, будто им море по колено, шли с гармошкой, с песней и пляской. Защитники Кизляра недолго любовались их концертом, открыли огонь. Кочубеевцы едва вскочили на своих коней, не успели даже раненых подобрать. А среди них раненая женщина оказалась...

— Это она у контрразведчиков? — осторожно спросил Жираслан.

— У контрразведчиков? — так же осторожно переспросил доктор. — Нет, у этих другая.

— Ты ее видел?

— Приходилось... В психиатрическом она. Дьявол их забери! Что они с ней сделали — уму непостижимо!

Жираслан загорелся:

— Нельзя ли мне ее увидеть?

— Увидеть?! — Василий Петрович был в замешательстве. — Ну, знаешь ли... Как? Она за семью замками.

— Издали хотя бы.

Доктор призадумался: а если надеть на Жираслана белый халат, на голову — шапочку, в карман сунуть стетоскоп и провести его в психиатрическое отделение как врача, в таком обличье он может проехать в больницу в санитарном фургоне, как бы сопровождая больного или раненого. Перебрав все возможные варианты, доктор обнадежил Жираслана:

— Издали, пожалуй, можно. Учти, узнает она тебя — тут же угодишь в лапы контрразведки. Ведь это Мариам...

— Я так и чуял!

Василий Петрович рассказал о консилиуме, который он устроил для Мариам и который установил у нее

острое психическое расстройство и невменяемость. На допросы ее таскать перестали, но караулили, ждали, когда оправится, чтобы снова взяться за нее.

— Может, пока займемся литографской машиной? За этим ведь ты приехал? — произнес Василий Петрович. — Я проверял в местной типографии — то ли вывезли машину, то ли припрятали, некоторые говорят, что «увезли в Шуру».

Но Жираслан потерял покой с этой минуты, его уже не интересовали типографские машины, краски, пусть ими занимается Гасан-гирей. Ему надо проникнуть на территорию больницы, выручить Мариам...

— С Шурой подождем, дай белый халат, выдай меня за дохтура по болезням шайтана, — умолял Жираслан, как и все кабардинцы называя психическую болезнь шайтановой болезнью.

События, происходившие в городе, подталкивали Василия Петровича к действиям, он подобрал экипировку для врача, и через день они с Жирасланом оказались на территории больницы. У дверей палаты, где лежала в одиночестве Мариам, часовые проверяли документы, к больной требовался пропуск за подписью начальника отдела контрразведки Сараби Ахметова или Леши, который, обратись к нему, сразу бы опознал Жираслана. Пока Василий Петрович совершал обход, Жираслан заговорил с моряками, — мол, пора уходить отсюда, пока тифозная вошь не посетила. Вокруг «врача» увеличивался круг морячков. Жираслан, подстраиваясь под них, рассказывал о тифозной болезни некоего офицера, которому не терпелось вскочить на коня и кинуться в атаку, как он не послушался врача, удрал из госпиталя, вернулся в полк и как повел кавалерию в атаку с саблей наголо. И только тогда закружилась голова у бравого командира, он навалился на луку седла и едва удержался, ухватившись руками за гриву коня... Вот какая сила — тифозная вошь!.. Жираслан говорил с таким увлечением, будто видел это сам.

— Он был беляк или красный командир? — спросил, по всему видно, бывалый матрос — скуластый, плечистый, в рваном бушлате. Жираслан сообразил: о белых матрос говорит «беляки», о красных — «красный командир», значит, у них сердце лежит больше к красным. Осторожный князь не высказывал своих

симпатий или антипатий, тем более что он сейчас был в роли доктора.

— Аллах его знает, лечился здесь, выписался или нет — не знаю, хожу вот по палатам, ищу...

Матрос на костылях с накинутой на плечи армейской длинной шинелью поверх тельняшки и с «козьей ножкой» в желтых зубах, распространяя едкий махорочный дым, поведал:

— Местный один сказывал: был тут Шарипов какой-то. Один с саблей врезался в целый эскадрон. Ну, конечно, не одну пулю принял. Так он и мертвым усидел в седле, в него стреляют, пуля рвет черкеску в клочья, а он не падает, как заговоренный, страху на всех нагнал.

— Трави-трави, мертвый и носился? — иронизировал другой.

— Могло быть. Если он ремешком или кинжалом зацепился, так и сидел, пока конь под ним не рухнул.

Матрос в армейской серой шинели затянулся махоркой, а бычок передал соседу.

— Нам бы посудину какую, доктор. «Не пыли, пехота» — это не для нас, — заговорил усатый, узкогрудый, невысокого роста матрос, возраст которого трудно было определить.

— Военный транспорт, сказывают, скоро пришвартуется, не слыхали, доктор? Туда бы всех нас на довольствие. А?

Вопросы сыпались на Жираслана со всех сторон. «Доктор» хотел уже было задать деру, да посмотрел в окно и обомлел: двое санитаров вели через двор Мариам. Жираслан растолкал матросов, окружавших его плотным кольцом, шагнул к окну, чтобы лучше видеть. «Что же делать?» — думал он. — Выскочить во двор, крикнуть «Мариам!» — разделить ее судьбу». Жираслан вспомнил рассказы Анастасии Петровны о страшных пытках, которым подверглась Мариам. Куда ее вели? На допрос, на новые истязания? Рядом санитары, не конвоиры — может быть, на перевязку, думал Жираслан.

— Военные дела — для военных. Нам, врачам, надо людей спасать! — проговорил Жираслан, как бы отвечая матросу, а сам думал о Мариам. В эту минуту появился Василий Петрович.

— Пойдемте, коллега, — послышался его спокойный голос. — Консилиум в сборе. — И, обращаясь к матросам, добавил: — А вам «нынче здесь, завтра там».

— Где «там», доктор?

— Были бы кости целы. Комиссия найдет где. Собирайте вещички.

Матросы заволновались.

— Собрать шмотки недолго, но куда нас: в пехоту неохота, непривычные мы пылить.

— Пошли, братва! Бог не выдаст, свинья не съест. Найдется для нас посудина...

Василий Петрович и Жираслан заспешили во двор.

— Василий, это же она! — У Жираслана не хватило выдержки. Он был потрясен, сердце в груди колотилось. — Бедняжечка! Как она изменилась! Лет на десять состарилась...

— У них состаришься!

— Отец думает, дочь в Стамбуле. Обманули его, понимаешь? Иначе Гасан-гирей ни за что не согласил-бы отпустить ее. Костьми бы лег! — Жираслан от волнения прибавил шагу и, горячо дыша, добавил: — Надо вырвать ее из этого ада. Во что бы то ни стало! Это мой долг. Если я этого не сделаю, Жираслан не Жираслан. — У него в голове уже сидело: сговориться с матросами, снять стражу у палаты, выкрасть Мариам и увезти, если не в горы, то в надежное убежище.

— Благородно с твоей стороны, — одобрил Василий Петрович.

— Но ты должен помочь мне.

— Я готов. Тебе одному не просто выбраться отсюда. Вместе с нею — почти невозможно.

— Как хочешь, но я ее здесь не оставлю. Погибнем — так вместе!

— Погибнуть никогда не поздно, друг мой. Хитрости в этом немного. Пошли домой, будем думать...

Они продолжили разговор в доме Василия Петровича, закрывшись в кабинете. Жираслан хватал доктора за руки, горячо дышал ему в лицо:

— Как и ты, она спасла меня от верной смерти. Я ел хлеб из рук ее матери, пользовался гостеприимством ее отца, жил под ее крышей... Я не имею права бросить ее в беде. Я ей обязан жизнью. Жизнь за жизнь!

— Понимаю, дорогой мой, среди горцев не первый год живу. Но с нее контрразведка глаз не спускает.— Василий Петрович помолчал и небрежно, словно между делом, сообщил: — Сегодня ко мне попал летчик. Из Баку летел, на подступах к Петровску кончилось горючее, аэроплан сделал вынужденную посадку на песчаной отмели. При посадке он расшиб себе голову, травмировал глаз. Через неделю поправится, улетит...

— Аэроплан? — Жираслан только слышал, что есть аэропланы, но видеть их, даже в полете, не приходилось. — На нем как — верхом, как на коне?

— Верхом, говоришь? — рассмеялся доктор. — Как бы ветром не сдуло, знаешь с какой скоростью он летит? Сто пятьдесят — двести верст. До Ведено доставит за час. На казачью дивизию как напустили аэропланов, так за полчаса от нее ничего не осталось. Командир дивизии генерал Кутепов два дня потом собирал ее остатки.

— Налететь бы на бичераховцев — да из пулемета по их папахам: та-та-та-та-та! — произнес Жираслан. Сама идея казалась ему заманчивой, только как ее осуществить. — А сколько мест в аэроплане? — Он готов был на все ради спасения Мариам, но вдруг аэроплан не возьмет двух, а если возьмет — где их высадит?

— Разно бывает. Этот прилетел на почтовом. Пакет привез для командования.

— Пакет где?

— Сразу сдал. Не лежать же ему в палате с секретным пакетом. Лазарь Бичерахов со своим братом Георгием переписывается.

— Керосин ему нужен? Может, на этом сторгуемся? — спросил Жираслан.

— Я не очень-то разбираюсь; слышал, аэропланы заправляются всевозможными смесями.

Жираслан мучительно думал. Он знал лошадь, чем ее кормить, чем поить, чтобы на ней умчаться. Вспомнил Ару, которую подарил турецкому генералу, и пожалел об этом. Будь он сейчас на коне, может, сумел бы ночью выкрасть Мариам, увезти ее в горы, а там найдутся добрые люди, приютят...

— Ты сведешь меня с ней! — настаивал Жираслан.

— С Мариам?

— И с Мариам!

— А ты подумал, как это отразится на ее здоровье? Сейчас к ней вернулся разум. Я к ней не хожу не из опасения, что меня схватят, боюсь вызвать у нее шок. Оказываю помощь через других. Я скажу, чтобы ей передала Анастасия Петровна, — мол, о тебе спрашивает один джигит, хочет помочь. Посмотрим, как она к этому отнесется. Ей сейчас любая тревога ни к чему.

— Ты доктор, делай как знаешь, я знаю одно: надо спасти Мариам.

4. ЗАРЕВО НАД ГОРОДОМ

Со стороны моря дули солоноватые холодные ветры, туманы то уходили вверх по течению Терека, то снова застилали небо и землю. Люди запасались на зиму и прятали припасы подальше, а скот угоняли на зимовку в бескрайние степи...

Жираслан, поздно вернувшись от Василия Петровича, прошел в свою комнату кошачьими шагами, чтобы не беспокоить хозяйку, хотя она и не спала в ожидании своего постояльца. Не зажигая света, он лег на жесткую кровать и все думал о побеге Мариам. О летчике, которому он предложит много денег, чтобы тот взял его в свой аэроплан «с женой». И вот они уже летят, возле Дербента садятся в расположение войск Факри-паши. Жираслан и Мариам сходят с самолета, а летчику предлагают на выбор: или лететь в Баку, или остаться, сделаться первым летчиком Северо-Кавказского эмирата. Обрадованный Дышнинский прощает Жираслану то, что он не привез пока сабли Шамиля, а Гасан-гирей от счастья на седьмом небе.

Но мечты мечтами, а дни бежали быстро. Дела на Кизлярском фронте пошли успешнее. Получив крупное подкрепление из Астрахани, большевики, осажденные в Кизляре, перешли в наступление на деникинцев и

бичераховских казаков. Из портового городка срочно забрали последние подразделения, произвели мобилизацию резервистов. В Петровск прибыл большой пароход «Воспаракан» с военным грузом — помощь старшего из братьев Бичераховых младшему. Пароход с укрепленными на палубах на случай нападения орудиями пришвартовался в тот момент, когда для отпора кизлярцам подмели всех, кто в состоянии был поднять винтовку.

В Петровске ожидалась перемена, красные нажимали так, что фронт Добрармии трещал по всем швам. Город охватила неслыханная паника. И стар и млад бежали куда глаза глядят — Петровску грозило полное уничтожение.

Партизаны, спустившиеся с гор, разобрали железнодорожное полотно, и на железнодорожной станции Петровска скопилось множество эшелонов, среди которых двадцать два вагона были с пироксилином. Если одна шашка этого вещества разрушала мост, то чего можно было ожидать от взрыва двух десятков вагонов, рядом с которыми впритирку стояли эшелоны с нефтью и керосином? От взрыва такой силы на месте станции могла образоваться гигантская воронка, в которую хлынула бы морская вода, а взрывная волна снесла бы дома в радиусе километра. И такой взрыв вот-вот мог произойти, потому что на станции уже горели вагоны с хлопком и огонь с устрашающей быстротой подбирался к вагонам со взрывчаткой.

Перепуганный насмерть комендант города рвал на себе волосы: бронепоезд, который он мог использовать, чтобы растащить взрывоопасные вагоны, был послан на восстановление железнодорожного полотна. Комендант обратился за помощью к населению. В городе не оказалось противопожарных средств. Комендант вознамерился выстроить людей от горящих вагонов до моря длинными цепочками, чтобы ведра с водой передавать из рук в руки, и сплошным потоком воды загасить огонь...

Людей не хватало. Те, кого уже согнали к станции, по одному, по двое исчезали в ночной темноте, в дыму. Среди железнодорожников не оказалось ни одного машиниста, чтобы откатить вагоны, и комендант города приказал снять сцепления и откатывать вагоны рука-

ми. Но куда? Всюду бушевал огонь. Одна искорка — и вагоны с нефтепродуктами взлетят, взорвутся боеприпасы и пироксилин. Охрана растерялась, ее охватила паника, как и жителей. В ночной мгле только и слышалось: «Стой, стрелять буду!» Уже раздавались винтовочные выстрелы. Пожар разгорался сильней и сильней...

Вне себя от ужаса, комендант примчался в госпиталь и потребовал, чтобы медицинский персонал и выздоравливающие отправились тушить пожар, пока город не взлетел на воздух. Охрану он потребовал снять и использовать на станции, пока не будет ликвидирована опасность. Начальник охраны схватился за наган. Он орал на коменданта:

— Пожар — дело красных партизан! Надо их вылавливать, тащить сюда. Они попляшут у меня! Я не сниму охраны, ни одного солдата...

Комендант трясся от гнева:

— Ты попадешь со своими заключенными на небеса раньше, чем заставишь плясать партизан!

Этот спор был лишней тратой времени, но Василий Петрович узнал из него важнейшую информацию: комендант снял с корабля, пришедшего с военным грузом в порт, всю команду и бросил ее на тушение пожара. Пользуясь суматохой, Василий Петрович, который в эту ночь вовсе не ложился, дежурил по больнице, примчался к Жираслану и поднял его с постели.

— Или сию минуту, или никогда! — сказал доктор решительно. — Другого такого случая не будет.

— Я готов, Василий, минута — и я готов. — Жираслан глянул на свои золотые часы. Время близилось к рассвету. В окно видны были зловещие отблески пожара, с улицы доносилось мычание коров, лай собак. Василий Петрович снова нарядил Жираслана под доктора, и они помчались, как бы по срочному вызову, в больницу. Жираслан уже знал, где искать моряков, а Василий Петрович пошел за Мариам. Жираслан отыскал двух моряков, поднял их с постелей, вывел в коридор. Один был как раз тот, что уважительно отзывался о красных командирах, а другой — что рассказывал легенду об Асланбеке Шарипове...

— Есть дело поважней, чем тушить пожар, — начал Жираслан негромко. — Хотите, идемте со мной. Не хо-

тите — бегите на станцию. Вы меня не видели, я вас не видел.

— Куда ты зовешь? — из палаты выполз сонный пожилой матрос, почесывая волосатую грудь. — Куда ты их зовешь?

Пожилой матрос не вызывал у Жираслана доверия, но медлить было нельзя.

— Если доверяете мне, пойдемте, нет — исполняйте приказание коменданта города. Военный корабль в порту. Без команды. Команду погнали тушить пожар. Есть возможность захватить судно... и уйти в море. На размышления времени нет!

Старый матрос ожил:

— Полундра, свистать всех наверх!

Матросы мигом очистили палату. Может быть, не всем хотелось идти на риск, но бежало их десятка два. У проходной их ожидали Василий Петрович и Мариам. Измученная, истерзанная пытками, доведенная до отчаяния женщина, увидев Жираслана, не верила глазам своим.

Жираслан схватил за руку Мариам, и они побежали к порту.

— Мариам! Милая Мариам, я знаю все. Нам аллах помогает. Видишь зарево... горит. Что горит — объяснять некогда... Матросы бегут... за ними надо поспевать...

Жираслан готов был бы подхватить Мариам на руки, чтобы помочь ей, но его рана... Слава аллаху, порт уже близко, думал он, а то Мариам совсем выбилась из сил.

Вот и судно!

— Рубите канаты! — доносится из темноты задыхающийся голос доктора. Что это значит, Жираслан мог только догадываться, зато моряки понимали, что надо успеть уйти в море раньше, чем контрразведка бросится в погоню. Кроме небольших конвойных подразделений, войск в городе не осталось, если не считать нескольких военнослужащих во главе с комендантом.

Жираслан и Мариам, накинувшая белый халат, первыми пошли к сходням. Там стоял матрос. Он принял за своих моряков из госпиталя и не проявил никакой тревоги.

Жираслан, пропуская вперед Мариам, буркнул, как учил его Василий Петрович:

— Санинспекция! — но, поравнявшись с матросом, выхватил из его рук винтовку. Подоспели и моряки из госпиталя... Швартовы были перерублены, и судно, покачиваясь на волнах, уже отходило от пристани. Где-то в недрах корабля шла короткая схватка, раздавались выстрелы, крики. Заработали двигатели. Старший матрос знал, кого куда поставить!

Мариам и Жираслан, стоя на палубе, видели, как постепенно уходит от них берег. Неразгруженный, глубоко сидящий в воде пароход медленно удалялся от порта. В ночной мгле тускнело зловещее зарево над городом.

Вскоре исчезло и оно, во мраке потонули последние огоньки. Трудно было понять, идет корабль или стоит на месте. Мелкая вибрация напоминала Мариам несносную нервную дрожь, с которой она не могла совладать, когда ее посадили на черный стул... Теперь она могла обо всем рассказать Жираслану, который вырвал ее из волчьей пасти. Поверит ли он, узнав, какие страшные пытки она перенесла?

В эту ночь никто из беглецов и не думал спать. Всем хватало дела. Жираслан то и дело спешил помочь то одному, то другому. Были такие, кто не хотел подчиняться «пиратам», требовал возвращения корабля назад. Возникали споры относительно курса: одним подавай Баку, другим — Астрахань, третьи требовали потопить судно, а сами намеревались на шлюпках выбраться на берег, уйти в горы к повстанцам. Многие запротестовали, увидев женщину на корабле, но, когда Мариам оказала медицинскую помощь двум раненым, замолкли.

Когда рассвело, в небе показался аэроплан. Все высыпали на верхнюю палубу, но пожилой матрос по фамилии Жамойда, державшийся заодно с Жираcланом, приказал изготовить к бою два ручных пулемета для стрельбы по воздушным целям. Нетрудно было догадаться, что аэроплан не везет им приветствие от Георгия Бичерахова. Он наверняка принял меры, узнав, что транспорт с немалым количеством снарядов, патронов, бомб и снаряжения, предназначенный для него, захвачен неизвестно кем...

Аэроплан летел низко. Когда он разворачивался вокруг морского транспорта, Жираслан приказал открыть огонь. Это заставило аэроплан подняться повыше, но он сделал новый заход со стороны кормы. От него отделилась черная точка.

— Бомба! — крикнул кто-то.

Все бросились в укрытие, и тут же за бортом раздался взрыв. Поднялся мощный фонтан воды.

В ответ застрекотали пулеметы. Аэроплан развернулся и, показав английские опознавательные знаки на борту, стал удаляться в сторону моря. Жираслан почувствовал себя хозяином положения. Моряки, пытавшиеся взять курс на Баку, подчинились и выполняли теперь его распоряжения.

Жираслан распорядился бросить якорь вблизи Дербента, где они с Мариам сойдут на берег, а дальше он собирался организовать то, что устроит всех: установить связь с большевиком Гикало, действующим в горах, взять на себя заботу о моряках, обеспечить их безопасность.

— Если кто-то из вас не хочет воевать — в горах Кавказа достаточно пещер, — говорил Жираслан, не упоминая, что пещеры обжиты бандитами.

Старый моряк мечтал о Каспийской флотилии, где он проходил службу. А большинство моряков было за то, чтобы примкнуть к тем, кто сражается за народное дело. В госпитале они слыхали о революционных войсках, идущих из центра России на Кавказ через Волгу и Астрахань. Попади они сейчас в Каспийскую флотилию, им не миновать участи броненосца «Потемкин». Корабль был бы пущен на дно. Моряки митинговали недолго...

— Амба! Принимаем предложение Жираслана, — огромной ладонью хлопнул старший матрос по столику и оглядел присутствующих. Его серые пронзительные глаза прощупывали каждого, заглядывали в тайники и складки души. — Но с одним условием! — Он сделал долгую паузу, ждал, когда кончатся галдеж, перебранка. — На берег сходит один Жираслан. Мариам остается на борту.

— Заложницей? — напрягся Жираслан, готовый броситься врукопашную с разбушевавшимися матросами.

— Слово моряка: никто ее пальцем не тронет, — торжественно выговаривая каждое слово, как бы дал присягу моряк. — Пусть она останется с нами как гарантия, что джигит нас не покинет.

Жираслану польстило такое доверие, он ценил желание моряков связать свою судьбу с его судьбой. Он и не помышлял сбежать от них — наоборот, готов был снова рисковать жизнью, чтобы захваченные боеприпасы, наполняющие трюмы корабля, сокрушительным огнем пали на голову деникинцев.

— Пусть будет по-вашему, — сказал он.

Пароход взял курс на горный кряж, на склонах которого виднелась древняя крепость Дербент.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. ВОЗЗВАНИЕ

В ответ на первые предупредительные выстрелы из орудий с берега «Воспаракан» поднял белый флаг и бросил якорь на внешнем рейде. Жираслан на шлюпке подгреб к берегу. Его тут же проводили в штаб к Факри-паше. Генерал принял гостя с распростертыми объятиями, как родного брата.

— Уехал «зайцем», вернулся на пароходе, — изумлялся Факри-паша и сообщил Жираслану, что кобылица Ара в отличной форме, малость застоялась, так как генерал всего раза три выезжал на ней...

Вежливо выслушав Факри-пашу, Жираслан сказал:

— Нужна помощь.

— Говори, я к твоим услугам.

— Со мной женщина, ее надо срочно отправить в Ведено. Бедняжка, можно сказать, с того света вернулась — верней, мы вырвали ее из волчьей пасти.

— Контрразведка?

— Вот именно. Словами об этом не расскажешь. Но главное — сначала надо договориться с моряками. Лучше им остаться на корабле, чтобы транспорт не торчал беззащитным на внешнем рейде, боеприпасов там полно,— видишь, как низко сидит в воде?

Генерал без памяти обрадовался оружию, у него уже не хватало даже винтовок для новобранцев, пришедших после того, как Факри-паша стал платить за службу.

— Давай поговорим! — Факри-паша крепко держал Жираслана за рукав, будто князь собирался убежать; от возбуждения на лбу генерала вздулась вена, по-

краснело смуглое лицо, на висках выступил пот. — Принимаю твое любое предложение! Хотят к Гикало — пусть идут к Гикало, никаких препятствий с моей стороны! Хотят в Ведено, к эмиру, под знамя с полумесяцем и звездой, — да осенит их знамя шариата! Захотят нести службу у меня — будет у нас свой флот, прикроют нас с моря. Для женщины бери фаэтон, бери сопровождающих, хочешь сам езжай — твоя Ара ждет тебя. Сколько, говоришь, в трюмах боеприпасов?

— Не смотрел. Сколько бы ни было, половина твоя, половину отправлю в Ведено. Не возражаешь?

— Да благословит твои слова аллах! Я на все согласен, — твердил Факри-паша, будто других слов не знал. Он ошалел от неожиданного богатства, свалившегося на него. Факри-паша не одного офицера связи посылал в Стамбул, чтоб безотлагательно прислали ему оружие, боеприпасы, продовольствие и обмундирование. А Стамбул будто оглох — ни ответа, ни привета. А тут нá тебе — даровое добро!

— На добро я умею отвечать добром. Возьми с собой моих лошадей, пусть моряки знают, что Факри-паша не заманивает их в западню, — аллах свидетель моим чистым помыслам...

Пароход вошел в порт, началась разгрузка. Нелегким делом оказалось разобраться в грузе, рассортировать оружие и боеприпасы, проверить каждый ящик; снаряды были не только разного калибра, но и из разных стран, как и винтовки с патронами, — нужен был глаз да глаз. Хорошо, на этот счет Жираслан коечему научился у Седыха.

Поделиться снарядами и патронами с Дышнинским Факри-паша был готов, но, увидев Мариам, он шутливо предложил:

— Не лучше ли оставить ее здесь? — Князь рассеял его помыслы, в двух словах рассказав, откуда она.

— Дочь Гасан-гирея, главного казначея эмирата.

— Тогда дело другое. Отправим домой немедленно. Пусть обрадует отца и мать.

— И огорчит великого визиря...

— Почему?

— Потом расскажу...

Больную, ослабшую Мариам отправляли на фаэто-

не в сопровождении надежных всадников. Прощаясь с Жирасланом, она разрыдалась. Не будь вокруг людей, она бросилась бы ему на шею — чувство благодарности переполняло ее душу, дрожь ее слабых рук пронзила жалостью Жираслана.

— А ты?

В глазах Мариам он видел мольбу не бросать ее, довезти до родного порога. Но у Жираслана были сейчас другие намерения, как ни жаль ему было Мариам.

— И я скоро приеду. Разгрузим пароход, посмотрим, что за груз мы привезли, и я тотчас примчусь, — успокаивал ее Жираслан. — Ты поезжай, передашь привет отцу, матери, Казгирею, если он еще там, отдохнешь под крылышком у родителей. — Жираслан говорил с ней, как с малым ребенком, ласково, участливо. — Скажи Казгирею: Жираслан везет саблю Шамиля... Поняла? Саблю Шамиля! Он знает, что это.

— Сабля Шамиля? — Мариам с усилием запоминала эти два слова, кошмар в каменном мешке еще не ушел от нее, дрожали ее губы, и сама она тряслась...

— Я боюсь великого визиря, он подумает, сбежала...

— Я обо всем расскажу. Ты не бойся, не выходи из дому. Расскажешь, сколько мы добыли снарядов, орудий, винтовок и сабель, — они будут довольны. Ни упрека, ни попрека не будет. Великий визирь и так наверняка все знает. Не думай больше о нем. Все страхи позади...

Фаэтон покатился в гору, за ним ехали верхами верные джигиты, тянулись подводы с литографской машиной, литографскими камнями, красками и даже хорошей бумагой — сюрприз благодарного Факри-паши. Это должно было смягчить недовольство Дышнинского: Мариам везла эмиру то, что ему сейчас нужней, чем сабля Шамиля.

— Теперь есть чем ответить на ультиматум сэра Роландсона, — сказал Факри-паша, когда они наблюдали в порту за разгрузкой парохода. Она шла полным ходом. Матросы и солдаты непрерывной цепью двигались по сходням, с тяжелыми ящиками выходили на берег; из трюмов извлекали орудия лебедками, потом руками солдаты откатывали их подальше, ставили в

ряд. Жираслан не без опаски глядел на ящики с пироксилиновыми шашками, вспомнив недавнюю панику в Петровске. Он и не подозревал, что Петровск спасен от гибели осетином — машинистом паровоза, который объявился в последнее мгновение. Рискуя жизнью, отчаянный горец растащил своим маневренным паровозом опасные эшелоны подальше друг от друга и от пожара...

Проверив, как идут разгрузочные работы, генерал и Жираслан решили вознаградить себя вкусным обедом. Факри-паша, большой гурман, любил много и с наслаждением поесть, он позвал слугу, сделал необходимые распоряжения и приступил к беседе с Жирасланом.

— Ты и не знаешь, что привез, — торжественно начал генерал.

— Как не знаю — вместе же смотрели!

— Ты привез ответ англичанам. Не слышал об ультиматуме представителя английской миссии при Деникине? Ах, да, ты же был... Ну что ж! Как раз там ты скорей мог услышать об этом. «Воззвание» идет оттуда. Теперь имеешь счастливую возможность познакомиться с этим документиком. Мне его прислали. — Факри-паша вынул большой лист бумаги из полевой сумки, протянул Жираслану: — Вот оно, читай.

У Жираслана дрогнула рука. Не признаваясь в своей неграмотности, он буркнул:

— Я по-английски не читаю.

— А по-русски?

— Тоже.

— Только на родном?

— И на родном...

— Князь! Неужели это правда? — с искренним сожалением сказал генерал.

— На родном у нас никто не читает.

— Ах, да! Алфавита нет... Тогда подсаживайся. Пока нам готовят стол, я тебе переведу слово в слово. Англичане сбросили маску, пошли «на вы».

И в знакомой уже Жираслану комнатушке с земляным полом, где за стеной уже пахло жареным мясом, а со стороны причала доносилась перебранка матросов, прозвучал текст, который Факри-паша, как мог, перетолковывал Жираслану.

По всему было видно, что на востоке Северного Кавказа приближался час развязки и сабля Шамиля нужна была Узуну-Хаджи, чтобы принять вызов Добрармии, поддерживаемой англичанами. Деникинские генералы спешили покончить с революционными повстанцами Чечни и Дагестана, с «государством на ходулях» — Северо-Кавказским эмиратом, собравшим под свое знамя шариатские войска горцев, расчистить тыл и освободившиеся силы немедленно бросить на направление главного удара — на Центральную Россию. Считавшаяся уничтоженной, 11-я армия возрождалась, давая о себе знать, энергично действовали большевики: на Северный Кавказ уже прибыли большевистские представители, уже были установлены связи с революционной Россией через Астрахань, в тылу Деникина собиралась грозная сила. Английская миссия при Добрармии, заигрывавшая до сих пор с горскими народами, показала клыки: полковник Роландсон обратился к революционным повстанцам с воззванием, в котором что ни слово, то угроза.

— Правительство Англии поддерживает генерала Деникина и его цели, — говорил Факри-паша. — Цели генерала Деникина: уничтожить большевизм, возродить великую единую и неделимую Россию и широкое самоуправление горских народов. Самоуправление горцев — наживка, чтобы рыбка клюнула. Понял? В неделимой России нет места для самоуправления, — толковал Факри-паша. — Слушай дальше... В Дагестане право установить порядок они предоставляют генералу Деникину... Грузия и Азербайджан должны помогать Деникину в его борьбе с большевиками, иначе Англия будет смотреть на это как на акт недоброжелательства к союзникам. Установлено, говорят они, что есть грузины и азербайджанцы, которые поддерживают восстание, поднятое большевиками в Дагестане и Чечне. Английская миссия утверждает, что восстание горцев не есть национальное движение, а движение большевистское, вызванное отдельными лицами, преследующими личные цели: большевики Гикало и Шарипов имеют связь с Астраханью и тамошними большевиками, против которых якобы тысячи здравомыслящих горцев воюют в войсках Деникина... — Факри-паша оторвался от бумаги, обратил внимание

собеседника: — Об Узуне-Хаджи ни полслова. Почему? Не отсекает ли Роландсон Гикало и Шарипова от эмирата? Как по-твоему?

— А дальше?

— И дальше нет. Слушай... Пишут, что Англия помогает Деникину снаряжением, танками, аэропланами, пушками, пулеметами и будет помогать для достижения Деникиным его цели. Англия, мол, дала для этого своих инструкторов. Дальше прямая угроза горцам. Перевожу: «Будет весьма жаль, если придется обратить это оружие против горцев и их аулы будут разрушены. Англия знает, что виновны в восстании отдельные лица. Одураченные горцы до сих пор верят в обещания большевиков, но конец большевизма близок, так как войска Деникина в трехстах верстах от Москвы...»

— Расстояние, как от Петровска до Баку, — покачал головой Жираслан.

Факри-паша хлопнул себя по колену:

— Тут так и написано: «расстояние, как от Петровска до Баку». Ну, смотри! — Генерал забыл, что Жираслан неграмотен. — Ты в Москву не ездил?

— Не приходилось.

— Куда больше Стамбула!.. И последнее: «Нет сомнения, что Россия, очищенная огнем и кровью, станет единой и неделимой, тогда она воздаст по заслугам тем, кто помогал ее возрождению, а те, кто мешал этому, будут наказаны, и наказаны немедленно. Я прошу это передать вашим народам и распространить среди всех. Полковник английской службы Роландсон». Вот и весь ультиматум, то бишь воззвание, как хочешь, так и называй.

Жираслан молчал, думая об эмире. Не верилось ему, чтобы Узуну-Хаджи простили белых офицеров, которых по его приказу повесили после победы в Воздвиженской. Англичане, может, и простят, а Деникин — никогда, да и сам Узун-Хаджи мечтает о самостоятельности. По этому документу Жираслан подпадал под карающий меч Деникина, он будет наказан немедленно за то, что мешает возрождению единой и неделимой России... Не вернуться ли ему к спасительнице Халиде Адиб, не поискать ли у нее убежища?

— Кто это передаст народам? — как бы очнувшись ото сна, спросил Жираслан.

— Уже передали. Люди уже знают. Ко мне опять приводили «муэдзинов». Один кричал с минарета: «Мужчины, не выходите утром на улицы! Женщины стыдятся своей наготы, когда идут по воду...» Другой кричал: «Бойтесь аллаха, но не бойтесь Деникина! Он против большевиков... Шлет горцам салам...» Я приказал высечь второго. Поезжай на базар, если хочешь знать все сплетни-хабары. Что ты скажешь об ультиматуме? — Факри-паша спрятал воззвание в полевую сумку.

— Надо добыть саблю Шамиля, — сделал вывод Жираслан, чувствуя вину перед эмиром, что не пытался найти саблю.

— Что-о-о? При чем тут сабля Шамиля? — Факри-паша полагал, что князь не только грамоты не знает, но и плохо разбирается в политике, не понимает угрозы, нависшей над горцами. Он почувствовал раздражение: — Смешно! Деникин в трехстах верстах от Москвы, а против его полчищ махать какой-то саблей Шамиля! Падет столица Советской России — царские генералы заставят горцев дышать через дырку в ярме. Это в лучшем случае. А то и в очереди на виселицу придется стоять.

Жираслан не согласился:

— Такие бумаги пишутся для трусливых. Чем страшней подбирают слова, тем меньше верят в свои силы. — Князь читать не умел, но схватывал быстро; главное, словно насечка на серебре, не стиралось в его памяти. Он обратил внимание на то, что в воззвании ни полслова об Узуне-Хаджи. Случайно ли это? Ничуть. Роландсон знает о существовании эмирата, но угрожать молодой мусульманской государственности — значит противопоставить себе мусульманский мир. — У Деникина и Роландсона есть рука. Очень длинная рука, — заметил князь. — Называется она «Комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узуна-Хаджи». Его председатель — Ибрагим Чуликов. Богатый человек, очень богатый. А конюшня какая! Сколько скакунов я ему продал! Хорошо платил, собака. Сколько скажу, столько и платил. Теперь жалею... Забраться бы мне к нему — уменьшилось бы поголовье его скакунов...

— И что же он за «рука»? — Генерала не интере-

совали лошади. Ему довольно одного скакуна, чтобы унести ноги, когда разразится гроза.

— Эта рука воду мутит. Ее надо обрубить. Да лишусь я моих усов! — Жираслан сгоряча сказал фразу, которой он давно не произносил, с тех пор как Султанбек Клишбиев ополовинил усы князю. — «Муэдзины», что кричат с минарета, лазутчики деникинского ставленника Ибрагима Чуликова! Этот выкормыш должен отработать хлеб, который он ел, когда учился в Петрограде. Он не один. На его зов откликнулись горские офицеры.

— Откуда ты знаешь?

— Верный человек сказал...— И Жираслан положил руку на сердце.

— В правители он не попадет. Правитель уже есть — генерал Эрисхан Алиев, от Деникина имеет фирман.

— Слышал. Генерал от артиллерии обещает народам то же самое, что и Деникин. Такой же правитель, как и ваш Бекович-Черкасский, два сапога — и оба, можно сказать, на одну ногу. — Жираслан понял, как осложнилась обстановка. Его необъяснимое чутье, интуиция, помноженные на дерзость, подсказали ему, что положение генерала ложно, ибо Факри-паша прибыл сюда наводить мосты от Стамбула к Кавказу, соединять несоединимые берега. В случае победы Деникина и ему придется бежать от англичан на Кавказе.

— Ты говоришь, англичане — коварные люди?

— Я это заметил, когда учился в Лондоне.

— Времена рыцарства прошли.

— По крайне мере слова муллы: «Поступай, как я велю, не поступай, как я поступаю» — можно отнести к ним.

Жираслан засмеялся.

В комнату внесли огромный круглый поднос с фаршированным барашком, источавшим соблазнительный запах, блюдо с овощами и травами; рис, которым был начинен барашек, пропитался жиром и приправами, из пасти барашка торчал клок зеленой кинзы. В глиняном кувшине была чистая родниковая вода. Повар поставил кувшин с двумя чашками прямо на пол и удалился, пятясь до самой двери. Факри-паша взялся за еду.

— Мы на стороне Узуна-Хаджи. Будем сражаться под знаменем эмира. Разве ты допускаешь мысль, чтобы мы сражались на стороне Эрисхана Алиева? Когда Роландсон говорил о «широком самоуправлении горцев», он имел в виду этих марионеток. Хочешь доказательств? Изволь. Я зачитаю и другую бумагу...

— Еще воззвание?

Факри-паша занялся поисками новой бумаги:

— Правителя Чечни, того самого Алиева. — Бумагу он положил на стол, но читать не стал, голод требовал своего.

Факри-паша управился с большим куском мяса, выхватил из пасти ягненка клок пахучей травки, аппетитно закусил ею, запустил пальцы в рис, скатал его, превратил в продолговатый комок, похожий на отварную картошку, и, следуя своим привычкам, кинул его в рот. Только после этого он заговорил:

— Не воззвание. А инструкция, как спастись чеченцам и ингушам от неминуемой гибели. То есть при каких случаях Эрисхан Алиев пощадит своих соплеменников, при каких — они будут истреблены. Любопытная инструкция. Сейчас-сейчас... — И генерал ублажил свое чрево еще одним куском мяса, солидной горстью риса с овощами и облизал пухлые, словно коровьи соски, пальцы. Только после этого он взялся за листок, испещренный арабской вязью. — На базаре подобрали. На Кавказе базар, оказывается, что турецкий меджлис. Все новости там узнаешь. Вот слушай: «Если аул выдаст русских красноармейцев, большевиков, дезертиров, грузин, азербайджанцев, турок...» Я тут числюсь турком! «...и других участников отряда Узуна-Хаджи, Гикало, Эльдарханова и прочих главарей...» Тут, пожалуй, и ты подходишь! Это еще не все. «...и не сделает ни одного выстрела по войскам Добровольческой армии, то такой аул не будет уничтожен».

— Кто подписал?

— Правитель Чечни, генерал от артиллерии Алиев. Черного ворона спросили: «За что ты клюешь своих птенцов?» Ворон ответил: «За то, что они черные». Так и он, своих клюет...

Я прибыл сюда по поручению Комитета черкесского сотрудничества создать Северо-Кавказскую исламскую республику под протекторатом Оттоманской империи. Мне удалось кое-что сделать, я перекрыл дороги напрочь. Воссоединятся черкесы-изгнанники с черкесами, оставшимися на землях наших предков,— образуется республика. А генерал Деникин не обещает им республики. Роландсон тем более.

— Он поет песню того, на чьей арбе сидит.

— Не совсем точно, дорогой князь. Он скорей торгует самоуправлением. Он обещает горцам самоуправление в рамках великой и единой неделимой России, очищенной от большевизма английскими танками, пушками, аэропланами. За это Англия берет самую «малость» — кавказскую нефть. Дружба Деникина и Роландсона замешена на горючем, поэтому она огнеопасна. Ее и надо взорвать. Понял?..

И тут оглушительный взрыв потряс горы.

2. ЛЕТУЧИЙ «ЯЗЫК»

Крышу ветхой лачуги сорвало взрывной волной, со стен полетели комья желтой глины на генерала и на Жираслана, на поднос с рисом, мясом и овощами. Сквозь тучу пыли засветилось небо. Факри-паша и Жираслан, забыв об обеде, еле выскочили наружу. У причала стрекотали пулеметы, клубы черного дыма медленно уходили в сторону гор. Кто стреляет и откуда — было не понять. Жираслан первым заметил самолеты, кружившие над пароходом, и побежал к конюшням, где стояла Ара. Генерал, придя в себя от изумления, схватился за полевой телефон, хотя и так было ясно: взорваны снаряды, только что выгруженные на берег.

Увидев своего хозяина, Ара заволновалась, забила копытом. Князь схватил сбрую, мигом оседлал лошадь и понесся в сторону причала, не обращая внимания на кудахтанье пулеметов и ружейные выстрелы.

В осеннем небе еще кружились два аэроплана. Первая бомба угодила в штабеля снарядов, другая упала рядом с пароходом и, видимо, повредила его: «Воспаракан» накренился влево, орудия, закрепленные на палубе, стволами глядели в воду, другие, наоборот, уставились в небо, наподобие зенитных, хоть открывай огонь по наглым аэропланам, безнаказанно расстреливавшим все, что попадалось им на глаза. Самолеты все кружили над портом в надежде потопить «Воспаракан», еще державшийся на плаву.

Из-за деревьев, прибрежных скал, строений, из-под моста через речку, впадающую в море, аскеры стреляли по летающим аппаратам. Огонь усилился, когда они увидели мчащегося в их сторону всадника — джигиты приняли его за Факри-пашу. И вдруг один аэроплан покачнулся, резко снизился и на глазах у изумленного Жираслана плюхнулся в море вблизи берега, подняв фонтан воды. На поверхности виднелся лишь небольшой конец крыла. Второй аэроплан поспешил удалиться.

Жираслан, сидя в седле, первым увидел человека, от сбитого аэроплана подплывающего к берегу. Летчик выбрался из воды и пытался скрыться в расщелинах береговых скал, чтобы потом уйти к своим. Жираслан направил наперерез ему Ару, благо еще в Ведено не забыл прихватить с собой волосяной аркан, с которым он управлялся как никто. Конец аркана был привязан к его седлу с правой стороны. Летчик, карабкаясь по крутому горному склону, поросшему мелким кустарником, прежде чем лезть на скалы, сделал по всаднику несколько выстрелов из пистолета. Пули просвистели над головой Жираслана. Князь мог пристрелить его, но хотел захватить летчика живым. Он на скаку отвязал аркан и, оглянувшись, крикнул солдатам:

— Не стрелять!

Аскеры в панике продолжали пальбу...

Жираслан направил лошадь вверх по склону горы и в тот момент, когда летчик оглянулся, услышав звук осыпающихся камней, накинул на него петлю. Тот кубарем покатился вниз, схватившись обеими руками за аркан, чтобы он не затянулся и не задушил его, а Жираслан повернул Ару назад и поволок за собой

пленника. Из рук упавшего авиатора выпал пистолет, подбежали аскеры, готовые добить летчика, но Жираслан приказал связать пленника и остановил долговязого матроса, замахнувшегося на пленного прикладом:

— Стой! Не трогать! Допрос сделает Факри-паша!— Жираслан проверил, надежно ли связаны руки у летчика.

Сероглазый, рослый авиатор был в английской военной форме — во френче и галифе цвета хаки, в ботинках, зашнурованных до колен. Головной убор, видимо, он потерял то ли в море, то ли при бегстве, и копна волос цвета ржаной соломы падала ему на лоб. Кто-то спросил:

— Инджилиз? Англичанин?

Летчик утвердительно мотнул головой.

По пути в штаб пленный летчик имел возможность увидеть результаты своей «работы». Из трех штабелей со снарядами один был взорван. Взрывной волной разбросало и разбило ящики с винтовками и пулеметами. Жираслан заметил, что старый матрос Жамойда уже организовал людей и вытаскивает английский самолет из воды, пока отливом не унесло его от берега. «Догадливый моряк», — подумал князь.

К причалу спешили аскеры, военные фургоны, мирные жители в арбах. Факри-паша, чтобы не рисковать, распорядился немедленно развезти военный груз по частям. Вот-вот должен был прийти и обоз, которому предстояло доставить чуть ли не половину всего груза в Ведено, в распоряжение Дышнинского. Надо спешить, пока не появились новые самолеты и не разбомбили то, что уцелело.

Встречные с любопытством провожали взглядом английского летчика, который с арканом на шее шел впереди всадника. Жираслан гордо сидел на красавице Аре. Не будь его, солдаты и матросы растерзали бы пленного.

Генерал Факри-паша ожидал летчика, делая вид, будто ему не до пленного, яростно кричал по телефону, кого-то распекал, как бы не замечая авиатора, переступившего через порог со связанными руками в сопровождении Жираслана. Наконец генерал бросил трубку, сел, взглядом измерил пленного и его разодранную форму. Глядя на этого летучего «языка»,

он мысленно примерял на себя военную форму англичанина, в какой проходил не один год, учась в Лондоне.

— Это он подорвал снаряды? — Факри-паша вытащил из-за голенища плетку, словно собирался отхлестать наглеца, шумно выдохнул воздух через широкие ноздри и... сунул плетку за голенище.

— Он, — ответил Жираслан. — Гора чуть не развалилась. Трети снарядов как не бывало. Жертв нет. Оружие цело. Моряки пытаются вытащить аэроплан из воды.

Факри-паша допрашивал пленного по-английски. Князь понял только, что летчика зовут Ломач. Англичанин. Факри-паша приказал сварить кофе по-турецки, с чувством превосходства беседовал с пленным, верней, больше сам рассказывал о Лондоне, о колледже, который он имел честь окончить, высокопарно вещал, что, мол, считает себя должником Англии за те знания, культуру и воспитание, которыми его наделили. Довольно сносно владея английским, генерал пытался даже поведать об одной пикантной истории с англичанкой, очаровавшей его. Когда принесли ароматный кофе, генерал приказал развязать пленному руки и пригласил его сесть.

Сделав несколько глотков, турецкий генерал продолжал рассказывать о себе, словно они сидели после дружеского обеда, кейфовали. Ломач слушал внимательно, но, видно, не мог сообразить, куда попал. Ему рассказывали, что Узун-Хаджи вешает пленных офицеров, о партизанах и говорить нечего... Значит, он ни у тех, ни у других — делал вывод Ломач, приободрившийся от кофе. Сам генерал наливал ему чашечку за чашечкой.

— За снаряды я не сержусь. У нас нет орудий этого калибра. Австрийские они. Выгрузили на берег, чтобы не держать в трюме парохода, — сказал Факри-паша, как бы между прочим. — И хорошо сделал, ха-ха-ха, что подорвал. Мы не знали, куда их деть. В море выбросить? Жалко. Оставить так — беда может случиться. — Факри-паша плел невесть что, чтобы пленный не приписывал себе никаких заслуг.

Ломач бросил злобный взгляд в сторону Жираслана, растирая шею и руки. Новенький мундир на

пленном был вконец изодран, в крови и грязи, сам он — в ссадинах, кровоподтеках. Сгоряча пленный ничего не почувствовал, теперь все его тело ныло и горело, и он серыми злобными глазами уставился на мучителя, волочившего его волоком по скалистому склону горы, по дороге.

Генерал спросил авиатора:

— От муссаватистов салама не привез?

— Я не из Баку.

— Откуда?

— Из Моздока. В Моздок прибыл из Новороссийска.

— От Георгия Бичерахова? Знаю такого. Бравый полковник. Правительство создал. Первый друг генерала Шатилова.

— На троне голым задом сидит, как на муравейнике, — вставил Жираслан, рассмешив генерала.

— На таком троне не засидишься!

Имя Шатилова заставило пленного вздрогнуть. Это он потребовал от Бичерахова «во что бы то ни стало разыскать в море или в порту «Воспаракан» и отправить его на дно». Шатилов твердил: «Не сделаем этого — сотни тысяч снарядов Факри-паша и Дышнинский обрушат на наши головы, операцию сорвут». Бичерахов, имея в распоряжении звено аэропланов, собирался нанести удар по революционным повстанцам в горах. Он понимал, что ему важней нанести с воздуха удар по революционному Гойты, крупному селу в горах Чечни, где находились главные силы большевиков. Наступление предпринималось с ведома и одобрения правителя Чечни Эрисхана Алиева, согласившегося отдать в подчинение Шатилова и чеченские полки, состоящие из офицеров. По расчетам командующего южной группой войск, появление самолетов над чеченскими селами приведет в трепет непокорное население, заставит его подчиниться командованию Добрармии.

Зазвонил телефон. Жамойда докладывал, что военный самолет вытащили из моря.

— Малость винт погнулся, — говорил он, — повреждены крылья... бак для горючего пробит, но пулемет в летательном аппарате без повреждений.

— Самолет поставить в укрытие, — распорядился

генерал. — Выставить охрану. Никого не подпускать и ничего не трогать! Пропадет что-нибудь — головой ответите! — Факри-паша звякнул телефонной ручкой отбой и сообщил летчику, что его самолет «обсыхает» на берегу.

— Я могу лететь, — спросил Ломач на всякий случай, — если починю аэроплан?

— Почему бы и нет? Ты сначала почини. — Генерал оглянулся на Жираслана. — Потом скажем куда — к Шатилову или к Бичерахову.

— Наше звено подчинено Бичерахову, — сказал летчик, все еще пребывая в заблуждении. — С аэропланом, думаю, ничего серьезного. В воздухе мотор заглох, горючее не подавалось...

— Князь, летчик спрашивает: не разрешим ли мы ему улететь назад? — Крупные глаза генерала искрились лукавством. На губах дрогнула улыбка. Факри-паша продолжал изображать благодушного генерала, преисполненного симпатии к англичанину. — Где искать твоего полковника — в Чечне, в Грозном?

— В районе Грозного. — Голос летчика обрел уверенность.

— Посмотрим. Если хочешь лететь, то при одном условии — выполнить мое задание. Откажешься, пеняй на себя. Мы не спешим убрать виселицу в крепости... Так, князь?

— О чем речь. — Жираслан хитро улыбнулся.

Факри-паша велел сварить свежего кофе. И он не пожалел об этом. Из обрывков фраз, из упоминаний имен пленным Факри-паша узнал кое-что дополнительное о походе генерала Шатилова на чеченские аулы. Ломач дополнил его представления лишь отдельными деталями, но и это было немаловажно. Деникинский генерал сделал все, чтобы нагнать страху на чеченцев и революционные повстанческие отряды, скрывавшиеся в горах. Он включил в экспедиционный корпус казачьи сотни, контрреволюционные отряды, сформированные из горцев. Поход возглавлял сам Шатилов, не оставив в тылу должного охранения, — так он был уверен в превосходстве сил. ...Когда-то так же поступил царский генерал Воронцов, решивший раз и навсегда покончить с Шамилем. Чеченцы-старожилы, помнящие поход Воронцова, беспрепятственно пропускали

и грозное воинство Шатилова. И Шатилов достиг последнего населенного пункта, не встречая никакого сопротивления, пока внезапно, по какому-то неуловимому сигналу, не поднялись все аулы. Отряды Шатилова подверглись нападению со всех сторон. Из Гойты шатиловцы уходили на рысях, неся большие потери людьми и вооружением. Сам генерал чудом добрался до Грозного, заявив, что будет ждать представителей от аулов с объяснениями. Но в аулах не услышали его голоса.

Тогда Деникин решил руками самих чеченцев задушить Чечню. Счастья попытал Ибрагим Чуликов, собрав остатки уцелевшего воинства. Ему повезло не больше, чем Шатилову, хотя свой поход он и назвал «блистательным». Чеченцы, узнав о движущихся на них войсках, увели детей и женщин в горы. Ибрагим Чуликов застал в долинах опустевшие аулы, разорил их и поджег. Так пекся он «о святом деле направления чеченского народа на путь порядка, законности и приверженности единой России».

— Спроси: не помышляют ли они о новом походе? — обратился Жираслан к Факри-паше без всякой, впрочем, надежды на обстоятельный ответ.

Факри-паша заговорил по-английски.

— Война еще не кончена, — сказал Ломач. — Большевикам не вырваться с гор на равнину, Шатилов и Чуликов упредят их удар, все сметут на своем пути. Наши аэропланы произвели разведку, собрали данные о большевистской обороне. Силы жиденькие.

— Куда нацелен удар? Может он это сказать? — Жираслан все больше входил в роль, не подозревая, что вопросы его слишком прямолинейны. — Далеко ли ему удалось залететь?

Ломач долго вспоминал диковинные названия, попросил вынуть карту из планшетки, которую у него отобрали. Когда перед ними развернули топографическую карту Северного Кавказа, исчерченную линиями, сходящимися в районе Моздока, со множеством условных знаков, в которых Жираслан ничего не понимал, летчик, недолго думая, ткнул пальцем:

— Здесь. И здесь.

Факри-паша сказал Жираслану:

— Воздвиженская. Шатой.

Значит, удар направлен против красных повстанческих войск Николая Гикало, деникинская разведка сработала неплохо. Шатой — опорный пункт, база, где сосредоточено всё, чем держится Гикало; слобода Воздвиженская — форпост, прикрывающий собой центр революционных сил. Жираслана охватила тревога. Не надо быть генералом, чтобы догадаться, что командование южной группой войск северокавказского генерального штаба и чеченская верхушка, мечтающая о национальной республике, нацелились в самое сердце повстанцев, чтобы сокрушить их и двигаться дальше. Знают ли об этом Дышнинский и Гикало? Во всяком случае, надо предупредить их...

— Что ты хочешь сделать с ним? — помедлив, князь кивнул в сторону летчика, допивавшего неизвестно которую чашку кофе.

— На сегодня, пожалуй, с него хватит.

— Я спрашиваю вообще.

Факри-паша призадумался.

— Что делают с пленными? Пока пусть чинит свой аэроплан. Не захочет служить нам — обменяем. Не будет такого случая — волосяная петля ему уже знакома. Не кормить же его и держать охрану зазря! У тебя есть соображения?

— Есть. Препроводить его в Шатой. Пусть эмир от него услышит, что его ожидает, примет меры.

— Ты прав.

— И сделать это надо побыстрее, пока его показания могут сослужить службу, а то как бы не было поздно,— Жираслан трезво оценивал обстановку.

— Подобрать тебе конвой?

— Велика честь. Я один доставлю его куда надо. Аркан цел, «язык» от меня не улетит, а в Ведено Дышнинский учинит ему допрос.

— Был бы самолет цел, его — за штурвал, тебя сзади с наганом — и через час там! На аэроплане по горам не карабкаться...

Факри-паша не без умысла говорил об аэроплане. Если бы это состоялось, кобылица Ара осталась бы у генерала. И Факри-паша тяжело вздохнул.

— Тогда готовься. Доставишь пленного. Еще не известно, что для них дороже сейчас: сабля Ша-

миля или летучий «язык». Выжмут из него все, что можно выжать, пусть вернут, он мне еще пригодится.

— Ты ему объясни все, а то подумает, тащу на расправу...

И Жираслан пошел собираться в путь.

3. ПОСЛЕДНЕЕ ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В Ведено Ломачем занялся сам Дышнинский. В конюшне эмира была перекинута через перекладину петля, надетая на шею пленного, стоящего со связанными руками на табурете-треноге. Довольно Дышнинскому сделать знак — и бородатый мюрид, не сходя с места, за веревку, привязанную к ножке табурета, выдернет его из-под ног Ломача... Пусть «язык» выкладывает все, как на духу, если есть что выкладывать. Петля словно преследовала Ломача: арканом его изловили, с арканом на шее шел он через горы, и если он останется в живых теперь — следы от него не скоро заживут.

Дышнинский не собирался вешать пленного, важно было заставить англичанина выдать все секреты, ему известные, дать почувствовать, что жизнь его висит на волоске.

Для перевода была приглашена... Мариам! Ведь только она немного знала английский, и хотя Дышнинский с трудом заставил себя извиниться перед горянкой — ему пришлось это сделать, она была нужна ему. Ее привезли с почетом на том же фаэтоне, на котором она уезжала из Ведено. Дышнинский и Бесленеев в один голос уверяли женщину, что во всем виноват Лоша. Это он подстроил все, проклятый шпион! Мариам, счастливая уже потому, что оказалась дома, у заботливого отца и ласковой мамы, неохотно верила клятвам мужчин, но, хотя чувствовала себя очень плохо, понимала, что кроме нее переводить некому.

Ломач едва удерживал равновесие, боясь, что вот-вот неустойчивая табуретка опрокинется...

— Главный удар будет нанесен по Воздвиженской,— вещал англичанин не своим голосом, ко лбу его прилипли взмокшие волосы, он осторожно поводил головой, стараясь стряхнуть их; руки, связанные за спиной, отекли, мысли в голове путались.— Шатилов сосредоточил большие силы. Против одного вашего солдата пойдут двенадцать. Из Новороссийска доставили артиллерию, броневики, бронепоезд, прилетело звено аэропланов...

— С бомбами?

— Да. Перед наступлением предъявят ультиматум с требованием признать власть главнокомандующего вооруженными силами генерала Деникина. Ибрагиму Чуликову предложено до ультиматума встретиться с эмиром или с премьером, обсудить условия перемирия... И с Гикало...

Последние слова насторожили Дышнинского. И хотя Факри-паша через Жираслана заверил Дышнинского, что готов, не в пример Гикало, полностью подчиниться общему плану оборонительных операций, премьер подумал: у Факри-паши появился теперь аэроплан, в случае опасности турецкий генерал сядет в самолет — и поминай как звали! Чтобы этого не случилось, пленного летчика он не возвратит...

Чем больше Дышнинский допрашивал англичанина, тем больше овладевала им тревога.

— Допустим, вы взяли Воздвиженскую. Дальше?

— Шатой, Гойты, Дуба-Юрт...— показывал по карте англичанин. — До самого Кавказского хребта. Захватят перевал, а там пойдут навстречу английские войска. В случае прорыва для закрепления успеха на главном направлении сосредоточена кавалерия.

Дышнинский совсем помрачнел после слов «Дуба-Юрт»: там находились главные силы эмирата. Тут же он успокоил себя, что деникинцы прежде всего ударят по Гикало, это верное средство избавиться от норовистого «союзничка», тем более что его влияние на массы с каждым днем растет. По достоверным сведениям появилось Кавказское бюро РКП(б), которое шлет всякие директивы, оказывает Гикало военную

и финансовую помощь. Это видно и по поведению самого Гикало, который даже перестал докладывать премьеру о состоянии войск, о передвижениях частей в лагере противника.

После допроса пленного фельдмаршал совсем запутался в своих мыслях и чувствах. С одной стороны, он смертельно боялся деникинцев, с другой — заманчивой казалась идея самому вступить в переговоры с Ибрагимом Чуликовым — все-таки чеченец с чеченцем всегда договорится. И третье — если разгромят Гикало, деникинцы на этом не остановятся.

С преувеличенным жаром поблагодарив Мариам, Дышнинский отправил ее домой, а пленного приказал препроводить в тюрьму. Он мог бы дать Ломачу свободу, отпустить на все четыре стороны, если бы не боялся, что англичанин вернется к Факри-паше. Иналук Арсанукаев-Дышнинский почуял грозную опасность, нависшую над эмиратом, и вернулся во дворец в расстроенных чувствах. Прежде чем предпринять какие-то меры, надо доложить эмиру обо всем, что удалось выудить у английского летчика.

Положение осложнялось и тем, что в горах уже выпал довольно глубокий снег, завалило все тропы, ведущие через хребет. Может быть, поэтому молчит Гикало? Он же видит, что́ происходит на его участке фронта? Надо вызвать его к эмиру... Послать за ним Жираслана... Дышнинский глянул на часы, время намаза — значит, эмир примет его после молебна. Великого визиря беспокоил и правый фланг: удастся ли Факри-паше удержать дорогу под контролем? Бичераховы — один с юга вместе с англичанами, другой с севера вместе с войсками Добрармии — жмут на него, в связи с предстоящим наступлением натиск усилится...

Фельдмаршал решил созвать экстренное заседание правительства с участием главнокомандующих армий и военных губернаторов. Эмир одобрил это предложение, добавив, чтобы во всех мечетях отслужили молебен во славу аллаха. Он сожалел, что Жираслан не достал сабли Шамиля, священной сабли, которая сплотила бы мусульман вокруг своего духовного вождя.

— Сабли Шамиля он пока не достал, это верно, но сто арб с винтовками, снарядами, пулеметами и патро-

нами в какой-то мере оправдывают Жираслана,— успокаивал Дышнинский своего эмира.

— Что сто арб! Сабля Шамиля — луч луны, что пронизывает ночь! Покажи ее мусульманам — в трепет придут все, в чьей душе живо имя аллаха.— Шейх перебирал четки — черные камешки величиной с горошину, нанизанные на суровую нитку, счетом девяносто девять. Мусульманин, который сумеет найти девяносто девять эпитетов, восхваляя аллаха,— великий, милостивый, милосердный, справедливый...— может уповать на милость аллаха, его помощь и защиту. Эмир слушал Дышнинского и в уме перечислял достоинства аллаха, но нужного количества набрать не удавалось. Значит, жди беды, и эмир заволновался. Его бурая борода затряслась.

— Настанет время газавата, священной войны во славу ислама. Кто не тверд в этот час, не готов погибнуть во имя бога, тому скитаться до гробовой доски неприкаянным. Ему не будет места там, где простирается власть аллаха.

— Об этом следовало бы напомнить и духовенству, ваше величество. Не все муфтии пекутся о могуществе эмирата. Я до сих пор до них не добрался.

— Ты их пощадишь — аллах не пощадит.— Эмир одобрял твердость премьера своего правительства, на которого он возлагал все надежды в предстоящей неравной борьбе. На карту брошено все, чем располагает эмират.

После полуденного намаза было созвано экстренное заседание. Вопрос один: военная обстановка. Николай Гикало не явился, прислал сказать, что занят укреплением оборонительных рубежей — противник стянул силы для решающего удара на его участке фронта. Причину неявки премьер-министр счел убедительной, хотя ему были известны ее истинные мотивы. «Зачтется это ему»,— думал Дышнинский.

Эмир, министры, губернаторы, командующие армиями не раздеваясь рассаживались в небольшом нетопленом зале вдоль стен и за длинным столом посередине с видом великой озабоченности. Сидели в папахах, в бараньих шубах — не замечая холода, тихо переговаривались. Все заметили отсутствие голубоглазого Лоши, без которого не проходило ни одно заседание,

непривычным казалось и то, что никого не спросили: «При вас оружия нет?»

В торце длинного стола был приставлен еще столик, за которым премьер перебирал бумаги, собираясь с мыслями. Эмир восседал с правой стороны в своем неизменном кресле, которое мюриды таскали за ним всюду, куда бы он ни направлялся, потому что другого кресла не было. Эмир не расставался с четками. По движениям синеватых губ можно было понять, что он молится.

— Господа, время дорого,— заговорил Дышнинский,— обстановка не позволяет нам засиживаться здесь. У каждого дел по горло.— Фельдмаршал сделал паузу, оглядел присутствующих, как бы заглядывая каждому в душу. В зале затихли.— Обстановка внушает, прямо скажем, серьезные опасения. Настал час, когда решается судьба эмирата: взойдет полумесяц над горами Кавказа или скроют его от взора горцев черные тучи. Великие державы не дали прямого ответа о признании Северо-Кавказского эмирата как самостоятельного государства, не выразили готовность помочь нам в неравной борьбе с Деникиным. Пока нас подпирают оттоманская Турция, Грузия, Азербайджан. Да укрепит их аллах!

Из разных углов послышалось:

— Аминь!

— Да услышит аллах твои слова!

— Делегация все еще не вернулась из Стамбула,— продолжал премьер.— Неизвестно, что с ней, попадет ли она в Лозанну, в Париж или в Лондон? Видно, не до нас великим державам. Мы возлагаем надежды только на всемогущего аллаха, на мудрость нашего духовного отца и вождя Узуна-Хаджи.— Фельдмаршал отвесил поклон эмиру.— Самоуправление, обещанное горцам Деникиным, это — аркан, конец его в руках «благодетеля», в любой момент аркан превратится в петлю, и в ней задохнется горская свобода. Нам не нужно такое самоуправление, заявление английского полковника Роландсона: «Пропустите Деникина, он очистит горы от большевиков, а вас не тронет» — уловка старого колонизатора и напоминает притчу о том, как волк дал клятву не трогать овец... Мы не должны быть доверчивыми баранами!

Дышнинский перешел к внутренним делам и похвалил Хабалу Бесленеева, установившего порядок и спокойствие в областях, пытавшихся саботировать распоряжения правительства, внушившего населению этих областей чувство почтения и преданности эмиру, чья мудрость освещает путь к победе.

— Министр внутренних дел генерал-майор Бесленеев,— медленно, словно читая коран, объявил премьер,— в своей поездке выказал редкую энергию и самоотверженность. За это выражаю ему благодарность от лица правительства и от себя лично...

Раздались хлопки. Могучие усы Хабалы Бесленеева дрогнули, он провел по ним ладонью и вновь застыл как каменное изваяние.

Но отрицательных примеров в речи Дышнинского было куда больше. На фронт отправили патроны, раздали солдатам, не успели те сделать и одного выстрела — глядь, ни у кого патронов нет. Куда они делись? Продали или выменяли... Солдаты, захватив свои и чужие патроны, гранаты, убегают в горы. Выясняют причину — говорят, с голоду, несколько дней не подвозили продовольствия.

Дышнинский повысил голос:

— Командующий седьмой армией!

Поднялся молодой, плотный чернобородый горец в низко надвинутой папахе. Все оглянулись на него.

— Вы просите денег на армию, но не представляете никаких ведомостей. Кому вы раздаете деньги?

— Солдатам, ваше превосходительство, ей-богу,— растерянно ответил тот.

— А где документы, доказательства? Без ведомостей раздаете деньги, как лепешки на поминках.

— Народ неграмотный, ваше превосходительство. Букв не знают. Только фамильное тавро. Они и проставляют тавро.

— На чем? Нет даже простого списка!

— Списки составлять — надо фамилии, имена записывать, ваше превосходительство, таврами имен не напишешь. Да и писцов не сыщешь. Бывает, одному два раза выдают, другому, извините, ничего не перепадает.

— Садитесь! Предупреждаю! Без предварительных

списков впредь денег вы не получите. Никто не получит. Никто! И второе. Не вмешивайтесь вы в дела администрации! Ваше дело — война. На первое время объявляю вам выговор. Чтобы вы имели возможность исправиться, доказать свою верность эмиру, предлагаю в трехдневный срок захватить станицу Суворовскую, перерезать железную дорогу, лишить противника возможности подбрасывать бронепоезда на направлении главного удара.

Дышнинский отдышался, перебирая бумаги. Понизив голос, он объявил:

— Исходные позиции войск. О секретности этого приказа говорить не приходится. С сегодняшнего дня приступить к сосредоточению войск следующим образом: пятой армии — Воздвиженская — Дуба-Юрт, шестой армии — Ачхой, Урус-Мартан, Гойты, третьей армии — Сержень-Юрт и Шали, четвертой армии — Беся-Берд, второй армии — Бачи-Юрт, Андреево, седьмой армии — Бамут-Джераково. В резерве главного командования остается первая армия под командованием Казгирея Матханова.

Всем войскам усилить наблюдение за продвижением противника и обо всем докладывать в любое время дня и ночи. В письменном виде приказ получите после заседания. Есть вопросы?

— Позвольте, ваше превосходительство.— Встал Казгирей Матханов, сверкнув стеклами пенсне, бросил пронзительный взгляд в сторону эмира.— В аулах припрятано немало оружия. Грузинский штаб, уходя за перевал, как известно, передал в собственность некоторым жителям пулеметы, не говоря уж о винтовках. На это у обладателей оружия есть документы. Следовало бы поинтересоваться: зачем частным лицам пулеметы?

— Изымать! Изымать вместе с документами,— чуть не кричал Дышнинский.— Зачем пулеметы — известно, не для самозащиты, во всяком случае.

— Или другой пример,— сообщал Казгирей новые подробности.— Житель Кураты, некий Хаджиев, мобилизовал три сотни жителей аварского округа, обучил их, хочет занять укрепрайон начальника округа, имеет несколько пулеметов, орудия. Не хочет подчиняться ничьим приказам.

— Послать туда Хабалу Бесленеева. Хабала, возьми-ка это на заметку...

— Слово генералу Факри-паше.

Встал Факри-паша, приглашенный как союзник. Командующий отдельной исламской армией заговорил бойко, как школьник, хорошо выучивший урок. Генерала в потрепанной, горского покроя шубе слушали напряженно.

— Во имя аллаха я должен сказать правду,— начал он.— Мы в беспрерывных боях, без денег, без патронов, без еды, без фуража. Нас не запугать ни этим, ни числом вражеских войск. Врагов много — много их и погибнет, нас мало — мало нас погибнет. Мы благодарим всех, кто нам опора, нам не удастся их отблагодарить — аллах воздаст им должное. Здесь нет моих братьев. Я турок, черкес из Турции, но моя армия состоит из чеченцев, ингушей, адыгов, осетин, азербайджанцев и турок. Враг не сдвинет нас с места, как с места не сдвинет горы. Мы стоим за общую веру, исламскую. Это роднит и объединяет нас. Чеченцы продали коров, купили винтовки и патроны. Вот вам жертвенность мусульманина-горца. Богу было угодно, чтобы я стал во главе исламской армии, состоящей из таких людей. Заверяю эмира шейха Узуна-Хаджи: враг переступит через наши позиции только в одном случае, если мы будем мертвы, и то, переступая через нас, он споткнется... Ассаламу алейкум!

— Уассаламу алейкум!— загудел зал.

Речь Факри-паши вызвала дружные аплодисменты.

Сам эмир Узун-Хаджи, сидя в своем кресле, благосклонно кивнул генералу.

— От правительства и от себя лично,— Дышнинский-Арсанукаев встал,— я приношу благодарность генералу Факри-паше за его обнадеживающую речь — свидетельство того, что с нами бог, а после бога владыка мусульман — султан Оттоманской империи. Задача войск определена. Губернаторам предстоит мобилизовать все силы. Смутьяны могут воспользоваться сложной обстановкой, разлагать массы, подбивать неграмотный люд на антиправительственные выступления. Чтобы это предупредить, начальникам губернского управления сформировать запасные батальоны из конных и пеших, взяв для этой цели по пять человек

от старшин, по пятнадцать человек от участковых начальников и по двадцать человек от начальников округов, организовать учения по всей строгости военного устава, отпуска отменить.

— Как с продовольствием, чем их кормить? — спросил кто-то из губернаторов.

Дышнинский-Арсанукаев, растягивая слова, продолжал:

— Довольствие для батальонов обеспечивают военные губернаторы, взыскивая с населения по разверстке. Коменданты доставляют провизию в назначенные пункты, заботятся не только о батальонах губернского подчинения, но закупают, реквизируют у населения продукты для обеспечения и армии и правительства.

Далее. На дорогах иметь ночные разъезды. Без разрешения генштаба ни гражданских, ни военных лиц не выпускать за пределы эмирата и не впускать. Всех, кто покинет боевые участки, арестовывать, материалы на них препровождать в генштаб. Должность шефа жандармов упразднена ввиду начинающихся военных действий. Шеф жандармов назначается начальником веденского губернского жандармского управления, подчиненного непосредственно военному губернатору.

Все важные бумаги посылаются в генштаб не с оказией, как было до сих пор, а передаются через комендантов. Есть вопросы?

— В каких размерах взыскивать продовольствие и денежные средства с населения?

— По две меры кукурузы зерном и двадцать рублей с дыма. С тех, кто уклоняется от повинности, — в двойном размере.

Наступила тишина, но никто не вставал с места. Шейх Узун-Хаджи Хаир-Хан закашлялся, вставая с кресла, страдальчески наморщил переносицу. Из-под смушковой папахи, надвинутой на лоб и наполовину обернутой чалмой, как это делал Шамиль, глядели в пол зеленоватые глаза, левую руку шейх держал на животе, правой обхватил бурую бороду, собрав ее в пучок; отросшие и соединившиеся концами с бородой усы обвисли.

— Кто мы? — шейх кинул взгляд в зал и сделал долгую паузу, худые длинные пальцы быстро переби-

рали четки, что свидетельствовало о волнении, которого владыке не удавалось скрыть. Каждый из присутствующих как бы сам себе задавал этот вопрос и искал нужного ответа.— Мы те счастливые воины пророка, кому дано узреть призрак самого мужественного слуги аллаха, чье имя Шамиль. Это он ведет нас на битву против врагов ислама. Мы защищаем веру, свою свободу, свои хижины, свои семьи. Это удваивает, утраивает, удесятеряет наши силы! Не первый месяц мы сдерживаем напор, каждодневный натиск неисчислимого воинства Деникина. Почему? Потому что нас прикрывает своей ладонью аллах. Спину нам подпирают сопредельные и дальние державы.— Узун-Хаджи подумал о сабле Шамиля, как она была бы кстати в эту минуту! Показать бы священное оружие народу, но что поделаешь — нет сабли, не достал ее Жираслан. Шейх повысил голос: — Гяурский генерал Деникин служит двум дьяволам: русскому царизму и англичанам. Падение кровавого русского царя я предсказал давно с помощью аллаха. Аллах осеняет меня мудростью и сейчас, чтобы предсказать крах Деникина. Кто служит дьяволу, тот с дьяволом и погибнет! — указующий перст был направлен в окно, словно там, на свежем снегу, уже лежал сраженный черный дьявол...

В зале раздались голоса:

— Аминь!

— Аллах все видит, аллах все слышит!

— Да утвердит аллах твои слова!

Шейх продолжал:

— Тому, кто служит аллаху, вере, правде — слава и честь! А если он отдаст в бою жизнь, аллах воздаст хвалу его делам, и саблю, что он обронит, подберет другой, чтобы продолжить битву. Но злу, черным дьяволам пусть и в обличье генералов, аллах не даст торжествовать победу, ибо победа дьявола — это конец света. С именем аллаха в сердце на битву, мои мюриды! Да будет славен мусульманин делами своими и помыслами. Аллаху акбар!

И в зале многократно отдалось:

— Аллаху акбар!

— Аллаху акбар...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. ЗИМА, ПОЛНАЯ ТРЕВОГ

Получив письмо от Ибрагима Чуликова с предложением о встрече, фельдмаршал Дышнинский-Арсанукаев почувствовал прилив энергии. Враг ищет контакта, значит, чувствует свою слабину, решил фельдмаршал, иначе ставленник белой армии и англичан Ибрагим Чуликов не предлагал бы встретиться в нейтральной зоне.

Дышнинский поспешил к шейху с письмом от Чуликова. (Иналук еще не знал, что письмо с таким же предложением получил и Николай Гикало.) До гор уже докатились слухи о неудачах Деникина в центральной России.

Чуликов излагал, как он представляет себе встречу «с представительной делегацией эмирата». Перед боевым участком Гикало появляется фаэтон с большим белым флагом и, не доезжая ста шагов до передовых позиций повстанческих войск, останавливается. Иналук Арсанукаев и Николай Гикало в сопровождении адъютантов едут в штаб южной группы войск Добрармии, куда их доставят в целости и сохранности как «достойных гостей». В ставке их встречают генерал Шатилов, Ибрагим Чуликов и прочие. После переговоров и подписания соответствующих документов на том же фаэтоне они возвращаются к себе, гарантия безопасности — офицерская честь.

Это меньше всего интересовало Узуна-Хаджи, задумавшегося над словами из письма: «Многострадальный чеченский народ отмечен роковой судьбой: одна его половина в войсках эмирата, другая — в Добровольческой армии. Мы же, возглавляющие враждующие стороны, должны повести их на братоубийственную бой-

ню, и кто бы ни победил в этом сражении, повержен будет чеченский народ». Во избежание братоубийственной войны Чуликов и предлагал мирное разрешение проблем, ставших камнем преткновения в судьбе горцев Кавказа. Далее в самых крайних выражениях описывался разгром, который ждет эмират, и страшная кара виновных в напрасном кровопролитии. Чуликов не преминул напомнить о своем опустошительном набеге на чеченские аулы...

— Ваше мнение, светлейший эмир?— Дышнинский прервал глубокое раздумье Узуна-Хаджи, вывел его из оцепенения.— Если спросите меня, это — ультиматум. Позволю напомнить вам, мы заверили президента Грузинской республики и повелителя всех мусульман султана Оттоманской империи, что будем бороться против деникинцев до последней капли крови.

Эмир поглаживал бурую бороду, глядя в окно на ворон, деловито ходивших по снегу. В этот день с утра большими хлопьями шел снег; оседая на ветках, он превратил деревья в сказочно белые яблони, какими они бывают в пору цветения. Ничто не предвещало бури, если не считать Деникина.

— Почему ты должен ехать к ним, а не они к нам?— наконец спросил эмир.— Пусть на том же фаэтоне с белым флагом прибудут сюда. Не хотят на своем — мы вышлем им навстречу свой экипаж с князем Жирасланом для сопровождения.

— Совершенно справедливо, ваше величество! Как я об этом не подумал раньше? Враг пустился вплавь, как пес, почувствовавший, что вода попала под хвост. Он коварен, заманит в ловушку и прихлопнет, обезглавив армию. Ух, и хитрые же шайтаны!— Дышнинский помолчал, подумал и, понизив голос, добавил:— А что, если послать туда Николая Гикало с Жирасланом для предварительных переговоров?

— Думаешь, Гикало согласится?— Эмир насквозь видел великого визиря: заманят тех в западню — не беда.

— Если предложить ему от твоего имени. Почему Гикало не может рисковать во имя общего дела?

— Гяур будет говорить от имени ислама?!

Довод эмира обезоружил фельдмаршала.

— Да. Вы правы, ваше величество.— Дышнинский

разочарованно вздохнул. Он уже представил себе, как Гикало, поддавшись уговорам, отправляется в стан врага, его там задерживают, армия повстанцев остается без командующего и Дышнинский назначает на этот пост своего человека. Вот вам и единая, централизованная армия без большевиков и комиссаров!..

А у шейха из головы не шли слова: «Кто бы ни победил в этом сражении, повержен будет чеченский народ». Узун-Хаджи понимал, что в этом есть доля правды, но только доля, а не вся правда, ибо в семи армиях эмирата есть люди всех национальностей, даже русские, не говоря о грузинах, турках, азербайджанцах, лезгинцах, аварцах и других.

— Ты посоветуйся с Гикало. Может, он согласится,— неожиданно переменил решение Узун-Хаджи.— С русскими он скорей сговорится, чем ты. Хотя вряд ли. Чеченец с чеченцем не может поладить, а русский человек с русским человеком тем более — кто за царя, кто против! Царь стал костью, из-за него идет грызня...

С другой стороны, допустим, мы отвергли предложение Чуликова,— продолжал размышлять вслух эмир.— Чеченский национальный совет использует это против нас, дескать, мы были за мирное решение проблем. А если прольется кровь,— она не может не пролиться!— вся ответственность за братоубийственную войну опять ложится на эмират. Что ты предлагаешь?— нахмурился Узун-Хаджи, и в его голосе прозвучало раздражение.— Созвать снова экстренное заседание правительства?

— Подождать с ответом. Посмотреть, как они поведут себя дальше. Пусть обрушатся на Воздвиженскую. Гикало выдержит.

— Если не выдержит?

— Он получил пополнение, установил связь с Астраханью. Ему на помощь придет вновь сформированная одиннадцатая армия с представителем от самого Ленина.

— Кого это Ленин посылает сюда?— Узун-Хаджи вскинул голову, в его глазах вспыхнула тревога.

— Кирова. Сергея Кирова...

Узун-Хаджи спрятал четки в карман.

— Как же! Помню-помню, ратовал за самоуправление горских народов. На съездах верховодил.

— Он самый.

Узун-Хаджи чутьем угадал, что премьер хочет поставить под удар армию Николая Гикало до того, как к нему придет подмога, чтобы она не стала костью поперек горла эмирату. Эмир тоже видел в этом определенный смысл, особенно если учесть силы, идущие на помощь Гикало. Большевистский главарь и сейчас не считается с правительством эмирата, подоспеет помощь — никакой управы на него не найдешь. Вступить с Чуликовым в союз, перехватить инициативу у имама Гоцинского, избавиться от Гикало, а его войска передать в подчинение главнокомандующему, создать исламскую республику — эмир мысленно намечал для себя новые вехи.

— Пусть будет по-твоему,— согласился Узун-Хаджи, и глава правительства удалился.

Узун-Хаджи вытащил из кармашка часы — ровно двенадцать. Он осторожно снял со стены шкуру козла, служившую ему молитвенным ковриком, разостлал на полу и стал совершать полуденный салят, стараясь молитвами, обращенными к богу, вытеснить из головы тревожные мысли. Он вспоминал молитвы, которые знал, как цепь над очагом в родном доме. К этой цепи он по три раза на дню когда-то подвешивал казанок с водой. Каждое ее звено, прокопченное с годами, было знакомо с детства. Узун-Хаджи успел сделать три раката из четырех, опустился на коврик, коснувшись его носом,— заключительный обряд моления,— как снова вошел Дышнинский, очевидно, с важным сообщением. Узун-Хаджи не обратил на него никакого внимания. Премьер-министр понимал, что мешать верующему — грех, он молча ждал окончания молитвы, хотя с каждым мгновением его все больше и больше раздражала продолжительность полуденного намаза. Казалось, шейх нарочно его затягивает. Он оставался сидеть на коврике, пока не перебрал все зерна четок, сопровождая каждое хвалой аллаху.

— Что еще случилось?— спросил шейх наконец.

— Важная весть, владыка, сбываются ваши пророческие слова: войска Красной Армии взяли Ростов-на-Дону, Деникин отброшен...— без особого, впрочем,

торжества в голосе доложил премьер и умолк в ожидании реакции.

— Ростов-Дон?!— как бы про себя переспросил эмир, которому было знакомо это название со времени его осуждения и ссылки в Сибирь. Его везли близ Ростова, верней через Батайск, где была сделана продолжительная остановка, пока жандармы сортировали осужденных, и где затем большую группу разноплеменных ссыльных затолкали в два небольших вагончика, из которых они смотрели на мир через поржавевшие решетки.— Я знаю, где Ростов-Дон.

— Теперь вам понятно, почему Ибрагим Чуликов жаждет встречи со мной?

— Его ноздри щекочет запах паленого, усы Деникину подпалили...

— Вот именно.

— Сколько верст до Ростова?

— Нам надо выяснять, не сколько верст до Ростова, а сколько до Астрахани! Гикало спешит подмога из Астрахани, и в Кизляре партизаны!

— И представитель от Ленина?

— Да, Сергей Киров.

— Объявить бы газават! О, как не хватает мне священной сабли Шамиля!— в сердцах сказал шейх.— Она у Нажмутдина Гоцинского, я уверен...

После долгого раздумья эмир спросил:

— Где князь Жираслан? Что он делает?

— При деле, ваше величество, у Казгирея Матханова.

— А Нажмутдин?

— Одиннадцатая повстанческая армия сметет Нажмутдина. Проиграно его дело.

Узун-Хаджи вспомнил попытку Гоцинского создать имамат-шариатскую монархию под протекторатом Турции. Потомок Шамиля обложил данью аулы, собрал несколько миллионов рублей, сумел получить и от Антанты восемь миллионов, вооружился на эти средства, создал значительную по численности армию и мечтал покончить с соседом — Северо-Кавказским эмиратом, долго выжидая подходящего момента. Тем временем армия имама таяла, и он, потеряв надежду, вступил в прямой сговор с контрреволюционными силами против эмирата и армии Гикало. Когда у Гоцинского остал-

ся лишь небольшой отряд его ярых приверженцев, в основном беглецов, дезертиров и просто бандитов, он пытался грабить караваны, направлявшиеся из Грузии и Турции в Северо-Кавказский эмират. В разбойничьих набегах ему помогал и Тапа Чермоев, именовавший себя главой правительства Северо-Кавказской республики. Куда теперь им деваться? Надежды на Деникина рассеялись, как утренний туман. Они будут искать путей для воссоединения с эмиратом, к этому надо быть готовым — возможно, проявить самим инициативу — послать туда Жираслана. Эмир не спешил высказывать эти мысли вслух.

— Дагестанский имам все выжидает,— как бы разгадал его думы Иналук.— Теперь он связался с муссаватистами Азербайджана, недавно заявил: «Буду имамом, пока все двенадцать частей моего тела без изъяна. Если не ослепну или не лишусь дара речи, буду продолжать деяния моего великого деда...»

— Прыткий какой! «Пока двенадцать частей тела...» Из них он прежде всего недосчитается головы.

— В Шуре опасаются его нападения.

— Вырвать из его рук саблю Шамиля!

— Если бы мы точно знали, что она у него.— Дышнинский развернул письмо, с которым еще не расстался. Пробегая глазами по строчкам (в который раз!), он остановился на словах: «...ты подорвешься на бомбе, которую сам себе подложил...» Загадочный смысл фразы Чуликова не был ясен, а неясность внушала тревогу.

В дверном проеме показался Хабала Бесленеев. По выражению его лица, круглых глаз, метавших искры из-под каракулевой шапки, видно было, что произошло нечто важное. Министр внутренних дел не беспокоил премьера по мелочам, тем более эмира, действовал всегда сообразно с обстановкой.

— Опять беспорядки?— Дышнинский опередил министра своим вопросом.

— Беспорядки — ерунда, против них я кладу свою папаху, и все. Самоуправствует Гикало, не считается ни с кем, ни с чем! Если в этой обстановке каждый будет молотить свой сноп — намолот будет невелик.

— В чем дело? У меня давно рука чешется, хочется схватить его за тонкую шею, потрясти так, чтобы очки слетели...

Бесленеев выпалил:

— Приказал арестовать полковника Карасанова!

— Как так?

И министр изложил суть дела. С наступлением зимних холодов в горах не стало житья. Многочисленные бандитствующие шайки стали отбивать друг у друга хлеб. Одни подались за Кавказский хребет в поисках тепла и пристанища. Другие не могли выбрать, к кому пристать. К Узуну-Хаджи или к Гикало? Мусульмане соединили свою судьбу с судьбой эмира, но в бандах было довольно много офицеров царской армии. Раз Деникин терпит поражение, значит, идти в Добрармию нет резона. Куда офицеру податься? Только к Гикало, прикинувшись красным или сочувствующим. Но командующий революционными войсками не хочет засорять армию. Он приказал всем офицерам пройти проверку, а для этого как бы арестовал их. Полковник Карасанов, уже принятый в отряд, запротестовал, пытался поднять мятеж, чтобы арестовать командующего и судить его... Для подавления мятежа Гикало послал чеченский отряд. Чеченцы уже сталкивались не однажды с бандитами, выдающими себя за красноармейцев, бежавших из деникинского плена. Получив пропуска в тот или иной отряд, «красноармейцы» исчезали в неизвестном направлении, поэтому чеченский отряд, помня старые счеты, быстро справился с мятежниками. Карасанов заступился за офицеров, завязалась перестрелка... Полковник был арестован.

— Не прими я экстренных мер, бог знает, чем все это могло бы кончиться. Я поехал в Воздвиженскую...

— Ну?

— Вы знаете, что мне ответил Гикало? Если будешь вмешиваться в мои дела, я велю арестовать и тебя.— У Хабалы Бесленеева нервно дергались концы пышных усов.

— Что я говорил?— Дышнинский как бы напоминал эмиру о недавней беседе.— По мере приближения красных Гикало становится не только неуправляемым, но и опасным. Его неповиновение станет заразительным примером для других.

Узун-Хаджи смотрел дальше, чем фельдмаршал. Он чуял, что с Гикало ссориться нельзя — Красная Армия

взяла Ростов-Дон, близок день, когда она дойдет и до предгорий Кавказа. Киров, посланец Ленина, разумеется, будет на стороне Гикало, портить отношения с ними — ставить себя под удар. Наоборот, когда красные придут, можно сказать: мы, мол, с Гикало в борьбе против Деникина были двумя душами в одном кисете, делили и хлеб и опасность пополам...

— Он будет арестовывать меня! Министра внутренних дел! Я требую... Поручите мне Гикало, я мигом укорочу ему стремена...— кипятился Бесленеев, оскорбленный в своих лучших чувствах.— Союзничество не значит самоуправство. Он все забыл. Просил у меня кукурузы — нá тебе кукурузы, и муки, и зерна, просил мяса — нá тебе мясо, ешь на здоровье! У казикумукцев перехватили сукна на тысячу черкесок, что они посылали в дар деникинцам,— добрую половину отмерили войскам Гикало. Жираслан раздобыл боеприпасы, оружие — союзничка не обидели! За все добро меня под арест? Я требую призвать Гикало к порядку! Или я сам за него возьмусь, проучу.

— Надо к нему подослать Казгирея Матханова. Он имеет на него влияние,— без эмоций, на которые рассчитывал Дышнинский, суховато молвил шейх. Его длинные пальцы по-прежнему медленно перебирали четки.— Пусть поговорит. Гикало молод. Сколько ему — двадцать один, двадцать два?

— Он — командующий! — Дышнинский готов был поддержать Бесленеева.— В его подчинении армия.

— Чего вы хотите? — шейх строго взглянул на премьера, потом на министра.

— Разоружить его! Но время упущено. Поздно. Он уже сел нам на шею,— в фельдмаршале закипал гнев.— А мы цацкаемся с ним!

В дверь постучались, и встревоженный офицер, заменивший голубоглазого Лошу, обратился к Дышнинскому:

— Ваше высокопревосходительство, срочно к телефону!

Дышнинский-Арсанукаев в два прыжка оказался в соседней комнате у аппарата, связывающего фельдмаршала с войсками. В ту же минуту оттуда явственно донеслось слово «наступление».

Да, это было началом наступления деникинских

войск, о котором говорили давно. На время оно пресекло внутренние раздоры.

— Началось,— медленно произнес министр внутренних дел.— Теперь поздно разоружать Гикало. Противник отказался от переговоров, взялся за оружие. Тревога, опять тревога.

Дышнинский продолжал говорить по телефону: на другом конце провода был Николай Гикало.

— Все в руках аллаха,— уронил Узун-Хаджи.

2. РАЗОРВАВШАЯСЯ БОМБА

Накануне наступления деникинцев Жираслан доставил в Воздвиженскую немалые деньги, полученные от большевиков благодаря заботам Инала Маремканова,— несколько миллионов рублей пошли на то, чтобы расплатиться с долгами, поскольку до сих пор оружие приобреталось под расписку; залатать все прорехи не удалось, многие бойцы были разуты, раздеты, одна нога в азиатской остроносой калоше, другая — обмотана куском мешковины и не влезает в стремя... Полушубки рваные, крестьянские зипуны, подбитые овчиной, зачастую надеты прямо на голое тело. Зима заставила горцев надеть чабанскую одежду гобанеч, что-то вроде валяного зипуна. Люди готовились к предстоящим боям, пока главные силы Деникина были отвлечены на север. Теперь на деникинцев наседает Красная Армия, в Новороссийске помышляют об эвакуации, к Петровску непрерывно движутся эшелоны с эвакуирующимся населением, с ранеными.

После создания партийного центра в войсках Гикало оживилась политическая работа, в партию подавали заявления и письменно — кто умел писать, а от неграмотных устно. Появились агитаторы, которые разъясняли горцам смысл и задачи борьбы, которую вели большевики. Воистину близилась необыкновенная весна, когда все приходило в движение, и победа над врагом была уже не за горами.

После изгнания деникинцев из Ростова-на-Дону агитаторы у Гикало сочинили листовку, отпечатали в типографии эмирата, сложили аккуратно в пачку, привязали к оси арбы (кузов был снят за ненадобностью). Под прикрытием ночного тумана солдаты затащили ось на высокую гору, под которой протянулась линия деникинских окопов, привязали ее веревкой, конец которой протянули в свое укрытие. Утром, когда солдаты Добрармии суетились у кухни, спеша поесть горяченького, неожиданно на них покатился остов арбы, без волов, без людей. Солдаты кинулись врассыпную: вдруг взорвется! Ход скатился благополучно прямо в расположение войск противника. Солдаты Добровольческой армии сначала робко, потом все смелей и смелей подходили к паре колес с оглоблями — что за диковина? Заметили листовки, отвязали, читают, а там про них: «Эй, вы, странствующие музыканты, коты, живущие объедками хозяйки-проститутки, именуемой Добровольческой армией! Не она ли задирает юбку перед любой державой, которая ей платит! Чего ночи гниете в окопах, когда ваш главный атаман Деникин без портков, налегке, сверкая пятками, спешит на кораблик... Или вы хотите чего добавить к двадцати восьми орудиям и тридцати одному пулемету, что вы бросили в сентябрьском бою на поле брани? Милости просим, давайте вашу новенькую боевую технику...»

Напрасно офицеры хлестали нагайками тех, кто утаил листовку, она пошла по рукам. Господа скрывали от рядовых поражение Деникина на юге России, продолжали по-прежнему считать вслух, сколько верст осталось Антону Иванычу до Москвы. Пачка листовок превратилась в бомбу необыкновенной силы, открыла глаза солдатам. Неграмотные горцы просили грамотных прочитать и перевести им, о чем толкует листовка, бумажку берегли, сворачивали в трубку и хранили в гнездах для газырей.

Гикало оборудовал командный пункт на старой водяной мельнице на окраине слободы, закрывавшей вход в ущелье; к мельнице вода подводилась по насыпному каналу, обсаженному с двух сторон высоченными тополями, на которых воронье свило великое множество гнезд. Среди них легко было замаскироваться наблюдателю и сообщать вниз обо всем, что он видит. Нико-

лай Федорович сам иногда поднимался на насыпь, по гребню которой текла вода к мельничному колесу, рассматривал подолгу расположение противника, делал выводы по передвижениям мелких групп, военной техники.

Вот и сегодня он наблюдал за четырьмя конными отрядами, шедшими со стороны противника. Всадники неслись галопом. «Больно издалека начали скачку,— думал Гикало,— выдохнутся кони, пока доскачут до переднего края, и почему атаку начинают конники без артиллерийской подготовки?» Он дал сигнал войскам подготовиться, хотя и без того солдатам было видно происходящее далеко за передним краем. Джигиты с утра ждали, когда враг приблизится, чтобы «не пулять зря».

Жираслан остался при Гикало, чтобы быть свидетелем решающих событий, а если надо — помочь.

— Артиллеристы! Вам первое слово!— крикнул Гикало. Он приказал открыть огонь по четырем конным отрядам одиночными выстрелами. Ухнули орудия, ближние горы отозвались эхом, наполняя гулом широкую долину. Гикало увидел в бинокль разрывы снарядов, от которых шарахались лошади под всадниками, подумал: не хотят ли добрармейцы повторить атаку кочубеевцев на Кизляр, когда лихие казаки пошли на партизан с гармошкой, песней и пляской?

— Беглым! — последовала команда.

Пушки ударили часто, но артиллерия главного калибра молчала, каждый снаряд — на учете, она откроет огонь только по особой команде. Кавалерия противника приближалась, несмотря на артогонь; два отряда, шедшие слева, повернули направо, и наоборот, правые — налево и продолжали путь вдоль фронта, как бы подставляя себя под удар.

Это был маневр, рассчитанный на «распечатание конверта», то есть засечение огневых точек. Противник полагал: подставим бок — Гикало не преминет воспользоваться этим, ударит из всех стволов, а разведчики, следующие в боевых порядках кавалерии и следящие за ходом боя с наблюдательных пунктов, засекут огневые точки, нанесут на карту и передадут своим артиллеристам. Но приказа «без команды не стрелять» никто не нарушил. Лишь с наступлением ве-

черних сумерек напряжение ослабло, кавалерия уже не маячила на виду, и бойцы Гикало могли поесть. На ночь на всех направлениях усилили боевую охрану.

К рассвету багровые сполохи пожаров заиграли по слободе, загорелось сено во дворах, соломенные и камышовые крыши. Это был сигнал. На позиции гикаловцев обрушился ураганный артиллерийский огонь, отблески взрывов и пожара плясали на стенах домов, черный дым клубился, застилая слободу. Запахло гарью. Растревоженные собаки надрывно лаяли, слышалось истошное мычание коров в хлевах, объятых пламенем... Гикаловцам пришлось отойти в заранее подготовленные укрытия, а резерв бросить на тушение пожаров, оказание помощи населению, спасение скота, которого чудом не убила зима. Шквал артиллерийского огня перенесся в глубину, и у переднего края появились первые цепи атакующих. Пожар, устроенный добрармейцами в Воздвиженской, чтобы вызвать панику у противника, обернулся против самих же деникинцев. Они не видели повстанцев, сидящих в укрытиях за стеной огня, зато сами оказались как на ладони. Гикаловцы их косили огнем и из пулеметов, и из винтовок...

Но цепь шла за цепью, словно павшие снова вставали и бросались в бой; бледный свет зари и зарево пожаров смешались воедино, никто и не заметил, как наступило утро. Бой не утихал ни на минуту. «Железный отряд» из политзаключенных, которых освободил Гикало в ночном налете на Грозный, несколько раз переходил в контратаку, отбрасывая озверелых деникинцев. Резерв, посланный на тушение пожаров, пришлось вернуть, бросить туда, где враг прорвал оборону. Гикало видел, как к деникинцам подходят свежие силы, как ждет своего часа кавалерия, чтобы врезаться в образовавшуюся брешь и преследовать отступающих красноармейцев. Силы у Гикало иссякли, он давно послал депешу фельдмаршалу о срочной помощи и ждал Казгирея Матханова с резервной армией на подмогу. Но помощи не было видно, а противник бросал все новые силы, не считаясь с потерями, лез на кинжальный огонь. Гикаловцы стояли насмерть, но силы были слишком неравны...

Дышнинский вел сам резервную армию на помощь

Гикало, отстранив от командования Матханова и оставив его якобы для поддержания порядка в столице. Он мог покрыть расстояние от Гойты до Воздвиженской за несколько часов, полки шли форсированным маршем, готовые с ходу броситься в бой. С низовьев речушки уже доносился гул артиллерийской стрельбы, когда фельдмаршал остановил конников. Наступил полдень, час молитвы. Перед тем как вступить в схватку с ярым врагом, Дышнинский решил обратиться к аллаху со словами молитвы. Самое время — всевышний оценит радение мусульманина, ниспошлет ему победу над гяурами, оскверняющими землю эмирата.

— Дневной салят, молебен во славу аллаха!— Дышнинский первым подошел к журчащей речке, не спеша совершил омовение, тем временем его адъютант расстелил черную бурку на лужайке у самой воды.

Командиры полков последовали примеру фельдмаршала, встали впереди своих полков, спешившихся и выстроившихся поэскадронно, образуя длинные шеренги молящихся.

Уставшие после марш-броска кони дремали стоя, под седлом. Они были привязаны друг к другу, поводья одного накинуты на луку другого, чтобы кони не сходили с места; всадники, не имеющие бурок, ослабили подпруги, вытащили потники и расстелили их на жухлой прошлогодней траве вместо молитвенных ковриков. Долина превратилась в гигантскую мечеть под открытым небом, полковые муллы не жалели глоток, чтобы громко и внятно звучали слова молитвы, прерываемой ветром и гулом артиллерийской канонады. «Аллаху акбар!» повторялось многоголосо и многократно, будто горные вершины, увенчанные белыми чалмами, встали на молитвенные коврики и воздали хвалу аллаху. Журчанье речки сопровождало монотонный гомон молящихся.

Со стороны Воздвиженской к молящимся мчались галопом трое всадников. Они быстро приближались к длинным шеренгам полков, выстроившихся для дневного молебна, и на лицах их выражалась бешеная ярость.

Жираслан, ехавший впереди, направил коня прямо в середину молящихся. Вьюном закружился конь, из разинутой пасти его валил пар. Князь выхватил

маузер, выстрелил в воздух три раза, хотя знал, что прерывать молебен — тяжкий грех, его кобылица жарко косилась на молящихся и ржала.

— Сволочи! Разве есть такой аллах, который примет ваши молитвы? Там гибнут люди! — не своим голосом орал Жираслан, рассвирепев, он поворачивался, как муэдзин на минарете, в разные стороны: — Вы что, оглохли? Не слышите? Гикаловцы истекают кровью, ждут от вас помощи. Каждая минута дорога! Вставайте! Я заклинаю вас! По коням! За мной, на Воздвиженку! Вставайте, если вы не расстались с совестью. За мной, в атаку!..

Опять прогремел выстрел. Над головой Жираслана просвистела пуля, это стрелял рассвирепевший Дышнинский.

— Кто здесь командующий? Ты, собакой рожденный, или я?

Жираслан вихрем понесся обратно вместе с двумя всадниками. На скаку он кричал:

— Заклинаю! На помощь гикаловцам, в ком бьется сердце горца! В атаку! Галопом, не то будет поздно! Они в смертельной опасности!

Люди бросались к лошадям, вскакивали на скаку в седло и мчались вслед за Жирасланом. Ни муллы, ни командиры эскадронов и полков, ни сам Дышнинский не могли остановить их; подчиняясь зову сердца, солдаты спешили на помощь защитникам слободы. Фельдмаршал приказал своим мюридам арестовать Жираслана, препроводить в Ведено и держать в тюрьме до его особого распоряжения, но никаким мюридам было невозможно угнаться за князем, а не то, что взять его под стражу.

Дышнинский-Арсанукаев негодовал! Теперь пойдет гулять легенда о Жираслане, спасшем Гикало, и дурная слава о фельдмаршале, который нарочно медлил, чтобы руками врага расправиться с революционными войсками. Конечно, потом Дышнинский обвинит Жираслана, этого анархиста, что тот, мол, нарушил боевой порядок, вызвал панику, хаос, — словом, найдет повод, чтобы судить князя военно-полевым судом. А пока резервная армия, увлекаемая Жирасланом, тащила за собой фельдмаршала, и ее было не удержать...

Однако помощь опоздала. За несколько верст до

Воздвиженской конники, мчавшиеся на выручку войскам Гикало, встретили отходящие отряды защитников форпоста. Преисполненные отваги кавалеристы готовы были ворваться в слободу, откуда Гикало вывел основные силы, под прикрытием отряда бывших политзаключенных, которому было приказано удерживать позиции, преграждающие путь в глубь гор. Но ворваться в слободу, занятую врагом, без поддержки пехоты и артиллерии означало попасть в мясорубку...

Подоспевший Дышнинский согласился с этими доводами Гикало и приказал воинству повернуть назад, отвести лошадей в укрытие и немедленно окопаться на том самом месте, где войска останавливались на молитву. Там, в долине, два отвесных горных хребта, покрытые лесами, сходились близко друг с другом, и это было удобно для обороны.

— Где молились, там и спать повалились,— горько шутили солдаты, недовольные верховным главнокомандующим.

Дышнинский-Арсанукаев намеревался побеседовать с Гикало. Николай Федорович возглавлял малочисленный кавалерийский отряд, который мог в любую минуту броситься в атаку с саблями наголо, чтобы прикрыть пехоту, если врагу удастся прорваться на дорогу. У пехоты, обремененной обозом с ранеными, орудиями без снарядов и походными кухнями, надежда была лишь на штыки. Поэтому Гикало не был склонен вступать в переговоры с Дышнинским; кроме того, он считал Иналука предателем, который должен ответить перед правительством и военным трибуналом. Но Дышнинский сам обрушился на Гикало:

— Почему не подождали нас? Видите, какое подкрепление шло вам на помощь? Мы неслись сюда галопом, надеялись на вашу стойкость. А вы, едва заслышав выстрелы, засверкали пятками! Кто приказал отступать? Почему нарушили присягу?.. Изменники!

Обозленный поражением, удрученный понесенными в боях потерями, Гикало не удостоил Дышнинского ответом и продолжал движение. Только сверкнул зловеще маленькими очками в простой металлической оправе.

— На эти и другие вопросы я отвечу только правительству, — сквозь плотно сжатые губы процедил он.

— Какому правительству? Правительство вас не спрашивает.

— Спросит! Я поставлю вопрос о вашем предательстве. Вы будете отвечать, господин Дышнинский. Остановить армию на молебен, когда каждая минута решала судьбу революционных отрядов! И это сделали вы, человек, никогда не переступавший порога мечети, не знающий, куда повернуть молитвенный коврик в час намаза! Сделали, чтобы задержать войска, чтобы противник, который превосходил нас по численности, разгромил нас. Вы достигли цели, господин Арсанукаев. Но расплата грядет! Сюда идет одиннадцатая армия. Слыхали, надеюсь?

— Это вам Жираслан наговорил! Ему когда-то укоротили усы, теперь я укорочу ему язык. Здесь не будем препираться. Найдем более подходящее место.

— Военный трибунал!

— Бросьте грозить, иначе я велю арестовать вас.

— Руки коротки!

— Для этого достаточно длинны. Я прикажу бросить за решетку и вас и Жираслана.

— Вы этого не сделаете.

— Никто мне не помеха. Я уже отдал приказ.

— Советую отменить.

— Не подумаю.

— Тем хуже для вас. Жираслан верен долгу. Не будь его, вы бы до сих пор молились у ручья, перебирали четки. Он перепутал вам карты, увлек за собой джигитов на помощь нам. За это хотите его арестовать? Не много ли берете на себя? Мы были в беде — Жираслан шел нам на помощь, окажется он в беде — революционные войска придут на помощь ему.

— Увидим! — бросил напоследок фельдмаршал и помчался вперед в сопровождении мюридов. Предстояло организовать надежный заслон в долине на случай, если враг подавит сопротивление горстки храбрецов и устремится вверх по течению реки. Дышнинский приказал поделиться боеприпасами, особенно патронами, с гикаловцами, чтобы хоть этим снять свою вину перед Гикало. Тем более крах Деникина — дело дней, в крайнем случае недель, и Дышнинский лицом к лицу встретится с лидерами большевиков. Фельдмаршал передал через своего адъютанта Гикало, чтобы тот отвел

свои отряды в глубокий тыл, а сам остался с войсками сооружать укрепления. Правда, его хлопоты были лишены смысла, ибо в новой обстановке деникинцы не собирались ввязываться в бои в невыгодных горных условиях, когда острие удара 11-й армии противника направлено в их тылы. В самый раз им было развернуться в обратную сторону и встретить войска, идущие со стороны Кизляра, чем рваться в горы, где их не ждет ничего хорошего.

Гикало разместил остатки своих войск в труднодоступном горном ауле, а сам отправился к шейху Узун-Хаджи Хаир-Хану и в присутствии Бесленеева и Матханова доложил обо всем, что произошло в Воздвиженской, всю вину за поражение отнеся на счет фельдмаршала Дышнинского.

Эмир не требовал доказательств: отстранение Матханова от командования резервной армией говорило само за себя. Он знал об истинном отношении Иналука Дышнинского к Гикало, к его войскам, которые главнокомандующий считал «нежелательными гостями» на территории эмирата. В иной обстановке эмир попытался бы уладить дело, но нельзя было не считаться с тем, что ближе и ближе подходят к предгорьям Кавказа войска Красной Армии. Не прими он крутых мер против главнокомандующего — придется отвечать самому перед Советами.

— Что будем делать? — спросил эмир Казгирея, как бы прибегая к его мудрости и опыту.

— Ваша воля.

Эмир призадумался, долго перебирал четки, порой собирал в пучок свою бурую бороду и замирал, как бы советуясь с самим богом.

— Предатель не может стоять во главе правительства и армии,— настаивал Гикало.— Сегодня он предал меня, завтра... Завтра он может предать кого угодно.

Ни сам Николай Федорович, ни Хабала Бесленеев, ни даже Казгирей Матханов не подозревали, как в эту минуту Гикало был близок к истине. Наступившее тягостное молчание нарушил министр:

— Ваше величество, князь Жираслан просит вас принять его. Уверяет, что есть важнейшее сообщение лично для вас.

— Где он?

— В тюрьме. Арестован по приказанию фельдмаршала.

— За что?

— За то, что хотел помочь защитникам Воздвиженской. — Гикало опередил министра внутренних дел.— Жираслан пытался спасти положение. Но опоздал буквально на минуты. Мы уже не могли сдержать натиск врага, нечем было стрелять, действовали штыками. Их дюжина на одного! Только тогда я отдал приказ отступить. Для прикрытия оставил отряд Кутафьева. Того, из политзаключенных...

Эмир после паузы спросил Бесленеева:

— Как с тем делом, что я тебе поручил?

— Подтверждается. Лично допрашивал златокузнеца Якуба. Говорит, да, было такое дело. Рисунок, что он нанес на пластинку, сохранился. Известно, кому принадлежит и документ, с которого он срисован...

— Кому?

— Жираслану.

— Сам сличал?

— Нет. Не успел. Точней, не хотел впутывать Жираслана в это дело, чтобы сохранить тайну.

Опять умолк эмир. Гикало не знал, о чем идет речь, а между тем Ибрагим Чуликов подкинул эмиру факты: фирман султана Оттоманской империи, которым козыряет Дышнинский, — фиктивный, турецкий султан не подписывал ему никакого документа, фирман сфабрикован в Тифлисе, где проживал Иналук; подпись султана Якуб срисовал с пропуска, который Халида Адиб выхлопотала у Вахитдина Мухаммеда Шестого для своего гостя Жираслана.

— Жираслан у тебя под рукой. Займись им, я стану на молитву, посоветуюсь со всевышним.

— Через час доложу вам.

— Я приму решение после твоего доклада. — Эмир обернулся к Гикало: — Ты иди. Мы еще подумаем. О моем решении ты узнаешь...

— Я прошу немедленно освободить Жираслана. Не освободите — не ручаюсь за последствия. Люди рвутся к тюрьме, может всякое случиться.

Эмир кивнул Бесленееву:

— Сличи документы. Жираслана — на все четыре стороны.

Утром следующего дня разорвалась «бомба», на которую намекал Ибрагим Чуликов в письме,— был объявлен высочайший указ о смещении Дышнинского со всех постов и назначении на его место генерал-майора Хабалы Бесленеева. Весть о том, что фирман у Дышнинского оказался подложным, обрастала подробностями, как снежный ком; выяснилось: Иналук вовсе не князь, тем более не академик и не фельдмаршал. Он просто пристав.

3. ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЯ О ГЕХЕ

Дышнинский никак не мог связаться с эмиром и утром, предчувствуя беду, отправился в Ведено, приказав начальнику штаба армии лечь костьми, но не пропустить врага вверх по ущелью...

В Ведено до утра шло заседание правительства в присутствии эмира. Бесленеев доложил о подделке турецкого фирмана, но министры не хотели верить, пока не вызвали Жираслана, который поклялся, что «видел своими глазами, как златокузнец Якуб срисовывал буквы и печать с его документа, но не придал этому значения». И сам Якуб открыто признался в этом. После подписания эмиром высочайшего указа министр внутренних дел, теперь премьер-министр, принял крайние меры, чтобы обезвредить Дышнинского,— ведь в его руках была армия. Он мог двинуть войска на Ведено, разнести в щепки эмират, который создавал. Но меры предосторожности оказались излишними: узнав о катастрофе по пути в Ведено, Дышнинский-Арсанукаев сбежал в неизвестном направлении. Куда он мог направить свои стопы, нетрудно было догадаться, — туда, где сфабриковали ему фирман. Так думали многие, но достоверно этого не знал никто.

«Дело Дышнинского» все больше обрастало легендами. Говорили, будто Иналук возомнил себя всесиль-

ным и собирался смахнуть эмира, как в России царя, занять его место, а Чечню присоединить к соседней державе. Уверяли, что будто Дышнинский живым замурован в пещере, что он отправился к Ною Джордания за войском, вернется — плохо будет эмиру...

Не обошлось без сплетен и о Жираслане. В отместку за арест Жираслан, мол, потребовал все наличные деньги с монетного двора и подался к Факри-паше, с которым якобы у него был сговор. Турецкий генерал отдаст Жираслану свою армию, а сам возвратится на родину. И тогда князь явится в Ведено со своим войском, спихнет с должности своего соплеменника Бесленеева...

Между тем Жираслан под видом раненого скрывался у Мариам, в единственном госпитале эмирата, переполненном ранеными и больными. Сказать правду, рана у него все болела и подлечиться было необходимо. А Мариам была счастлива услужить человеку, вырвавшему ее из волчьей пасти, спасшего от смерти. Она забинтовала ему голову, чтобы никто узнать не мог, уложила на топчан в своем крохотном кабинетике, и князь наконец обрел покой. Все свободное время Мариам проводила у его постели, окружила князя трогательной заботой — скорей она сама погибнет, чем отдаст его в руки врагов. Но Жираслан все-таки понимал, что долго оставаться здесь опасно,— Дышнинский не простит ему измены. А пока он наслаждался вкусной едой, которую Мариам носила из дому, присутствием красивой женщины и разговорами с ней. Из рассказов Мариам он узнал, как она маленькой девчушкой, сгорая от любопытства, подкрадывалась к школе, карабкалась к подоконнику, заглядывала украдкой в класс. Потом русская учительница Надежда Алексеевна подарила ей букварь, стала учить грамоте. Мариам показывала окно, в которое она заглядывала, а комнатушка Надежды Алексеевны была та самая, где теперь лежал Жираслан. Слушал князь и печальные рассказы о страданиях Мариам в деникинских застенках. Она все еще не могла говорить об этом спокойно, вспоминала допросы, вспоминала все новые детали, от которых волосы дыбом подымались.

— Нас обманывали, говорили: Мариам отправлена

в Стамбул,— объяснял Жираслан, посматривая на Мариам одним глазом. Другой был закрыт повязкой, как и половина лица, чтобы Жираслана не узнали.— Я верил, не думал, что ты скрываешь от меня...

— Бесленеев и Дышнинский слово взяли с меня, что никому не скажу. Велели: «Устройся в госпитале, потом мы с тобой свяжемся. Это ничем не грозит. Ты под чужой фамилией, тебя никто не знает...» Я, дура, поверила и угодила прямо деникинцам в лапы, повидала такое, что и во сне не приснится...

— Тебе еще повезло. Василий Петрович — золотой человек. Не будь его, я и сам бы отдал богу душу.

— Боже мой, смогу ли я когда-нибудь повидать, отблагодарить его хоть чем-нибудь?

— По-моему, сможешь, и очень скоро. Красные совсем близко.

— Да, по всему видно. В эмирате все мечутся, не знают, куда ткнуться. Войска ушли и на Владикавказ. Говорят, бои жестокие. Казгирей Матханов тоже куда-то укатил.

— По делу...

— Уезжают — назад не возвращаются. — Мариам подумала о муже, пропавшем в Стамбуле. — Говорят, у великих держав хлопот полон рот, нос вытащат — хвост увязнет, хвост вытащат — нос увязнет. Не до малых народов им. Пока наша делегация в Стамбуле добьется чего-нибудь, тут все пойдет вверх дном...

Жираслан слушал Мариам и испытывал к ней странное чувство. Она молода, привлекательна. Красивы, выразительны черты овального лица, глаза крупны и как бы омыты слезами — они излучают свет и ласку; носик аккуратный, прямой; губы, в меру пухлые, складываются в небольшой рот; подбородок крепкий, словно выточенный; шея ровная, длинная, на ней красивая головка держится свободно и с достоинством; цвет кожи напоминает цвет камыша, высушенного в тени, волосы — как черная бурка на плечах... Рост, фигура, стать — всем удалась Мариам. И по натуре она женственна, мягка, трудолюбива... Но мысль о том, что деникинцы касались ее своими грязными руками, хватали ее, лапали, мешала князю видеть в Мариам верную ему женщину. Может, потому его отношение к ней не было связано с тай-

ными помыслами, которые мужчины всегда хранят до поры до времени, встречая милую, привлекательную особу? Может быть, потому, что Мариам замужем, ждет возвращения Рубинэ?

— И я уеду, Мариам. Вернусь или нет — тоже не знаю.

— Да-а? — протяжно спросила, как грустную медленную песню пропела, Мариам, и сияние ее больших глаз пропало. — Куда? Домой?

— И домой пора. Ты видела, как осенью птицы в вечерних сумерках долго, шумно рассаживаются по своим гнездам на тополях? Вдруг вблизи от них вспыхнет пламя, загорится костер. Птицы взлетают, кричат, кружатся над гнездами, но не сядут на место, пока не погаснет огонь. Так и мы. Огонь вроде догорает, значит, пора к своим гнездам.

— У кого они целы...

— Тебе хорошо! Твой дом озолотили, можно сказать, превратили в монетный двор. Деньги печатают,— шутил Жираслан.

— Уж эти деньги! Из-за них домой попасть не могу. Порог переступаешь — покажи пропуск. Мама идет доить корову — следом страж с винтовкой. Несешь в дом охапку дров — перебирают по полену. Отец ночами не спит, боится — ограбят! Как бы не так! Эмирские деньги почти не идут. Крестьяне уже отличают их от других. Даром давай — не возьмут.

Разговор прервался внезапным шумом, криками. Мариам прислушалась. Она уже привыкла к спорам в госпитале, решавшимся порой при помощи костылей, мисок, сапог, которые использовались как аргументы чьей-то правоты. Раненые активно обсуждали все слухи, и достоверные и нелепые. Мариам утихомиривала их авторитетом главного врача или угрозой немедленно выписать.

— Завелся какой-то баламут,— произнес Жираслан.

— Пойду посмотрю. — И Мариам вышла в коридор.

Жираслан думал о событиях, происходящих вокруг. Он чувствовал себя как в бушующем горном озере, берега которого охвачены пламенем, — как выбраться из волн, куда прибиваться, откуда начинается тропа, ведущая к спасению, — ничего не понять. В России

свергли царя, в Турции кто-то борется против султана, кто-то — против халифата, но чего хотят взамен — не поймешь. Западные державы против России. Узун-Хаджи смотрит в сторону турок...

Мариам, улыбаясь, вернулась, показывая Жираслану лоскуток газеты.

— Что там стряслось?

— Из-за чего спорят! — Мариам протянула Жираслану страничку газеты, хранившуюся долго, если судить по складкам и стершимся сгибам. — На, посмотри...

И только когда Жираслан взял пожелтевший листок вверх ногами, Мариам вспомнила, что князь читать-писать так и не научился.

— Что за газета?

— Старая. «Народная власть». За восемнадцатый год. Статья Асланбека Шарипова «О чеченских народных песнях». Раненые заспорили, как понимать слово «абрек». Откуда появилось абречество в наших краях? Казак говорит: «Абрек и бандит — все едино». Чеченец с костылем на него: «Как смеешь называть абрека бандитом? Об абреках песни поют, абреки — настоящие мужчины. Ты слышал песню о бандитах?» Тот говорит, не слышал. «А у нас есть песня об абреке Геха...» Казак все свое — «твой Геха бандит и есть». И разгорелась свара...

— Абрек Геха? — спросил Жираслан.

— Да. Тоже не слышал?

— О нем слышал. Песни не знаю.

— Сердце рвет на части. Женщины рыдают, у стариков голос срывается... Помню, в детстве мы под окнами кунацкой слушали, как старики пели песню о Гехе. Запомнила ее, будто узел на сердце завязала. Хочешь, спою?

Мариам слегка отвернулась от Жираслана, чтобы побороть смущение, помолчала и сначала неуверенно, отрывисто, а потом все смелей и свободней запела:

Отважен был абрек Геха. Много подвигов
Безумных совершил храбрый сердцем Геха.
Долю абрека — долю лютого зверя и героя —
нес без ропота,
Нес с радостью, ибо она была трудна,
Была опасна, требовала жертв, силы и борьбы...

Жираслан закрыл глаза, ловя каждое слово. Песня была ему по душе, отвечала его мятежной натуре, одиночеству. В песне яростное, закаленное сердце Геха жаждало нежной дружбы, ласки, и тоскующий Геха звал, искал товарища, который мог бы облегчить ему страдания и черные думы, искал и не находил, не было равного Гехе, а без равенства нет дружбы. Рефреном после каждого куплета повторялись слова: «Геха звал, искал — и не находил...» Он к зверям обратился, по-медвежьи зарычал, по-волчьи завыл, на его тоскующий зов явился свирепый Волк, понявший человека, в котором билось такое же, как и у него, храброе сердце... Подружившись с Волком, Геха мстил за свою отвергнутую душу тем, кто травил его.

Однажды, голодный и усталый, забрел Геха в человечье жилище. Горец Баккалай принял странника, не спросив, кто он. Геха не назвался. Но люди хитры, как хищники и змеи, — они узнали гостя Баккалая, и безбородый Иса — без волос и без совести — помчался с доносом. «У Баккалая гостит Геха!» — вопил предатель и трус, а Геха, усталый, спал на священном ложе гостя.

Зловещий гул толпы проник в саклю — вскочил храбрый Геха, а смущенный, испуганный Баккалай не находил себе места, его охватила тревога за судьбу гостя, слезами исходила и молодая жена Баккалая. Слышит Геха голоса вокруг сакли: «Сдавайся без крови, Геха!» Заиграло гневом гордое сердце, и твердым голосом ответил абрек: «Не радуйтесь. Не соколы вы, а вороны, клюющие падаль...»

С плачем и мольбой пришли к Гехе согбенные старцы и старухи аула: «Не проливай людской крови, пощади матерей, отдайся в руки черных воронов». Слова старцев пронзили сердце отважного Гехи, и гость попросил: «Убейте меня вы, святые старцы, убей ты, Баккалай. Прощаю вам свою кровь. Но сдаться не в силах я, нарушить клятву сердце не велит».

Не поднялась у старцев рука на Геху. В страстном порыве жена Баккалая бросила к ногам абрека свою белую шаль: «Геха, ты явился в наш дом гостем, ты ел наш хлеб, ты спал под нашей крышей. Геха, ты силен и храбр душой... И я, накормившая тебя, голодного и усталого, я, охранявшая твой покой, умоляю

тебя: не позорь себя, свое славное имя, помни, что ты смелый сокол, брат самому Волку... Если ты обманул мою душу, укройся моей шалью, исчезни бесследно...»

И битва началась. Геха купался в потоке огня и свинца. Перед ним стояла женщина-орлица, и Геха бился с безграничной отвагой, смерть огненно-свинцовым крылом касалась Сокола, а Геха улыбался. Наигравшись вволю со смертью, разорвал он тройной круг трусливых предателей, сам со страстью, как юноша в объятия невесты, кинулся в объятия смерти — волшебной красавицы... Лежал Геха, истинный победитель, а ложные победители трусливо жались друг к другу...

Длинная горская рапсодия заканчивалась словами:

Победитель не тот, кто сражает врага,
Побеждает лишь тот, кто бросает смело
В объятья смерти сердце, душу и тело...

После пения Мариам наступило полное глубокого раздумья молчание. Мариам взяла стакан воды, не допитой Жирасланом, сделала два глотка и перевела дыхание.

— Спасибо тебе, — нарушил молчание Жираслан, тронутый до глубины души. — Ты не только спела мне песню, ты открыла душу чеченцев. Помнишь, ты мне говорила: «Я видела твое сердце в груди». Теперь и я увидел сердце чеченца...

— Я не поняла.

— Помнишь, деникинский генерал предъявил ультиматум чеченцам: или добровольно выдать русских красноармейцев, большевиков, партизан, которых они скрывают, или он сровняет с землей их аулы... Чеченцы погибли, но уберегли своих гостей...

— Обычай. Предавшего своего гостя хоронить не будут, когда помрет. Так и будет его дух вечно скитаться неупокоенным.

— Разве Ибрагим Чуликов не знал этого! Он ведь сжег дотла все аулы от Гудермеса до Устар-Гордоя. Он, чеченец!

— Помещик он. Когда избирали атагинский совет в Урус-Мартане, он сделал все, чтобы туда попали шейхи, муллы, купцы, домовладельцы. Они отблаго-

дарили его — поставили во главе совета. Это не помешало ему снюхаться с Георгием Бичераховым, держать сторону казаков, обычаи народные для него пустой звук...

И Мариам рассказала, как явились каратели Чуликова в горный аул, где скрывались четырнадцать красноармейцев со своим командиром. «Эй, вы, чечены, выдавай большевиков!» — крикнул белый офицер парню, который колол возле сакли дрова. У ворот уже стояли солдаты, пулемет навели прямо на саклю, целились в дверь. Чеченец говорит: «Я сейчас!» — схватил охапку дров, побежал домой, предупредил красноармейцев, а сам вместе с отцом и братом вышел к офицеру. Старик разводит руками: мол, какие тут красноармейцы, никого нет, а сакле одни дети... Офицер вынул из кармана часы, открыл крышку и говорит: «Даю десять минут, пройдет срок — сожгу саклю вместе со всеми, кто там есть!» Отец и сыновья переглянулись. Что делать? Раздумывать долго нельзя. Старик, глава семейства, не говоря ни слова, подскочил к офицеру, изо всех сил ударил его по голове деревянным кольцом, которое ладил к длинному ремню для перевозки сена, два брата кинулись к пулемету, кинжалами прикончили пулеметчиков, открыли огонь, красноармейцы выбежали, соседи с винтовками явились и общими силами выгнали карателей. Шестнадцать человек вступило в схватку с целым отрядом, только трое чеченцев позже смогли уйти в лес, остальные пали в бою, но гостей не выдали и спасли раненого командира полка.

Жираслан ласково глянул на Мариам и спросил полусерьезно-полушутя:

— Если бы Дышнинский пришел сюда по мою душу, ты бы меня не выдала?

На милое матовое личико Мариам набежала тень, в ее душе что-то дрогнуло, в глазах появилась грусть:

— Как ты можешь сомневаться? Я не только чеченка. Я обязана тебе жизнью. Отец и мать дали мне ее, а ты — спас. Она твоя. — Мариам закрыла лицо руками, всхлипнула.

— Прости, дорогая, прости, ради бога. Я пошутил. — Жираслан сел на кровати, потянулся к руке Мариам...

Только перед самым рассветом в каморке, где скрывался Жираслан, погас свет. Снимая с головы повязку, он прощался с Мариам...

— Мой Геха, я не кидаю к твоим ногам белой шали. Я не хочу, чтобы ты очертя голову искал смерти. Береги себя, помни, в горах есть женщина, которой ты дорог. Я не забуду тебя, Геха. Я в долгу перед тобой и готова отдать свой долг. Ты только дай мне знать. Позови! Я буду тебе служанкой, буду ноги мыть, постель стелить, лечить тебя буду...

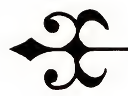
Жираслан вспомнил утро у дома Василия Петровича, когда старик просил доктора взять у него дочь. Неожиданные слезы душили Жираслана, и вот они уже покатились по щекам...

— Я дам о себе знать. Я позову... — прошептал он, а сам думал: «Что я тебе дам взамен?»

— Я буду ждать! Ты только позови...

Это была последняя их встреча.

Жираслан замотал голову башлыком и первый раз в жизни отправился пешком в дальнюю дорогу. Впрочем, он сам еще не знал, дальняя она или нет...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. КОНЕЦ ЭМИРАТА

Жираслан решил пробираться к Факри-паше, помня его обещание выручить князя в трудную минуту. Оттуда сравнительно просто можно было попасть в Тифлис, к Гиви Берулаве. «А там — снова заготовки скота, мяса, продовольствия, а там... видно будет»,— думал Жираслан, неспешным шагом идя по горной дороге. Важно было добраться до Пятигорска, а там и до Нальчика рукой подать, хотя Жираслан не думал возвращаться домой, чтобы не попасть в руки Клишбиева. Вблизи Пятигорска — скупочные пункты, наверняка появилось новое поголовье лошадей, не мешало бы посмотреть, какие скакуны идут для деникинских господ офицеров...

Вскоре Жираслана нагнали крестьянские подводы — местные горцы везли губернатору зерно и мясо, собранные у населения. Князь подсел на одну из них и ехал себе, делясь новостями с хозяином арбы, словоохотливым аварцем, не очень-то почтительно отзывавшимся об эмире и его мюридах-грабителях, появившихся на свет, как он говорил, когда дремали пророки. Обоз, состоявший из дюжины скрипучих арб, шел под конвоем, это устраивало Жираслана, опасавшегося нападения бандитов, а больше всего — самого Дышло-князя. Аварец помянул недобрым словом и Хабалу Бесленеева, приезжавшего в их аул, но князь не признался, что Хабала его соплеменник...

— Кто за что ратует — сам аллах не разберет. Все с бедного горца шкуру дерут, хоть рой себе могилу... — возмущался аварец в порыжевшей от времени смушковой папахе и рваной шубе, пестрящей множеством разновеликих латок, нашитых суровыми конопля-

ными нитками. — Думают, шкура все равно что рубаха. Одну снял — другую надел. Кругом война. Победитель придет — «давай», побежденный придет — «давай». Всем давай! А что давать? Земля одна. Один год — один урожай. Весна на носу, а зерна и на семена не осталось. Что будем сеять, если аллаху угодно будет, чтоб мы дожили до весенней поры? Слезы? Только слезы, больше сеять нечего. От слез урожай какой? Горе! Красные, говорят, идут. Они тоже скажут небось: «Давай, есть хотим». Что дадим? Ей-богу, к пустому столу придут. Пустой стол — доска. Хочешь вверх бросай — хлеба и мяса на ней не увидишь. Дышнинский все подмел. Говорят, сбежал теперь, соскучился по своей княгине...

— Откуда красные идут? — Жираслан делал вид, будто ничего не знает.

— Как откуда? Из России, видно, — из Астрахани, из Ростова.

— Турки их пустят?

— Турки! — возчик оглянулся на Жираслана, словно хотел удостовериться, не турок ли к нему подсел. — Турки хвосты коням накручивают, соображают, по какой тропе пятками сверкать. Красных боятся, как шайтан молитвы «ля-иллах, иль-аллах»...

За разговорами князь и не заметил, как добрались до горного аула. Всадники, ехавшие впереди, остановили обоз возле пристройки к мечети, служившей ссыпным пунктом.

Жираслан попрощался со своим попутчиком, пошел искать ночлега. Кроме того, он хотел купить лошадь на базаре, который соберется здесь завтра. «Красные идут, — думал Жираслан, — надо скорей израсходовать остаток грузинских денег, иначе будет поздно...»

В небольшом ауле, ставшем губернским центром и поэтому переполненном жандармами и чиновниками, Жираслан не сразу нашел себе ночлег. Наконец сторож ссыпного пункта, которому все равно надо было стоять у мечети всю ночь, повел его к себе и уступил старую деревянную кровать, застланную кошмой. В темной сакле, куда свет проникал только через приоткрытую дверь, было холодно и сыро. Пахло гнилью и чем-то прокисшим: видно, хозяйка на зиму засолила черемшу, запах дикого чеснока был нестер-

пим. Чтобы задобрить хозяина и хозяйку, Жираслан двум их сыновьям-близнецам лет пяти дал денег — купить по ситцевой рубашке. Глава семейства, пошевелив потрескавшимися, воспаленными губами, не возразил против такой платы за гостеприимство, а благодарная хозяйка недолго дала испуганным мальчишкам любоваться щедрым даром гостя, отобрала бумажки и спрятала.

От хозяина Жираслан узнал много нового: у Владикавказа шли бои, ингушский отряд красных партизан перекрыл Дарьяльское ущелье — ни туда, ни оттуда ходу нет. «Соберется базар, — сказал хозяин, — придут новые хабары-новости, сумей сам отличить правду от разной шелухи».

— Деньги нынче легче просяной шелухи, — сетовал хозяин. — Особливо бумажные. Золото, серебро берут. А в бумажных редко кто разбирается. Начинаются расспросы — мусульманские али царские? Грузинские али дагестанские? Кто в них поймет? Только грамотный человек.

Как бы оно ни было, деньги произвели хорошее впечатление на хозяина. А хозяйка тотчас развела огонь в очаге, повесила казанок с водой на очажную цепь и опустила ее на два-три звена ниже, чтобы вода закипела быстрей. В сакле пахнуло теплом. Жираслан подумал: опять повезло, он может переждать здесь денек-другой, за это время купит лошадь.

Пока хозяин и Жираслан перебрасывались новостями, хозяйка приготовила фасолевый суп, заправила его луком, подала на столик с куском кукурузного хлеба и зажгла светильник. За едой никто не проронил ни слова. После ужина гость улегся на кровать, а хозяин пошел на продсклад, проверив у дверей винтовку, — есть ли в ней патроны, — может быть, хотел похвастать тем, что он при оружии. Легли и дети, погас светильник, но запах черемши долго не давал Жираслану заснуть...

Базар собирался медленно. Жираслан узнал, что на деньги тут ничего не купишь, а менять ему нечего, разве только кинжал с поясом. Но с пустой поясницей он никогда еще не появлялся на людях. Князь ходил от одного к другому, пока на базаре не появились всадники на взмыленных конях. «Уж не за мной

ли? — встревожился Жираслан. — Неужели, Дышнинский?..» Люди стали прятать все выставленное для продажи, забегали, засуетились, кое-кто уже запрягал лошадь в двуколку, чтобы благополучно убраться домой, или вьючил поклажу на ишака.

Тем временем один из всадников забрался на арбу и, приставив ко рту обе ладони, чтобы слова звучали громче, во весь голос начал кричать, сообщая новости. Гомон затих, торговый люд поближе подходил к вестнику, который, как муэдзин, медленно поворачивался в разные стороны, повторяя одно и то же:

— Аллаху акбар! Имеющий уши пусть слышит! Имеющий уста пусть передаст другим! Аллах призвал к себе шейха Узуна-Хаджи Хаир-Хана, нашего высокочтимого эмира! Да будут райские кущи местом его вечного пребывания! Аминь!

В толпе отдавалось:

— Аминь!

— Аминь!

Весть, заставшая князя врасплох, поразила всех, — ничто не предвещало близкой смерти эмира, старик был вынослив, здоров, энергичен. «Что-то неладно», — подумал Жираслан, хотя знал, что эмир в почтенном возрасте; сколько ему лет — покойный сам не считал, а люди называли разное число: одни говорили девяносто девять, другие — семьдесят.

Всадник раза три прокричал с арбы, всколыхнул вестью базар. Теперь уже все в смятении, в тревоге за свою судьбу поспешили с базара домой, надеясь успеть на похороны. Поехал было назад и Жираслан на попутной двуколке... Но при выезде из аула столкнулся с тачанкой, на которой восседал... Якуб! Златокузнец явился на базар пополнить свой золотой и серебряный запас. Старые знакомцы обнялись, и князь остался с Якубом на околице селения, зная, что кузнец выложит ему все новости, которые привез из Ведено. Те, кто торопился с базара на похороны эмира, торопились напрасно. Узуна-Хаджи похоронили с неприличной поспешностью, в нарушение всех горских обычаев. После того как предали земле духовного вождя мусульман, жители Ведено разошлись по домам, обмениваясь тем, кто что у кого выудил и разузнал. Вокруг скоропостижной смерти Узуна-Хаджи ходили

разные слухи, вплоть до того, что эмир чуть ли не вознесся на небеса и что, мол, хоронили вовсе не его...

— Слышали звон, да не знают, где он, — усмехнулся Якуб, плотней усаживаясь на тачанке и давая место Жираслану. Застоявшиеся лошади беспокойно перебирали ногами, но на базар ехать не было смысла — какое серебро, какое золото, если скончался владыка эмирата! И Якуб добросовестно выкладывал князю все, что ему удалось узнать и услышать за эти дни.

Князь Дышнинский-Арсанукаев укатил, оказывается, не за хребет, а под крылышко к своему тестю князю Чхеидзе, в объятия княгини Ламары. Не мог он возвращаться к возлюбленной, как общипанный гусь! Он отправился в аул Старые Атаги к Ибрагиму Чуликову, да не сразу, а сначала подался к Факри-паше и просил примирить его с главой горского правительства Ибрагимом Чуликовым на взаимно приемлемых условиях, которые в изложении Дышнинского выглядели заманчиво: свержение, а скорей всего внезапная кончина, Узуна-Хаджи; эмиром, преемником эмирата провозглашается Ибрагим Чуликов; новый духовный вождь восстанавливает Дышнинского в правах, и они объявляют священную войну большевикам, поднимают горцев-мусульман под зеленое знамя с белым полумесяцем. По словам Якуба, сабля Шамиля, та самая сабля, о которой мечтал Узун-Хаджи, в руках Ибрагима Чуликова, хотя никакая реликвия не может превратить офицера царской армии в духовного вождя мусульман.

Тем не менее Ибрагим Чуликов, председатель контрреволюционного Атагинского совета, возглавляющий комитет по очищению Чечни от банд большевиков и Узуна-Хаджи, не мог упустить счастливый случай и не воспользоваться услугами бывшего фельдмаршала, переметнувшегося к нему, чтобы покончить с эмиром, стоявшим на пути Чуликова к достижению цели. Чуликов понял, что дальнейшее сотрудничество с бичераховцами, слугами Деникина, не сулит ему ничего хорошего. Нужно объединить вокруг себя горскую контрреволюцию, собрать отряды, верные Дышнинскому, силой добиваться самостоятельности горцев.

Примирение состоялось, союз Чуликова с Дышнинским обещал успех. Иналук, убегая, прихватил собранные по аулам мюридами шейха четыре миллиона руб-

лей керенками да сумму, в два раза большую, полученную от Англии. Все средства пустили в дело. Отыскались опытные турецкие военачальники, грузинские офицеры в отрядах имама Гоцинского, примкнувшего к союзу Чуликова и Дышнинского, — образовался тройственный союз. Имам Гоцинский на своем французском, хотя и с сильным аварским акцентом, вел переговоры с представителями Антанты. Из Турции в самый раз прибыл и ситец: каждому отряду расписали по шестьсот аршин ткани «в счет жалованья», и обещано было всем платить за службу только сукном, кожей и ситцем...

Факри-паша оказался неплохим посредником: Дышнинский простил Гоцинскому то, что он переметнулся было к Деникину, пытаясь из рук царского генерала получить власть, а Гоцинский простил князю попытку создать горскую исламскую республику без шейха Нажмутдина, прямого наследника Шамиля. Простили оба Чуликову уничтожение чеченских аулов, и все трое объявили себя братьями-мусульманами, готовыми сложить голову за ислам. Единственное условие, которое ставил Иналук, — порвать с Али Бамат Гиреем, чеченским сподвижником Нажмутдина, к которому Гоцинский обращался не иначе как со словами: «похожий на тигра, молодой, проворный, храбрый Хаджи-оглы из селения Автуры...» Факри-паша и здесь оказался на высоте: убедил Дышнинского, что Али Бамат Дышнинскому не соперник, а четвертый брат по оружию.

Чуликов с Дышнинским обнялись в знак полного примирения и обменялись саблями. Фельдмаршал (он еще именовал себя фельдмаршалом!) говорил о предательстве Узуна-Хаджи, якобы решившего подчинить свои войска Николаю Гикало, вступить в контакт с Серго Орджоникидзе, чтобы вымолить у Советов право на самоуправление. «Узун-Хаджи отстранил меня от поста главнокомандующего, все передал в руки Гикало», — возмущался Дышнинский и требовал не терять ни минуты, действовать, пока еще не поздно. Чуликов не сомневался в искренности Дышнинского, подставившего под удар деникинцев армию Гикало в районе Воздвиженской. «Братья» разработали план действий...

Жираслан, внимательно слушавший Якуба, перебил:

— Ты знаешь толк в саблях. Это действительно была сабля Шамиля? — спросил он, жалея, что поспешил уйти из Ведено в разгар самых горячих событий.

Якуб развел руками:

— Говорят... Я-то сам не видел. Знаю, Шамиль не любил ничего показного. Золото, слоновую кость называл мишурой, носил саблю обыкновенную, без украшений.

Златокузнец знал от отца, что клинок сабли Шамиля был из дамасской стали, ржа не приставала к ней, имам говорил: «Не оружие красит мужчину, мужчина красит оружие» — и этому правилу не изменял.

— Аллах с ней, с саблей, — возбужденно махнул рукой Якуб. — Главное, что Дышнинский явился в Ведено как раз к ночному саляту, он знал привычки эмира. Стража не хотела пускать его, фельдмаршал цыкнул, — мол, отойдите, болваны, видите: несу эмиру саблю Шамиля. А за фельдмаршалом — вооруженные люди, телохранитель эмира встал ему на дороге: «Не пущу!» — его тут же схватили — и каюк...

Вооруженные люди, которых послал Чуликов с Дышнинским, обезоружили наружную охрану, внутренняя состояла всего из двух человек. Дышнинский переступил порог без доклада, когда эмир стоял на коленях на козлиной шкурке, молился, держа руки перед собой, и не оглянулся на вошедшего, чтобы не нарушить священный ритуал. С губ старика срывались слова молитвы, обращенной к богу...

— Сабля Шамиля! — громко, со скрытым вызовом сказал Дышнинский. Узун-Хаджи не мог не узнать его голоса, однако даже сабля Шамиля не произвела впечатления на шейха. Узун-Хаджи спокойно положил поклон, коснувшись носом молитвенного коврика. Этого и ждал Дышнинский. Выхватив клинок из ножен, он взмахнул им и со всей силой резанул эмира по тонкой, морщинистой, поросшей редкими волосинками шее.

Мюриды завернули эмира в специально прихваченную для этого кошму, закатали, как в саван, перенесли в опочивальню и уложили на диван. Следы убийст-

ва уничтожили начисто, одежду эмира бросили в горящую печь. Когда примчался доктор, его не допустили до опочивальни, сказали «поздно», и доктор поспешно удалился.

Весть о смерти эмира облетела Ведено с быстротой молнии. Из близлежащих аулов собрали несколько стариков на похороны, на кладбище все сделали те же мюриды. Старики стояли полукругом, как в почетном карауле. Отыскался и мулла, прочитавший над телом Узуна-Хаджи суру из корана «я-син».

— Ты ходил?

— Гасан-гирей не разрешил. Он мне рассказывал, что хоронили эмира, как чумного. Ночью скончался — в полдень уже похороны, даже родственникам из рода покойника не удалось попрощаться, они примчались на взмыленных конях уже после похорон, к поминкам... Будь я на похоронах, больше бы знал. Жалею, что не попал...

— А Бесленеев?

— Не слыхал. Говорят, они с Гикало ведут наступление на Владикавказ и Грозный. Воздвиженку красные взяли. Белые бегут. Кое-кто из них за хребет бы подался, так все тропы перекрыты, — в общем, мышеловка, деваться им некуда...

Якуб не мог скрыть своего смятения, он понимал, что и ему пора убираться из Ведено, но куда? На тифлисском базаре его ларечек наверняка цел, но через хребет не попрешь, и угораздило же его попасть сюда!

Якуб не знал самого главного, о чем не знал и князь. Услышав о кончине эмира, Хабала Бесленеев с усиленной охраной примчался в Ведено из-под Грозного, где шли бои, выяснять обстоятельства смерти шейха, которая вызвала у него подозрения. Он учинил допрос тем, кто оставался из дворцовой стражи, всем, кто мог показать что-то важное. Их было немного — Дышнинский, кого смог, увел с собой. Глава уже не существующего правительства, Бесленеев приказал ночью вскрыть могилу эмира, не считаясь с запретом религии. В могиле тела не оказалось... Значит, эмир жив! Его могли выкрасть и увезти в горы, или же он сам скрылся заблаговременно, опасаясь за свою судьбу, — вот что мучило Бесленеева. Северо-Кавказский эмират словно провалился сквозь землю, и Бесленеев был со-

вершенно беспомощен. Бои под Грозным набирали силу, в горах ингуши объявили о создании своей горской республики — тут не до расследования! Вот-вот в Дагестан хлынет Красная Армия — через несколько дней на очередь станет вопрос о самоопределении горцев Кавказа, о восстановлении автономии народов, ликвидированной Деникиным. Бесленеев махнул рукой на судьбу эмира и умчался на фронт.

— Убийца улик не оставил. Чистая работа, — сделал вывод Жираслан. — Вот почему родилась легенда: шейх отправился на небеси... А как он ждал саблю Шамиля, будто его душа знала, чем кончится эта встреча...

— Смерть пророка...

Наступило молчание. И Якуб и Жираслан думали о своей судьбе. Дышнинский на свободе, и встреча с ним, пусть даже мгновенная, добром не кончится...

— А ты? Чего и кого ждешь? — Жираслан глянул на растерянного Якуба. — Придут большевики — думаешь закажут тебе другие монеты?

Якуб приподнял и опустил худые плечи:

— Куда мне? Я — птица в клетке.

Жираслан усмехнулся:

— Птица. Дверца в твоей клетке открылась. К тебе заберется кот... Мой тебе совет: улетай, пока не полетели с тебя перья.

— А ты?

— И я тут не задержусь.

2. ЕСТЬ ЛИ БРОД В ПУСТЫНЕ?

Какие же ветры ускорили перемену погоды в горах? Вспомнились дни, когда в Пятигорске свирепствовал еще не разоблаченный Сорокин, действовавший под личиной краскома. Он обвинил тогда Кирова, заявив, будто Сергей Миронович печется лишь о бесперебойном снабжении войск, сражающихся на Тереке, и лишает необходимой помощи кубанские войска, то есть армию

Сорокина. Бездоказательное, наглое это обвинение послужило поводом для отстранения от должности начальника астраханской опорной базы Красной Армии, а для Кирова дело чуть не кончилось трагически — на него было совершено покушение. Только проворство адъютанта, опередившего казака-сорокинца на секунду, спасло ему жизнь, и Киров тут же скрылся, чего не успели сделать его боевые соратники — члены крайкома партии и Северо-Кавказского совнаркома, ставшие жертвами бандитов.

Киров присоединился к одной из частей разрозненной 11-й армии, отступавшей к Астрахани через степи калмыков-кочевников. Отступали беспорядочно, на чем попало, а больше всего пешим ходом. Обладатели верблюдов, лошадей и волов вскоре убедились, что ехать верхом немногим легче, чем шагать на своих двоих, а счастливчики на автомобилях доехали только до Маныча, там кончилось горючее, пришлось и им топать дальше пешком в облаках пыли под немилосердно палящим солнцем.

В этой угрюмой степи было привольно только горькому ветру моряне, вызывавшему муторную сладость во рту, перехватывавшему дыхание. Моряна изматывала отступающих, пока не выдыхалась на бескрайних солончаковых просторах... Люди гибли от жажды и болезней, падал и скот, вдобавок ко всем бедам вспыхнула эпидемия тифа, не щадившая ни конных, ни пеших. К сладкому привкусу моряны добавился тошнотворный трупный запах. Меньше половины людей добрались до Астрахани, оказавшейся вскоре на стыке двух фронтов: колчаковского и деникинского.

Обо всем этом Киров доложил Ленину.

«Астрахань защищать до конца», — последовало указание Владимира Ильича.

— Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским, — заявил Сергей Миронович. Он понимал, какую роль играет Астрахань, опорная база революционного юга России, скала, разделяющая армии, угрожавшие Советской власти.

Ленин распорядился также организовать экспедицию в помощь Красной Армии на Северном Кавказе, выделив из резерва правительства боевую технику, сна-

ряжение, продовольствие, автотранспорт и пятьдесят миллионов рублей. Все это было погружено в два эшелона, отправившиеся из Москвы с Павелецкого вокзала в Царицын с небольшим интервалом. С первым эшелоном ехал Киров и на каждой станции получал сведения о движении второго эшелона. Из Царицына ценнейший груз был отправлен по воде на баржах «Матвей» и «Гурьев». Сергей Миронович понимал, как нелегко будет доставить снаряжение до места боев, но не предполагал, что сложности возникнут так быстро. Сторожевые корабли речной флотилии, отрезав баржам путь назад, потребовали сдачи транспорта, грозя в случае отказа потопить баржи. Киров, еще не знавший, что́ скрывается за этой ультимативностью, приказал красноармейцам шестого московского полка, сопровождавшим транспорт, не открывать огня без особого его распоряжения и выслал на берег разведчиков, которые вскоре вернулись с ошеломляющим известием: в Астрахани мятеж, восставшие арестовали представителей Советской власти...

Рискуя попасть в лапы мятежников, Киров тайком высадился на берег, пробрался в штаб речной флотилии (кое-кого из штабных работников он знал лично), который был на стороне мятежников, и, почти сутки проговорив с начальником штаба, склонил его к сотрудничеству и разработал вместе с ним план подавления мятежа и восстановления Советской власти в городе. Срочно были оповещены большевики на предприятиях (благо в вооружении недостатка не было), а ядром мгновенно сформированного отряда стали моряки речной флотилии. Чтобы вести о происходящих в городе событиях не проникли в близлежащие казачьи станицы, которые могли прийти на помощь мятежникам-белоказакам, шестой московский полк оцепил город со всех сторон и в течение трех суток не выпускал из Астрахани и не впускал в город ни единой души. Отряд большевиков и моряков был брошен на борьбу с мятежниками. Освобожденные из тюрьмы большевики сразу же присоединялись к отряду и после ожесточенной схватки подавили мятеж, не дав контрреволюционерам развернуться за пределами города.

Главная задача — подготовка к предстоящим

боям — была впереди. Усилиями Кирова в короткий срок была возрождена 11-я армия, считавшаяся похороненной в глухих степях. Она получила обмундирование, боевую технику и, обновленная и оснащенная всем необходимым, взяла направление на юг. В начале 1920 года после упорных боев армия овладела городом Святой Крест, чем немало способствовала разгрому Деникина, потерпевшего к тому времени крупные поражения у Ростова-на-Дону. Ободренные успехами красных войск, большевики-подпольщики подняли восстание в тылу у деникинцев. Получив первую сводку о победе, Сергей Миронович направил телеграмму Ленину, что передовые части 11-й армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу. 11-я армия, наносившая теперь смертельный удар деникинским полчищам с востока, пробивалась навстречу 12-й армии. Оставшееся боевое снаряжение, технику и деньги надо было немедленно доставить в район боевых действий на Северный Кавказ. Но как? Части 11-й армии ушли еще зимними дорогами, а теперь наступила весенняя распутица, и драгоценный груз, с нетерпением ожидаемый войсками Гикало, застрял на складах в Астрахани. Чтобы его вывезти, потребовались бы тысячи подвод... И Сергей Миронович невольно вспомнил половодье телег с больными и ранеными — полторы тысячи подвод в степях в августе 1918 года. Они шли в три-четыре ряда, не иссякая, словно овраги и холмы выбрасывали и глотали их. «Нет, гужевой транспорт не годится, — твердо решил Киров, — слишком долго будет идти, поспеем только к шапочному разбору, да и где взять столько тягла, когда на обновление ушло все? Надо попробовать автотранспорт!»

Напрасно его отговаривали, что, мол, по раскисшим солончаковым степям никакая автомашина не пройдет, увязнет и груз станет добычей бандитов, которыми кишат степи. С каждым днем набирало силу горячее дыхание весны, с полей уже сошел снег, на Волге вот-вот ожидали ледоход, но события, развернувшиеся на Северном Кавказе, торопили.

Автоколонна тронулась в путь, возглавляемая роскошным семиместным американским «патфиндером»,

в багажник которого были уложены ящики с деньгами. В лимузине ехали шофер и Киров. Он намеревался за несколько часов переправить машины через Волгу по не вскрывшемуся еще льду, по которому проходили сани, но уже с опаской, ибо местами лед прорвало и вода пошла поверху, предвещая близкий ледоход и весенние паводки. Первые десять верст после переправы были мучительными. Сергей Миронович надеялся, что дальше дорога будет лучше, но, наоборот, она становилась хуже и хуже. Колонна растянулась на целые версты, приходилось вытаскивать то одну, то другую машину, а «патфиндер», не приспособленный к такой дороге, приходилось волочить большей частью на буксире. До Кизляра, откуда рукой подать было до Гикало, оставалось верст двадцать, когда машины безнадежно забуксовали. Люди измучились, выбились из сил. Оставаться в степи было опасно, и Киров распорядился повернуть колонну обратно в Астрахань, перетащив свою бесценную поклажу на грузовик. «Патфиндер» пришлось бросить на дороге...

К вечеру десятки грузовиков остановились на высоком берегу Волги, заметно набухшей за день. Дорога, темневшая на льду, по которому еще утром экспедиция благополучно переправилась через реку, была пустынной. Киров, ехавший первым, ощутил, как пружинит лед под мощным напором паводка, как прогибается порой под тяжестью грузовика, чего не было утром. Мощному волжскому потоку стало тесно под ледовым панцирем. Киров, чуя опасность, открыл дверцу кабины, готовый в любую секунду выпрыгнуть из машины. Когда перед самым их носом треснул лед и в полынью хлынула вода, шофер резко затормозил. Грузовик, словно конь, которого осадили на скаку, стал дыбом, еще цепляясь передними колесами за ледяную кромку. Киров прыгнул, за ним — шофер. Машина опрокинулась, показав брюхо, исчезла в темной воде, оставив после себя опасный водоворот в разводьях льда.

Не одни сутки водолазы речной флотилии искали на дне разлившейся Волги ящики с деньгами. Они уходили даже под еще уцелевший лед, квадрат за квадратом прощупывали дно, затянутое илом. Грузовую машину нашли в двух верстах ниже по течению от

того места, где она провалилась, а ящики с деньгами в разных местах, словно река хотела упрятать их понадежней. Лишь небольшой слой купюр в туго перевязанных пачках промок.

Пока купюры сушили, пересчитывали и заново паковали, Киров обдумывал план доставки денег по назначению самолетом, проложив первую воздушную линию Астрахань — Пятигорск.

— Горцы говорят: «В пустыне брода нет». В этом мы убедились на своем горьком опыте, остается испытать воздушный транспорт, — говорил Киров тем, кто предостерегал его от опасности, таящейся в новой идее, подсказанной ему молодым летчиком из авиаотряда по связи с войсками. У летчика было необычное имя — Сократ, рожден он был, как сам говорил, для неба. Этот светловолосый парень, легко вступавший в контакт с любым человеком, осмелился возразить Кирову, сказав: «Брод есть и в огне, только надо его увидать» — и уверял, что он, Сократ Монастырев, знает, где в пустыне «брод», и предложил свои услуги.

— Мил человек, такой проводник мне и нужен,— обрадовался Сергей Миронович летчику, который только что доставил пакет из штаба Волжско-Каспийской военной флотилии.

— О чем разговор?! Три часа лета — и «здрасте, я — ваша тетя». Заправимся в Астрахани, пообедаем в ресторане «Кавказ».

— А вдруг предложат нам шрапнельную кашу на постном масле? Ведь лететь-то большей частью над территорией, занятой противником!

— Так лететь, а не фасонить перед калмыками-кочевниками. — Сократ говорил, как небожитель, опустившийся на землю. О его неодолимом характере ходили легенды — мол, упрямец, в небе не уступит дороги даже богу. Рассказывали о его «любовной атаке», которой он заставляет противника спланировать на землю где попало, а потом двадцатипятифунтовыми бомбами с поразительной точностью добивает. Белые окрестили тактику Монастырева «бешеной атакой».

Весеннее небо до горизонта было закрыто свинцовыми облаками. В любую минуту мог разразиться снег с дождем. В оврагах лениво раскачивался туман.

С утра у самолета «Фарсаль», охраняемого часовы-

ми, возились механики, готовя летательный аппарат к необычно длительному путешествию, подводили баланс горючего и груза. Задача усложнялась тем, что Сократ требовал положить еще «пару бомб на всякий случай», а это оказалось невозможным, поскольку баки заполнялись горючим всклень. У «Фарсаля», трепетавшего от ветра, Киров и Монастырев распрощались с провожающими, похлопали друг друга по спине, перебросились шутливыми фразами, и каждый занял свое место: Сократ переднюю кабину, Киров — заднюю. Запустили мотор — и мощный поток холодного воздуха ударил в лицо, Киров невольно пригнулся, прячась под козырек. Самолет, кренясь крыльями то вправо, то влево, недолго разбрызгивая льдистую грязь, оторвался от земли. Внизу махали шапками. Самолет сделал прощальный круг и лег на курс.

Показалась река Кума, ориентир в бескрайней степи. Сергею Мироновичу показалось, будто в степи темнеют остовы грузовиков, которые в августе 1918 года пришлось бросить у Маныча из-за нехватки горючего. Киров, рассматривая изгибы караванных троп, овраги, белесые солончаки, ежился от холода в открытой кабине, временами пытался кричать что-то Сократу, следившему по карте за курсом, но поток воздуха подхватывал слова, уносил назад.

Из-за встречного ветра на перелет уходило гораздо больше времени, чем думал Сократ, но гора Машук, глядевшая из-под свинцовых облаков, как мюрид из-под белой чалмы, намотанной на голову, словно давала знать, что Сократ летит по правильному маршруту. Оставалось найти ровную площадку у подножия, чтобы приземлиться. Сократ хотел было крикнуть Кирову, что скоро Пятигорск, но его внимание отвлекла вереница кавалерийских войск, двигавшихся от Минеральных Вод к Невинномысску. Встревожился и Киров.

— Белые? Деникинцы? — Сергей Миронович, показав Сократу на кавалерию, припоминал последние сводки, полученные с Северного Кавказа. — Может, повернем на Грозный, пока не поздно?

— А там кто — свои? — отвечал летчик. Киров с трудом разобрал эти слова. Сократ пошел на снижение, надеясь разглядеть какие-нибудь приметы, определить, что это за войска, но не успел он снизиться

и до пятисот метров, как конница бросилась врассыпную, всадники группами уносились кто в сторону гор, кто в степь, артиллерия на конной тяге замерла по обочине дороги в ожидании бомб.

— Отступают — значит, деникинцы! — пытался крикнуть Киров.

— Белый флаг! — от зоркого глаза Сократа не ускользнуло полотнище, развевавшееся на тачанке, где суетились у станкового пулемета солдаты, приводя его в положение для стрельбы по воздушным полям. Но Киров приказал Сократу не ввязываться ни в какие неприятности, ибо им важней всего было долететь до места целыми и невредимыми.

Уходя из огня, «Фарсаль» взмыл к кучевым облакам раньше, чем пулеметчики на земле успели открыть огонь. Только потом Киров узнал, что ему встретились тогда части бригады генерала Улагая, отступавшего к Новороссийску после неудачных боев. На склоне Машука Сократ облюбовал ровную, покатую площадку и плавно приземлился.

— Сергей Миронович, как теперь — есть в пустыне брод? — Летчик с трудом улыбался, довольный тем, что не оплошал и не нарушил директивы, хотя посиневшее от холода лицо едва поддавалось улыбке.

— У первопроходцев не может не быть брода, — пошутил Мироныч, перекидывая отекшую и замерзшую ногу через борт кабины, — и замер...

Со всех сторон к самолету бежали люди. И только заметив в толпе детей и женщин, Киров понял — опасности нет. Горцы бегут поглядеть на диковинку — самолет. От них, любопытных, можно узнать и новости. А новости оказались наилучшими...

3. ПАРАД ВОЙСК

Грозный был освобожден. Весть о победе красных повстанческих сил похоронила надежды горской контрреволюции. Остатки ее метнулись к Кавказскому хреб-

ту, перекрытому ингушами, преследуемые смертельным страхом. Беглецы отчаянно карабкались по скалам, по льду, погибали под снежными лавинами, замерзали на ледяных спусках. Тропы, закрытые на все замки зимними холодами, не успела открыть весна. Мартовское солнце было еще слишком слабым и неверным, весна запаздывала, снег еще не начинал таять. Единственная дорога была вдоль Каспийского моря, но партизанские отряды и Красная Армия отовсюду теснили деникинцев, английских, турецких оккупантов, азербайджанских муссаватистов, грузинских меньшевиков и местных газаватистов. Перекрыли они и эту дорогу. Дышнинский с горсткой приверженцев ушел в глубину гор, ввязался в борьбу с ингушами, которые не только отказали ему в традиционном гостеприимстве, но подожгли хвост его коню. «Тройственный союз» распался, князь застрял в узком ущелье, вокруг которого на ослепительно белых вершинах высились гигантские снежные папахи, готовые в любое мгновение обрушиться на него беспощадной лавиной.

Факри-паша исчез — может быть, и на английском самолете. Оставшаяся без командующего армия разбежалась по аулам. Солдаты не забыли прихватить все, что могло пригодиться, — винтовки, пулеметы и патроны, а то и пушки со снарядами и без снарядов. Непонадобившееся продавали или выменивали на скот, продукты и одежду.

В Назрани, в Ингушетии готовился всенародный праздник освобождения. Услышав об этом, Жираслан и Якуб отправились туда, чтобы встретиться с соплеменниками. Они прибыли на своей тачанке прямо к торжественному параду в честь победы. Полки готовились пройти церемониальным маршем. Жираслан искал глазами кабардинский кавалерийский полк, чтобы вместе с земляками промчаться рысью мимо наспех воздвигнутой на главной улице трибуны, но напрасно — полка здесь не было. Зато Жираслан узнал, где он: на паровозе из Владивостока прибыл Инал Маремканов и попросил у Гикало кабардинский полк, чтобы идти в Нальчик, куда раньше Инала прибыл Казгирей Матханов и провозгласил там Советскую власть. Гикало не только согласился на просьбу Маремканова, но приказал сопровождать потрепанные в мно-

годневных боях подразделения усиленным отрядом ингушей и чеченцев до самой границы с Кабардой. Предосторожность не была лишней: разрозненные части деникинской армии беспорядочно отступали, кабардинский полк мог попасть под удар белых, которым терять было нечего, они загоняли лошадей, чтобы успеть хотя бы на последний пароход, ходивший из Новороссийска или Туапсе. Туда, в жажде уйти от расправы, устремлялись остатки разгромленных войск Деникина.

Жираслану и Якубу оказали честь, пригласив их на трибуну, где командующий теперь революционными войсками Северного Кавказа Николай Гикало принимал парад. «На трибуне могли бы стоять более достойные люди», — подумал Жираслан, но, коль скоро пригласил сам Николай Федорович, князь не заставил себя упрашивать и впервые в жизни почувствовал ответственность не только за себя.

Рядом с трибуной жался куцый духовой оркестр из пленных белогвардейских музыкантов. На медных трубах играли солнечные блики. Накануне Николай Федорович приказал капельмейстеру — немолодому усатому прапорщику — разучить «Интернационал» и играть, пока войска не пройдут мимо трибуны. Приказ молодого командира поставил капельмейстера в тупик: музыканты не знали «Интернационала».

— Не знаете — выучить! На то вы и музыканты! — настаивал Николай Федорович. — Выучить!

— Рады бы выучить, нот нет, понимаете, нет у нас нот. Дайте ноты, выучим.

Гикало рассердился, сквозь очки сверкнули его гневные глаза:

— Без нот! На память. Играют же горские гармонисты. Они и в глаза нот не видели, даже букв не знают, а играют — не усидишь на месте, ноги сами плясать идут.

— Кто нам напоет мелодию? Не слыхал я «Интернационала» никогда, извините...

— Не слыхал «Интернационала»? — искренне удивился Гикало. — Да как же ты? В лесу живешь? «Интернационала» он не слыхал...

— Не слыхал, ей-богу, не слыхал. Запой кто-ни-

будь из нас «Интернационал», его тут же вздернули бы.

— Ну, а «Марсельезу» — французский гимн? — спросил командарм.

— «Марсельезу»? «Марсельезу», пожалуй, можно...

— Давай «Марсельезу»!

Теперь музыканты собрали вокруг себя толпу любопытных, все ждали, когда оркестр грянет музыку, под которую войска неудержимой лавиной идут в атаку...

Начало празднества задерживалось. Гикало то и дело поглядывал на часы, Жираслан тоже щеголял подарком Халиды Адиб. Чувствовалось, кого-то ждут. Капельмейстер, пожалуй, был единственный, кого устраивала задержка, каждый оркестрант усердно разучивал свою партию. Командиры частей тоже времени зря не тратили, старались придать более торжественный вид войскам.

Время шло, Гикало, посовещавшись с командирами, решил начать парад, пусть ингуши поглядят на боевые части, принесшие в горы победу. Гости запаздывают — не беда, попозже подъедут. Издали послышались команды: «К торжественному маршу, поэскадронно...»

Парад открыл духовой оркестр, шедший впереди колонны войск. Дойдя до трибуны, по знаку прапорщика оркестранты повернули направо, встали возле трибуны. Сам капельмейстер играл на кларнете и дирижировал, легонько взмахивая инструментом, не отрывая его от губ. Духовая музыка была горцам в диковинку, и никто не замечал фальши, все думали, что так и должно быть.

Гикало неутомимо, с энтузиазмом приветствовал проходящие войска, в ответ ему гремело многократное «ура»; он знал каждый отряд, каждого командира и, глядя на обносившихся до предела, полуголодных бойцов, на поредевшие отряды, невольно поражался тому, как они могли победить сытого, многочисленного, хорошо одетого и хорошо вооруженного врага. Весеннее солнце, духовая музыка, победа — все вызывало восторг, многие смахивали слезы. Мимо трибуны то и дело галопом проносились кавалерийские отряды, некоторые пели песню о Гикало... Горцы мчались, размахивая над головой саблями, словно врубаясь в отступающего в панике противника, тянули за собой длинное

«ура». Кто-то из них крикнул: «Слава полководцу Гикало!»— и Николай Федорович вскинул руку.

Войск в Назрани было не так уж много, колонны пехоты прошагали не очень стройно, но деловито, и их «ура» звучало мощней, слаженней, чем у кавалерии. Последними под «Марсельезу» прошли музыканты.

Собравшаяся вокруг трибуны толпа жаждала услышать, кто же теперь возглавит чеченцев, терских казаков, ингушей, осетин, кабардинцев, кто станет председателями революционных комитетов. Это им предстоит развязать запутанный узел земельных дел, территориальных притязаний, погасить огни вековых распрей и вражды и зажечь новые огни — просвещения горцев. Надо было «пересеивать» поля...

Толпа гудела, ожидание становилось нестерпимым. А на трибуне молчали...

Неожиданно сквозь толпу пробились джигиты на взмыленных лошадях, и один из них, с красной лентой на черной смушковой шапке, спешился и быстро засеменил горскими суконными ноговицами к трибуне.

— От Орджоникидзе я, к товарищу Гикало, — бросил он охране.

Николай Федорович крикнул с трибуны:

— Пропустите!

Невысокого роста джигит оглядел стоящих на трибуне, спросил:

— Кто есть Гикало?

— Я Гикало. — Николай Федорович повернулся к незнакомцу с тревогой.

— Николай тебя зовут?

Кто-то поправил:

— Николай Федорович.

Джигит запротестовал:

— Нет, мне сказали «найди Николая Гикало», никаких Федоровичей.

Гикало засмеялся, он знал: у горцев нет отчества, поэтому лишнее слово заставило гонца усомниться, что он нашел нужного человека.

— Надо Николай Гикало, — повторял гонец.

— Я — Николай Гикало и есть. Доложи, в чем дело?

— Понимаешь, едем мы поездом. Впереди идет бронепоезд. Не очень быстро. На хорошей лошади можно обогнать...

— Где Серго Орджоникидзе? — не вытерпел Гикало.

— Серго там. Не может ехать. Бандиты рельсы разобрали. Ремонт идет. Шпалы увезли на топливо. Ищут по полустанку. Из-под запасного пути выбирают. Бандиты стреляют, не дают исправить дорогу.

— Далеко?

— Верст пятнадцать отсюда. Серго просит подбросить шпал, штук сто хотя бы. На бронепоезде их оказалось маловато. И ремонтников-железнодорожников, если можно. Комиссар юга России приказал не мешкать.

— Сволочи чуликовцы. Их работа, — в сердцах сказал Гикало и обратился к охваченной волнением толпе: — О митинге мы объявим особо. Прошу разойтись. Обстоятельства заставляют прервать торжество...

Но народ не расходился, образовались круги вокруг гармонисток, начались искрометные ингушские танцы, а потом прямо на площади, во дворах и на улицах вспыхнули костры, над которыми повисли огромные чугунные котлы, в каждый из них помещалось по нескольку бараньих туш. Ингушки несли в кувшинах хмельной напиток — араку, лепешки из кукурузной муки, сыры, черемшу, — праздник освобождения разгорался. Гражданское население и бойцы повстанческих войск смешались, то и дело по обычаю горцев гремели выстрелы, если на круг выходил танцевать командир или уважаемый в ауле человек. Эти выстрелы уже никого не пугали. Гремела и духовая музыка, вокруг оркестрантов собрались толпы мальчишек. Назран до этой поры не знал такого веселья.

3. «БУДЕННЫЙ» № 1»

Единственный маневровый паровозик грозно зашипел и помчался в сторону Беслана, гулко катя две полуразвалившиеся платформы с рельсами, шпалами, костылями и необходимыми инструментами и, конеч-

но, бригадой ремонтников. Чуть раньше поезда вдоль екатерининской железной дороги помчался на коне Николай Гикало в сопровождении небольшого отряда джигитов и тачанки с Якубом и Жирасланом.

За полустанком пускал пары паровоз с четырьмя металлическими вагонами и двумя теплушками. Это была когда-то бронелетучка, превращенная белыми в бронепоезд с громким названием «Неделимая Россия». После того как бронепоезд был захвачен красными, надпись зачеркнули и сверху расплывшейся оранжевой краской крупно начертали — «Буденный» № 1».

Ремонтники вместе с бойцами чинили путь.

За бронепоездом, шедшим впереди для охраны, в некотором отдалении стоял поезд из трех классных вагонов и двух блиндированных платформ — одна впереди, другая сзади, с пулеметом и орудиями, защищенными толстыми стальными листами.

Гикало подскакал к среднему классному вагону, и Серго Орджоникидзе, в шинели нараспашку, в буденовке, увидев его, вышел ему навстречу.

Они обнялись и долго похлопывали друг друга по спине, радуясь встрече. Жираслан пристально разглядывал представителя Ленина, о котором был давно наслышан. Орджоникидзе был невысокого роста, крепко сбит, молод, но усы прибавляли ему лет, большие, выразительные глаза смело глядели из-под копны вьющихся волос. Он быстр в движениях, прост в обращении.

Серго, любимец горцев, знавший всех вожаков революционного движения на Северном Кавказе, тем более Николая Гикало, начал с шутливого упрека:

— Ты что, друг любезный, зовешь в гости, а дорогу разрываешь? Как к тебе ехать? «Полководец наш Гикало боевой!»

— Вчера была цела. Поезда ходили, — оправдывался Николай Федорович в том же тоне, едва скрывая свое смущение. Гость отлично знал, кто виноват в этом. — С утра вас ждем. Войска выведены для парада. Народ собрался. Я так и думал: что-то случилось.

— Послал бы кого-нибудь.

— Куда? С чем? Ничего не было известно, пока

гонцы не прискакали, — оправдывался командарм. — Банды кругом!

— Да, банд тут хватает. Разобрать рельсы — не самое худшее. Я тут расставил посты вокруг поездов. — Орджоникидзе показал рукой, и только сейчас Гикало заметил огневые точки. — Говорят, твой союзничек приказал долго жить. Та́к это? Или желаемое выдают за действительность?

— Это о ком?

— О ком же? Об Узуне-Хаджи Хаир-Хане.

Николай Федорович усмехнулся:

— Я разобраться не успел. Грозный брал. Отбил телеграмму в Пятигорск Кирову — и сюда. Нам бы быстрей в Петровск. По моим данным, там столпотворение. Скопилось поездов с эвакуирующимся населением, с войсками — жуть! Дорога на Дербент взорвана. Сущая мышеловка. Туда бы на бронепоезде. — Николай Гикало глянул в сторону полустанка, откуда доносилось шипенье паровоза. — Союзничек вроде крепкий был, на здоровье не жаловался — и на тебе!

— Вовремя умереть тоже надо уметь, — засмеялся Серго. — Арба эмирата опрокинулась и эмира прихлопнула.

— Да. Не удалось ему разоружить меня! Не столько ему, сколько его правой руке — Дышнинскому. Придется нам с ним еще скрестить мечи. Того и гляди, объявится где-нибудь в горах. Газаватом на нас пойдет, прощелыга.

Серго бросил нетерпеливый взгляд в сторону железной дороги. Бойцы засыпа́ли воронки от взрывов щебнем, укладывали шпалы, рельсы, забивали костыли.

— У войны свои хвосты. Не все враги успеют вовремя скрыться. Сломали хребет Деникину, остальное — дело времени,— махнул рукой Серго.

— Поменялись местами: раньше мы были в горах, они на равнине, теперь наоборот, — заливисто смеялся Гикало. — Не долго придется им сидеть в горах! В пещерах не очень уютно. Но выковыривать их оттуда придется. Ну и ладно! — Гикало переменил тему: — На полустанке народу собралось — не сосчитать! Из аулов, станиц, сел. Как они узнали, что ты приедешь, ума не приложу. Предлагаю поехать верхами до полустанка. Лошади есть. Пока дорогу восстановят, пого-

ворим с народом. Правду хотят люди знать. Не все верят, что наша взяла. Как, Серго?

— Не возражаю.

Орджоникидзе легко сел в седло, и они направились к полустанку, где собралось множество людей, которые давно бы двинулись к поезду, но цепь бойцов сдерживала их.

Орджоникидзе и Гикало ехали рядом. Чуть сзади — Жираслан, которого приняли за краскома из отряда Гикало. Жираслан куда больше мог рассказать об обстоятельствах гибели Узуна-Хаджи, но молчал. Да его и не спрашивали об этом. Вдруг движение остановилось, хотя никто команды не подавал. Жираслан слегка опередил Гикало, считая себя в эту минуту ответственным за жизнь Николая Федоровича, поскольку тот оказал ему доверие, взяв с собой в дорогу, на которой их подстерегала опасность. Толпа, собравшаяся у полустанка, шарахнулась в сторону, уступая место всадникам, мчавшимся на взмыленных конях со стороны гор. Жираслан своим орлиным глазом угадал во всаднике, ехавшем впереди, Ибрагима Чуликова. На его плечах развевалась черная бурка. Полы разошлись, виднелась черкеска с полным набором газырей, на поясе висел кинжал, сработанный златокузнецами аула Кубачи, из-под бурки торчала черная рукоять сабли. Рядом с Чуликовым скакал Дышнинский, закутанный башлыком так, чтоб его было не узнать; но ни бурка, ни башлык не могли скрыть от Жираслана Дышло-князя, прискакавшего сюда на Арабкане.

Когда расстояние до Орджоникидзе и Гикало сократилось до полусотни шагов, Ибрагим Чуликов театральным жестом, хотя никогда не был ни на одном спектакле, поднял на ходу плетку наподобие маршальского жезла, воображая себя все еще вершителем судеб народов Северного Кавказа. Второй его жеребец дышал раздутыми ноздрями, обдавая всадника облаком пара. Дышнинский уступил ему право вести переговоры.

Иналук Арсанукаев, конечно, узнал Жираслана и наверняка жалел, что не успел расправиться с ним, но делал вид, будто он из свиты, сопровождающей Ибрагима Чуликова.

— Вот так встреча! — сказал Николай Гикало.

— Кто это? — спросил Серго. — Не им ли мы обязаны тем, что теряем здесь время?

— Вполне возможно.

Расстояние между всадниками со стороны гор и отрядом Орджоникидзе и Гикало сократилось до двадцати шагов.

— Остановитесь, пришельцы! — крикнул Чуликов, осадив вороного. За ним выстроились остальные всадники.

— «Пришельцы», слышишь? — тихо сказал Гикало. Не будь рядом Орджоникидзе, он не задумываясь разрядил бы маузер, уложил предателя, на совести которого уничтожение аулов, предательство революционных отрядов... Ясно, кто разобрал рельсы за полустанком, прервал путь бронепоезда.

Жираслан и не смотрел на Ибрагима Чуликова, которому в свое время продал не один десяток элитных скакунов; сейчас его интересовал только всадник, закутанный в белый башлык, под которым виднелась каракулевая папаха, и золотистый цвет ее напоминал папаху Дышнинского. «Арабкан, ко мне!» — хотелось крикнуть Жираслану.

— Мы и так остановились по твоей милости. — Серго оглянулся и не столько на железнодорожников, ремонтировавших путь, сколько из желания обратить внимание Чуликова на бронепоезд, готовый в любую секунду обрушить шквал огня на противника.

Чуликов с трудом переводил дыхание.

— Я, Ибрагим Чуликов, готов любым способом защищать народы гор, которые я люблю, которым я предан...

— Которых ты предал, так точней, — в ответ бросил Гикало.

— Неправда! Я не предавал, я принял присягу на верность. Присяги я не нарушил! Я не хочу, чтобы горские народы стали зерном между двумя жерновами, были превращены в муку и ветер развеял бы ее. В борьбе держав горцы погибнут, их сотрут в порошок. Нам нет дела до России или Англии. Горцам нет дела, кто в России правит: царь Николай, Керенский или Советы. Вы — пришлые. Оставьте нас! Один аллах нам защита. Мы поднимаем знамя имама Шамиля, с саблей Шамиля в руке мы поведем горцев Кавказа на священ-

ную войну за нашу веру, свободу и земли отцов. Мы готовы ко всему: погибнуть в бою с именем аллаха на устах — желанная смерть для мусульманина. Мы не боимся и вашего бронепоезда... Я, Ибрагим Чуликов, от имени народов гор даю вам двадцать четыре часа срока, чтобы вы покинули пределы Кавказа, иначе будет объявлен газават, священная война, в которой погибнут все, но никто из нас не покорится...

Стоявший позади Чуликова белобородый мулла воздел руки к небу и молвил:

— Устами Ибрагима говорит пророк Магомет!

Всадники сгрудились вокруг Чуликова и Дышнинского, готовые по первому сигналу броситься в атаку с саблями наголо. «Бронепоезд не откроет огня по своим, когда все смешается, можно будет покончить с главарями большевизма»,— думал Дышнинский. Но на толпу горцев, окружавших большевиков, угроза Чуликова не подействовала. Серго Орджоникидзе выехал на несколько шагов вперед, заговорил горячо, убежденно:

— Оставим аллаха и пророка Магомета в покое. Мы не на небе — на земле. А вы хотите превратить землю отцов в ад своим газаватом. Бывший глава Атагинского комитета, не жалея сил, зазывал на Кавказ англичан, турок, немцев, французов. Что они принесли народам гор? Не они ли сожгли аулы, перебили чеченцев, ингушей, их жен и детей за то, что те приютили у себя большевиков? Не они ли уничтожили аулы вдоль железной дороги на Гудермес? Не они ли понаставили виселиц в аулах? Не на их ли совести смерть малых детей ваших, отцов и матерей? Кто завалил трупами балки, дороги в ущельях? Эти и другие злодеяния дело рук тех, кого вы позвали сюда под видом защиты от большевизма. Значит, и на твоей совести, Ибрагим Чуликов, жизни десятков тысяч людей. Может ли устами такого подлеца, как ты, говорить пророк Магомет? Не может! Здесь каждый камень обвиняет тебя! Каждая травинка проклинает тебя. На всем неотмщенная кровь невинных людей! Горе и позор женщине, родившей тебя, горе и позор земле, по которой ты ходишь! — Голос Серго достиг наивысшего накала, каждое слово ударяло в сердца горцев. Пока Орджоникидзе говорил, по одному, по

два всадника отделялись от когорты Ибрагима Чуликова и поворачивали назад. Свита таяла.

— Я, чрезвычайный комиссар Юга России, Серго Орджоникидзе, — в голосе Серго зазвучал металл, — ценю твою дерзость, бывший глава бывшего контрреволюционного комитета. Ты щедр, даешь нам двадцать четыре часа — целые сутки, чтобы мы убрались отсюда. Мы не такие щедрые, — Серго сделал паузу, глянул на Гикало. — Я даю тебе двадцать четыре минуты, чтобы ты убрался к тем, кому служил, чтобы твоя нога не позорила земли горцев. Моими устами говорит не пророк Магомет, моими устами говорят трудящиеся горцы, говорят они, — Серго Орджоникидзе показал на Гикало, красноармейцев, партизан, на жителей аулов. — За двадцать четыре минуты можно умчаться далеко... Не теряй драгоценного времени!

Чуликов повернул и галопом помчался в сторону гор, увлекая за собой Дышнинского и горстку верных ему всадников. Жираслан глянул им вслед, бросил взгляд по сторонам. Долго размышлять и объяснять свой поступок было некогда. Дорога каждая секунда. Он с ходу рванул за горсткой всадников, мчавшейся галопом в сторону гор. Но они только сделали вид, будто возвращаются в горы. Едва сгустились сумерки, они повернули в сторону железной дороги, снова намереваясь разобрать ее. Бандиты полагали, что Орджоникидзе и Гикало из-за ремонта будут долго митинговать на полустанке, где собралась огромная толпа. Но не успели они вытащить и трех костылей, как послышался гул на рельсах. Во мгле показался бронепоезд, свет его фонаря, освещавшего путь.

Чуликов скомандовал «По коням!», и его шайка исчезла в темноте. Это было на руку Жираслану, преследовавшему бандитов. Он присоединился к ним так, что никто и не заметил появления неизвестного всадника. Жираслан держался поближе к Дышнинскому. Вдруг со стороны шедшего на малой скорости бронепоезда раздались пулеметные очереди, и всадники пришпорили лошадей. До этого Чуликов сдерживал бег, чтобы не загнать коней... Раздался пушечный выстрел, потом еще и еще. Снаряды рвались близко, кони шарахались. «Заметили нас», — подумал Чуликов.

Жираслан воспользовался паникой, подобрался со-

всем вплотную к Дышнинскому и излюбленным приемом, мгновенно приподняв его левое стремя, выкинул своего врага из седла. «Арабкан!» — позвал он коня, на скаку пересел на него и, держа за поводья лошадь, на которой он догнал банду, повернул назад. Чуликовцы думали, что он ведет коня всаднику, выпавшему из седла, но Жираслан и не думал о судьбе Дышнинского. Он завладел Арабканом! Чуть тронув скакуна плеткой, он через несколько минут только смутно слышал удалявшиеся вопли Дышнинского...

Топот копыт двух мчащихся лошадей поглощала глухая мгла, во мгле стук поездов, кудахтанье пулеметов, выстрелы орудий. Жираслан несся, не зная, куда теперь направить путь, чувствуя такое одиночество, будто не Дышнинский вылетел из седла, а он, князь Жираслан, остался недвижимый в темноте, не нужный никому. Вернуться в Кабарду? Податься в Грузию к Гиви Берулаве?.. Нет, не будет он больше заготавливать продукты для господ...

Жираслан поехал шагом. Арабкан сам выбирал дорогу, седок не поворачивал скакуна ни вправо, к железной дороге, ни влево, где над темными облаками белели горные вершины, словно головы красавиц, повязанные платками белого шелка. «Как у Мариам», — подумал князь. Над горами поднималась большая круглая луна, желтая, словно латунная. «Позови меня, я приду...» — вспомнил Жираслан. Она придет, в этом нет сомнения, но что он может дать ей? Жираслан глянул вокруг, ничего не было видно. Он ехал на Арабкане, на великолепном коне, который узнал своего давнего седока и шел широким шагом, временами оглядываясь назад, будто удостоверяясь в том, что несет на себе прежнего хозяина.

СОДЕРЖАНИЕ

Алим Пшемахович Кешоков

САБЛЯ ДЛЯ ЭМИРА

М., «Советский писатель», 1982, 416 стр.
План выпуска 1981 г. № 267

Редактор *Л. М. Анисов*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редакторы *Е. П. Румянцева* и *Г. В. Климушкина*
Корректор *А. В. Полякова*

ИБ № 2676

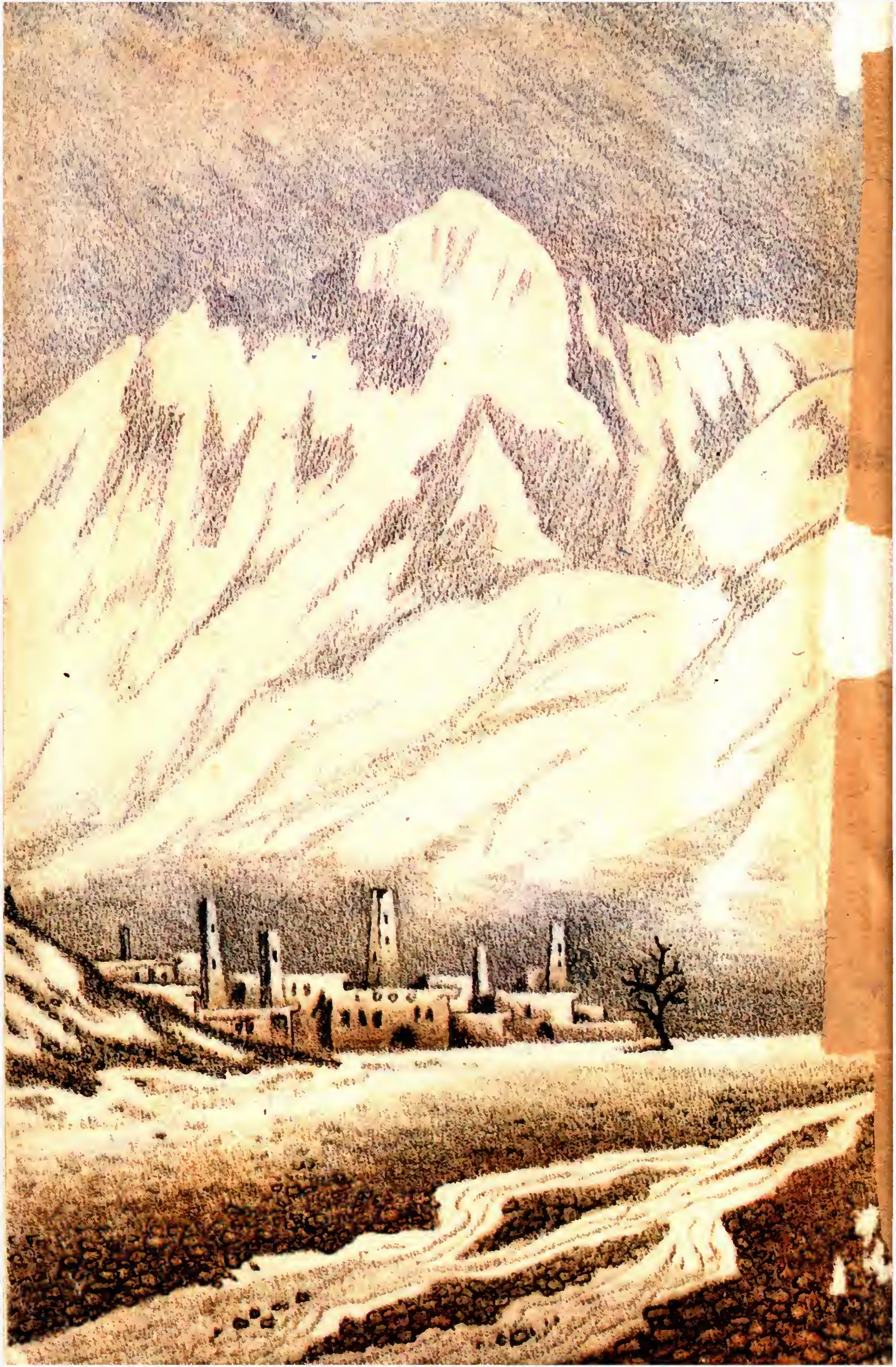
Сдано в набор 08.09.81. Подписано к печати 19.04.82. А08658. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Школьная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 22,40. Тираж 30 000 экз. Заказ № 516. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5

3

АЛИМ
КЕШОКОВ

САБЛЯ
АЛИ ЭМИРА